

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Г. Н. МАКАРОВ, В. Д. РЯГОЕВ

ОБРАЗЦЫ КАРЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

ГОВОРЫ
ЛИВВИКОВСКОГО ДИАЛЕКТА
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД • 1969

Ответственный редактор
А. П. БАРАНЦЕВ

7—1—3
244—69 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник текстов продолжает серию публикаций материалов на диалектах карельского языка. Книга аналогичного содержания — говоры карел Калининской области, подготовленная в Петрозаводском Институте языка, литературы и истории АН СССР одним из авторов данного сборника, — вышла в 1963 г.¹ На год раньше в Академии наук Эстонской ССР вышел очерк П. Ю. Пальмеос «Валдайский говор карельского языка», содержащий более ста текстов на собственно карельском диалекте с переводом на эстонский язык.² В изданиях Финно-угорского общества в Финляндии в 1963—1964 гг. опубликовано три тома текстов людиковского диалекта карельского языка (с переводом на финский язык), записанных проф. Пертти Виртаранта от одного рассказчика.³

В настоящем сборнике представлены говоры ливвиковского диалекта, распространенного в южных районах Карельской АССР (на юг от села Вохтозеро, немногим севернее 62°), и около десятка карельских деревень Лодейнопольского района Ленинградской области (см. схематическую карту на стр. 278).

Ливвики (или олонечкие карелы) стали объектом научного изучения примерно с середины прошлого века. Вопросы истории и культуры, языка и народного творчества карел-ливвиков рассмотрены в ряде исторических, этнографических и филологических исследований дореволюционного и советского времени.⁴

¹ Г. Н. Макаров. Образцы карельской речи (говоры калининских карел), М.—Л., 1962.

² P. P a l m e o s. Karjala Valdai murrak. Tallinn, 1962. Grammatika, стр. 7—77, Tekstid, стр. 78—222.

³ Lyydiläisiä tekstejä. I—III. Kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta. Suomalais-ugrilainen seura. T. I. Helsinki, 1963, 453 стр.; т. II, 1963, 319 стр.; т. III, 1964, 402 стр. (См. рец.: Aimo Turunen. Lyydiläismurteiden uudet kielennäytteet, Virittäjä, 1964, стр. 319—322).

⁴ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940; С. Гадзяцкий. Карелия и карелы в Новгородское время. Петрозаводск, 1941; Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XIV—XVII вв. Петро-

а также в трудах финляндских исследователей.⁵ В конце XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в. финляндские языковеды и фольклористы интенсивно собирали и публиковали материалы по языку и народному творчеству карел, в том числе ливвиков (по финляндской терминологии *aunuksen karjalaiset* «олонецкие карелы»). Часть текстовых материалов появилась в сборниках серии «Старинные руны финского народа»⁶ и «Образцы речи карельского языка»⁷. Из исследований, посвященных ливвиковскому диалекту или рассматривающих этот диалект в связи с другими говорами карельского языка, следует указать на работы: А. Генетц «Исследование по языку Олонца»,⁸ Х. Оянсуу «История фонетики олонецкого диалекта карельского языка»,⁹ Й. Куйола «Исследование по фонетике говора Салми»,¹⁰ Л. Хакулинен, Я. Калима, Т. Э. Утила. «Пособие по диалектологии восточно-карельских диалектов»,¹¹ Э. Лескинен. «Система гласных туломозерского говора»; его же: «История восточной Карелии в свете языковых исследований»,¹² Пекка Похьянвало. «Словарь салминского говора карельского языка»,¹³ Х. Лескинен. «Историческая фонетика северо-восточных ладожских говоров [карельского языка], I. Согласные»; его же: «Восточные говоры

заводск, 1947; Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; И. П. Шаскольский. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1951, № 2. А. С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1947; Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957; т. II, 1964; В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса. Т. I. М.—Л., 1960; т. II, 1962; Р. Ф. Тарова. Материальная культура карел (Карельская АССР), М.—Л., 1965.

⁵ Heikki Kirkinen. Karjala Idän kulttuuripiirissä (Bysantian ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan). Helsinki, 1963; см. также: Ю. Сураксо. Карелы в современной этнографической литературе Финляндии, Советская этнография, 1966, № 2, стр. 151—160.

⁶ Suomen kansan vanhat runot. II. Aunuksen, Tverin ja Nowgorodin karjalan runot. Julkaissut R. Niemi. Helsinki, 1927, стр. 1—651.

⁷ Karjalan kielen näytteitä. II. Aunuksen ja Raja-Karjalan murteita. Julkaissut Eino Leskinen. Helsinki, 1934. (См. рец. Д. В. Бубриха на книгу в сб. «Язык и мышление», т. VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 301—304).

⁸ A. Genetz. Tutkimus Aunuksen kielestä. Suomi. II. 17, Helsinki, 1885.

⁹ Heikki Ojansuu. Karjala-ainuksen äännehistoria. Helsinki, 1918.
¹⁰ Joh. Kujola. Äänneopillinen tutkimus Salmin murteesta. Helsinki, 1910.

¹¹ L. Hakulinen, J. Kalima, T. E. Uotila. Itä-Karjalan murreopas. Helsinki, 1942.

¹² Eino Leskinen. 1) Tulemajärven murteen vokalizmi. Helsinki, 1933; 2) Itä-Karjalan historia kielentutkimuksen valossa. Historian aitta. 8, Jyväskylä, 1938.

¹³ Pekka Pohjanvalo. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1947; Täydennysosa, Helsinki, 1950.

финского языка в период между средними веками и новым временем». ¹⁴

Первые печатные тексты на ливвиковском диалекте относятся к началу прошлого века. Это «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» (1804 г.). В 1870 г. в Петербурге был напечатан «Карело-русский молитвенник для православных карелов», составленный и изданный Е. П. Тихоновым. По орфографии лучшим печатным изданием прошлого века на карельском языке принято считать «Начало христианского учения на карельском и русском языках» А. Логиновского (1882 г.). Карельская часть отражает языковые особенности говора сямозерских карел, т. е. ливвиков. В 1907 г. в Выборге было основано «Карельское православное братство», которое в целях сохранения своей паствы в Финляндии приняло энергичные меры для публикации религиозных книг на ливвиковских говорах финляндских карел и выпустило до 30 названий книжек религиозного содержания. ¹⁵ Во многих изданиях имеются параллельные тексты на русском и карельском языках. Для учителей карельских школ Олонецкой губернии в эти годы было издано два небольших русско-карельских словаря на людиковском и ливвиковском диалектах (говоры сязтозерский и олонецкий). ¹⁶

В 1936—1937 гг. в Карельской АССР делались первые шаги по созданию литературного карельского языка. Под руководством Д. В. Бубриха разрабатывались нормы единой карельской письменности, им же была написана грамматика литературного карельского языка. В предисловии к ней автор писал: «Для литературного языка отобраны и связаны в единую систему явления, наиболее устраивающие всех карел, к каким бы наречиям эти явления ни принадлежали. Построенный таким образом литературный язык немногим отличается от того литературного языка, который существует с 1931 г. в Калининской области для обслуживания карел, говорящих на калининском наречии». ¹⁷ Языковые нормы единой карельской письменности в последующем неодно-

---

¹⁴ Heikki Leskinen. 1) Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki, 1963. (См. рец.: Ruoppila V., Virittäjä, 1964, № 1, стр. 75—77); 2) Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. Virittäjä, 1964 № 2, стр. 97—115.

¹⁵ Подробный перечень этих изданий приводится в работе: Eino Leskinen. Zur Geschichte der Forschungen über die karelische Sprache und karelisch geschriebenen Literatur. «Studia Fennica», III, 1936, стр. 161—168.

¹⁶ Русско-карельский словарь. Составил учитель Сязтозерского одноклассного училища М. Д. Георгиевский. [Редактор словаря академик Ф. Ф. Фортунатов]. СПб., 1908, 53 стр.; Русско-карельский словарь. Составил учитель Видлицкого училища Виктор Королев. Выборг, 1913, 74 стр.

¹⁷ Д. В. Бубрих. Грамматика карельского языка. (Фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937, стр. 3.

кратно уточнялись и видоизменялись с ориентацией на особенности ливвиковского диалекта.¹⁸

С 1938 по 1940 г. в Карельской АССР на начинающем формироваться литературном карельском языке издавался литературно-художественный журнал «Карелия» и выходили республиканская и ряд районных газет. Кроме того, было издано до 200 названий переводных книг и брошюр на карельском языке.

Особенно интенсивное собирание языковых материалов по карельским диалектам, а также произведений устного карельского народного творчества в эти годы вел Карельский научно-исследовательский институт культуры (ныне Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР).

Деятельность эта прервалась в связи с Отечественной войной 1941—1945 гг. и возобновилась уже по возвращении Института из эвакуации. К счастью, все собранные материалы и архивы удалось сохранить. Еще до войны была начата публикация отдельных материалов и исследований, эта работа продолжена и в последующие годы. Издан ряд важных исследований.¹⁹

Настоящий сборник текстов составлен в основном из материалов, записанных составителями в последние 4—5 лет. Вместе с тем, авторы сочли своим долгом, храня память о тех, кто делал первые шаги на поприще исследования карельского языка, вклю-

---

¹⁸ Деятельность Д. В. Бурриха по созданию норм литературного карельского языка освещена А. П. Баранцевым в статье «Карельская письменность». См. в сб.: «Прибалтийско-финское языкознание», Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 89—104, 116—125.

¹⁹ Д. В. Б у р р и х. Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск, 1937; 2-е изд., дополненное при участии Н. А. Анисимова, Е. Н. Симаковой, Н. И. Богданова, 1946; К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка. Изв. Карело-Финской науч.-исслед. базы АН СССР, 1947, № 1—2, стр. 118—123; А н и с и м о в Н. А. Карельскойн кизлен грамматика. Ч. 1. Фонетика и морфология, Петрозаводск, 1939; Р и г о е в А. Г. и С е р г е е в М. Е. Карельскойн кизлен грамматика. Ч. 2. Синтаксис. Петрозаводск, 1939; Итку-виррет Ленинах нэх. Петрозаводск, 1939; Карелиян эшчискойт паёт. Состуави Ив. Пожлаков. Петрозаводск, 1939; Карельскойт ванханайгазет рахвахан паёт. Сборникка 1. Состуавиттих Ф. С. Титкова и К. Ф. Степшева. Петрозаводск, 1939; Песни народов Карело-Финской ССР. Сборник карельских, вепских и русских песен. Составили В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941 [на русском и карельском языках]; Е в с е е в В. Я. Карельские варианты пушкинских сказок. Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1949, № 3, стр. 75—88; Карельские эшчиские песни. Предисловие, подготовка текстов и комментарий В. Я. Евсеева, М.—Л., 1950 [на русском и карельском языках]; Карельский фольклор. Новые записки. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В. Евсеева. Петрозаводск, 1949; В. Я. Евсеева. Исторические основы карело-финского эпоса. М.—Л. Т. I. 1957; т. II, 1961; Г. Н. М а к а р о в. Карельские пословицы, поговорки и загадки. Петрозаводск, 1959; У. С. К о н к к а. Карельские народные сказки. М.—Л., 1963; У. С. К о н к к а, А. С. Т у п и ц ы н а. Карельские народные сказки. Южная Карелия. Л., 1967.

чить также тексты, записанные в довоенное время. Многие сотрудники Карельского научно-исследовательского института культуры тогда только начинали свою научную деятельность, совмещая ее с учебой в Петрозаводском педагогическом институте. Великая Отечественная война прервала их работу, не всем им, к сожалению, довелось вернуться с фронта и продолжить начатый труд.

В сборнике дается также значительное количество материалов и записи одного из лучших знатоков карельского языка, бывшего научного сотрудника сектора языкознания Института Н. А. Анисимова (1891—1960). Основная часть текстов записана носителями диалектов (записи Н. А. Анисимова, К. Е. Гуляшовой, А. А. Митрофановой, В. Д. Рягоева, Г. Н. Макарова), остальные — участниками лингвистических и фольклорных экспедиций в 1936—1939 гг. Основная же масса текстов расшифрована с магнитофонных записей. Подавляющее большинство расшифровок, так же как и все переводы, произведены составителями.

По содержанию тексты представляют собой рассказы о повседневной жизни и занятиях сельского жителя. Отдельные виды этих занятий (подсечно земледелие, выгонка кустарным способом дегтя и смолы, выработка в домашних условиях кожи, выращивание и ручная обработка льна и т. п.) уже исчезли или находятся на стадии исчезновения. Многие из рассказчиков, от которых записаны публикуемые тексты, сами занимались этими промыслами или видели, как это делали их отцы и деды. Поэтому содержание таких текстов может быть интересным и для этнографов, изучающих быт и материальную культуру данной группы карельского населения. Форма передачи рассказов — живая речь, расшифрованная с магнитофонных лент, — представляет собой ценный материал для языковедческих исследований.²⁰

Кроме рассказов о рыбной ловле, охоте, изготовлении предметов крестьянского быта из разных сподручных материалов и т. п., в сборнике приводится описание различных сельских обычаев и обрядов. Публикуются и образцы устного народного творчества: причитания, песни, сказки, частушки, пословицы, поговорки, загадки и др., которые делают книгу полезной и для фольклористов. На карельском языке в числе документов времен гражданской войны здесь приводится и факсимиле листовки-обращения «К трудовому народу всей земли». Листовка отражает особенности олонечного говора. (См. стр. 17).

В сборниках текстов в первую очередь имеется в виду воспроизведение характерных особенностей того или иного языка, его диалектов и говоров с наибольшим охватом бытовой и произа-

---

²⁰ Отметим, кстати, что публикуемые нами тексты коткозерского говора использованы в качестве иллюстративного материала при составлении «Словаря ливвиговского диалекта карельского языка».

водственной лексики крестьянской жизни. Поэтому при расположении материала за основу взят принцип языковой, а не тематической или жанровой близости.

Предлагаемый читателю сборник открывается текстами, записанными на самом юге распространения ливвиковского диалекта карельского языка — в Лодейнопольском районе Ленинградской области в деревнях Карельская, Филипповская и др., известных под общим именем Лодейнопольские Кондуши (в отличие от Видлицких или Пограничных Кондуш на территории Карельской АССР).

Кондуши — это большое село, объединявшее до войны около 20 деревень, в значительной части карельских (Ристухиэру, Сьюрю, Рюттю, Чуппу, Аншойлу, Похьяйне, Карьяжиен хиэру и др.). Все эти, а также русские деревни, которые сейчас вместо прежнего «Кондуши» официально объединены под общим названием «Андреевщина», расположены примерно в 20 км к северу от Лодейного Поля, недалеко от бывш. Александро-Свирского монастыря. Этот островок карельских деревень среди русских образовался, по всей вероятности, в XVII в., при массовом «выходе» карел из Корельского уезда (т. е. с Карельского перешейка) в результате русско-шведской войны 1656—1658 гг. и предыдущих событий. Как отмечают историки, некоторое количество карельских выходцев «из-за шведского рубежа жило на землях Соловецкого монастыря, в его поморских вотчинах. . . , а также на землях других карельских монастырей и в особенности Александро-Свирского, находящегося поблизости от Олонца. Многие карелы, жившие в землях Александро-Свирского монастыря, не сразу порядились за монастырь, а жили в разных местах. . .».²¹ Одним из таких мест как раз могли оказаться выше перечисленные деревни Лодейнопольских Кондушей, или Андреевщины.

Тексты на кондушском говоре, записанные среди карел, проживающих на территории Ленинградской области, насколько нам известно, ранее нигде и никем не публиковались.

За образцами кондушского говора в сборнике помещены тексты, записанные на территории южных районов Карельской АССР, граничащих с людиковскими говорами. Самым северным пунктом ливвиковских говоров, как уже указывалось выше, является село Вохтозеро бывш. Петровского, ныне Кондопожского района.

Все тексты в сборнике переведены на русский язык. Переводы в ряде случаев приближаются к подстрочному, так как имеется в виду показать особенности грамматического строя диалекта. В подстрочном, а не в художественном переводе даны и

---

²¹ См. А. С. Ж е р б и н. Переселение карел на русские земли в первой половине и середине XVII в. Канд. дисс., 1951. (Рукопись хранится в Архиве Петрозаводского Института ЯЛИ АН СССР), стр. 254.

поэтические произведения устного народного творчества (причитания, частушки, песни). По этому принципу, как правило, даны переводы пословиц и поговорок. Дословный перевод отдельных оборотов речи дается в круглых скобках с кавычками; в круглых же скобках, без кавычек даются замечания рассказчика. Объяснения собирателя (записывающего) или замечания составителей, вводимые для уточнения смысла перевода, даются в квадратных скобках. Тексты, как и в предыдущем сборнике по говорам калининских карел, печатаются с соблюдением основных положений финно-угорской транскрипции. Необходимо отметить только, что *ii* (двойное *i*) обозначает не долгий гласный, а дифтонг, например: *minä tul'iin* 'я пришел', *éomii lapsii* 'красивых детей'. Долгие гласные *ā, ä, ö, õ, ē* имеются только в видлицком и туломозерском говорах ливвиковского диалекта, в других говорах они заменились дифтонгами.²² В транскрипции, как правило, не отмечаются позиционные варианты фонем. В связанной речи конечные звуки предшествующего слова обычно претерпевают ряд изменений: если последующее слово начинается с гласного или звонкого согласного, то конечный глухой согласный озвончается: *kawniž* (< *kawniis*) *velgu makajen* 'долг платежом красен', *täz* (< *täs*) *näit* 'тут видишь'. В предшествующем слове конечный гласный может отпасть перед гласным последующего слова: *k_on, kon* (< *ku on*) *mil ostua* 'коли есть на что купить'. Конечный согласный может также ассимилироваться с первым согласным последующего слова, например при некоторых послелогах. Поэтому послелоги *luo* 'к' и *sah* 'до' в силу ассимиляции звуков перешли в падежные форманты *-luo* (*-lüö*), *-sah* (*-säh*) и пишутся слитно: *kojilluo* (< *kojin luo*) 'у дома', *kül'ül'üö* (< *kül'ün luo*) 'у бани', *huondekessah* (< *huondekseh sah*) 'до утра', *ehtässäh* (< *ehtäh sah*) 'до вечера'.²³

В целях точной передачи языковых особенностей в необходимых случаях тексты (особенно записи довоенных лет) дополнительно проверены с жителями той деревни, где произведена запись. Каждому тексту предшествует «паспорт», в котором указывается фамилия, имя, отчество и возраст рассказчика. Указывается название деревни (при возможности дается и карельское название), район, в некоторых случаях и сельский совет, если несколько деревень в одном районе имеют одинаковые названия. Приводятся фамилия и инициалы собирателей и год записи. Отмечается также место хранения полевых материалов.

²² См. В. Д. Смирнова-Бубрих. Основная линия развития долгих гласных первого слога в карельском языке. Изв. Карело-Финской науч.-исслед. базы АН СССР, № 4, 1948, стр. 84—86.

²³ З. М. Дубровина. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках. Вестник Ленингр. ун-та, 1958, № 14, Л., стр. 69—86.

Диалекты карельского языка между собою различаются по конечной огласовке слов, по степени распространения чередования ступеней согласных, рядом фонетических, грамматических и лексических особенностей, которые иногда переходят междиалектные границы.²⁴

В каждом диалекте выделяется еще по несколько говоров.

1. Наиболее яркой фонетической особенностью северных говоров собственно карельского диалекта является отсутствие звонких согласных *g, b, d, z, ž* (на их месте здесь *k, p, t, s, š*): *reki* вместо *regi* 'сани', *apu* вместо *abu* 'помощь', *pata* вместо *pada* 'горшок', *vaša* вместо *važa*, *vaza* 'теленок'.

2. Чередование согласных наиболее полно представлено в собственно карельском диалекте. В нем имеет место количественное и качественное чередование: *kk ~ k, pp ~ p, tt ~ t, čč ~ č; ld ~ ll, nd ~ nn, rd ~ rr, mb ~ mm, ht ~ h, hr ~ h, st ~ šš* во всех положениях; в ливвиковском диалекте при количественном чередовании нет качественного чередования далее второго слога слова в сочетаниях *nd, rd, mb* и нигде не чередуются сочетания *ht, hk, st*. В людиковском же диалекте имеет место лишь количественное чередование: *kk ~ k, pp ~ p, tt ~ t*. Сравни:

Собственно карельское	Ливвиковское	Людиковское	
<i>akka ~ akan</i>	<i>akku ~ akan</i>	<i>akk ~ akan</i>	'жена'
<i>šappi ~ šapin</i>	<i>sappi ~ sapin</i>	<i>sapp ~ sapin</i>	'желчь'
<i>šoitto ~ šoitton</i>	<i>soitto ~ soiton</i>	<i>soitt ~ soiton</i>	'гармонь'
<i>halgo ~ hallon</i>	<i>halgo ~ hallon</i>	<i>halg ~ halgon</i>	'полено'
<i>puhaldua ~ puhallan</i>	<i>puhaldua ~ puhaldan</i>	<i>puhalta ~ puhaldan</i>	'дуть'
<i>istuo ~ issun</i>	<i>istuo ~ istun</i>	<i>istuda ~ istun</i>	'сидеть'
<i>matka ~ matan</i>	<i>matku ~ matkan</i>	<i>matk ~ matkan</i>	'путь'

3. Очень сложно, в зависимости от фонетического окружения, поставлено употребление свистящих *z, s* и шипящих *ž, š*. Основные положения этого явления следующие: в части южных говоров собственно карельского диалекта и во всех говорах ливвиковского диалекта в положении после *-i-* встречаются всегда *ž* и *š*: *ližä* 'добавка', *iskōw* 'ударит', *laiska* или *lašku* 'ленивый'; в собственно карельском диалекте в этом положении выступают свистящие *z, s*, соответственно: *li'izä, iskōw, laiska*; то же самое и в не первых словах перед *i*: *veži* 'вода', *kaži* 'кошка', *ükši* 'один'.

В ливвиковских говорах, а также в говорах средней Карелии и в весьегонском говоре Калининской области (собственно карель-

²⁴ См. А. А. Б е л я к о в. Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР. Тр. Карельского филиала АН СССР, вып. XII, Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958, стр. 49—62.

ский диалект) в словах переднего вокализма в начале слова выступают свистящие (šieñi 'гриб', šel'gü 'спина'), в других говорах этого диалекта на их месте — шипящие (šieñi, šel'gä).²⁵

4. Во всех собственно карельских говорах сохраняются первичные -а, -ä в конце слова; в ливвиковском же диалекте во всех многосложных словах, а также в словах с двухсложной основой на -а, -ä с предшествующим закрытым слогом и слогом, оканчивающимся на дифтонг (adra- 'соха', ižändä- 'хозяин', koiga- 'собака'), в конце слова появляется -и или ü. Подобная же закономерность имеет место и в падежном показателе партитива и эссива.²⁶ В большинстве людиковских говоров, а также в кондушском (Лодейное Поле) говоре ливвиковского диалекта эти гласные или отпадают, или переходят в -е или -о, -ö:

Собственно карельский	Ливвиковский	Людиковский	Кондушский	
huaba	huabu	huabe	huabo	'осина'
vihaža	vihažu	vuhaž	vihaže	'злой'
ižänd'a	ižändü	ižänd	ižändö	'хозяин'
šuwfi	suwri	suuf	suwre	'большой'

5. Своеобразно в разных диалектах представлены и возвратные формы глаголов. Сравни спряжение глагола «умываться»:

Ливвиковский и людиковский		Собственно карельский	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е. pezemöš	pezemökseh	pežiečen	pežiečemmä
2-е. pezetöš	pezetökseh	pežiečet	pežiečet't'ä
3-е. pezeheze	peštäheze	pežiečöw	pežiečet'äh

6. В собственно карельском диалекте имеется три внутренне-местных падежа: инессив, элатив и иллатив и два внешне-местных падежа: аблатив и адессив (аллатив совпал с адессивом). В ливвиковском и людиковском диалектах нет элатива (он совпал с инессивом) и нет аблатива (он совпал с адессивом):

	Собственно карельский	Ливвиковский	Людиковский	
Инессив	pellošša	pellos	peldos	'в поле'
Элатив	pellošta	(pellos päi)	(peldos piäi)	'из поля'
Иллатив	peldoh	peldoh	peldoh	'в поле'

²⁵ Д. В. Б у б р и х. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение, I.1948, стр. 129—159.

²⁶ Н. А. А н и с и м о в. Конечные гласные и согласные в формах номинатива единственного числа в карельском говоре села Коткозеро. Советское финно-угроведение, V. Петрозаводск, 1949, стр. 99—122.

Адессив	pellolla	pellol	peldol	'на поле'
Аблатив	pellolda	(pellol päi)	(peldol päi)	'с поля'
Аллатив	(pellolla)	pellole	peldole	'на поле'

7. Имеется также ряд отличий в формах личных местоимений, в падежных окончаниях, в суффиксах условного и повелительного наклонений, в формах послелогов и в лексике. Приведем ниже лишь ряд междиалектных лексических отличий:

Ливвиковский	Людиковский	Собственно карельский	
juosta	d'uosta	hüpät'ä	'бежать'
räkki	räkk	ägie	'жарко'
čondžoi	sonzar	kirppu	'блоха'
ähkäta	l'ükkäittä	l'ükät'ä	'толкать'
el'l'endiä	el'getä	malttua	'понимать'
virtüttiä	prizorzuttada	šuwvella	'сглазить'
sangei	d'äred	ložie	'толстый'
hurai	hurad	važen	'левый'
kielastua	muanittada	valehella	'лгать'
kudžu	poig	pendu	'щенок'
suwttuo	verduda	šiänd'üö	'рассердиться'

В ливвиковском диалекте, тексты которого представлены в настоящем сборнике, различается несколько говоров, отличающихся главным образом на основании ряда фонетических (в некоторых случаях и лексических) особенностей, притом разные говоры не дают резко очерченных изоглосс. В сравнительном плане эти говоры пока еще никем не исследованы.²⁷ Богатый материал для такого исследования представлен в упомянутых выше «Программах», заполненных для диалектологического атласа карельского языка. Анализ материала дан в комментариях к атласу, составленных А. А. Беляковым.²⁸ Ниже в общих чертах укажем только на самые яркие отличительные особенности кондушского говора, так как, насколько мы знаем, об этом говоре нигде еще письменно не сообщалось. Вполне возможно, что карелы, которые сейчас сами себя называют «ливвиками», именуют себя так по аналогии с ближайшими их соседями — ливвиками Олонецкого района. Язык же кондушских карел, да и топонимика, имеет

²⁷ Две сравнительные таблицы, показывающие различия гласных туломозерского говора и говоров деревень Салми, Импилахти, Суоярви, Сямозеро, Ведлозеро, Коткозеро и Рыпушкала (Неккула), приведены в работе Эйно Лескинена (Eino Leskinen. Tulemajärven murteen vokalismi. Helsinki, 1933, стр. 14—17).

²⁸ См.: Д. В. Бубрих, А. А. Беляков. Диалектологический атлас карельского языка, т. I. Комментарии. (Рукопись). 1956, Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 43, ед. хр. 307, стр. 1—169.

много общих черт с собственно карелами, в частности с карелами Весьегонского района Калининской области, а в некоторых деталях совпадает с говорами людиковского диалекта (особенно в огласовке конечных гласных). Остальные же говоры ливвиковского диалекта (условно называемые нами по наименованию крупного населенного пункта: олонецкий, видлицкий, тулоозерский, вохтозерский) уже в какой-то мере фигурировали в научной литературе, и поэтому в отношении их ограничиваемся только ссылками на соответствующую литературу.

Кондушский говор (деревни: Карьяжет, Похьяйне, Сюрью, Рюттю, Чуппу, Аншойлу; Ристухиэру) характерен своеобразным употреблением дифтонга ja на месте ua в других говорах на территории Карелии. В прошлом веке финляндский языковед А. Генетц в работе «Исследование о языке русской Карелии» (Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä, 1880, стр. 166) отмечал наличие дифтонга ja юго-восточнее оз. Сегозеро, хотя не привел ни одного текста с данным явлением. В настоящее время дифтонг ja в данной местности не зафиксирован.²⁹ Этот дифтонг встречается в весьегонском говоре и в ряде деревень Лихославльского района Калининской области.³⁰

Кондушский	Весьегонский и лихославльский	Олонецкий	
rjado	rjado	ruado	'работа'
čjaju	čjaju	čuaju	'чай'
mjamo	mjamo	muamo	'мама'

Отличается этот говор и употреблением конечных гласных: там где в других говорах ливвиковского диалекта выступают -u, -ü, а в говорах собственно карельского диалекта -a, -ä, в кондушском говоре употребляется -o, -e. Этой особенностью данный говор совпадает с некоторыми говорами людиковского диалекта, сравни говоры:

Кондушский	Людиковские	Олонецкий	Собственно карельские	
ristikanzo	ristikanze	ristikanzu	ristikanza	'человек'
vävvo	vävve	vävvi	vävvi	'зять'
hiero	kül'	hieru	kül'ä	'деревня'
suwre	suuf	suwri	šuwri	'большой'
hiän tul'e	hiäi tul'i	häi tul'i	hiän tul'i	'он пришел'

²⁹ Там же, стр. 59.

³⁰ Г. Н. Макаров. Образцы карельской речи (говоры калининских карел). М.—Л., 1963, стр. 6—8, 157—170.

Вместо дифтонга oi в кондушском говоре выступает гласный u: ajuimmo (pro: ajoimmo) 'мы ехали', hiän andu (pro: andoi) 'он дал', tarpu (pro: tarpoi) 'он убил' и т. д.

Интересно в этом говоре употребление среднего гласного i (очень близкого к русскому «ы») в слове kodj 'дом'. Насколько нам известно, такое употребление i ни в одном из говоров карельского языка не зафиксировано.

Подробная характеристика перечисленных выше особенностей говоров и выяснение причин возникновения этих отличий — дело будущего. Публикуемые ниже тексты могут послужить материалом для подобного рода исследований.

Институт и составители считают своим долгом выразить глубокую благодарность всем, кто в той или иной форме своим трудом и участием способствует делу сохранения для науки памятников языковой и духовной культуры карельского народа.

Г. Н. Макаров

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

1. Ruado rahvahale kaiken muan¹

müö küzüimmö njidü, kudamat tullah meijän piäl'e voinar kel'e: «midä tütö meis tahtotto: pidäwgo teil'e mittumat tahto-meijän l'innat, muat? pidäw teil'e d'engua, pidäw stobi müö maksazimmo teile vellat, pidäwgo teile valdu avata Rošien südämes luabrikkoï da zavodoi, vai pidäw teile meijän meččü da muabohatstvut?». hot' meil i jugei on, no müö može-bjt' kui tahto i luad'immokseh teijän kel'e, vai anduatto meile miiru, anduatto meile valdu luad'ie oma elo-aigu, kui müö iče sidä tahtommo.

---

¹ Настоящая листовка в 2-х экземплярах машинописи обнаружена в Центральном Государственном архиве Карельской АССР, в Деле Олонецкого губернского военного комиссариата (Олонгубвоенкомат), агитационно-просветительный отдел: «Телеграммы с уездов, доклады и сведения об организации коллективов коммунистов, о политическом положении в уездах, о работе агитационно-вербовочных отделений при Уездвоенкоматах... Начато 31 декабря 1918 г. Окончено 30 мая 1919 года». Ф. 573 р. 1918 г., оп. 1, д. 26/241, л. 365).

Карельский текст представляет собою второй или третий экземпляры копий. Листовка напечатана минимум дважды на пишущей машинке, так как в Деле имеется два разных экземпляра на тонкой бумаге. Оба экземпляра наклеены на толстую бумагу по {обеим} сторонам. Доказательством того, что листовки являются копиями отдельных закладок, являются неодинаковые ошибки. По содержанию такие опечатки мог допустить человек, практически не владеющий карельским языком или владеющий им слабо. В архивном Деле второй экземпляр принят архивариусом за копию первого и очевидно поэтому перечеркнут карандашом как «лишний».

История этой листовки не нашла еще отражения в литературе, хотя сама листовка может представлять большой интерес для историков. Фотокопия этого документа без комментария и перевода опубликована в сборнике документов и материалов «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918—1919» (Петрозаводск, 1964, стр. 68) с подписью «Обращение Олонецкого губернского комитета РКП(б) к трудящимся-карелам (на карельском языке)».

Обращение это написано на ливвиковском диалекте, по всей вероятности, кем-либо из политработников фронта, владевшим этим говором, скорее всего говором Олонца. К языковому анализу этого агитационного документа мы намерены вернуться специально в другой связи. (Примечание составителя, — Г. М.).

no midä müö heil ni күзүиммө, midä müö heil ni тарицииммо, vastavustu emmo suannuh. i kummoksie ei midä ole, hūö ei voija kohti sanuo, čto heil muudu ni midä ei pie, ku-vai ottua valdu ruadajoil da krest'janoil kázis iäre, heil pidāw valdu meijān piäl', kaiken ruadu rahvahan piäl'. heil' pidāv muat, heil' pidāw zavodat, štobi krest'janat da ruadajat ruattas heil'e 12 [kaksintostu] da 18 [kaheksintostu] čuassulojn suutkis, a dohodat gu taldas heile, pomeščiekoile da d'engakkahil'e.

Heil' pidāw moižet nalogat, čtobi көүһү müöš dostal'in hevон grossahizes hinnas, tul'is ruadamah hänel'l'eh, d'engakkahalle.

A čtobi se muga ol'is, kui hūö tahtotah, kixse pidāw heil' riähkähüttii Sovetskoi vlast'i, hävittii bol'seviekkojen duhu.

Vot mindäh hūö ammutah kaikkii bol'seviekoj, kudamat ni midä muvdu ei tahtota ku-vai andua ristittüžien jütüs elo-aigu kaikile ruadaile.

«Kai ruado rahvahalle, ni midä ruadamattomille — vierahan ruavon sūöjile» — vot kui sanotah bol'seviekat.

Tovariššu: jesl'i sinä olet pravdu mies, omil kázil, omal piäl' oman ičen i oman perehen sūöttäjü, sinä l'ähtet meijān kansah, a et meil'e vastah.

Äl'ä usko kielahil'e oficieroile, hūö sinun verel tahtotah ostua ičel'l'eh kebjembi elo-aigu.

1. Руало [руадо] рахвахалле кайкен муан ²

Муö [мүö] күзюйммө нийду, кудаMAT туллах мейян пийле войнан келе: «Мидä түү мейс тахтотто? Пидāv гө [Пидāvго] тейле миттумат тахта [тахто] мейян линнат, муат? Пидāv[го] тейле деньгуа? Пидāv[го], чтобы мүö максазиммо [максажиммо] тейле веллат? Пидāvго тейле валду авата Росиэн сюдәмес фуабрикой [фуабрикой] да заводой? Вай пидāv тейле мейян мечю да муабохатстват? Хоть мейл и югей он, но мүö може-быть куй-тахто и луадиммоксех тейян келе, вай андуатто мейле мийру, андуатто мейле валду луадие ома эло-айгу муга, куй мүö иче сидя [сидя] тахтоммо.

Но мидä мүö хейл ни күзюйммо [күзюйммө], мидä мүö хейл ни таричийммо, ваставусту эммо хейс суаннух. И куммоксиэ [куммаксиэ] эй мидя [мидя] олэ: хүү эй войя кохти [кохты] сануо, что хейл мууду ни мидя эй пие, ку-вай оттуа валду руадаейл [руадаейл] да крестьянойл кязис иäre, хейл пидāv [пидāv] валду мейян пийль [пийль] кайкен руадо [руадо] рахвахан пийл, хейл пидāvь [пидāvь] муат, хейл пидāv заводат, чтобы крестьянат да руадаят руаттас [руатташ] хейле 12 да 18 чаусулойн [чуассулойн] сууткис, а до-

² В скобках дана соответствующая диалекту морфологическая форма и исправлена явная опечатка. Написание сложных слов и исправления в пунктуации не оговорены; не напечатанные буквы в правой стороне листа восстановлены по второму (зачеркнутому) экземпляру.

ЗАДАЧА НА ПЕРВУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Дана последовательность чисел $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$.
Найти сумму $S_n = a_1 + a_2 + a_3 + \dots + a_n$.

Решение: Пусть S_n — сумма первых n членов.
Тогда $S_n = a_1 + a_2 + a_3 + \dots + a_n$.
Сложим это равенство с тем же равенством, записанным в обратном порядке:
 $S_n = a_n + a_{n-1} + a_{n-2} + \dots + a_1$.
Сложив почленно, получим $2S_n = (a_1 + a_n) + (a_2 + a_{n-1}) + \dots + (a_n + a_1)$.
Так как $a_1 + a_n = a_2 + a_{n-1} = \dots = a_n + a_1$, то $2S_n = n(a_1 + a_n)$.
Отсюда $S_n = \frac{n(a_1 + a_n)}{2}$.

Пример: Найти сумму $1 + 2 + 3 + \dots + 100$.

Решение: По формуле $S_n = \frac{n(a_1 + a_n)}{2}$ получим $S_{100} = \frac{100(1 + 100)}{2} = 5050$.

Задача: Найти сумму $1 + 3 + 5 + \dots + 2n-1$.

Решение: По формуле $S_n = \frac{n(a_1 + a_n)}{2}$ получим $S_n = \frac{n(1 + 2n-1)}{2} = n^2$.

Задача: Найти сумму $1 + 2 + 3 + \dots + n$.

Решение: По формуле $S_n = \frac{n(a_1 + a_n)}{2}$ получим $S_n = \frac{n(1 + n)}{2}$.

13-
11
Кравченко
В. Д. Рягов

ходат гу тулдас [тулдаш] хейле — помещиэкойле да деньгакахиле [деньгаккахиле].

Хейл пидāv мойжет налогат, чтобы кōүху'' [кōүхү] мүйшь досталин хевон грошпахижес хиннас, тулиш [тулишь] руадамах хәнеллех, деньгаккахалле.

А чтобы се муга олись [олишь], куй хүө тахтотат, сиксе пидāv хейл рийхкәхутийә [рийхкәхүттийә] Советской власти, хәвитийә большевиэккоен [большевиэкойн] духу [дууху].

Вот мидәх [миндәх] хүө аммутах кайккий большевиэкой [большевиэккой], кудамаг ни мидә мууду эй тахтотта [тахтота], ку-вай андуа риститтуйжиэн ютүс эло-айгу кайкиле руадаиле.

«Кай руадорахвахалле, ни мидә руадаматгомилле — виерахан [виэрахан] руавон сүөиле!». — вот куй санотат большевиэкат.

Товаришшу! Если синя [синя] олет правду миэс, омил кязил, омал пийәл оман ичен и оман перехен сүөттәю, синя [синя] ләхтет мейян кансах [келе], а эт мейле вастах!

Аля [әля] уско кизәлахиле официэройле, хүө синун верел тахтотат остуа ичеллех кебъемби эло-айгу!

1. К трудовому народу всей земли

Мы спрашивали тех, которые идут на нас войной: «Что вы от нас хотите? Нужны ли вам какие-либо наши города, земли; Нужны вам деньги? Надо, чтобы мы заплатили вам долги? Нужна ли вам свобода открыть внутри России фабрики и заводы, или нужен вам наш лес и нужны богатства земли?». Хоть нам и тяжело, но мы может быть как-нибудь и договоримся с вами, только дайте нам мир, дайте нам волю построить свою жизнь так, как мы сами хотим это сделать.

Но что бы мы у них ни спрашивали, что бы мы им ни предлагали, ответа от них мы не получили. И не удивительно, они не могут прямо сказать нам, что им ничего другого не надо, кроме как отобрать власть из рук рабочих и крестьян. Им нужна власть над нами, над всем трудящимся народом. Им нужны земли, им нужны заводы, чтобы крестьяне и рабочие работали на них по 12 и 18 часов в сутки, а доходы бы шли им, помещикам и богачам.

Им нужны такие налоги, чтобы заставить бедняка продать последнюю лошадь и за грошовую цену идти работать к нему, богачу.

А чтобы так было, как они хотят, для этого им надо свергнуть Советскую власть, уничтожить большевистский дух. . .

Вот почему они расстреливают всех большевиков, которые ничего другого не хотят, кроме как обеспечить всем трудящимся человеческую жизнь. «Все должно быть предоставлено трудящемуся народу, ничего не давать тем, кто не работает, кто сосет чужую кровь!» — вот как говорят большевики.

Товарищ, если ты человек правды, если ты своими руками, своей головой кормишь себя и свою семью, ты пойдешь с нами, а не против нас!

Не верь лживым офицерам, они твоей кровью хотят купить себе легкую жизнь.

Рябкова Анастасия Матвеевна, 65 лет, дер. Лутково (Luttõla) Лодейнопольского района Ленинградской области. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/2).

2. kui müö kozvatilmmo pelvastu

kačo, ennepäi mjan rjaduimmo: küñniimmö, ast'ivoičiimmo, müöst'in, toizen kerran küñniimmö. sit siemeniimmö pelvahan. pelvas vähäzel kazvui, nonga ei pitkäkse, četvert'ištü, sit müö hänen kütkiimmö. kütkiimmö, sit kazvui häi hätken d'o otandassah. siten müö otiimmo, ned riibiimö čül'küt, siemenet — sie toizekse vuottu. da vedeh pañiimmo. nedäl'in-kaksi müö ve, es piimmo hänen. sit otiimmo, l'evitiimmo, lajole pañiimmo hänen. lajol päi otiimmo, sit müö händäh lowkutiiimmo, sit l'ipsaimmo. da sit kezräimmö müö hänen. da siiten nečidä rjaduimmo. . . langakse ku azummo, sit müö händäh kuduimmo d'o. kuduimmo kai hüvin, nastojaššo.

stjavan čjast'it: stjavat, suvalko, siiten šüfd'ü pidi, pirdu pidi, niijet pidi, harakkazet pidi, piäl'izet pidi, pidi sukset. kai nenne pidi kudojes. sit paltinan hienuon kuduimmo, sen müö valgaimmo. valgaimmo hangel, lumel valgaimmo. siiten sen müö ombel'iimmo sovakse. midä pidi meile, sidäi ombel'iimmo, azuimmo. siten vjaurupaikkja kuduimmo, uzorinke kird'ua poimiimmo. näit midä lja-pimmo pelvahas.

kird'oin poimijes moižet ollah lastažet. sit poimiimmo: kien-del'iimmö sie langah da toizeh. kuduimmo karjia paltinja, kuduimmo hienuo — kahtu paltinja. i polovikkja kuduimmo vie ningušte. polovikkja kuduimmo ribušta. ribut revittel'iimmö da sit polovikat kuduimmo.

2. Как мы выращивали лен

Смотри, сначала мы обрабатывали землю, пахали, бороновали, опять пахали на второй раз. Потом сеяли лен. [Когда] лен немного вырастал, [становился] не очень высоким, с четверть, тогда мы его пололи. Пропалывали, а потом лен рос долго, до теребления. Потом мы лен теребили, сдирали головки, семена для будущего

года, да потом его [лен] ставили в воду. Неделю-другую мы его держали в воде. Потом вынимали [из воды], расстилали, на стлеще стелили его. Убирали со стлещи, потом мы его мяли, затем трепали, а потом мы пряли его. Да потом того мы. . . когда у нас получались ('делали') нитки, тогда мы уже его ткали. Ткали все хорошо, по-настоящему.

Части ткацкого станка: кросны, сновалка, потом надо было иметь колоду, затем надо было [иметь] бёрдо, ниты, нужны были котелки, набилки, были нужны лыжи — все это надо было иметь, чтобы ткать. Затем мы ткали тонкое полотно. Его мы белили. Отбеливали мы на насте, на снегу отбеливали. Потом мы из полотна шили белье. Что нам нужно было, то мы и шили, делали. Также мы ткали полотенца браные, узоры брали. Видишь, что мы делали изо льна.

Для тканья браных узоров ('брания') имеются лучинки. Мы брали узоры так: перебирали ('поворачивали') одну нитку, затем другую. Ткали грубый холст, ткали и тонкое — двух сортов [полотно] ткали. И половики ткали еще такие. Половики мы ткали из тряпок. Тряпки мы рвали на ленты и затем ткали из них половики.

Рябова Анастасия Матвеевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/2-а).

3. «miehel'e ma meñiin iče»

miehel'e ma meñiin iče, ei annettu vägeh. mužikanke minä el'iin kaikkie l'iennen kümme vuotto. minul ol'i nel'l'ä lapsii: üksi kuol'i, toižet oldijh suwrekse kazvatetot.

mužikan otettih voinale. minul sinnä mužikku kuol'i petro-zavodskuh. siiten minä d'ain l'eskekse.

poižat kazvettih minul, ket kunne l'evittih. üksi tütär minul vai on omja, muwdu ni kedä.

tüttärel lapsii äijü, starikko da staruwha iččeh. minä nügöi el'an ieveskänkel da vunukänkel.

3. «Замуж вышла я сама»

Замуж вышла я сама, против воли не выдали. С мужем я прожила всего лишь десять лет. У меня было четверо детей: один умер, а остальные выросли и стали взрослыми.

Мужа взяли на войну. Мой муж умер там, в Петрозаводске. Так я осталась вдовой.

Сыновья мои ('у меня') выросли, кто куда разъехались. Одна дочь лишь у меня из родных, больше никого нет.

У дочери детей много, да еще свекор и свекровка ('старикки свои'). Сейчас я живу вместе с невесткой и внуком.

Трофимов Иван Иванович, 70 лет, дер. Филлиповская (Zubrova) Лодейнопольского района Ленинградской области. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/14).

4. kui ongel'e kävüin

ongel'e kävün, čüöttüö kerian, šl'öppüö kerian, siiten menen, ongirjagah šlīman sidon i lähten d'ogie müö. ül'äh menen, alah menen, sie hawdah azetun, on hawgahažie... ol

brodat oldjēh koiš kudotut, seiččimin šeinin značit, šeinii müö viihetäh nenne babbīt. akat net kudottih koiš. kodj kudohižil, niilil brodil kävüimmö brodale müö. no sit kalja saimo!

kävüimmö svirskuin tjakse (tiijät svirskut, manasterit, sie ollah järvet). sinne kävüimmö, sie on kukas-d'ogi, kävüimmö madrad-d'ovele. ol

a nügü brodji e,ele ni mittumii meil siiten. eüimän, kačo, ongele kävün. kalja vähem tulow, ga et midä ljaji. kalja on: hawgii, ahvendo, särgii.

ohotale en kävü... a zviefii, kačo, on. on kondjadu suwrdu, on hukkja, on rebuodu, on oravja, on kušiččja, sagarmuo i ondatrja. i moštu on, kačo, nügü meil'. vot ohotija pidaw troškovan jia kol küzel'l'ä. häi i nügü kävüw meččäh.

4. Как я ходил на рыбалку

Хожу на рыбалку, накопаю червей, собираю лягушек, потом иду, завязываю леску на удилице и отправляюсь по реке. Иду вверх, иду вниз, там останавливаюсь у глубокого места ('ямь'), где водятся небольшие щуки. . .

Бредни были домашней работы ('были вязанные дома') по семь стен, значит, вдоль стен наматывали их бабы, женщины их вязали дома. Этими бреднями домашнего вязания мы ходили ловить. Вот тут уже рыбы доставали!

Мы ходили туда, к Свирскому монастырю (знаешь Свирское, монастыри, там есть озера). Мы ходили туда, там есть река Кукас, ходили [также] на реку Мадрад.

А теперь у нас нет никаких бредней. В большинстве случаев, как видишь, хожу на рыбалку с удочкой. Рыбы ловится меньше, но ничего не поделаешь. Водится рыба: щука, окунь, плотва.

На охоту не хожу. . . а звери, смотри, водятся; встречаются большие медведи, есть волки, есть лисицы, есть белки, есть куницы, выдры и ондатры. И такие звери, видишь, теперь у нас водятся. Про охоту вот надо расспрашивать Трошкова Якова. Он и теперь ходит в лес.

Трофимова Марфа Семеновна, 64 года, дер. Филипповская (Z u b r o v a) Лодейнопольского района Ленинградской области. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/10).

5. «meil omii lapsii iellon»

meil omii lapsii iellon. tјatto da i mјamo kuoltih, ѳhten pјivђn mollembii mјah paņiimmo. d'iađih nenne pikkuzet viijei, odnjako, viijei, prawdu, verno. sit mјo ѳhten otiimmo iel'e pojakse. kirju-tiimmo heiјђn imušestvan, meil'e vie annettih vazikkožen.

sit mјo tаdђ kazvatiimmo kaheksahtoštu vuvvessah. tаmђ meil' brihaččuine ei ruvennu el'ђmђh.

ma l'ђhtiin pellolle, hђi d'ђi/kodih. susetkal sie otti d'engјa kolme rubl'ђa. susetku t'uli d'enguu pakiččemah. hђi sanow: «ei ole minul». — «no, ei ole, ga kuibo, vuota t'owtas tulow, ga andaw sillo hoduw», — sanow.

hђi seičas selgiiheze da kalјa ongittamah i l'ђhti. minђ ehtђl kodih tul'ђin, brihaččuow koiš e, ele. «kuz brihačču, kuz brihačču on?». tјas ba b i k o v a h meņiin, kačo na š't'in mјamalluo. — «t'owta, — ma sanon, — minul oli brihaččuine kodih d'ђnђh, ga t'ii, атgo kus on?». hђi sanow: «lђhti kalјa ongittamah».

nu, kalјa ongittamah. minђ ehtђssђh d'o vјatiin, vјatiin — ei ole. huondeksel d'o lђhtiin d'ogie mјošte eččimђh — ei ole. sit kodih tul'ђin, prav'end'ђh meņiin, zajaviin, što, kačo, minul brihaččuine l'ђhti, a l'owdiђ en vuu. kačuin, tјksin ečiin, a en vuu l'owdiђ. siiten annoimmo d'o zajafkan, siђ... sit madransuws tаmђ brihaččuine ol'i. kučutiimmo kodih — ei tule. mille rodih ѳhtel' atkal. nu ei tule, anna el'ђw šђa.

otiimmo toižen. nu toine še brihačču vessel ol'i. sen kele, kačo, hђvђ olluš (se n a k s e kučuttih, fišt'inoiigu minun, a se oli d'etkan fišt'inoiigu).

— «rišt'uu, minђ l'ђhten hierule». — «mene, vai ал'ђ pillја azo». — «en azu³ ni midђ. rišt'uu, minђ pajožen pajatan». «st'eńka ražin» ku rubiaw pajattamah, ga vai d'eržiš. i lat't'ien hђi pћhkiw i sen-

³ ažo ~ азу.

čat pühkiw. — «nu, fiš'tuoi, annathäi maiduo?» — «annan, d'uo vai!».
kačo, näitgo!

nu sit l'ähti iäreh. sevošto, ei ruvennu olemah. nüğü el'aw
podporožjus, näitgo. nu kai.

nu siiten häi l'ähti, podporožjus el'aw. minä käymin sinnä,
d'etko käymin sinnä hänel'ü, täll'üö seńalluo. i häi nüğü on
naižis, keveskü ül'en hüvä, törhiläs nainu. nüğü heil on neiž-
lapsut, d'eddomas päi otetto, vai en t'ia kuspäi. i el'etäh ül'en
hüvin i tädä neižlapsuttu kazvatetah. i minuw kučuttih mene t'ia
min kierdja sinnä. nu ma näi olen üksinäine emändü, ga piäze en.
i siiten mille d'engia tüöttih kaksisadja ühtekseh, da vähin-vähäžin,
alalleh tüöttih da posilkja t'üöttih. minä ne obižajuš, äijän t'üöttih
i avvutettih, vot spasibo.

i peldolaine sevošto avvuttaw nüğü, hot' häi ei pagiž'iv olnu,
nu pelloi ku rubei el'amäh i rubei vähäžin avvuttamah kowzgo
midägi: kowzgo zjaharii, kowzgo čajajuw, kowzgo midä aiven ande-
low. a tämä seńan akku se, ga se ül'en hüvä rišt'ikanzo, šurkakse
kučutah. nu kaikile hüvil'e hüvä rišt'ikanzo. ni mil häi ei obižainno
minuw.

5. «У нас своих детей не было»

У нас своих детей не было. Отец и мать умерли, в один день
обоих похоронили. Пятеро маленьких остались, наверно, впятером,
правда, верно. А потом одного мы усыновили ('взяли к себе в сы-
новья'). Описали их имущество, нам еще дали теленочка.

Потом мы этого воспитывали до восемнадцати лет. Этот маль-
чик с нами не стал жить.

Я пошла в Лодейное поле, а он остался дома. У соседки он
взял три рубля денег. Соседка пришла за деньгами [к нему].
Он говорит: «Нет у меня денег». — «Ну как же нет, подожди, при-
дет твоя тетя, так даст тебе ходу!» — говорит [соседка].

Он быстренько собрался да и пошел рыбу удить. Пришла я ве-
чером домой, а мальчика нет дома. «Где мальчик, где находится
мальчик?». Пошла я к Бабиковым, вот, к настиной матери.
«Тетя, — говорю я, — остался у меня мальчик дома, не знаешь ли,
где он?». Она говорит: «Пошел рыбу удить».

На рыбалку так на рыбалку. Я уже до вечера жду, жду — его
нет. Утром я пошла даже по речке искать — нет его. Потом я при-
шла домой, пошла в правление [колхоза], заявила, что мол, у меня
ушел мальчик, а найти не могу. Все осмотрела, искала одна,
а найти не могу. А потом мы уже заявили, а там. . . Мальчик этот
уже оказался в поселке Мадрансуу. Мы звали его домой — не
идет. Мне одной стало скучно. Ну, раз не идет, пусть там живет.

Мы ваяли второго [мальчика]. Ну тот второй мальчик был ве-
сельный. С ним, смотри, хорошо бы было (Сеней его звали), мой
крестник был, а тот [первый] был дедушкин крестник.

«Крестная, я пойду погулять ('в деревню')». — «Иди, но только там не бедокурь ('плохого не делай')». — «Нет, ничего не сделаю. . . Крестная, я песенку спою». «Стеньку Разина» как запоет, только держись! И пол он подметет, и сени подметет. «Ну, крестная, ведь дашь мне молока?». — «Дам, пей только!». Видишь [какой он был].

А потом он ушел. Также не стал больше [с нами] жить. Теперь, видишь ли, живет в Подпорожье. Ну и все.

Ну, потом он ушел, живет в Подпорожье. Я ходила туда, девушка ходил к нему, к Сене. И он сейчас женатый, невестка очень хорошая, он женат на девушке из деревни Тёрхилия. У них сейчас девочка, взята из детского дома на воспитание, только не знаю, из какого. И живут они очень хорошо, воспитывают эту девочку. И несколько раз звали меня туда. Ну, видишь ли, я хозяйка одинокая, поэтому не могу выбраться.

А потом они выслали мне денег двести рублей подряд и понемногу всегда выслали посылки. Я не обижаюсь, много они выслали и помогали, вот спасибо [им].

И лодейнопольский [племянник] тоже теперь помогает. Хотя он и неразговорчивый был, но как стал в Лодейном Поле жить, стал понемногу помогать нам когда чем: когда сахару, когда чаю, когда что-либо еще все время посылает. А эта жена Сеньки, так она очень хороший человек, Шуркой зовут. Во всех отношениях ('всем хорошим') хороший человек. Ничем она не обижала меня.

Аристова Ирина Семеновна, 78 лет, дер. Филипповская (z u b r o v a) Лодейнопольского района Ленинградской области. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/1).

6. «ruvettih ottamah germanskule voinale...»

ruvettih ottamah germanskule voinale minun izändiä, ol'i mjami tullah. ma el'iin alahažel, alangol... d'ai puol'tosto vuodehine brihaččune mille. l'ežankal magiaw, kähäzet nenga pandu.

rubiaw prost'imaheze tjattoh pojjas, a minun miamo sanow: «vävvö, ä'l'ä nostata lasto, anna magiaw oigie hengi». — «en nostata, miamo. sa, emändö, kuiñibut' kazvata händö viideh vuodesah: kai müö minun, midä d'ai (mille d'ai hänes päi šveinui mašin ručnui, l'ehmü d'ai, hebo d'ai). kai müö, vai salmuw ä'l'ä müö. viideh vuodeh sah kazvata, viijes vuvves päi tūönä päkiččemah i sillo palazen tuow».

da, mille ñe prišlõs händõ muga pakiččemah t'üötä. kazvatiin ma hänen pakiččemattah, parahal palažel. ei pakinnuh palašto ñi ühtõ. nu vain šveinuin mašinan kaimain, mašinan mõin. . .

6. «[Когда] стали брать на германскую войну...»

[Когда] стали брать на германскую войну моего мужа, приехала мать. Я жила в [деревне] Аланго. В Аланго. . . остался у меня мальчик полутора лет. На лежанке он спит, ручки эдак сложены.

Стали прощаться отец с сыном, а моя мать говорит: «Зять, не буди ребенка, пусть спит праведная душа». — «Не разбуджу, мама. Ты, хозяйка, как-нибудь вырасти его до пяти лет: все мое продай, что останется (мне остались от него ручная швейная машина, корова осталась, лошадь осталась). Все продай, только стен ('сруба') не продавай. До пяти лет расти, а с пяти лет отправляй милостыню просить, и тогда тебе кусок ('хлеба') он принесет».

Да, мне не пришлось отправить его по миру. Вырастила я его сама ('без попрошайничания'), лучшим куском [кормила]. Не просил он куска ни разу. Только я швейную машину потеряла, продала машину. . .

Аристова Иринья Семеновна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/13).

7. torrun kel'e s u o m e s

silloi minul oli seiččimtoštu vuottu. tul'iimmo čeč ul'in mišan-akan kel'e piit'eñih. häi otti lawkas tavarja i l'ähtimõ müõ viiburih, ajummo. meil' oli otettu hänen kel'e kolme-ñel'li torgokja, ei üksin. häi meil'e se tavarja andu.

nu müõ kävüimmõ müömäh talolui müöte: sukkja, piččie (nemme kruwživot — suomekse pičikse sanotah), riñmja. vot nemii kävüimmõ torguimäh, müömäh.

fat'eral tul'imo ühteh. viiburis ol'imo sedo v alluo fat'eral. Sedo ol' ižändõ fat'eral, sih kävüimmõ.

sie olemmo ñedäl'in l'ibo kaksi, sit tulemmo müös piit'eñih, müös tavarah. ješ'li kudjah taloih tul'iit, ga: «kävväñ, — sanow, — kahvii juomah, on kahvi pöüdäs. tulgja vai aunuksen muijat, maistaga kahvii». ⁴

---

⁴ Рассказчица, очевидно, для эффекта свою речь насыщает финнизмами: pičči (pitsi), pöüdä (pöytä), muija, kahvi и др., которые в обычной карельской речи не встречаются.

7. Коробейники в Финляндии

Тогда мне было семнадцать лет. С женой Чечулина Михаила приехали мы в Питер. Она взяла из магазина товар и отправились мы в Выборг, поехали. С нами были еще три или четыре торговки, мы не одни ехали. Она [Чечулина] нам-то и давала товар.

Ну, мы ходили торговать по домам: чулки, кружева (по-фински кружева «питси» называют), нитки. Вот мы и ездили это торговать, продавать.

На квартиру собирались вместе. В Выборге у Седова мы были на квартире. Седов был хозяин квартиры, к нему мы ходили.

Там [в Финляндии] мы побудем неделю или две, потом опять в Питер приезжаем, опять за товаром. Если в какой-либо дом в Финляндии придешь, так [и говорят]: «Давайте, — говорит, — *«kahvi»* (кофе по-фински) пить, кофе на столе, подходите, олонцекие теткы, попробуйте нашего кофе».

Ипатян Ваня, 14 лет, дер. Карельская (k a r j a ž e t) Лодейнопольского района Ленинградской области. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 84/5).

8. «minä sanon, kui müö provod'iimmo kañikuluw»

minä sanon, kui müö provod'iimmo kañikuluw. kañikulat müö provod'iimmo ülen hüvin. ajel'iimmo kezäl' nočnuh. nočnuoih müö sie kows tulemmo, sinne azummo tulen. siitä tulen konzo azummo, l'agimo hevot. hevot l'agimo i iče rubiammo paimendamah toižii hebožii. siitä erähät viärräh mjata, a erähät siitä istutah tulelluo. ol'e kaksi koirja. koirat menetiä mi kerdja üöl hüpittih hawkkumah. i ken ei mjattu, set d'uostih kaččomah, eigo midä sie mošto ole. huondeksel müö d'ärilleh ajuimmo. hebožet oldih sütöttü hüvin, i rjattih päivän kaiken hüvin.

toine toižel müö nočnuois raskazivoičiimmo skjaskuw. erähät raskazivoittih, kui hänen tjtattah dai kai oldih ohotal.

üksi brihačču raskazivaičči, što kows hiän tjtattah ol'i ohotal i tul'e i raskazivoičči, što nägi häi sie hukan i tappja ei voino, a koirat kodvan d'algil'ü müöte mendih. siitä sanel'i, kui häi tapui sie utkja, siitä kui näge l'isan, siitä toi kaksi d'änüidä. ol'e ängerskuil sie d'ärvel. sie d'ärvel kalja, sanoi, vai ühtü ahvendo on. ahvenet ollah ei ül'en suwret, vie poiijat. on hawgii suwrdo, särgie on vähä.

d'ärvet täpäin ollah l'ähän: ängeren d'ärve, madransuwn d'ärve, inemskuin d'ärve, siitä mustd'ärve, utozeran

d'ärve. d'ovet ollah: mel'niččä, jänger, švire, vadai, tritsat' pervun d'oge. pellet i niitut ollah: gráznuo, artunniito, ahlo, törgil'ö, hiido, karžu, pergvo.

8. «Я расскажу, как мы проводили каникулы»

Я расскажу, как мы проводили каникулы. Каникулы мы провели очень хорошо. Ездили мы летом в ночное. Когда мы приедем в ночное, там мы разводим костер. Потом, когда мы разведем костер, мы ставим [своих] лошадей на привязь. Лошадей привязываем, а сами начинаем пасти других лошадей. Затем одни [ребята] ложатся спать, а другие сидят у костра. Было две собаки. Собаки поди знай сколько раз ночью выскакивали с лаем. И те, кто не спал, выбегали смотреть, нет ли там чего-либо опасного. Утром мы ехали домой ('обратно'). Лошади были накормлены хорошо и работали целый день хорошо.

Друг другу в ночном мы рассказывали сказки. Некоторые рассказывали, как их отцы да и другие бывали на охоте.

Один мальчик рассказывал, как его отец был на охоте и, когда вернулся [отец], то рассказал, что он видел волка, но не мог убить, хотя собаки долго шли по следу. Потом отец рассказывал, как он охотился на уток, как видел лисицу, как он принес двух зайцев. Он был там, на Янгерском озере. На том озере, говорил он, из рыб водится лишь один окунь. Окуни не очень большие, окушки еще. Попадаются щуки большие, плотвы мало.

Отсюда близко озера: Ангер-ярви, Мадрансуу-ярви, Инемское, потом Муста-ярви, Утозерское. Реки такие: Мельничная, Янгер, Свирь, Вадай, Тридцать первого [квартала] река. Поля и покосы: Грязное, Артёмов луг, Ахло, Тёргило, Хийдо, Каржу, Пергво.

Ипатин Ваня. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 84/8).

9. «el'än minä kard'a žis»

el'än minä kard'a žis. kučutah minuw vaŋa. miän hiero ei ole ül'en suwre, seiččie kodii. opastun minä andrewskus, školas. školas šie on ül'en äijö dovariššia. seiččie učit'el'ie šie on. on meil' raznoidu kružkja. minä olen vai kahtes kružkas šie: foto i strelkovois. müö opastuimmo fotografiruija, siiten müö opastuimmo kartočkuw azumah. ezmäi sammutetah tulen, ikkunat salvatah, pannah bumagja ramkale, siiten ramkan tämän pannah tulen piäl'e i kod-

važen pietäh. i d'äl'les otetah iäreh i pannah projavitel'äh. šiiten projavit'el'ästa otetah i huwhtaldaw ve, essä. šiit d'o nãgüw, midä on kartočkal.

9. «Я живу [в деревне] Карельской»

Я живу в [деревне] Карельской. Зовут меня Ваней. Наша деревня не очень большая, семь дворов. Учусь я в Андреевской школе. В школе [у меня] очень много товарищей. Семь учителей там. У нас в школе (есть) разные кружки. Я там занимаюсь лишь в двух кружках: фото и стрелковом. Мы учились фотографировать, затем мы учились делать фотокарточки. Сначала гасят огонь, занавешивают окно, положат бумагу на рамку, потом эту рамку кладут на свет и подержат недолго. Затем снимают прочь и кладут в проявитель. Потом вынимают из проявителя, прополаскивают в воде. Тогда уже видно, что получилось на карточке.

Ипатий Ваня. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 84/3).

10. bakpa da d'etka ištutettih nagrehen

el'ettih bakpa da d'etka. ištutettih hũö nagrehen. nagriš kazvui ül'en suwrekse. meñi d'etka vedämäh nagrišto. vede, vede — ei voinu ved'ia. šiiten kučui bakpja. bakpa tul'e. ve, ettih, ve, ettih — ei voittu ved'ia. siten bakpa kučui vunukkja. ruvettih kolmei vedämäh: ve, ettih, ve, ettih — ei voittu vediä. šiiten vunukku kučui koirja: ve, ettih nel'äi — ei voittu ni kui ved'ia. šiiten koiru kučui kaži: ve, ettih, ve, ettih viijei — ei voittu ni kui ved'ia. šiiten kaži kučui hiirdö: ve, ettih kuvvei... ve, ettih, ve, ettih — i hiirenke nagrehen ve, ettih. i kai pakuttih tagale.

10. Бабка и дедка посадили репку

Жили [были] бабка и дедка. Посадили они репку. Выросла репка очень большая. Пошел дед репку рвать ('тянуть'). Тянул, тянул — не может вытянуть. Потом позвал бабку. Пришла бабка. Тянули, тянули — не могли вытянуть. Потом позвала бабка внучку. Стали тянуть втроем: тянули, тянули — не могли вытянуть. Потом внучка позвала собаку: тянули вчетвером — не смогли [вытянуть] никак. Потом собачка позвала кошку: тянули, тянули впятером — не смогли вытянуть. Потом позвала кошка мышшь: тянули вшестером... Тянули, тянули с мышкой и — вытянули репку. И все упали на спину.

Ипатина Мария. дер. Карельская (k a r d' a ž i e t)
Лодейнопольского района Ленинградской области.
Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Та-
расова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова,
1964 г. (Каб. зв., запись № 84/9).

11. voinan aigah

elän minä k a r d' a ž i s. voina načñih, minul otettjh poiijan armijah i izandan otettih armijah. jän minä viijen lapsenke. šiit müö ainos rjaduimmo kolhozja, pello l päi ol'i rjatuttai meil. ainos: «rjadagja, rjadagja, l'eivät keriammō, šiit l'ähemmō [evakuacijah] kai l'eibinke».

ainos meidō ei tūöndänō, müö tahtuimmo ennepäi l'ähtie, ga häi ei tūöndänō. šiit müö l'ähtiimō — d'o ambumah ruvetjih rinnal täs, suwrel dorogal. srjašt'i rod'ih d'o l'eikata, rinnal oldih d'o nemme suomet.

šiit meidō tūöttih meččäh. l'ähtiimmo müö lapsienke meččäh: eigo hebuo, eigo ni mid'ä. lapsinke kandamokseh, l'ehmästō sinne veämmō meččäh. mečäs rod'ih vihmo. lapset pienet, eigo sobja, eigo ni midä. lapset minul kül'mettih, kahtei zabol'eitiiheze. šiit üön magaimmo. huondeksel suomet tavattih mečäs meidō. tuodih kod'ih järilleh: «voitto kois el'ia».

šiit otettih meidō sinne a nukseh ve, ettih, lapset minul ei vuija. ku wñilas müö üön magaimmo. ku wñilas päi sit pereved'ittih meidō... äjjän ül'en perehtō ve, ettih: eigo ollo kunna mjata viärdä, eigo ni midä. minul lapset ei vuija, üön müö hundeksessah magaimmo.

šiiten hundeksel minä l'ähtiin fat'erja ičele eččimäh. l'övviimmō fat'eran. fat'er vilo. ühten lapsen minä sjatiin bol'niččah. bol'niččah lapsi sinnä i kuol'e. sinnä üksi i kuol'e, a toine zabol'eiččih. toine ei l'ähtenō bol'niččah, fat'erale kuol'i sih.

sit müö sie rjaduimmo kolme vuotta. sit meidō sie oslobod'ittih, meijän tuldih kodih. i šiit müö tul'iimmo järilleh omah täh sijah, konduih.

kai meil sie oldih muretut. tul'iimo — heinie ol'i polvessah, tappetuw tävvet hierut viruttih. pert'it kai muretut: eigo ikkunuw, eigo lagie, eigo lat'tielui, eigo ni midä. tul'iimmo juwri vihmul, eigo ni kunna mjata ole viärdä, eigo ni midä.

šiit mečäs päi kannuimmō ikkunja da iče kui puwttuw naljad'iimmo da rubeimmo el'amäh da kolhozja rjadamah. kuokal karlohkuw kaivuimmo, labjul nostel'iimo cel'nuw: eigo hebuw ollo ezmäžikse kolhozas, eigo ni midä, ičeväil künniimmō.

kai pereživiimō, nügü parem rod'ih kolhozas. nügü rjadan ogorodnicanno, nulle vuotta jo. toiženke susetkanke kahtei rjadammo, kazvatammo kapustuw.

11. Во время войны

Живу я в [деревне] Карельской. Началась война, у меня взяли сына в армию и хозяина взяли в армию. Осталась я с пятью детьми. Потом мы все время работали в колхозе, с Лодейного Поля был у нас уполномоченный. Он всегда [говорил]: «Работайте, работайте, хлеба уберем, потом [эвакуируемся] и увезем зерно».

Все время он нас уговаривал, мы хотели раньше уехать, так он не отпускал. Потом мы отправились — рядом, здесь, уже начали стрелять, на большой дороге. Уже страшно было жать, рядом уже были эти финны.

Потом нас отправили в лес. Пошли мы с детьми в лес: ни лошади, ничего у нас не было. С ребятами тащимся, коровенку туда ведем в лес. В лесу пошел дождь. Дети маленькие, ни одежды, ничего нет. Дети у меня простыли, двое заболели. Тут проспали ночь. Утром финны поймали нас в лесу. Привели нас домой обратно: «Можете дома жить».

Потом нас взяли и отвезли туда в Олонец. Дети у меня болеют. В Кунилицах мы переспали ночь: Из Кунилиц нас потом перевели. . . очень много семей загнали сюда: негде было лечь спать, некуда было приткнуться. Дети у меня болеют. Ночь мы переспали до утра.

Потом утром я пошла искать себе квартиру. Нашли квартиру. Квартира холодная. Одного ребенка я повела в больницу, там ребенок в больнице и умер. Там один и умер, а второй заболел. Второй не пошел в больницу, на квартире тут и умер.

Потом мы там работали три года. Затем нас там освободили, наши вернулись домой. И потом мы приехали обратно в свои, эти места, в Кондуши.

Все у нас (здесь) было поломано. Когда вернулись — трава была по колено, убитых валялось полные деревни. Избы все разрушены: ни окон, ни пола, ни потолка, ничего нет. Прибыли в самый дождь, негде было и спать лечь, ничего не было.

Потом сами мы из лесу перетаскали окна и кое-как окна наладили, да стали жить и работать в колхозе. Мотыгой картошку копали, лопатой целину поднимали: ни лошадей не было вначале в колхозе, ничего не было, на себе пахали.

Все пережили, теперь стало лучше в колхозе. Теперь работаю огородницей, уже четыре года. Вдвоем с соседкой работаем, выращиваем капусту.

Ипатина Мария. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 84/1).

12. kui müö el'iimmö ennevahnas

prjaznuičiimmo müö ennevahnas, konešno, rel'igioznuži prjaznikkui. nügüi, seičas, emmo muga prjaznuiče nemmii, nügüi prjaznuičemmo vai sovetskuži enämbäl, a ennevahnas prjaznuittih, emmo müö, a miän bjabat da mjamat. vot, ostetah d'awhuo ezmäi puvvan čuppuh, sen pastetah. tullow gošt'ia, ga šüötetäh, ei tulle, ga hapatetah, net muijottaheze nedäl'il'üöin.

pestäh, pestäh, st'eraijah, st'eraijah. enne prjazniokkia katetah krijavat'in polovikal, lat't'ial piettäväl od'd'ialal, nu riбудod'd'ialal. prjaznikakse miel'essäh vähäzel kuda-kuiñibut' sinnepäi riputetah od'd'ialoi. a ei ennepäi t'iettä ni pokrivjalja, et t'iettä ni midä. vaiku prjaznikkan čökätäh — i iäres otetah: pidaw kabrastja, eiga murenow!

vot, sit prjaznuijah: viinja d'uvvah kaks-kolm päiviä, a d'al'l'es sie šit midä-tahto el'etäh. en tiä daže enämbi ni midä sanja...

a paltjnpaidu se panna piäl'e nügöi — ga ne dai, hospod'il sanommo: «oi, paltjnpaidu on!». piästä, d'umalazeñi, minä panen paltjnpaijan seičas piäl'e! ga en pane, rawkku, ni-ii mis! mene l'ubuile mužikale sano l'ibu l'ubuile akale: «pane nügüi hot' od'd'ialad'upku piäl'e, lähtemmö heinä h nengomal märräl». — «paltjinja emmo panel»...

nügüi on elos toine. a kengie? baretkja da tuff'ii ä'lä küzel [oldih] virzuižet, virzuižet. a prjaznikan polsapošku-kulužet šie annetah, d'algha panet kodvazekse. mjamo sanow: «kodvan piet polsapoškui, d'aksas iäres!». ollow mittut šjappai-kulut — hüvä, ei ollene — ga panet mjamän, l'ibo bjaban, l'ibo kenen-tahto.

nengai el'ettih da nengai müö kazvuimmo: kowzgo ol'i, kowzgo ei ollo. ennevahnas ei ollo midä piäl'e panna. minä sillois ku kazvuinhäi, pal'to-kulužen piäl'e pañiin, da ku käet šizäl'ih tungiin, dai rožat kül'mäin. da šit kaheksa nedäl'istü viruin brekotiin.

vot kui el'iimmö ennevahnas. a nügö, ohoi! nügöšet t'üttäret nenga ei malteta el'ial nügö toižin el'etäh.

12. Как мы жили в старину

В старину, конечно, мы праздновали религиозные праздники. Теперь, сейчас их не так празднуем, теперь больше мы празднуем советские (праздники). А в старину праздновали, не мы, а наши бабушки и матери. Вот сначала привозят ('купят') домой ('в угол') пуд муки, ее испекут. Если придут гости, так съедят ('скормят'), если не придут, так (стряпня) испортится, она прокиснет за неделю.

(Избы) моют, моют, (белье) стирают, стирают! До праздника кровати покрывают половиком, который расстилают на пол, ну,

из тряпок вытканым одеялом. Ради праздника кровати вроде бы покрывают одеялом. А раньше не знали ни покрывал и ничего не знали. Лишь выставят на время праздника и сразу же убирают: надо убраться, а то износится!

Вот так празднуют: вино пьют два-три дня, а потом там живи как хочешь. Даже не знаю, что еще и говорить. . .

А чтобы теперь надеть холщевую рубашку — так не дай господи! Скажем: «Ой, холщевая рубаха!». Упаси боже, чтобы я надела сейчас холщевую рубаху! Так не одену, дорогой, ни-и за что! Иди скажи любому мужику или любой бабе: «Надевай теперь холщевую юбку, в такую сырую погоду поедем за сеном». «Холщевое не оденем!».

Теперь жизнь другая. А обувь? Про ботинки (баретки) и туфли и не спрашивай! Были лапоточки, лапти. На время праздника дадут там кое-какие полусапожки, обуешь их ненадолго. Мать скажет: «Долго носишь полусапожки, ну-ка снимай!» Если есть какие-нибудь сапожонки там — хорошо, а если нет — так обуешь мамыны, или бабушкины, или чьи-нибудь.

Так вот и жили, так и мы росли: когда и было, когда и не было. В старину нечего было одеть на себя. Я тогда в молодости ('когда росла') одела пальтишко да как руки за пазуху засунула, да щеки и отморозила. Да восемь неделек и пролежала на боку.

Вот как жили в старину. А теперь, ого-о! Наши ('современные') дочери так не умеют жить! Сейчас по-другому живут.

Рябкова Мария Николаевна, 45 лет, дер. Лутково (Luttilla) Лодейнопольского района Ленинградской области. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/3).

13. «ištuw l'ikka laijal»

istuw l'ikka laijal,
ištuw meren rannal.
kaččow l'ikka: tatoi matkijaw.
'«oi, tatoi, rawkan tatoi,
piästä minuw iäres!».
«mil'bo minä piästän,
ku e, ele minul rahja?».
«onhäi kolme hebuo,
pane paras valkakse,
piästä minuw iäres!».
ištuw l'ikka laijal...

13. «Сидит девушка на краю [обрыва]»

Сидит девушка на краю [обрыва],
Сидит на морском берегу.

Смотрит девушка: отец едет.

«Ой, батюшка, милый батюшка,
Возьми ('освободи') меня отсюда!».

«Чем же я тебя выкуплю,

Коли у меня нет денег.»

«У тебя же три коня,

Отдай самого лучшего в залог,

Выкупи меня отсюда!».

Сидит девушка на краю...

Рябкова Мария Николаевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/5).

14. «l'ähtiin minä l'ä k ö i l'ä h»

l'ähtiin minä l'ä k ö i l'ä h.
punaldiimos prokoilah.
proko in koirat vastah.
minä heil'e sel'gäh,
hüö minuw vičikköžeh:
vičikköine — viččažen,
viččažen minä — halgoñikale,
halgoñikku — halgožen,
halgožen minä päččih,
päčči mille kivüön,
kivüön minä mereh,
meri mille suolja,
suolat minä lawkkah,
lawkas mille — suwrimja.
suwrimat minä kanuole,
kanat mille — jäiččäžen,
jäiččäžen minä papile,
pappi minuw rjstal oččah,
potkal vaččah.

14. «Отправилась я в Лякёйлю»

Отправилась я в Лякёйлю,
завернула в Прокойлу.
Навстречу мне Прокопия псы.

Я — собакам на спину,
они меня в кустарник:
кустарник [дает] мне прутик,
прутик я — дровосеку,
дровосек мне — полено
полено я — в печку,
печка мне — камешек,
камешек я — в море,
море мне — соли [дает],
соль я — в лавку,
лавка мне — крупы,
крупу я — курам,
куры мне — яичко,
яичко я — попу,
поп — меня крестом по лбу
[да] ногой по животу.

Рябкова Мария Николаевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/4).

15. častuškat

1. šrotannu el'äjes
el'iä pidäw maltajen:
riadoine riata күзүjen,
hieruine proid'ie varaten.
2. kuldoi minun, minä sinun:
miel'es piä, hot' ä'l'ä piä.
ehtäžen ištuiñ — ä'l'ä varja:
igäžekse en rod'ia.
3. kuldažes eroitettih
da vettü viluw juotettih,
štobi(n) vaččaine vilustuš,
kuldaine armas unohtuš.
4. midä ollow tumandoine,
vai d'o riihüt palanow?
midä(s) ollow atkalaine,
vai kuldaine muijal on?
5. sammatuksen brihažet
da uskaldettih gribažet.

kolme vuotta vuotammo,
no vellat grivat süötämmö!

6. kučuin, kučuin kuldašto
da opiin händö vakustua:
eiku olle miel'es tulla,
ei mistöi ni kielastua.
7. äl'ä, kuldažeñi, nagra,
äl'ä istu ilokse.
sinä istut ilokse —
da minä aijan menokse.
8. kai sanottih, kai sanottih:
istöi sinä tämän kel'.
kuñi ei tulle armas kuldoi,
en istuoi ni kenen kel'.
9. minuw mjamoiñi čakakai,
no vie uskaldi l'uvvä.
kuñi ei tulle armas kuldoi,
en tahto ni süvvä.
10. s a m m a t u k s e n hieružes —
kurrel'l'ižet aidažet.
s a m m a t u k s e n brihažet —
da višivoitut paidažet.
11. midä ollow päivü pitkü,
vai on kullal aigu pitkü.
tules, mjamoi illale,
piäzöw kuldaine rijnale.
12. kuku, kuku, kägižeñi,
kuivan kuwzen ladvas.
ripu, ripu, kuldažeñi,
podruškažel kaglas.
13. k u ž m a n l'ehmät kod'ih tullah,
bambela-kellot kuwlutah.
keitäs, mašoi, maijos kjaššia
vašoi tulow illale.
14. azus, tjaatto, kuožal'iine,
panes, čid'žoi, loppuine.
l'ähtižin d'o bešowdažeh,
varjan rod'ia hoppuine.
15. s a m m a t u k s e n kujožis
da ei sja astja — upottaw.
s a m m a t u k s e n brihažien kel'
ei sja istja — nukuttaw.

15. Частушки

1. Сиротинкою прожить
надо жить умеючи:
без спросу ничего не делать,
и с опаской по селу ходить.
2. Дорогой мой, я — твоя:
хоть люби меня, хоть нет.
провела с тобою вечер,
не бойся: навек твоей не стану я.
3. От дорогого разлучили,
водой холодной напоили,
чтоб дорогого позабыла,
душой к нему бы охладела.
4. Отчего уж туман так стелется,
может, ригача горит?
Почему-то на сердце скучно,
может, любимый у другой?
5. Самбатукские ребята
изменить нам обещали.
Мы три года подождем,
но «арбуз» ('грибы') им поднесем.
6. Звала, звала я дорогого,
старалась убедить его:
коль не хочешь ходить на свиданье,
нечего и обманывать.
7. Ты не смейся, дорогой,
и не сиди ради веселья.
Коли ты гуляешь ради веселья,
то я — лишь бы проводить время.
8. Все твердили, убеждали:
знакомься вот с этим парнем.
Пока не придет мой залетка,
не буду знакомиться ни с кем.
9. Меня мамочка бранила
да обещала и наказать.
Пока не увижу своего милого,
не хочу и кушать.
10. В деревне Самбатукса —
кругом изгороди косые.
У парней самбатукских —
рубашки вышитые.

11. Что-то день так долго тянется,
верно, милый скучает обо мне.
Иди-ка, мама, ставить ужин,
чтобы милый рядом посидел.
12. Кукуй, кукуй, кукушечка,
на вершине сухой ели.
Ты виси, виси, любимый,
у подружки на шее.
13. Кузьминых коровы домой идут,
слышны их глухие колокола.
Вари-ка каши, Машенька,
придет на ужин Васенька.
14. Сделай-ка, отец, мне прялочку,
сестричка, кудель завяжи:
пошла бы я на гуляночку,
боюсь, что скандал будет.
15. По прогонам самбатукским,
нельзя пройти — завязнешь.
С самбатукскими ребятами
нельзя сидеть — задремлешь.

Рябкова Мария Николаевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 83/6).

16. «pei-pei pezošto»

pei-pei pezošto,
muñi kana munašto
pästäfikköpezäžeh.
tul'i hiirüt — hiksai,
händäžel häksäi —
jäiččäine kahtekse:
tämä söi, tämä söi,
täš pordahaine,
täš stupeñiine,
täš pordahaine,
täš stupeñiine.
čur-čur — pezäžeh.

16. «Гне-гне гнездышко»

Гне-гне гнездышко,
снесла курица яичко
в гнездышко с кострикой.
Пришел мышонок, увидел,
хвостиком махнул —
яичко — надвое [разбилось]:
этот поел, этот поел,
здесь лесенка,
тут ступенька,
здесь лесенка,
тут ступенька.
Чур-чур — в гнездышко.

Тяпкина Екатерина Ильинична, 47 лет, дер.
Филипповская (z u b o v a) Лодейнопольского
района Ленинградской области. Магнитофонная
запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.;
расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв.,
запись № 83/9).

17. «oi, kuldoiñi, oi, kuldoiñi»

1. oi, kuldoiñi, oi, kuldoiñi,
kuibo rod'iaw pjaraine:
minä tüttö nuorehko —
da sinul usat suwrehkot?
2. minun kuldoi pitkü-hoikku,
vai jo vastja kuvata:
otiin kehnuo provod'imah —
ei maltanuh ukata.
3. soita, vel'i, kadriel'iine,
soita, vel'i, lancaine,
äl'ä žiäl'eiče sormužii,
žiäl'eiče soiton iänüžii.
4. kuldazeñi, iččes valdo:
piännet miel'es ga hüvä,
ehtän istuin — da äl' varja
igäžekse en rod'ia.

17. «Ой, миленок, ой, миленок»

1. Ой, миленок, ой, миленок,
мы с тобою не парочка:

я девчонка молодая,
а у тебя усы длинные.

2. Мой миленок длинный-тонкий,
годен лишь на веники.
Взяла черта провожать,
он не сумел поцеловать.
3. Сыграй-ка, дружок, кадрили
да сыграй еще и лансье.⁵
Не жалея ты пальчиков,
пожалей голоса гармоники.
4. Милый мой, твоя воля:
коли любишь — хорошо.
Провела с тобою вечер,
не бойся — твоей на век не стану я.

Тяпкина Екатерина Ильинична. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 84/6).

18. «ennenpäi rjaduin dvoral»

ennenpäi rjaduin dvoral. ol'i minul grupp: kaksitoštu l'ehmie minä l'üpsiin. l'ehmät minul kannettjäh, kolme l'ehmie. siitä mütös-t'in kolme kandoi. siitä minä rjadoin vie brigjadas. d'oga päivie millo brigad'ier andoi nafiadja: tünd'i niittämäh silossah heiniä. l'ehmil'e heiniä tuoimmo, hiideras niitiimmö, törhil'ös niitiimmö, kard'os niitiimmö heiniä. siitä kävüimmö luomah. heiniä loimmo kolme da nel' keguw ühtes päiväs davafisanke.

silossja ljad'iimmo: hevol vejiimmä, siitä d'alluil topčittjäh sie silossuw toižet naižet. silossuh sinne heiniä nabeičemmo, zel'enie heinii nennii, kudai vaste l'ähtöw kazvamah, nuorikkažii.

18. «Раньше я работала на скотном дворе»

Раньше я работала на скотном дворе. Была у меня группа: двенадцать коров я доила. Коровы у меня отелились, трое коров. Потом опять трое отелились. Потом я работала еще в бригаде. Каждый день бригадир давал нам ('мне') наряд: посылал косить сено на силос. Для коров привозили сено, в Хидерах косили мы, в Торхила косили, в Кардо косили сено. Потом мы ходили метать стога. Сено мы метали по три и по четыре стога за день с товарищем.

⁵ Лансье — танец из пяти фигур, вид кадрили.

Заготовляли силос: мы возили на лошади, другие женщины ногами утаптывали. В силосные [ямы] мы набивали зеленую траву, которая только начинает расти, молоденькую [травку].

Лендяшова Мария Тимофеевна, 80 лет, дер. Самбатукса (s a m b a t u s) Олонецкого района Карельской АССР. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1959 г.; расшифровка Г. Н. Макарова и Т. И. Вяйзинена, 1963 г. (Каб. зв., запись № 86/3).

19. [i v a n u š k a - b o r a n u š k a]

ol'i ukko da akku, ukol-akal ol'i brihačču da tütär, ukko' da akku kualtih, jädih lapset armoittomakse, jädih armoittomakse, vähäžen el'ettihbäi ga, hää gofat ollah ga, ei roinnut heile midä süvvä. l'ähtiättih piäneloh. l'ähteih, matkatakah, matkatakah, ü-ül'en räkki päivü. brihačču sanowgi: «oi, čidžoiñi, minä täs juan vetü l'ehmän kabjan jäl'l'es». sanow häi: «äl'ä jua, sanow, l'ehmäine roitos».

matkatakah, matkatakah — tulow hevон jäl'gi vastah. «oi, čidžoiñin, ül'en on minul räkki, sanow, juan täs hevон jäl'les!» — «äl'ä jua, sanow, veikoiñi, hebo roitos», sanow.

müäs iäl'l'eh l'ähtiätäh. matkatakah, matkatakah — tulow bošin [kabjan] jäl'gi, tulow bošin jäl'gi. «oi, sanow, čidžoiñi, minä juan, en voi t'irpua enämbiä, juan». otti dai joi. joi dai bošikse i punaldih brihaččuine. punaldih, neižlapsi itköw, itköw, itköw.

matkatakah, matkatakah — tulow pert'iine, tulow pert'iine ga, men-näh sih pertižeh. «oi, t'owtoiñi, sanow, laske jo meidü üäkse». t'owtoiñi üäkse händü laski. mendih sinne. üä muattih. süätti, juatti kai lambahäzet dai nečen tütön.

dai huandaksel l'ähteih uvvessah. l'ähteih, mendih l'innah, suwreh linnah matkattih ga, šia suaris bualut. suarin poigu muččoi eččiw. a tüttö ol'i ül'en čoma, prekrasnoi čoma ol'i. mendihhäi ga boššižen kel'e, briha se suarin miäl'düi neččih tüttöžeh: ül'en čoma tüttö ol'i. dai otti mučoiakse. otti dai boššižen otti.

šia vähäine el'etäh ga, suarin poigua otetah sinne, kunne tahto sluwžbah, trebuittih. häi l'ähtöwgi. suarin [poijan] mučoi se d'iäw. säätterihü tulowhäi dai sen [mučoin] vedeh panow, suarin [poijan] mučoin panow vedeh dai iččeh tüttären sijah i jättäw. jättäw sih iččeh tüttären ga, suarin poigu tulow kod'ih ga, rubiawgi el'amäh, ga ei tunnustai: ongo end'iine, vai kudai?...

a lambahaine se bl'iämiččöw, bl'iämiččöw, a neče i sanow suarin poijan mučoi: «a tappuat neče lambahaine iäreh, sanow, boššiine, aiven bl'äkettäw».

ruvetah händü tappamah. ruvetah tappamah ga, häi sanow: «tüändiät jo minuw, sanow, sviri-randah». tüättih händü jogirandah. häi menöw, itköw-itköw: «oi, sestrica, ol'onuška, minuw ruvetah iskemäh; veiččii tahkotah, kirvehii hivotah, kattilat kihutah, minuw iskemäh ruvetah!». a sizär ot'viatoiččow: «oi, ivanuška-boranuška, en voi tulla sinulluo, sanow, minul on suwri kivi kaglas», — sanow. sit sinä piän muga jowdui.

toššu piän müäs ruvetah iskemäh, häi müäst'izei: «tüändiät minuw gul'aimah!». müäs tüättih gul'aimah, müäs šia kirguwgi joves sizärel'leh. sizär müäs sanow: «en voi tulla, ivanuška-boranuška, minä. minul on suwri kivi kaglas!».

kolmandeh [kolmandekse] päiväh se d'owdui, jowdui kolmandeh. kolmandeššu päivän müäs i sanow mučoi: «iškiät d'o neče bošši sit, vai bl'äkettäw, vai bl'äkettäw!».

cuarin poigu tostiiheze: «mindäh, — sanow, — käsköw häi iškiä aiven boššii, sanow. ei ni kows [vihannuh], sanow, suvaičči da ühtes astias süätti, — sanow, a nügöi käsköw iškiä?». a bošši sanow: «tüändiät d'o minuw d'ogirandah!».

tüättih, ga cuarin poigu d'al'les l'ähti. häi ku menöw vezirandah dai sanow: «oi, sestrica ol'onuška! minuw iskemäh ruvetah; veiččii hivotah, kirvehii tahkotah, minuw ruvetah iskemäh!». — «ivanuška-boranuška, en voi minä tulla, suwri kivi kaglas on!».

cuarin poigu i kuwl'i tämän sanan. tul'i vai kod'ih dai vodovozat tüändi sinne, vodovozat eččimäh. dai šia mučoin i sai.

sit mučoin ku sai da kod'ih toi da kui mučoi träsäldih — dai boššiine rod'ih... ül'en hüvä briha boššižes rod'ih. dai kod'ih toi boššižen dai mučoin. dai se pandih, süätterihän tütär, kattilah, da kattilas i tänäpäi kiahuw šia. dai suaru loppih.

19. [Иванушка-баранушка]

[Жили]-были старик да старуха. У старика и старухи были мальчик и девочка ('дочь'). Старик да старуха умерли. Дети остались сиротами. Остались сиротами, немного они пожили, поскольку они бедные, у них нечего стало есть. Пошли они искать себе пропитание. Отправились. Идут, идут [они], а день-то жаркий-прежаркий. Мальчик и говорит: «Ой, сестрица, я здесь напьюсь воды, тут след от коровьего копыта». Она говорит: «Не пей, говорит, коровушкой станешь».

Идут себе, идут — на дороге след от лошадиного копыта. «Ой, сестрица, мне очень жарко, говорят, напьюсь я из этой ямочки от лошадиного копыта!». — «Не пей, говорит, братец, лошадю станешь!».

Отправляются дальше. Идут, идут — на дороге след от бараньего копытца. Вот след от бараньего копыта. «Ой, говорит, сестрица, я напьюсь, не могу больше терпеть, напьюсь!». Взял

да и выпил. Выпил [воды] — да в барана и превратился мальчишка. Превратился, [а] девочка плачет, плачет, плачет.

Идут, они, идут — навстречу избушка. Попадает навстречу избушка, они в эту избушку. «Ой, тетенька, — говорят, — пусти нас на ночь». Тетенька на ночь пустила их ('ее'). Они вошли [в избушку]. Ночь проспали. Она накормила, напоила и овечку эту и девочку.

А утром они отправились снова. Отправились, пришли в город, в большой город пришли они, а там у царя — бал. Царевич невесту выбирает. А девушка была очень красивая, красивая-прекрасная была. Они как пришли с барашком этим, а царевичу и понравилась девушка эта: очень красивая была девушка. Он и взял ее в жены. Взял [ее] да барашка взял [к себе].

Живут немного они, так вот царевича собираются брать куда-то, на службу потребовали. Он и отправляется. Жена [царевича] и остается. Приходит вот Скуоттериха⁶ да вот жену царевича в воду и бросает. Топит [жену царевича], а свою дочь на ее место в доме оставляет. Оставляет тут свою дочь, а царевич возвращается домой, начинает жить и не узнает: прежняя ли это жена, или какая? . . .

А барашек блеет и блеет, а жена царевича говорит: «А зарежьте этого барашка-то, все время блеет!».

Собираются резать барашка, собираются уже резать, а он и говорит: «Отпустите уж меня, говорит, на берег реки Свирь». Отпустили его на берег реки. Он идет туда, плачет-рыдает: «Ой, сестрица Аленушка, меня собираются зарезать: ножи вострят, топоры точат, котлы уже кипят, меня резать собираются!». А сестра отвечает: «Ой, Иванушка-баранушка, не могу я к тебе прийти, говорит, на шее большой камень привязан». В тот день так дело и осталось.

На второй день снова собрались резать барашка. Он опять: «Отпустите меня погулять!». Опять отпустили его погулять, опять и кричит с берега реки своей сестре. Сестра опять говорит: «Не могу я прийти, Иванушка-баранушка, у меня большой камень на шее».

Дело осталось на третий день. Осталось на третий день, опять и говорит молодуха: «Да зарежьте же этого барашка, только и блеет!».

Царевич догадался: «Почему, — говорит, — она все время велит зарезать барана? Никогда она не ненавидела его, она любила, из одной миски кормила, говорит, а теперь велит зарезать?». А баран и говорит: «Отпустите меня на берег реки!».

Отпустили, а царевич следом за ним и пошел. Баран как дошел до берега реки и говорит: «Ой, сестрица Аленушка! Меня

---

⁶ Скуоттериха (досл. людоедка) — героиня карельских сказок, близкая по характеру Бабе-яге в русских сказках.

собираются зарезать: ножи вострят, топоры точат, меня зарезать собираются!». — «Иванушка-баранушка, не могу я выбраться, большой камень у меня на шее!».

Царевич и услышал эти слова. Только успел прийти домой, водовозов и послал он, водовозов послал искать [Аленушку]. Тут он и нашел свою жену.

Как только спасли жену, он ее домой и привел. Как жена-то стряхнет с себя воду — да и барашек превратился . . . очень хороший парень получился из барашка. Он домой и парня ('барашка'), и жену привел. А дочь Скуоттерихи бросили в котел, в котле и сегодня еще кипит. Вот и сказка кончилась.

Леидяшова Мария Тимофеевна. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова, 1959 г. (Каб. зв., запись № 86/5).

20. *suaru hukkah niškoi*

el'i enne mužikku da akku. hūā el'ettih gofašt'i. kaksi lastu ol'i heil. el'ettih gofašt'i ga, ei kuz l'eibiā lapsile olluh kattua.

l'ähtōw mužikku huandeksel halgoh. l'ähtōw halgoh, ajaw, menōw ga, halgopinol hukku viruw. viruw hukku. häi ottaw kirvehel jallan i l'eikkuaw hukal. jallan l'eikkuaw, dai regeh. halgua regeh, dai kod'ih tulow. kod'ih, ajaw kakattaw. «na, tās, akku, sanow, l'ihua, keitā lapsil'e l'ihua, sanow, da piästäh näl'l'ās hot' iäres».

akku päčün l'ämmäh panow dai l'ihua kiabumah panow. hukku siā ku havačuwhäi ga — jalgua ewlo! häi koivužen jallan panow, dai l'ähtōw jäl'l'es: «kidžižow — kodžižow koivužil jalgažil, — sanow. — talois muatah, toižes muatah, tās talois jallas ollah, hukan l'ihua keitetäh, lapsil'e süätetäh, minä lapset süän!».

akku se pöl'l'ästüi: lapset süāw.

dai toižen kerran powtoriw: «kidžižow — kodžižow, koivužil jalgažil. talois muatah, toižes muatah, tās talois jallas ollah, hukan l'ihua keitetäh, lapsil'e süätetäh, minä lapset süän».

«ei süā, sanow, tallow ga, minä hamaral annan».

dai šit ših l'ähti hukku iäres, enām ei kirgunuh. da sit i lop-pih suaru tās.

20. Сказка про волка

Жили раньше мужик да баба. Они жили бедно. Двоих детей они имели. Поскольку жили бедно, так у них неоткуда было брать хлеб.

Отправляется мужик утром [в лес] за дровами. Отправляется за дровами, едет, приезжает к поленнице, а на поленнице лежит волк. Он берет да топором и отрубает ногу у волка. Ногу отрубает да и в сани кладет. Нагружает сани дровами, приезжает домой. Едет себе без оглядки домой. «На, жена, вот тут, — говорит он, — мясо, свари для детей мяса, пусть они не голодают больше».

Баба затапливает печь и ставит вариться мясо. Волк там как проснется — ноги нет! Он приделывает березовую ногу себе и отправляется следом [за мужиком]. «Скрипит да поскрипывает, на березовой ноженьке пошагивает, — говорит он. — В одном доме спят, в другом доме спят, в этом доме бодрствуют, волчье мясо варят, детей им кормят, я детей съем!».

Баба испугалась: детей [волк] съест.

[Волк] вот и второй раз повторяет: «Скрипит да поскрипывает, на березовых ноженьках [пошагивает]. В одном доме спят, в другом доме спят, в этом доме бодрствуют, волчье мясо варят, детям кормят, я детей съем!».

«Не съест, — говорит [муж], — если придет, так я обухом дам!».

Вот тут волк и повернул обратно, ушел, больше не кричал [под окнами]. Тут и вся сказка.

Кузьмина Наталья Савельевна, 63 года,
дер. Самбатукса (s a m b a t u s) Олонецкого района.
Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова, 1963 г. (Каб. зв., запись № 86/9).

21. suaru laškah tütäreh näh

akal ol'i kaksi tütärdü. üksi ol'i lašku. tul dih ženi hä t. ženi h ü mi äldüi laškah tütäreh. ottaw laškan tütären mučoikse, a muamah kiäl'däw: «äl'ä ota tädä laškua tütärdü, ota tämä ruadaiju». — «net, sanow, minä otan tämän, millo tämä pidäw parembasti» — «ei kuwndele tämä ni midä, sanow, t'il'en on lašku, rua ni midä ei, kuwndele ni šidä ei». a mužikku šia, ženi h ü, ottaw, ei varua händü, što lašku on.

nu ruvettih šia el'amäh, ruvettih el'amäh. ga koiraine tul'i pertih. tul'i pertih koiraine ga hawkkumah rubei. mužikku sanow: «hawku ä'l'ä. kaksi kerdua sinuw vai minä kiäl'an, kolmattu en kiäl'ä». koiraine iäl'l'eh hawkkuw. mužikku sanow: «minä šillo kaksi kerdua käskiin hawkkua, a kolmattu ei hawkkua». koiraine iäl'l'eh hawkkuw. mužikku seinäl koppai orožan i ambui plačkai koiräžen.

akku seižow da kačcow. tul'i kažiine. kažiine näwguw. «äl'ä nävvu, — sanow mužikku, — heitä nävvundu!».

ñawguw. «enäm kolmattu kerdua ä'l'ä ñavvu!» kažiine iäl'l'eh ñawguw. mužikku i kažižen ambui plačkai. akku duwmaiččow: «nügöi pidäw minul ühtel sanal ruveta kuwndel'emah mužikkua, eigai minuw ambuw mužikku».

nu l'ähtiättih gošt'ih, püärittel'emäheze siä tuatan da muamalu l'ähtiättih püärittel'emäheze ga siä ajettih, ajettih, ajettih da mužikku langei, kuavuttih järvirandah. mužikku järveh kirvehen sordi, hüppäi järveh kirvestü suamah. kuñi siä kirvestü eči dai hebo se pageñi. akku siä kod'issah i ajoi enne mužikkua. tul'i üksin, a mužikkua ialo. «a kunnebo mužikan jätiit?». — «vuata, sanon jäl'l'es, — tütär se sanow, — vuata sanon jäl'l'es».

mužikku siä l'ähti, muatkoin da buat'koin taloih tul'i. (nügöi et märrännü mene sinne, muatkoin da buat'koin lua). mužikku peittiheze (tervupučči ol'i sarail) tervupuččih. häi hiaroiheze tervupučis kaikkineh. «oh kehno, tiä pahalleh minä meñiin, pidäw mennä täh jušeikkah».

jušeikkah meñi — siä labjua, labjua täwzi jušeikku. siä häi hiaroiheze tervah da labjoh: rod'iih ku karu mužikku. «kunne nügöi minä menen? akku on tiä buat'koin lua, a minä kunne menen? pidäw nügöi päčil'e kui tahto piästä». mužikku piäzi päčil'e üäl siä. piäzi päčil'e ga, huandeksel, muatkoi-akku nowzow, taiginua sotkemah rubiaw, mužikkua siä päčil ei näi. vedämäh ku l'ähtöw tahtahii päčil'e ga, mužikan siä nägöw: «o-ooi, karawu-u, rist'it-tüät! tänne on karu tullut, tulgua vai tännel!».

mendih ga — oma vävvül «ka midä sinä, vävvüzeñi, tänne tul'iit?. ga midä vävvü, midäl «nengai, nenga d'ialot oldih, sanow, kastuin da tul'iin, vilu rod'ih, meñiin puččih — siä tervua. meñiin jušeikkah l'ambiämäh, a kačo, sanow, minä nügöi mittuakse rod'iimos? . . .».

mužikku pezetettih, sel'l'itettih puhtahih sobin. nu siä ol'i toine vävvü tulluh jo gošt'ih. «nu vot, sanow, muatuška, et andanuh tütärdü, sanoit, lašku on minun tütär, ei kuwndel'e sinuw, ei rua ni midä. vot, sanow, davais, nügöi kihlat iskemmö, svajakku, kudaman akku kuwndelow».

kučuttih mučoi toine siä, sizär, kučuttih. nu vot: «jaksais alast'i, sanow, da l'ükkiä sovat päččih tukkužel'eh».

se tütär sanow: «ga midä sinä, uravuit vai midä, minä rubian nügöi l'ükkiämäh sobii piäl da täh alast'i jaksamos mužikoin keskehl». — «nu hüvä, kučeuattos toštu, tules minun akkul». kučutah siä lašku tütärdü. nu sanow: «jaksais da turužel'eh sovat kivi da l'ükkiä päččih l'ambiäjäh!». päčči l'ököttäw. akku ül'en raviazeh jaksaldih dai nenne sovat keräi, dai päččih rubiaw l'ükkiämäh. akkua tavattih: «stoil nügöi tämä on opastettu, kuwndelow tütär tämä. vot, sanotto, sanow, lašku tütär on, a kačos, — sanow, — minum akku se kuwndelow, a sinun akku ei kuwnelluh».

sippi-sappi suaru loppih.

21. Сказка про ленивую дочь

У бабы было две дочери. Одна была ленивая. Пришли женихи. Жениху понравилась ленивая дочь. Берет себе в жены ленивую дочь, а ее мать его отговаривает: «Не бери эту ленивую дочь, бери эту работающую». — «Нет, — говорит тот, — я беру эту, мне эта нужна». — «Никого не слушается эта, — говорит [мать], — очень ленивая, ничего не делает, никого не слушается». А мужик тот, жених, берет ту, не боится, что она лентяйка.

Ну, стали они жить, стали поживать. Вот собачка прибежала в избу. Прибежала собачка в избу и давай лаять. Муж и говорит: «Не лай! Я тебя только два раза унимаю, третьего разу не буду унимать». А собачка все лает. Мужик и говорит: «Я тебе два раза разрешил полаять, а третьего раза не лай». Собачка все лает. Мужик со стены схватил ружье и выстрелил в собачку.

Жена стоит и смотрит. Прибежала кошка. Кошка мяукает. «Не мяукай, — говорит мужик, — перестань мяукать!». Кошка снова замяукала. «В третий раз больше не мяукай!». Кошка снова замяукала. «В третий раз больше не мяукай!». Кошка все мяукает. Мужик взял да и кошку застрелил из ружья. Жена думает: «Теперь мне придется слушаться мужа с первого слова, а то и меня застрелит».

Ну, отправились в гости, на отводины туда, к отцу да матери. Отправились погостить к родителям, ехали-ехали, да вот мужик и упал, они свалились с телеги у берега озера. Мужик уронил топор в озеро, соскочил в озеро доставать топор. Пока он искал там на дне топор, лошадь-то и убежала. Жена до родительского дома и приехала раньше мужа. Приехала одна, а мужа нет. «А где же ты мужа-то оставила?». — «Погоди, скажу позже, — дочь говорит, — погоди, скажу после.»

Мужик оттуда [из озера] выбрался, к теще и тестю в дом приходит. (Мокрый не пойдешь туда, к теще да к тестю). Он запрятался в бочку из-под смолы. (Была бочка со смолой на сарае). Он весь запачкался в этой смоляной бочке. «Ох, черт, тут я не ладно попал, надо забраться в тот вон ящик».

Полез в ящик — а там мякина, мякины — полный ящик. Он там запачкался в смоле и в мякине: мужик стал похож на черта. «Куда я теперь денусь? Жена тут, у тестя, а я куда денусь? Надо как-нибудь забраться на печку». Мужик ночью забрался на печку в избе. Забрался он на печку, а утром теща, баба та встает, собирается квашню месить, а мужика того на печи на замечает. Как [снова] квашню ставить на печь пошла, и заметила [этого измазанного мужика]. «О-ой, караул, люди! Сюда на печку черт забрался, бегите сюда!».

Прибежали — так свой зятек! «Ты что же, зятек, зачем сюда забрался?». А зятю-то что сказать! «Вот так и так были мои дела, — говорит он, — промок я весь да пришел сюда, стало холодно,

попал в бочку — там смола. Пошел в ящик, [чтобы] согреться, и вот, видите, какой я теперь стал? . . .».

Мужика помыли, переодели в чистое белье. Ну, а там уже второй зять был в гостях. «Ну вот, говорит, матушка, не давала ты за меня дочь свою, говорила, [что] ленивая у тебя дочь, не будет меня слушаться, ничего не делает. Вот, говорит, свояк, давай-ка на пари, чья жена послушнее?».

Позвали жеңу второго зятя, сестру позвали. Ну вот: «Разденься-ка, говорит, да узел со своим бельем кинь в печку».

Та дочь и говорит: «Да ты что, ошалел, что ли, чтобы я теперь стала кидать свое белье в печку и раздеваться тут при мужиках!». — «Ну ладно, позовите-ка вторую, подходи-ка, моя жена!». Приглашают там ленивую дочь. Ну говорит: «Разденься-ка да заверни узелком белье-то свое и брось его в горящую печь!». Печь-то топится, пылает. Жена быстренько разделась да вот эту одежду-то собрала [в узелок] — да вот в печь и собирается бросить. Ее тут задержали: «Стой! Теперь эта научена, слушается дочь эта-то. Вот, говорите, что дочь ленивая [да непослушная], а смотри, говорит, моя жена-то слушается, а твоя жена — и не послушалась [мужа]».

Вот и сказке конец.

Григорьева Степанида Федоровна, 61 год,
дер. Самбатукса (s a m m a t u s) Олонецкого
района. Магнитофонная запись и расшифровка
Г. Н. Макарова и Т. И. Вайзинена, 1963 г.
(Каб. зв., запись № 221/4).

22. itkuvirzi: muamah nostattaw tütärdü

hospod'i bože blahoslovi. . .
blasloviat d'o, suwret šündüžet
da seiñil seižojat šel'giät sünnüt!
rubian kargiijaine naine
kal'l'ištu kandomuttu kuanuttel'emah
nemmil hualovil huandeksužil:
oi(n), armas kal'l'iš kandomuañi,
opi vai nosta nemmil hualovil huandeksužil,
pakita suwril sündüžil,
ottamažeñi(n), ozavembii(n) osažii.
eigo blahoslovita suwret sündüžet,
ottamažeñi, ozavembažil'e(n) ozažil'e
toižih luadužih luad'ijes.
opi vai(n), armas kal'l'iš kandomuañi,
kačahtellakseh suwrian sündüžiän tuakse,

eigo lai ole ammuin kadonnuh kal'/'iś armožeñi tulluh
hot' l'endäjinnü l'iipoil'indužinnu
sinuw blahoslovimah nemmil hualovil(i) huandeksuzil,
ottamažeñi(n) ozavembil'e(n) [ozažil'e?

oi(n) armas kal'/'iś kandomuañi, siñä rubeit,
tuamenuañi, toizih luadužih luad'imaheze,
kierožeñi, meñit minun kuzümättäh.

oi(n), armas kandomuañi šinä,
opi vai šinä pakita
suwril sündüžil ozavembii(n) ozažii.

viä(n) oppižin küzel'/'ä, armas kal'/'iś kandomuañi,
midäbo l'iännet nemmil üänümbäristöžil nähnüh
šigih unužih uinoil'tuw šigih unuah.

minä nengožil ehtäžil sillo
pehmittel'/'iin ül'en pehmiät pefinät,
pañiin piäsköil'indužian
piäl'immäžis piähöwhenüžis piäluksuan,
kattel'/'iin vuatošnoloi od'd'ualaziil.

oi(n) armas kandomuañi,
opi vai sanua, midäbo šigin unužis näit
nemmil üänümbäristöžil...

22. Свадебный плач, когда мать будит дочь (невесту)

Господи боже, благослови...
Благословите же, великий боже небесный-
Да на стене святыне иконы!
Вот начну-ка я, горюха бедная,
Свою родимую будить на постелюшке
В это ясное беспокойное утро.

Ой, дорогое мое дитяtko ('выношенная'),
Вставай-ка ты в это беспокойное ясное утро
Да проси у великого боже,
Родимое дитяtko, проси счастье посчастливее,
Не благословит ли тебя боже праведный,
Дитяtko мое, на лучшее счастье,
Когда ты начинаешь жизнь по-новому.

Попробуй-ка ты, дитяtko милое,
Посмотреть за иконы святыне в углу,
Не прилетел ли дорогой кормилец-отец
Хоть летающей бабочкой
Благословить тебя в это заботливое утречко,
Дитяtko, в счастливый путь?

Ой, милая, дорогая, родимая, ты задумала,
Черемушинка, устроить жизнь свою по-новому,
Ты, горюшинка, вышла, не спросив меня.
Ой, милая рожоная доченька,

Попробуй-ка просить да молить ты
 У бже великого счастье посчастливей!
 Еще я прошу у тебя, милое дитятко, скажи мне,
 Что ты во сне в эту ноченьку видела,
 Когда ты уснула глубоким беспробудным сном!
 Я в этот вечер постелила для тебя
 Очень мягкое перинушко,
 Положила тебе подушечку из пуха
 С головы птицы ласточки,
 Покрывала тебя одеяльцем из ваты мягонькой.
 Ой, дорогая роженная доченька,
 Порасскажи-ка, что видела во сне
 В эту ноченьку. . .

Григорьева Степанида Федоровна. Магнито-
 фонная запись Г. Н. Макарова и Т. И. Вяйсянена,
 расшифровка Г. Н. Макарова. (Каб. зв., запись
 № 221/4).

23. «kondian minä näin»

kondian minä näin. meil oldih jäl'les voinua ül'en jugiat aijat,
 gofat vuvvet. minul mužikkua ollut ei, kolmia lastu kazvatiin.
 P'ä p'ä k'ö'le meil rod'ih pošolku. minul l'eibiä ollut ei, d'engua ollut
 ei. pidäw l'ähtiä maijon kele, l'ähtiä maijon kele minul l'ä p'ä k'ö'le.
 huandeksel nowziin čuassuw viiži, pañiin maidotakan šel'gäh i
 l'ähten astumah. astun dorogua müöti suwrel'e suale päi. sit
 iče varuan kondiadu, ga sruašt'i varuan. otan kaksi kivüttü i kahtü
 kivüttü minä vastai nenga [čilkutan], štobi kondii ei tul'is minul-
 luo. iče viä pajatan, štobi hot' paginakseh, ei kondii minuw
 koskiš.

astuin, astuin kilometrii hiarus päi kolme, ku sil'mät nostal-
 danhäi — kondii minule vastah, poikki dorogas juaksow. midäbö
 nügöi minä? oi minuw vaivaštu; «karavuw, karavuw, karavuw! —
 minä nenga kirrun — karavuw! kunne tul'it, kunne tul'it? tuh-
 tuh-tuh!». kondii piä alahpäi da perze ül'ähpäi, perze ül'äh, piä
 al'ahpäi, vai möttiäw, vai möttiäw, vai möttiäw. poikki troppažes
 juakši kondii niätsuarih.

midäbo nügöi minä ruan? iäl'l'ehgo mennä, vai järil'l'eh l'ähtie?
 süännöwgo minun kondii, d'iädäneho lapset, vai ei d'iädäne? a
 d'iädäneho ga d'iädäneho maijot muijetah, d'engua ole ei: pidäw
 l'ähtie iäl'l'eh l'ä p'ä k'ö'le! minä iäl'l'eh l'ä p'ä k'ö'le astuin.
 kondii minuw pöl'l'ästüi, minä kondiadu. minä l'ä p'ä k'ö'le meñiin,
 maijot möin, kod'ih tulles minule dovariššu l'öwdüi. kondian stö-
 mättäh piäziin.

23. «Я видела медведя»

Я видела медведя. У нас после войны были очень тяжелые времена, трудные ('горевые') годы были. У меня мужа не было, троих детей растила. У нас в Ляпякко [лесной поселок] организовался. У меня хлеба не было, денег не было. Надо молоко продавать идти, идти с молоком мне на Ляпякко. Утром я встала часов в пять, нагрузила на себя ('спину') кошель с молоком и отправилась. Иду по дороге на Большое Болото. А сама я боюсь медведя, страшно боюсь. Беру два камешка и двумя камнями этими стучу друг о друга, чтобы медведь не подходил ко мне. Сама еще и пою, чтобы делать вид, что говорим ('к слову сказать'), чтобы медведь не трогал бы меня.

Шла, шла от деревни километра этак три [прошла]. Голову ('глаза') как подниму-у — мне навстречу медведь через дорогу бежит. Что теперь я буду делать? Ой меня, несчастную: «Караул, караул, караул! — я так кричу. — Караул! Ты куда пришел, ты куда пришел? Тух-тух-тух!». Медведь идет, переваливаясь с ноги на ногу ('голова вниз — зад вверх, зад вверх — голова вниз'), все идет да идет, все идет да идет. Через тропу пошел ('побежал') в направлении к Ниатсуари.

Что я теперь буду делать? Пойти мне дальше или вернуться обратно? Неужели съест меня медведь, неужели дети останутся [сиротами]? А будь что будет ('останутся, так пусть останутся')! Молоко прокиснет, денег нет: надо идти дальше на Ляпякко! Я дальше на Ляпякко и пошагала. Медведь испугался меня, а я испугалась медведя. Я дошла до Ляпякко, молоко свое продала, а на обратном пути мне попутчик ('товарищ') нашелся. Так я осталась цела и невредима ('несъеденная медведем').

Куришева Парасковья Федоровна, 52 г.
дер. Гора (s a m m a t u k s e n m ä g i) Куйтежского
сельсовета Олонецкого района. Записал Г. Н. Ма-
каров, 1939 г. (АКФ, разр. III, оп. 2, колл. 138,
ед. хр. 28).⁷

24. «tules, dušoi, bešodažeh»

— tules, dušoi, bešodažeh!
— tul'ižin, ga tuwččaine on,
en tul'iš, ga tuskaine on,
l'iännen toiči tulemah

---

⁷ АКФ — Архив Карельского филиала Академии наук СССР, фонд института языка, литературы и истории.

da puaksut kerrat kävümäh.
 kujožizgo kuwnelten,
 da kirjažiigo tšänelten,
 aidažisgo alači
 da peldožizgo peräči,
 suwris kivüžis širiči,
 da piänembäžis piäl'iči.
 hüppäi — koppai kangoile [kangahale]
 da heinüvilkužet [heinüvihkožet] rannoil'e.
 — istois, dužoiči, rinnale
 da panes käži kaglale!
 — en voi istuakseh rinnale,
 pane skamnaine vastale.
 — rod'ih kolme kručinua:
 üksi kručin ül'en suwri —
 buat'koi puwtui zloi—zlod'ei;
 toine kručin viä suwrembi —
 muatkoi puwtui jaharmo;
 kolmas kručin kai kattaw —
 sulhoi viinažen viäl'd'äw.
 joi se eložet dai imeñiät,
 olemattomat priduanoit;
 turkis täihüät vil'istäh,
 suappais st'el'kat ribistäh.
 tavota, tuatoiči, pal'l'aine
 dušoin täihüziän tappajes,
 sivota, muamoiči, metlaine
 dušoin tal'l'azian pühkijes.

24. «Приходи, милый, на беседу»

— Приходи, милый, на беседу!
 — Пришел бы я, да буран поднялся,
 Не пришел бы, да тоска берет.
 Может, в другое время буду ходить
 И часто даже буду приходить.
 Буду приходить по прогонам,
 Буду письма посылать,
 Буду через заборы ходить,
 Буду краем поля приходить,
 Мимо больших камней ходить,
 А маленькие камни буду перепрыгивать.
 Прыг да скок — вот и сосновый бор,
 Да вот травяная лужайка.
 — Садись-ка, душа моя, рядышком.
 Да обними-ка своей рученькой.
 — Не могу я сесть рядом с тобою,

Поставь скамеечку напротив.

— У меня три кручинушки на сердце:

Первая кручина очень велика —

Свекор попался злой-презлой.

Вторая кручина — и того больше:

Свекровка попалась, как баба-яга.

А третья кручина — все перекроет:

Муженек винцо тянет.

Пропил он мое добро и именье,

И приданое, которого у меня не было;

У него по шубе вши ползают,

Из сапогов стельки вываливаются.

Закажи, батюшка, молоточек,

Чтобы поубивать вшей у душеньки,

Завяжи, матушка, метелочку,

Чтобы мести убитых вшей у душеньки.

Куришева Парасковья Федоровна. Записал
Г. Н. Макаров, 1939 г. (АКФ, разр. III, оп. 2,
колл. 138, № 29).

25. «ištuv ñeidoi meren rannas»

ištuv ñeidoi meren rannas

kuldažiljo kivüžil,

kaččow ül'äh — päivü pastaw,

kaččow alah — venoi sowdaw.

kenen neče venoi sowdaw?

tuatan neče venoi on.

— oižo sinä, tuatto-rukku,
ota minuw venoižeh!

— en voi ottua, aino a ñ ñ oi,

veñan verkot viättävännü,

ruačin sovot sowttavannu.

ištuv a ñ ñ oi meren rannas

kuldažiljoi kivüžil.

kaččow ül'äh — päivü pastaw,

kaččow alah — venoi sowdaw.

kenen neče venoi sowdaw?

muamon neče venoi on.

— oižo sinä, oma muamoi,
ota minuw venoižeh!

— en voi ottua, aino tütär,
veñan verkot viättävännü,

Леонтьева Александра Семеновна, 58 лет,
дер. Самбатукса (s a m b a t u s) Олонедкого района.
Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Т. И. Вьяй-
зинена, 1963 г.; расшифровка Г. Н. Макарова,
1965 г. (Каб. зв., запись № 227/1).

26. p e h k o t s e l ' l ' ä n niitule lapsen sain

ammui ol'i se, jo erähät oldih kolhozas, müä emmo olluh viä. huaudeksel koiš l'ähtiin, piirait virših keräin, evähät, maido-butilkat, i hual'ittamižeh niitule. prošken našt'i astuw: «midäbo nenga juakset?». — «oi, niitule juaksen, heinät ollah l'eväl'l'eh». niitule meiniin, ruavoin, ruavoin, mi himoitti millo. ruvettih murginale. murginoičiimmo. lownatčuaजूule ruvettih (nu hot siä lownattamah l'ibo midä-tahto: eihäi niitul čuajuw olluh). sil'l'e kirruttih, sil'l'e meiniin.

heinät kai kandel'iimmo. pidäs nügöi suabran piäh nosta: et n'i kedä tünä, nosta pidäw. suabran piäh nowziin: puwdua kuwzikümen ol'i puwkeskes.

nügöi iäres tulow l'ähtiä: jo ol'iin jälgiaijal, a mužikku ei olluh ni mil'l'enäžeh. mužikku sanow: «äl'a čuwd'ei, nügöi jäl'gihangoloil vähä pidäw l'ähtiä». — «en üksin l'ähte, ga l'ähtemmöi kahtei». suabral päi heitäldiimös iäres, kahten huavan alle meiniin: šinnei lapsi rod'iheze. a mužikku l'ähti hebua tuamah. tul'i — ga minul jo lapsi. «midä nügöi ruatah: seiččiä kilometrii niitul päi, kui nügöi piästä?».

kaksi ripakkua ol'i. minä ühten paikakse, toižeh kiäriin lapsen, käživarrele otiin. ka midäbo? minul ičel ei ole ni midä sobua piäl. da sit ol'i matfii-svuatun piänd'žakko. sen piänd'žakon ičel'e piäl'e. lapsen kiäriin da l'ähtiin astumah. koirat hawkutah, hawkutah. «nügöi, duwmaičen, kondii tulow. a tulgaheze: nügöi et kunne menel süännöw ga mollembat süägäh, kunnebo lapsen jätät?».

piän kiänaldiin tuaksepäi, ga mužikku tulow, viä kaksi brihua tulow. davai minä hualittamižeh: minä iälpäi — hää jällespäi, minä iälpäi, hää jällespäi. saraišah tuliimmo i minä ennepäi uijiin, hää saraiš mendih. sanow: «t'owtal, naverno, lapsi üskäs ol'i, ei muw mi voinnut olla — lapsi».

davai minuw kirgumah sinne matfii-veikki: «kiändäi iäreh, neveskü, tule tiä maguat!». minä en kiändänüheze, iälleh lähtiin. nu häi minun tabai, häi kod'ih minun pual'ih matkoissah toi. buabo tul'i vastah. buabo minul lapsen otti.

kod'ih tulduw kaksi l'ehmiä l'üpsiin, vazan juatiin. toššupäivän kül'üh kävüin. kaksi päiviä proid'ii — da uvvessah niitule meiniin. eigo vačat l'iikuttu, eigo očat l'iikuttu, eigo kivištännüh, eigo olluh ni midä, eigo ni midä ruadanuh.

a nügöi lapset suajahhäi. . . öngo hüvä el'ia, vai ei: ennem kaksi kuwdu annetah, jäl'l'es kaksi kuwdu annetah, pel'onkažih kiäritäh kai nügöi olet ku pruazneikal puhtahal.

a minul üksikái poigu kazvoi ku sokol: pädigo armiah, pädigo l'eñingruadah ruadamah, kunne l'ähtenöw — sinnei priimitäh. poigu eigo l'äpehtünnüh, eigo ni midä ruadanuh. kümмене sain, artel'in kazvatiin.

26. Я родила ребенка на пожне в Пехкотсельга

Давно то дело было, уже некоторые были в колхозе, мы еще не были.

Утром из дому отправилась, пироги собрала в корзину, едú, бутылки с молоком и второпях — на пожню. Прохорова Настя идет: «Что ты так бежишь?». — «Ой, бегу на покос, сено не убрано».

Пришла на луг, работала, работала, сколько могла («мне хотелось»). Стали обедать. Мы пообедали. Стали пить послеобеденный чай. (Ну, хоть закусывать после обеда или что-либо там кушать: ведь на пожне-то чаю не было). Зовут меня [на чай]. Пришла [к столу].

Все сено перетаскали [к стогу]. Сейчас надо бы на стог залезть: никого не пошлешь, самой надо подняться. Залезла на стог [сено утаптывать]: пудов шестьдесят было в зäроде.

Вот-вот должна уйти [со стога]: я была уже на сносях, а муж не замечал, ему ни к чему это. Муж и говорит: «Не чуди, вот последние вилы с сеном примешь и все, не надо уходить». — «Если сейчас же не сойду одна, то придется двоим сойти со стога». Быстренько со стога спустилась на землю, побежала к двум осинам — там и ребенка родила. А муж пошел за лошадью. Пришел, а у меня уже ребенок. Что теперь делать будем? Семь километров от пожни до дому, как теперь добраться домой?

Две тряпки было. Одной вместо платка я перевязала ребенку головку, во вторую завернула ребенка, взяла на руки. Что делать? У меня у самой на себе мало («никакой») одежды. Да тут оказался пиджак свата Матвея. Тот пиджак на себя я одела. Ребенка завернула и пошагала домой. А собаки-то лают, заливаются. «Теперь, — думаю, — медведь на меня идет. А пусть идет: никуда теперь не денешься! Съест, так пусть обоих съест, никуда ребеночка не оставишь?».

Повернула голову назад, [вижу] — мужик идет да еще с ним два парня. Я давай торопиться: я впереди иду — они за мной, я впереди тороплюсь, они сзади. До сеного сарая дошли, а потом я оставила их («раньше их ушла»), они в сеном сарае остались. Там говорят: «У тетки, наверно, ребенок на руках был, ничто другое не могло быть, ребенок по всей вероятности». Дядя Матвей давай меня звать к сараю: «Вернись обратно, невестка! Иди сюда, здесь переночуешь!». Я не вернулась, дальше пошла. Ну, он меня догнал, он меня проводил до полпути к дому. Свекровь («бабушка») пришла навстречу. Свекровь взяла у меня ребенка.

Когда пришла домой, еще две коровы подоила, теленка напоила. На второй день сходила [помыться] в баню. Два дня прошло — да снова на сенокос и пошла. И с животом ничего не случилось ('не двинулись с места животы'), и со лбом ничего не стало ('и лбы с места не двинулись'), и ничто не болело, ничего со мною не произошло, ничто и нигде не болело.

А теперь как родят ребенка... Не диво ли жить теперь: до родов два месяца гулять дают, после родов два месяца дают, в пеленочки ребенка заворачивают. Сейчас точно на настоящем ('чистом') празднике.

А у меня сын все равно, как сокол, вырос: пригодился он и в армию, был пригоден и для работы в Ленинграде, куда ни пойдет — везде принимают на работу. Ничего с ним [с маленьким] не случилось: и не задохся он, и ничегошеньки с ним не было. Десятерых родила, артель вырастила.

Макаров Николай Кононович, 86 лет, дер. Самбатукса (s a m b a t u s) Олонецкого района. Магнитофонная запись и распифровка Г. Н. Макарова, 1963 г. (Каб. зв., запись № 221/7).

27. «mal'iginan zavodu...»

mal'iginan zavodu ol'i suwreljovel, kuit't'ižen jovel. ižändöil, voronovil, kod'i ol'i hüvä, opšeittu.

zavodu se ol'i jogirannas, ruadoi. ol'i luajittu sinne vualu, ku mel'l'ičäs ol'išhäi suwres. niil'öil ruattih, pal'l'attih suwri pal'l'oil. üksi vualu suwrdu pal'l'ua kiändäw, toizet oldih piänembät, nemme huvembat pal'l'at, net ül'en puaksuzeh ruattih, a kričnoi pal'l'u vai möčkütti hil'l'akkažih nenga. kričnoi pal'l'u ol'i ku korvoi. sil pöhküttäw nenga, vai tulet pakutah, kübenet loitos nečine.

zavodas luajittih labjua da vojennoloile sinne kunne ollow viättih. da sit viä midä ken käski siä, sidä luajittih niil'öis ravvois, tol'ko kerävöravvat oldih, meil muas rawdua ei otettu ni kuspäi. kerävöravvat tuvvah da galanskoidu hiil'dü. galanskoit hiil'et on moizet mustat, dai nügöi viä viätäh vähäine pajoih. galanskoil hiilel kai keitettih, sulattih nämmä ravvat ühteh. sit sen kričnoil pal'l'uaw, sit oldih viä piänet kolotuškažet. niil'ül'en puaksuzeh pal'l'uaw. sit midä himoitti, sidäi viätettih kolotuškažil.

da sit viä mejän hiil'dü poltettih, müä ruavoimmo hiil'dü, kuwččua poltiimmo. kuwččua poltettih muga: pilattih halgua, hallot viättih da kuwčan lad'd'attih da muatettih.

kuwččah pandih puwdu: kuwzištu da pedäjistü, pandih i koivuw. mittuine tahto puw pane — kaikēs hiil'dü roih. ünnäl'l'ižen hallon

pidmaine hiil'i nenga rod'aw. hallattih dai krugloidu puwdu pandih, pane mittumua tahto, kai paletah sih. pandih tuarehet dai kuivat puwt. ümbäri ezmäi pandih kuivua zavod'ijes, virittäin.

kuwččua ol'i suwrdu dai piändü: kümmein, kaksinkümmein, kolminkümmein četvert'il'öin hiil'dü luajittih kerras. kuwččuhawdu muatettih četvert'ii, labjua pandih muadu. kai kuwčču muatettih, keskele luajittih truba. truvas laskiattih tul'i sinne kuwččah. tul'i siä l'ähtöw, savvu ikkunois päi tulow. kudai čura ei palanne, sit vozduhu avatah. šit se puol'i palamah rubiaw. se kruwghah kuwčču luajittih.

kuwččua poltettih, kuñi puw ei hiil'ekse mene. ičei nägüw: palaw, ga jo nügöi mua heitäh. vilustuw vähāzen, sit mua l'ükätäh iäres, hiil'et puhtahat d'iajääh. hiil'dü muga luajittih.

sit net hiil'et otettih sinne zavodale. šia zavodas hiil'et ahjoh pandih. ahjot ollah, štobi sulaš nemme ravvat. hebožil viättih zavodah hiil'et. kul'ih meil ol'i naved'ittu hiil'et. kezäl oldih moižet t/el'egät, viä ol'i kahat luajittu talvel regil'öih. kaha luajittih muga: ezmäi šoijat nemme pandih, a sit šoigih pandih päriät, štobi hiil'et ei pakkuš. kümmein da kaksintoštu četvert'il'öin viättih kahois hiil'dü. hiil'es maksettih. maksu jo huano ol'i: viižitoštu kopeikkua četvert'i neče lugiheze.

kuwččua äijü mejän sijas poltettih, vel'l'i, šil i el'ettih. ešlluh ennepäi vedua, vedoloi nemmii. kai našel'eenii polti kuwččua, joga miäs maltoi: se on prostoi ruado. alavožeh vai videl'eh zavodu luajittih, ga viä mtä poltiimmo hiil'dü sinne.

27. «Малигинский завод...»

Малигинский завод — на Большой Реке, на Куйтежской реке. У хозяев, Вороновых, был дом хороший, обшитый.

Завод тот был на берегу реки, действовал. Там был поставлен вал, точно, как на большой мельнице было бы. На тех работали, большими молотами ковали. Один вал приводил в движение большой молот, другие молоты были поменьше. Поменьше молоты — те очень часто стучали ('работали'). А кричный [водяной] молот только бахал, реденько этак. Кричный молот был величиной с ушат. Тот как бабахнет, только искры ('огни') летят, далеко отлетают искры.

На заводе делали лопаты и военным куда-то отправляли. Да еще кто что заказывал, то и делали из железа. Это собранное железо было [лом], у нас из земли не рыли железа нигде. Собранное железо привезут да каменный ('голландский') уголь. Голландский уголь такой черный, да и теперь еще немного везут его в кузницы. На голландском угле все это варили, плавили это собранное железо вместе. Тогда тем кричным молотом сожмет. Были еще маленькие колотушечки. Те очень часто постукивали. Тут что надо было, то и ковали этими колотушками.

Тут наши и уголье сжигали, мы заготавливали [древесный] уголь. Кучи сжигали. Кучи сжигали так: пилили дрова, дрова возили в одно место, складывали кучу и зарывали землей.

В кучу накладывали лес: еловый и сосновый, клали и березу. Любое дерево клади — из всякого уголье получается. Уголь вот такой, длиною во все полено получается. Дерево раскалывали да и кругляком клали, клади любое, все в уголь превратится. Клали и сырое дерево. Для начала кругом сперва клали сухое, чтобы зажечь кучу.

Кучи были и большие, и маленькие: за один раз сжигали уголья по десять, по двадцать, по тридцать кубических четвертей. Яму для угольной кучи покрывали земляным слоем толщиной с четверть примерно, на полную лопату толщиной слой земли клали. Всю кучу накрывали землей, а в середине оставляли трубу. Через трубу зажигали дрова в куче. Огонь как там загорится, дым выходит из окошек. Если которая сторона не горит, то напустят туда воздуха ('откроют воздух'). Потом и та сторона загорится. Кучу угольную строили круглую.

Кучу жгли, пока дерево не превратится в уголье. Сам и заметишь: если дрова сгорели, так земля сдастся. Немножко поостынет, тогда землю сбрасывают [лопатами], угли остаются чистые. Уголь так готовили.

Потом тот уголь брали туда на завод. Там, на заводе, уголь употребляли в горне. Там горны такие, чтобы плавить железо. Уголь на завод возили на лошадях. Уголь у нас загружался в кули. Летом были такие телеги, а зимой к саням были приделаны коробки. Короб делался так: сначала долевые планки ставились, а потом к долевым планкам прикрепляли лучины, чтобы уголь не вываливался. В коробе по десять и по двенадцать [кубических] четвертей возили угля. За уголь платили. Плата неважная была: пятнадцать копеек за четверть причиталась плата.

В нашей местности, брат, много сжигали угля, тем и жили. Раньше-то лесозаготовок и возки леса не было. Все мужики сжигали уголье в кучах, любой человек это умел делать: это не мудреная работа. Когда построили в Ильинском или в Видлицах завод, так мы тоже сжигали уголь и возили туда.

Куршиева Анна Николаевна, 53 года, дер. Самбатукса (s a m b a t u s) Олонецкого района. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и Т. И. Вязинена, 1963 г. (Каб. зв., запись № 221/5).

28. minä näin kondiadu jälles voinua

meil kojit poltettih, mužikat tapettih. jäimmö müä — emmo tiä kuz el'ia. l'ehmü jäi: maidua l'üpsämmö, takkah paniimmo, da lod'einoil'e l'ähtiimmö, lod'einoil'e pidaw nell'ikümen kilometrii jallai astua, maidotakku sel'l'äs.

l'ähtiimö müä l'eskovan ahfi-rukanke konnuin kawt/i kohtalleh, konnuin kawt/i, jo päivän laskiattuw keviäl lodeinoil'e. astummo-astummo — ilottuloin niitut. astummo da vai nenga pagizemmo hänenke siä, kahtei tolkuičemmo. hospod'i, ku kondii hüppiäwhäi hawdažespäi kohti meih! ku ol'i mittuine suwri da pitkü, ga tämän pert'in piduhut ol'il da ku ol'i mordu — ga nengoine! [ozuttaw]. häi meih kaččow, müä häneh kačommo. duw-maimmo: sih söi meidü häi.

ahfi-rukku (hänel ewlluh iändü)... se kondii ku hüppiäwhäi hawdažes kohti meih! häi pöll'ästüi meidü, müä kondiadu pöll'ästüimmö. ahfi ku millo täh, vaččah, käin iski, sanow «l'äkkä kod'ih!», a miä rubein kirgumah: «tuh-tuh!». kondii ku poikki dorogas, meččü otti sinne, kasekseh: üksi vai ročkeh rod'ih.

a ku müä l'ähtiimmö konduih päi juaksemah. minul maijot kai takkah murettih: tävvet suappain siäret maidua ollah. ahfi millo jäl'l'es ei kestä. emmogo (spičkat oldih) toimitannuh spičkoi čirnie, emmogo midä. da juaksiimo, juaksiimmo konduih sah. minä müäs i kirguan: «tuh-tuh!», a häi kirguw: «äl'ä ammul». häi ei voi juasta, häi pöll'ästüi.

konduih tul'iimmo, konnuis itkiätäh: mańkan muamo tappettih uslonat, prokin mańkan muamo. midä nügöi müä ruammo: l'ähtiägo meil pellole, vai kiändüä? ga kunne nügöi kiändümmö? konduih tul'iimmo: akku tapettu, dorogal kondian näimmo, maijot murettih, lapsile l'eibiä pidäs suaja⁸ (koit dai kai oldih meil, kačo, palettu, gočas ol'iimmo: iallut⁹ ni kus ni midä).

nu meñiimmö lod'einoil'e, jallai meñiimmö nell'ikümen kilometrii da jallai tul'iimo. da siä saimmo vähäžen kagrua da senke kod'ih tul'iimmo. mittumas sražeeñias ol'iimmo, ga sidä ijan minä mustan kondiadu. ku ei kondii meidü süännüh...

kondii ol'i madal da pitkü, ül'en ol'i suwri, prawdu: mordu ol'i ga nenga [ozuttaw]. häi meidü pöll'ästüi, müä kondiadu pöll'ästüimmö. i hawdažes häi virui, vikse siä magari, müä astuimmo da nenga hurižemmo. häi hüppiäwhäi kohti meih! i ku eigo sül'genüt,

⁸ suaja ~ suvva

⁹ iallut ~ ialluh (< ei olluh).

eigo ni midä. ga uskotgo, kulleh näi pöll'ästtömmö! kondii ol'i harmai, harmai, mat'is heboine vai ol'i moine. ga ku ol'i mordu, ga ni el'äissäh en nähnüt, ezmäžen kerran näin.

28. Я видела медведя после войны

У нас домá сожгли, мужей наших [на фронте] убили. Остались мы — не знаем, где жить. Осталась корова: надаиваем молоко, кошель [с молоком] за спину да в Лодейное Поле продавать идем. До Лодейного надо сорок километров пешком идти, ноша с молоком за спиной.

Отправились мы, я да бедняжка Лескова Агрепина через Кондуши прямо, через Кондуши, уже после захода солнца, весной в Лодейное Поле. Идем, идем — пожни Илотут. Идем себе да так между собою говорим, вдвоем болтаем ('толкуем'). Господи, медведь из ямки как выскочит — да прямо на нас! Какой он громадный был да длинный, так во всю длину этой избы был! А морда-то была какая — во этакая! [Показывает]. Он на нас смотрит, а мы на него смотрим. Думаем: тут нас он и съест.

Бедняжка Агрепина (у нее не было голоса). . . Медведь из ямки как выскочит да прямо на нас! Он испугался нас, а мы испугались медведя. Агрепина рукою как схватила меня тут, за живот, и говорит: «Пойдем домой!». А я стала кричать: «Тух-тух!». Медведь через дорогу, леший его взял туда, в березняк: только хруст идет [так бежит].

А мы давай в направлении Кондуш бежать. У меня в кошелё бутылки с молоком все разбились: полные голенища молока натекло. Агрепина за мной не успевает бежать. Мы даже не догадались (у нас спички были) спички чиркать и ничего не догадались делать. Да мы бежали, бежали до самых Кондуш. Я нет-нет да и крикну «Тух-тух!», а она кричит мне: «Не кричи! ('Не стреляй')». Она не может бежать, она испугалась.

В Кондуши мы пришли, в Кондушах плачут: мать у Мани заключенные ('услонцы') убили, Прокиной Маньки мать. Что теперь мы будем делать: идти ли нам дальше в Лодейное или вернуться обратно? А куда теперь вернуться? Пришли мы в Кондуши, а там баба убита, по дороге с медведем встретились, молоко пролили, детям хлеба надо было достать. (Домá да и все у нас были сожжены, в беде были: нигде ничего не было!).

Ну пошли в Лодейное Поле, пешком прошли сорок километров да пешком вернулись обратно. Там немножко достали овса да с тем и домой вернулись. Какой страх пережили ('в каком сражении были'), так всю жизнь я помнить буду того медведя. Вот медведь не разорвал ('не съел') нас, так. . .

Медведь-то был низкий да длинный, очень большой был, правду [говорю]: морда была вот этакая. [Показывает руками]. Он нас испугался, а мы медведя испугались. Он, наверно, в яме

спал, а мы как шли да так меж собой говорили ('бормотали'), а он как выскочит да прямо на нас! Даже не плевался и ничего не делал. Так веришь ли, как мы испугались-то! Медведь был серый-серый, у Матвеевых только лошадь была такой масти. А вот морда-то была, я в жизни не видела [такой морды], в первый раз пришлось видеть.

Куришева Анна Николаевна, 53 года, Макарова Феяла Алексеевна, 61 год, обе из дер. Самбатукса (s a m b a t u s) Олонеккого района. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и Т. И. Вьязинена, 1963 г. (Каб. зв., запись № 221/3).

29. «l'ähtiimmö müä siäneh...»

[ańńi]: l'ähtiimmö müä siäneh jäl'l'es voinan loppuw. da müä segoimmo sinne, vihmupäivü ol'i, müä emmo kod'ih voinnut puwttua. puwtuimmo sinne majakan alle, l'eńingradskoih mežah, dai müä üävüimmö, magaimmo üän. neveskü se uinoi muate, viršižen pialuksih pañi, a minä üän kaiken puhuin hapannuah gahoh. viiži-toštu vuattu ol'i majakal luajittuw, niil'oih [halgoloih] üän kaiken tuldu puhuin.

sit huandesčura ku rod'ih, ruvettih siä hukat ulvomah, meččü ol'i ül'en suwri. l'ähtiimmö müä (huandes tul'i) poikki suas. astuimmo poikki suas, astuimmo, siä tul'i pokoiñiakkua: nečidä, saldatat oldih kuahtu, ühtet vai oldih piäkul'l'ukat da šiñel'it. kolme pokoiñiakkua ol'i süan rannas. nügöi sano sinä, t'oka.

[t'oka]: magaimmo, magaimmo. ańńi sanow: «oi-joi-joi! sinä, t'oka, vai maguat!». a ańńi vai itkuw: «ui-hu-hu, ui-hu-hul», täwttü vägiä itkuw laskow mečäs. nowziimmo. minä sanon: «ańńi, davai mol'imokseh, anna hoš spuasoini päiväžen ozuttaw, kunne-päi meil' kod'ih l'ähtiä». kačommohäi, ga päiväine nowzi tul'ähäm-päi! «nügöi piäzemmö kod'ih, l'äkkä vai alahpäi tänne astumah». astuimmo, astuimmo-pitkähojah heitiimökseh. tul'iimmo. «nügöi, — sanow ańńi, — puwtummo, minä täl barakal ol'iin mečäs vevos, — sanow, — tämä on meijän barakku, riigoin nad'a ol'i kokinnu keittämäs. nügöi piäzemmö kod'ih. piäzemmö».

millo näl'gü, hänel l'eibiä olluh ei da ni minul l'eibiä ei ole. minä räbiniä katkain, söin-söin räbiniä — vačču täwdüi. kod'ih piäziimmö. tul'iimmo kod'ih: meidü viä čakatah: «kus kävel'iittö sevoksis?». a müä siäneh l'ähtiimmö meččäh dai segoimmo, siä üän magaimmo.

[ańńi]: meil oldih viä korvoit jãritettüw siändü, takat. emmo l'ükännüt šiäñil'oi, kod'ih kannoimmo šiänet. kuwzi mežua kävel'iimmö sevoksis, pehmiädü, kulkussah kualet'iimmo, da val'ežñia-

koiš piäl'iči, üksikai piäziimmö kod'ih šianjänke. šianii emmo l'ükän-
nüt, šianet kod'ih toimmo.

[t'o k a]: šiändü, ol'i, šiänikköh müä puwtuimmo, nu segoimmo.
da mittumas müä korves magaimmo kahtei, ga duwmaimmo hukat
süvväh. müä kahtei segoimmo, vihmaksehiine päivü ol'i, müä emmo
voinnut dorogah puwtua. olluš ku kajožu päivü, ga müö kod'ih
päi piässüzimö, a ol'i ku vihmupäivü, emmo toimitannut, kuspäi
kod'i on. pokoiñiakkoi itkiimmö, itkiimmö, da sit pidi meil' üä
muata, puwtuimmo pokoiñiakoillua, segoimmo.

[a n n i]: ol'iimmo müä viä savoin šuwranke madratsu-
rannas šiänes. müä šiä keräimmö ül'en suwret takat šiändü,
korvoit oldih šiändü. tul'iimmohäi tänne, odva-odva piäzemmö,
seiččiiä kilometrii kannoimmo šiänii. tul'iimmo namšin kaivole.
(kačo mittuine on gora krutoi hiaruh nostaw). häi [š u w r a] sanow:
«oh ku ol'iš mit'as kirjaine, — sanow, — ga täs ma kaiken goran
takanke drobizin ül'ähpäil' i drobii, kaiken matkan, goran ül'äh
säh drobii.

kod'ih tul'i — ga mit'as kirjaine! mit'a on hengis! kačo hänen
drobindu kunne meil' a müä ku emmo drobinuh, ga mejän muži-
kat sinnei d'iädih. a mit'a ga tul'i, šuwräle tul'i mužikku,
mit'a, kod'ih.

29. «Отправились мы за рыжиками...»

[Анна]: Отправились мы за рыжиками после того, как война
кончилась. Мы там заблудились, дождливый день был, мы не смогли
попасть домой. Мы попали туда, к маяку ('под маяк'), где ленин-
градская межа, мы там и заночевали, ночь провели. Невестка-то
уснула, корзиночку положила в изголовье, а я всю ночь поддер-
живала огонь ('дула в огонь') в гнилом валежнике. Пятнадцать
лет прошло [с тех пор], как маяк тот в лесу был поставлен, дрова
из этого маяка были, и я всю ночь поддерживала костер.

Стало за полночь, начали там выть волки, лес был очень глу-
хой. Настало утро, и мы пошли через болото. Шли через болото,
шли, там мы натолкнулись на покойников: это солдаты погибшие,
одни только черепа были да шинели. Три покойника было у бо-
лота. Теперь говори ты, Фекла.

[Фекла]: Мы спали, спали. Анна [и] говорит: «Ой-ой-ей! Ты,
Фекла, только спишь». А Анна только плачет: «Уй-у-уу, уй-у-уу!».
Во все горло ревет в лесу. Мы встали. Я [и] говорю: «Анна, давай
помолимся, пусть боженька хоть солнышко покажет, в какую
сторону нам домой направиться». Посмотрели как — так сол-
нышко показалось над головой! «Теперь попадем домой, пойдем-ка
под гору сюда, пошагаем». Шли, шли — вышли к Долгому ручью.
Пришли. «Теперь, — говорит Анна, — попадем домой, я в этом
бараке жила, когда лес возили здесь, это наш барак, Ригоева
Надя кашеварила тут, теперь попадем домой, попадем!».

Мне голодно. У нее хлеба не было, да и у меня нет хлеба. Я нарвала рябины, ела-ела рябину — наелась. Домой попали. Пришли домой — нас еще ругают: «Где вы блуждали?». А мы пошли за рыжиками в лес да забылись, там и ночь переспали.

[Анна]: У нас собрано было полные кошелы рыжиков ('полный ушат рубленых грибов было'¹⁰). Мы не бросили рыжиков, домой дотащили. По шести делянкам блуждали, по топкому лесу шли, проваливались по горло в топь, да через валежники пробирались, и все равно до дому добрались с рыжиками. Рыжиков не бросили, домой дотащились с ними.

[Фекла]: Грибов было [много], мы в хорошее грибное место попали, но только заблудились. В какой мы тайге вдвоем ночь переночевали, думали, что волки нас разорвут! Мы вдвоем заблудились, пасмурный день был, мы не могли на дорогу попасть. Если бы ясный день был, то мы к дому пошли бы, а раз был дождливый день, мы не понимали, в каком направлении дом. Мы плакали по покойникам, плакали, да тут нам пришлось и переночевать. Попали к покойникам, заблудились.

[Анна]: Мы еще с Савельевой Шурой были за рыжиками около болота Мадрадсуо. Мы там набрали очень много грибов, по полному ушату было у каждой. Пришли сюда, [к деревне], еле-еле добираемся, семь километров несли рыжики. Пришли сюда к Намшиеву колодцу. (Гляди, на какую крутую гору надо подняться, когда в деревню попадаешь). Она [Шура] говорит: «Эх, было бы от Мити [мужа] письмо, — говорит, — так я всю гору с грибами за спиной в припляску прошла бы!». В припляску она и прошла всю дорогу, до самой вершины она шла, приплясывая.

Пришла домой — от Мити письмо! Митя и живой! Смотри, как повернулась ее пляска! А мы как не плясали, так наши мужики там [на фронте] и остались. А Митя вернулся, Шурин муж, Митя домой пришел.

Макарова Фекла Алексеевна, 37 лет, дер. Самбатукса (s a m m a t u s) Олонеккого района. Записал Г. Н. Макаров, 1939 г. (АКФ, разр. III, оп. 2, колл. 138, № 32).

30. lapsile aijan menokse

1. suarua-buarua,
kiveriä kowkkuw,
iški kaži kandoh —
suavaroit l'endoh.

---

¹⁰ Количество собранных грибов для соления принято измерять ушатами.

2. t'ikku — tuas,
t'ikku — muas,
t'ikku — voipadažes,
t'ikku — ikkunragožes.
3. pakkaine — lakkaine,
pañi puan päččih,
iče l'äht'i viäl'e.
4. harakku, harmai bokku,
ühtel jallal skoččiw.
5. harakku, harmai bokku,
opasta minuw l'endämäh,
äl'ä ül'en ül'ähäči,
äl'ä ül'en alahači,
koht'i miiloin kod'ižeh.
6. l'ähti buabo r a n d a h,
ripakkožet jalgah,
kartizet kormañih,
viinubutilkur šižal'ih,
poččiine podvodah,
t'okkiine t'el'egäh.
7. rastaw rawguw,
viäristü vinguw,
kiven al kirguw,
aitan al ambuw.
8. kägöini, kägöini
käbäl'äžil kukkuw,
eižo v u a l'i (?) vangaškoita —
v u a l'i vangaškoittaw,
eižo i m m i (?) itkešköitä —
i m m i itkešköittäw.
9. — kis, kis, kisoini,
riw-raw, reboini,
kusbo šinä kävel'iit?
— muan da taivahan keskes.
— midäbo šiä sait?
— sain sada poigua.
— mitbo ollah nimit?
— ühtel — i t'vi,
toižel — t a t'vi,
kolmandel kosoï b o r i s s u,
nel'l'ändel — nemsu bapku¹¹
viiwendel — virgu očču,

¹¹ toine pajattai sanoi: neidoi niemi, — *Γ. M.*

kuvvendel — kut't'i-käbäl',
seiččimendel — se m o i-siigaine
kaheksandel — kaidupardu,
üheksändel — ül'iinkirju,
kümnenendel — kül'än vahän.

30. Образцы детского фольклора

1. Сказки да присказки,
Кочерга кривая.
Кошка [лапкой] ударила по пню —
Вороны на болоте кто куда.
2. Дятел — там,
Дятел — на земле,
Дятел — в горшке с маслом.
Дятел — в щели окна.
3. Мороз-Красный нос
Поставил чугуи в печку,
А сам пошел за водой.
4. Сорока-белобока ('серобока')
На одной ноге прыг-скок ('скачет').
5. Ты, сорока-белобока ('серобока'),
Научи меня летать:
Чтоб не очень высоко,
Чтоб не очень низко,
А прямо к милому в дом.
6. Бабушка пошла в Бережную [название
деревни],
Тряпочками ноги обвязала,
Карты взяла в карман,
Бутылку с вином за пазуху.
Поросенка в извозчики,
Феклуша в телегу [села].
7. [Мороз] в рождество покрикивает,
В крещенье завывает,
Под камнем поскрипывает,
Под амбаром постреливает.
8. Кукушечка, кукушечка
В лесу кукует.
Вуали (?) не заставит завять,
Вуали заставит завять.
Имми (?) не заставит заплакать,
Имми заставит заплакать.

9. Кис-кис, кошечка,
Рив-рав, лисынька,
Где же ты ходила?
— Между небом и землей.
— Кого же ты там родила?
— Родила я сто детенышей.
— Как зовут твоих детенышей?
— Одного зовут Итти,
Второго — Татти [Анастасия],
Третьего — Косой Борис,
Четвертого — Бабка-немка ¹²
Пятого — Звездолобый,
Шестого — Собака-лапка,
Седьмого — Семен-сигушка,
Восьмого — Узкобородый,
Девятого — Самый красивый,
Десятого — Староста деревни.

Записано от разных лиц в дер. Самбатукса
(s a m t a t u s) Олонекского района. Записал
Г. Н. Макаров, 1939 г. (АКФ, разр. III, оп. 2,
колл. 138, ед. хр. 27).

31. «eigo kiältä, eigo käskiä»

1. eigo kiäl'tä, eigo käskiä —
kül'l'ü oma valdaine,
senke minä iče tiijän,
mittuine elon aigaine.
2. sorzu uidi, pojat jätti
randoi müä uidelemah.
ukko kual'i, minun jätti
viarahii kuwndel'emah.
3. pellon l'induštu et tabua,
ozua kädeh et ota,
ennem aigua et voi tiädiä
kunne miehel annetah.
4. etjo voinnuh muamo-rukku
roindusijal upottua,
kebjäm olluš minul t'irpua,
čem kuldaštu unohtua.

¹² Вторая рассказчица сказала: Девичий мыс, — Г. М.

5. kal'inmuarju kawniš kaččua,
da süvvä kačkerahko.
miehel' mennä — kuwlla hüvä,
da el'iä atkalahko.
6. midä, soittoine, et soita,
vai on iänüät katkettu?
midä, kuldoiini, et kävü,
vai on suappait murettu?

31. «Не унимают и не потакают»

1. Не унимают и не потакают —
Своя вольна волюшка.
Какова она — сама я знаю —
Моя девичья долюшка.
2. Утка улетела, птенцов оставила
Плавать вдоль берега.
Муж скончался, меня оставил
Подчиняться ('слушаться') чужим.
3. Пташку полевую не поймашь
И рукою счастье не возьмешь.
Раньше времени не знаешь,
Куда замуж попадешь ('выдадут').
4. Как же не смогла, родная,
Утопить меня, где родила.
Мне легче было б то пережить,
Чем сейчас милого забыть.
5. Ягода калины — на вид красива,
На вкус она горьковатая.
Замуж выходить — слава хорошая,
Но жизнь-то трудноватая.
6. Что, гормошка, не играешь,
Или голоса твои сорвались?
Что ж ты, милый, ко мне не ходишь,
Али сапоги твои изнасились?

Записано от разных лиц в дер. Самбатукса
(s a m b a t u s). Олонеккого района, 1957 г.
Запись Г. Н. Макарова. (АРФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 24,
лл. 1—19).

32. sanampolvet, privutkat

1. aigaine akku, müähäine mu-
čoi (konzu vahnate pidaw
enambi ruadua).
2. aigaine l'induine jō nuak-
kaštu čiišt'iw, müähäine
vaste siivüzii räpšüttaw.
3. akas on kojil'e lukku, da
akas on kojil'ei hukku.
4. akku on mužikan koiru.
5. algu käis, loppu jumalas.
6. ammu pŭw, kuŭni on oksal.
7. artel'is on aiga kannalmus,
ūhtesgi on hüvä ūskälmüs.
8. bohattu sizär on vel'l'el'e ar-
mas, terveh akku mužikale.
9. čuaju ialo viinakse, et äijiä
jua.
10. d'ialos pidaw olla, hot' d'ia-
lua nävü ei.
11. dorogal seižo, dorogua күзү.
12. ei čomal rožal čupukkua
pasteta.
13. ei igiä el'iä, igä mustua.
14. ei kalua, ga űi ongikalas ei
kala.
15. ei pappi hengel'e eht'i (konzu
on opasnošt'i mi űibud')
16. ei piä hänel'l'üä mennä űi
kiviä piän puhkates pakičče-
mah (=on skuwppu).
17. ei roi sanas saldattua, pagi-
nas pappii, korondas kohtuw.
18. ei sünnütä űi űksil'e űät'i-
loil'e.
19. et usko, ga puske seiűiä.
20. el'ännöw ga l'iävü l'ämmem,
töl'l'önnöw ga l'iävü väl'l'em.
21. el'aw kurgi, el'aw kargi,
el'aw harmai harakku, dai
müä el'ämmö.
22. emändü on künziššäh kül'-
l'äine.
23. enne vazaštu ei pie azua
aidaštu.
24. ezmäine d'ialo — langettuw
nosta.
25. ewle se muamo, kudai lapsen
suaw, on se muamo, kudai
vačan piäl magaittaw (=kaz-
vattaw).
26. ewle se űerotoi, kudai malta
ei, on se űerotoi, kudai
küzü ei.
27. ewlo hevol kiäl'dü, mužikal
miäl'dü.
28. ewlo luwh juwttunuttu da
omah suwttunuttu.
29. gluhoiie (kuwűehele) papile
kolmie kiardua ei zvoűita.
30. gošt'is ialo oma valdu.
31. gošt'ua ihastut, taguštu pöl'-
l'ästüt.
32. harvem kävves armahemi
olet.
33. hebo zerku da akku h o w r i,
se mužikku on mennüh.
34. hevon hiegh da akan itkuh
ei piä kaččua.
35. hiarul ol'ijan (=gul'aiččijan)
murgin paččahan piäs.
36. hiiri suwren awnan alle ei
kuale.
37. hot' kurju da kukki (=mu-
žikku), hot' kawűiš da kana
(=akku).
38. hot' ruačči piädü l'eikkua-
mah tulgah, ga et kuwle
(muga iätäh).
39. huavoh oraštu et peitä (=pei-
toči ei sua űi midä ruadua).

40. huigiat hurst'is, riähkät räč-
činäs.
41. hual'ita muidu sanua pakič-
čiazekse: iče piäzet boha-
takse.
42. huomeñiine päivü on aiven
iäl'l'ehpäi.
43. hüvä miäl'eh juhtuw, a pa-
hua ni unohta et.
44. hüvä miäl'i ruavon ruadaw,
paha kai kiäl'däw.
45. hüväh tabah l'epptgi l'am-
bütw, pahah kadaigi (l'ibo
paiju, l'ibo koivu) katkiaw.
46. hänen däh taiginah vettü
l'izätä ei piä (ialo suwfi l'i-
žävüs pereheh).
47. i kivi kiveh türskähtäh (l'ibo
čul'kähtäh), ei vai rišt'i-
kanzu rištikanzah.
48. iäl'l'ehpäi očan ozuttaw.
49. igä el'ia, ei ku peldo poikki
proid'ia.
50. igä el'ä, igä opastu.
51. il'l'as vilu vezi juadavannu,
pitkü üä muattavannu.
52. joga sija (d'ialo) omal aijal.
53. jowdaw pappi vazatgi valat-
taw.
54. jumal päivän andaw dai ei-
nehen andaw.
55. juaksii hukku püörijängi
lambahan ottaw.
56. jäl'l'el il'l'u a zerku hebo
aijan tuan ei nävü.
57. jäl'l'el'e voinua äijü hruab-
roidu on.
58. kačokkah päiväine kohti,
a kuwldamaštu korendol
(= mužikku kohti kačokkah,
suvaikkah, a muwl perehel
d'ialua ialo).
59. kačot gu zořah (= čomah rišt-
t'ikanzah)
60. kahtu ühtenjütüttü seivästü
aidah ei püstütetä (= kudai
tahto molodolois on čomembi
da parembi).
61. kaikkii hüvüzii ei kiardah.
62. kala ongeh — kalañiakku kat-
tilah.
63. kalañiakku kalkevuw (= ri-
bevüw).
64. kastuin, ga ewlo kuivua ni
kukile nuakata.
65. kaži hännän ruagakse pēr-
gaw: vuattamatoin gošt'u
tulow.
66. kážil annat, jalloil ečit.
67. kažil'e kiža, hiirel'e tozi.
68. kawniš velgu maksajen.
69. kedä sluwžit, sidäi tuwžit.
70. l'iigu kehitiändü on üksikai
ku koiraitandu.
71. kel bokat kupettaw, sei kü-
l'ün eččiw.
72. kel käis, silgii kärzäs.
73. kel nenä noves, sei seppü
(= hot' ičessäh tolkuw ei
olle).
74. kel on käzi talmas, sil on
l'eibü awnas.
75. kel on ukko, silgii kulakku,
kel on akku, silgii čupukku.
76. ken grivan stäw, segii ma-
dožen süäw.
77. ken iälpäi, sei piälpäi.
78. ken kui maltaw, se muga
omua muamua itköw.
79. ken midä eččiw, se sidäi
suaw.
80. kenen hurgoidu hurgutat
(= lastu l'iikutat), sengii kañ-
noidu puret.
81. kenen rannat, sen i kalat.
82. kezä kaikil üksi, a oza ialo.
kaikil üksi.
83. kezäl luaji regi, a talvel
d'el'egü.
84. kevätpäiväksi da sügüsüäksi
täwdüš paginua.
85. kiäl'es luwdu ialo.

86. kiäl'i ewlo mal'čiakku: midä kasket, sidäi sanow.
87. kippiw, gu vora jarmankas.
88. kodavävvy — kojn loppii.
89. kodavävvy pidäw ast'ivon šorpił muata, äskin roiheze mužikku.
90. koiru hawkkuw, tuwl'i kanda.
91. kondiadu vihal meččäh et tapa.
92. kondii mečas on vägöw, a mužikku hänen tal'l'al maguaw.
93. konnuin mužikat piäs toratah (= konzu tukat ollah pörhäl'l'eh).
94. koza žiivattu da pappi gost'u vai riähkäh suatetah.
95. kudai jumal kastaw, sei kuiuaw.
96. kuduah kaivoh sül'l'iit, sid i vettü joit (= briazguičiit brihua, a šil'l'ei pidi miähele mennä).
97. kuñi jalgu kapsaw, siñi suw šapsaw.
98. kunne hebo, sinnei regi.
99. kunnei kurju (l'ibo kurgi) l'ennä, ühtet havvut ruvannu.
100. «kunne l'ähtiit?» — «egl'äštü päiviä tabuamah (l'ibo: sillo ruwheh lawdua tuamah)» (= konzu ei tahtota sanua, kunne l'ähti).
101. kus ennem jogi pagei, sih hot' ojaine ga jiaw čurčetatamah.
102. kühl'äs peldoh — tul'i čikakah.
103. kül'miit, ga pedrun pühäs sulat.
104. kül'an ilo, kojn kondii (paha mužikku).
105. kül'an seiñäs nägüw niaglu, omas ni parzi ei nävü.
106. köwhtüä suaw, a laihtua ei sua.
107. köwhän miäl'i kamkua viil'öw.
108. laiha koiran hawkungu ei tartu (= pahembat moit'it-taheze kui tahto).
109. lakki piäh laitettih (čöpcän piäh pandih), a miäl'dü piäh ei taitettu.
110. lapsel'e šilmäh undu da ičel'e nänñih maidua äl'ä suita.
111. lapsel'e nänñin suwh panet, a miäl'dü piäh et pane.
112. lasket čiganan ukšičuppuh, häi kwalaw suwreh čuppuh.
113. lasket počin agjažel'e — kwalaw keski huršt'il'e.
114. laškan sluavu paha kuwlla, ga hengele on hoivembi.
115. l'eivän loppu — pereheh hoppu.
116. l'iijan suaren hüppiät, ga l'iigui oraw puwttuw.
117. l'iigu palaine l'iikkujale.
118. l'iikui huavo moskova h.
119. l'iaivän uksen salbuat, a miaron suwdu et salbua.
120. loittožet kellot (= ženiät l'ibo sualovoit) kuwlovat ollah, l'ähembi tullah dai rämištütäh.
121. luad'ižit, ga keskikämmenes peigoj on.
122. l'ubow piä dai veičči vüäl piä.
123. l'üäjiä on äijü, a t'irpajua on vähä.
124. l'öviit lakein: lakeit loppiih näl'güvuvvel.
125. magua hoš hätki, ga unes awnua ei rod'ei.
126. menöw aigujatel'l'es, päivü piän punojes.
127. merdü kirvehel et täwtä (= l'üki hot' mi kirvestü mereh).

128. mi tuhišten tulow, se vihel'däjén l'ähtöw.
129. midä enäm käl'üw, sidä enäm häl'üw.
130. midä kül'vät, sidäi kazvaw.
131. midä srowgiambua herrua, sidä vorembua saldattua.
132. midä süät, sidäi parrale valuw,
133. miäl'i piäs, valdu käis (sanotah näimah ruvetes l'ibo miähel'e mennes).
134. miäl'i se ol'is čuakun (=bohatan), a kormanii on melkun (=goran müžikan).
135. miäs humalas, miäl'i jumalas.
136. miri jumalandaw, sen l'ehmü kandaw.
137. mučoi tul'i viaroh, a ei viaronke (maltaw el'ia perehes, kuwndelow).
138. mustu ollen, ga mustan, valgei ollen, ga ni varua en.
139. muwdu ruadua ei olle, ga plet'i koiran händiä.
140. mandžoižikos mavot el'etäh (=hüväs šijas pidaw varavoine pidiä).
141. naimah ruvetes ialo siaglua mih ostua, a naijes l'öwdüw läwz siaglu d'engua (=omahizet avvutetah).
142. nero ewlo sel'l'äs kannettaw.
143. ni tungia, ni vediä ei sua (on upruamoi).
144. nimi miästü ei pahenda.
145. nügöi rod'iaw tädä mala nünan svuad'bakse.
146. näl'gü pereheh hopun tuaw.
147. ohot'niakku taiginan paččahan piäs ambuw (=konzu sua ni midä ei).
148. olet gu nädžäküh'l'äs (=nädžä — heinü).
149. ole ku koiš, vai äl'a unoh-ta, što olet gošt'is.
150. olet oigei, ku bemmel.
151. ollah näl'l'äsgii l'innas, süvväh l'eibiägii l'epikös.
152. ollow suappait, gai toižet suat.
153. ollow ühtes üskälmüs, ongii kahtes kannalmus.
154. ollowgo ongi ozatoi, vai järvi kalatoi (=lapsettomah puarah näh).
155. oma muamo mandžoi muarju, viaras muamo vil'igriimu, potkal unen porottaw.
156. oma ohkahtah, viaras lohkahtah.
157. omah kod'ih kai god'ih.
158. omas hiarus naijes vai susiadu häviäw, a rod'nostvua ei rod'ie.
159. on näl'gü, ga süä šäl'gü.
160. opasta lapsi, kuñi on poikki lawčan.
161. ostol'eiväs roih l'eibü, andomiäl'es ei roi miäld'ü.
162. oza ialo ostandakse.
163. oza ku varoin pezä.
164. ozatoi naimah, ütät l'ühene-mäh.
165. ozaval i kukki muñiw, ozat-tomal i kana kaimuaw.
166. padažeksei sanokkua, vai paččih äl'giä pangua.
167. paha taba tahkotah.
168. paha taba — terveh hädä.
169. paha vaza pedrunpäivän kül'mäw.
170. pahale vastah kättü et pane.
171. pajos sanua et pualenda, voinnet ga l'iziät.
172. pehmiäh l'evittäw, da kova muata roih (luaskaw kiel/el'l'ine).
173. pert'is pagizet ga šeinät kuwllah, ilmal pagizet ga ilmu kuwlow.

174. piändü kiitä, a suwrele regi pane.
175. piäni heboine on ijän sälgüine.
176. pikkaraine da pippurin d'üväine.
177. pitkü ilo itkukse.
178. piä šijan eččiw, a šija ni l'iiku ei.
179. poigu rod'iaw ga ühëksäl pihal lastut ihastutah.
180. polua l'eikkua, toštu paikkua.
181. propkale polgi — dai humalal.
182. prostoi on vai sroičan ušt'oi, padažen kastoi.
183. prowbus piä ei mene.
184. rastaw rawguw, viäristü vinguw, äijüpäivü kättü andaw.
185. rastavan aigua päčči l'iigua l'ämbiäw (= päivü on pitkemi päčänlämbiändän ajan).
186. reboi reboin hännäl'e ei polle.
187. riidu l'ähtöw rikkažes, tora l'ähtöw toppažes.
188. riijel'l'es l'ehmü müä, da sana osta.
189. rod'iaudusijan tiät, a kuulendusijua et tiä.
190. rumku viinua, sül'i nuarua.
191. ruven jäl'gi ei kibe, piäni šil'mü ei soge, suwri nenä ei jugei.
192. räbinvuazi — rändžü vuazi, räbinät'öin viä rändžemi.
193. sanožin ga sanavut (= rubiat riidah), virkažin ga vihavut.
194. sanottu sada rubl'ua maksaw, sanomatoi hinnatoi.
195. sarvikoi karjah tulow, ga kaiken karjan šemaiččow.
196. sapožniakku suappaittah, bondari pučittah, seppü veičettäh da kirvehettäh.
197. segoi ku kana kuabeih.
198. sikse seppü puihtet tagow, štobi käit ei palettaš.
199. sillo sanua, l'ibo herneht'ü šeinäl'e l'ükkiä.
200. sil'mü-rukat varatah, a käzi-rukat ruatah.
201. šil'mät süädäs, a vaččah ei mene.
202. sinus ruadai, ku počis kündeai.
203. siästäjäl'e süäjü l'öwdüw (hiiri l'ibo ken tahto süäw).
204. soge sowdaw (= ombelow kui puwttuw), miäl'et'oi pidäw.
205. suaju suappain pidäw, suamatoi kengättäh kävel'öw.
206. suavansijua (hüviä kod'ii) en suanne, ga salgopuwn nengožen suan (miehel'e mennis l'ibo naijes sanotah).
207. suavattu on ennem piät-tefiččiä (konzu aluspaidu nägüw).
208. sula (= luaskaw) lapsi kakši emiä imöw, ül'mäkkö ühtengi kaimuaw.
209. sušiadas naiduw roitos hutuvävü (= joga hutule ruvetah kirgumah).
210. suw on pahale kohtale l'eikattu (= äijän pagižow).
211. suwdu viärištä da omua pual'išta.
212. suwh sanow, vaččah menöw.
213. suwri täwttü ei pakiče.
214. suwttuw, ga iče jallat jak-saw.
215. suwtui, ga ned'al'ikse ottaw gošt'ih, a kahtekse ni aigua ewlo (libo: jowva en).
216. stä nagriš nagramattah (= muwdu nagraw, ičel'l'eh on šidä že).

217. süändü süändän piäl'e, lua-
d'ih, a l'üändü l'üändän
piäl'e ei luad'ei.
218. süvves hiästüw, a ruadajes
kül'mäw.
219. žiivattu süändüšijan mus-
taw, l'üändüšijua ei musta.
220. tabail'e (= süä), kurgi, kuk-
šinas.
221. tiädäw hebo l'ehten potki-
jes.
222. tuatto kualow — pual'i
armua kaduaw, a vaiku
muamo kualow ga kai armot
kavotah (lapsil).
223. tugi heiniä ei süä, vara
(seiväs) aidua ei kua.
224. tukkuäpin däh toras ei piä
d'iajä.
225. tulel ištua da ku käzii
ei l'ämmittiä ga.
226. tullo ga tuahus, ei tulle
ga lohos (= konzu kedä
ei äijäl vuateta).
227. tuwlel tuadu, ahaval ajettu
(= tuatotoi lapsi).
228. tühjü huavo püstti ei püzti.
229. töl'önnüh l'ehmü rengi-
müsniakku ol'i.
230. upruamoil hevol vettä viä-
täh.
231. uskaldettuw kolme vuattu
vuatetah.
232. uskalmo on tühjü.
233. vahnu ruavon ruadaw, ku
l'öwdö l'öwdüw, l'eivän
süäw ku tul'i poltaw.
234. vahnu vavol ei hairua,
vavon piäh hot' ei suanne
piästä.
235. vahnus ei valehite tule.
236. vai l'iameh palat, ga mai-
dohgi puhut.
237. vaikkañi ol'ii vallan ottaw.
238. varua et, ga varavoine piä.
239. vellar on puwhizet jallat.
240. vellar on sangiat jallat.
241. viaras l'ehmü karjah tulow,
ga kaikin puskiäh.
242. viarastu riidua bokaspäi
on hüvä kuwnella, iče ä'l'ä
küskei.
243. viärettel'etös (= pedvua-
tos), ku hiiren pezän süänüh.
244. viäristäs čigan turkin
müäw.
245. viinua juvva — ei ku halgua
särgiä.
246. vuattua da tavata: sidä
pahembua ewlo.
247. vähembän ti(ät, enämbän
maguat.
248. vähembän tiät, vähembii
küzüttäh.
249. vähä väl'tümäh, tühjü ka-
duamah (= suwttujah näh).
250. vähän päiväs, äijän vuvves
(ruat).
251. vävvül'l'üä vai gošt'ih
kävvä.
252. vävvün päčči l'ibei on
(= l'iznit).
253. vävvün päčči st'oklaine
on (= murenow).
254. vävvüt koiš, šeinät vois
(= brihua riäžitetäh, konzu
häi on tütön koiš).
255. ühtel suwl itket dai nagrat.
256. ühtü venehtü tervatah
(= midä üksü, sidäi toine,
omat keskenäh).
257. ä'l'ä hual'ita iččiä kiittiä,
bokaspäi hindu annetah.
258. ä'l'ä ihastu ezmäštü kiitan-
diä, ä'l'ä pöl'l'ästü ezmäštü
moit'indua.
259. ä'l'ä kačo kaivoh, kačo
puwruh (sanotah taiginan
sevoittajale).
260. ä'l'ä l'ähte ni polgemah,
ni loppemah dorogua.
261. ä'l'ä nagra-nagrištu, koiššas
kazvaw puñuštu (l'ibo röt-
kiä.).

262. ä'l'ä varua kurjuttu ni köw-
hüttü, vai varua, vaivaine,
vahnuttu.
263. ä'l'ä varua köwhündiä,
varua laihtundua.
264. ä'l'ä varua — miäs kuaduw,
varua — astal (= seiväs,
l'ibo kangi) katkiaw.
265. älä äijäl suwrendel'l'ei: olet
bembel'el tuadu (sanotah
akale).
266. ä'l'ägo torua, ä'l'ägo varua.

32. Пословицы, поговорки, иносказания

1. Рано замужем, подольше
молодухой (под старость
приходится больше рабо-
тать).
2. Ранняя пташка уже клювик
свой очищает, а поздняя
еще только крылышки рас-
правляет.
3. Жена для дома — замок,
да жена для дома — и волк.
4. Жена — собака мужа.
5. Начало есть, конец за бо-
гом.
6. Стреляй в рябчика, пока
на суку сидит.
7. От кучи детей большая
ноша, но и от одного ре-
бенка охапка полная.
8. Богатая сестра мила брату,
здоровая жена — мужу.
9. Чай не вино, много не
выпьешь.
10. Считаешься при деле, хотя
дела не видно.
11. На дороге стой, дорогу
спрашивай.
12. На красивом лице блины
не печешь.
13. Не век жить, век помнить.
14. Нет рыбы, так и уженая
рыба не рыба.
15. Не успеешь и исповедо-
ваться (о какой-либо опа-
сности).
16. У него даже камня не вы-
просишь, чтобы себе голову
разбить [скупой, не даст].
17. Слово не родит сол-
дата, разговоры — попа,
вранье — дитяти.
18. Не уместятся даже пере-
ночевать под одной крышей.
19. Не веришь, как хочешь
(‘бодай стенку’).
20. Будет жить [теленок] —
в хлеву теплее, не будет —
в хлеву свободнее.
21. Живет же журавль, живет
и черный дятел, и белобо-
кая сорока живет, да и мы
не пропадем.
22. Хозяйка запахами пици
(‘от ногтей’) сыта.
23. Не имея теленка, не строй
загородки.
24. Споткнувшись, первым де-
лом встань на ноги.
25. Не та мать, которая родила,
а та, что выпестовала да
грудью кормила.
26. Не тот неумейка, который
не умеет, а тот, который
не спрашивает.
27. Хозяин должен понять ло-
шадь без слов.
28. Сколько костью подавив-
шихся, столько на своих
рассердившихся.
29. Ради глухого попа три раза
в колокола не звонят.
30. В гостях не своя воля.
31. Гостю обрадуешься, а чем
угощать — задумаешься.

32. Реже ходишь — милее бываешь.
33. Коли у мужика лошадь по масти белая да жена по имени Хавронья, то он пропал.
34. Не считаются с тем, что лошадь потеет да баба плачет.
35. Обед гуляки около столба.
36. Большая скирда мыши не задавит.
37. Хоть жалкий, да петух (мальчик), хоть и красивая, да курочка (девочка).
38. Может швед голову отрубить, так не услышишь: такой шум стоит.
39. Шила в мешке не утаишь [тайно ничего не сделаешь].
40. Стыд (в ориг. множ. число) завернут в половик, грехи собраны в подол [о бессовестном человеке].
41. Спешу других называть попрошайками: сам попадешь в богачи.
42. Завтрашний день всегда впереди.
43. О добром поступке вспомнишь, а плохого и не забудешь.
44. С хорошим настроением дело спорится, без настроения ничего не делается.
45. По-хорошему даже ольха согнется, по-плохому и можжевельник (или ива, или береза) сломится.
46. Из-за него лишнего хлеба печь не будут ('воды в квашню прибавлять не надо') [о небольшом едоке или госте].
47. И камень с камнем стукнутся (или столкнутся), не только человек с человеком.
48. Будущее покажет, что получится.
49. Век прожить — не поле перейти.
50. Век живи, век учись.
51. От Ильина дня начнешь пить холодную воду и спать долгую ночь.
52. Всякое дело в свое время.
53. Досужий поп даже телят крестит.
54. Бог день даст и пищу даст.
55. Голодный ('бродячий') волк не брезгует и больной овцою.
56. После ильина дня белую лошадь за изгородью не увидишь [о наступлении темных ночей].
57. После войны много храбрых найдется.
58. Пусть солнышко светит ярко, а в лунном свете и нужды нет (жило бы с мужем хорошо, а до других членов семьи и дела нет).
59. Смотришь, как на зорьку ясную (о красивом человеке).
60. Двух одинаковых кольев в изгороди рядом не ставят (который-либо из супругов красивее и лучше).
61. Не все блага сразу.
62. Рыбу на крючок, рыбака в котел [шутливое напутствие рыбаку].
63. Рыбак всегда заскорузлый.
64. Промок до ниточки ('петуху негде клюнуть сухого места').
65. Кошка моется — гость придет.

66. Руками дашь, ногами ищешь.
67. Кошке игра, мышке слезы.
68. Долг платежом красен.
69. Кому служить, того и слушаться.
70. Усердно потчевать за столом — все равно, что дразнить.
71. У кого бока чешутся, тот и о бане хлопочет ('ищет').
72. Имеющий в руках и в рот положит.
73. У кого нос в саже, тот и кузнец (если даже толку нет).
74. У кого руки в мозолях, у того и хлеба скирды.
75. Живя с мужем, имеешь и синяки, живя с женой, имеешь и блины.
76. Кто ест грибы, тот и червяка съест.
77. Кто первый, тот и верх взял.
78. Кто как умеет, тот так и плачет по своей матери.
79. Кто что ищет, тот то и находит.
80. Чью люльку (ребенка) качаешь, того и корочку жуешь.
81. Чьи берега, того и рыба.
82. Лето для всех одно, а счастье разное.
83. Летом готовь сани, а зимой телегу.
84. Наговориться за весенний день и за осеннюю ночь.
85. Язык без костей.
86. Язык — не мальчишка на побегушках: что прикажешь, то и скажет.
87. Действует, как вор на ярмарке.
88. Примаки в доме — дому конец.
89. Примаку нужно поспать на бороне, потом только хозяином станет.
90. Собака лает, ветер носит.
91. Медведя злостью в лесу не убьешь.
92. Медведь в лесу силен, а мужик на его шкуре спит.
93. Кондушские мужики на голове драку затеяли (о растрепанных волосах на голове).
94. Если из скота только коза да из гостей только поп — один грех с ними.
95. Который бог намочит (сено), тот и высушит.
96. В который колодец плюнула, из того и воды напилась (охаивала парня, а за него и замуж вышла).
97. Коль нога потонает, то и рот полопает.
98. Куда лошадь, туда и сани.
99. Куда бедняга (или журавль) не лети: одна малина ('хвоя') везде.
100. «Куда отправился?». — «Вчерашний день искать» (или: «За досками для твоего гроба») (если не хотят ответить на вопрос, куда отправился).
101. Где раньше река бежала, там хоть ручеек да останется журчать.
102. Суслон в поле — лучину в светец. (К этому времени в Карелии становятся темные ночи).
103. Простудился, так в петров день согреешься.
104. Для деревни радость, а дома гадость ('медведь').
105. В чужой стене иголку увидит, а в своей даже борвна не замечает.

106. Можно обеднеть, но нельзя захудеть.
107. Бедный в уме парчу кроит.
108. Лай тощей собаки не при-
стает.
109. Чепец на голову надели,
а ума в голову не при-
бавили.
110. Ребенку сна в глаза да
себе молока в грудях не
накапливай.
111. Ребенку в рот грудь поло-
жишь, а ума в голову
не вложишь.
112. Цыганапустишь на порог,
а он зайдет и в красный
угол.
113. Свиньюпустишь на край
вороха, а она забредет на
середину.
114. Лодырем слыть плохо, но
дышится легко.
115. Хлебу конец — в семье
ссоры.
116. Лишний островок про-
бежишь, лишнюю белку
подстрелишь.
117. Лишний кусок тому, кто
на месте не сидит.
118. Вот и тронулся мешок в
Москву [о неудаче в на-
чале какого-либо дела].
119. Дверь в хлеву закроешь,
а рта у мира не закрыть.
120. Дальние колокола (же-
ники или заработки)
звонко гудят, а подойдешь
к ним — задрезбездят.
121. Ты сделал бы, да большой
палец на середине ладони.
122. Ты с ним дружи, но и
нож на поясе носи.
123. Колотить охотников много,
но охотников терпеть —
мало.
124. Нашел лакея: лакеи из-
велись в голодном году.
125. Спи сколько хочешь, но
из сна скирды не будет.
126. Начало всегда со скрипом
(‘время на раздумывание,
день на поворот головы’).
127. Море топором не напол-
нишь (‘кидай сколько
угодно топоров в воду’)
[злись сколько хочешь].
128. Что с шумом приходит,
то со свистом и уходит.
129. Чем больше невесток в
доме, тем больше шуму
в семье.
130. Что посеешь, то и вы-
растет.
131. Чем строже командир, тем
хитрее солдаты.
132. Что кушаешь, то и на бо-
роде остается.
133. Сын ты мой, а ум у тебя
свой (‘ум в голове, воля
в руках’) (говорят сыну
перед женитьбой или до-
чери перед замужеством).
134. Желание-то, как у Чак-
киевых [у богатых], а
карман-то Мелкуевых
[у бедных].
135. Хоть и пьян, но умен.
136. Кого бог даст, того и ко-
рова родит.
137. Невестка пришла в веру,
а не со своей верой (умеет
жить в семье, послушная).
138. Коли я виноват (‘чер-
ный’) — извините, не ви-
новат (‘белый’) — то не
вините.
139. Другого дела если нет,
то заплетай собачий хвост
в косу.
140. Где земляника, там и змеи
водятся (надо быть осто-
рожным).
141. Жениться собрался — не
на что сито кушать, стал

- свадьбу играть — полное сито денег (родня поможет).
142. Уменье — не ноша за спиной.
143. Ни туда, ни сюда (об упрямом).
144. Имя не портит человека.
145. Этого хватит до малааньной свадьбы (много).
146. Голод перессорит семью.
147. Охотник не прочь и квашню на столбе подстрелить (когда ничего другого не добудет).
148. Негодный, словно сноп из травы-мокрицы.
149. Ты будь как дома, но не забудь, что в гостях.
150. Ты прав, как никто ('прямой; как дуга').
151. Голодают и в городе, хлеб едят и в деревне ('в ольшанике').
152. Имея сапоги, и вторые работаешь.
153. Если от одного ребенка охапка, то от двоих уже полная ноша.
154. Или крючок невезучий, или озеро без рыбы (о бездетной паре).
155. Родная мама — ягода земляничная, мачеха — что баба-яга ('вилегримка'): ногою будит в постели.
156. Свой горестно вздохнет, чужой злорадно загогочет.
157. В свой дом все годится.
158. В своей деревне женишься — родни не приобретешь, а соседа потеряешь.
159. Голодный хоть жеребца съест.
160. Учи ребенка, пока поперек лавки умещается.
161. От покупного хлеба будешь с хлебом, от чужого ума с умом не будешь.
162. Счастье не покупается.
163. Счастье, что воронье гнездо.
164. Несчастному жениться — и ночь коротка.
165. У счастливого даже петух несется, у несчастного даже курица яйца теряет.
166. Называйте хоть горшком, только в печку не ставьте.
167. Плохой характер оттачивают.
168. Дурной характер — болезнь без боли.
169. Плохой теленок и в петров день мерзнет.
170. Несчастье рукою не заслонишь.
171. Из песни слов не выкинешь, но если можешь, то прибавишь.
172. Мягко стелет, да жестко спать будет.
173. В избе говоришь — стены слышат, на улице — улица слышит.
174. Маленького хвали, а большому воз вали.
175. Маленькая лошадка всю жизнь жеребенок.
176. Маленький, да удаленький ('перечное семя').
177. Долгое веселье к слезам.
178. Голову можно потерять и с места не двинувшись.
179. Когда сын родится, то на девяти дворах щепки радуются.
180. От полы отрежь да другую латай.
181. На пробку наступил — и пьяный.
182. Простофиля только в Троицах Устинья.

183. Пробовать — не головой
рисковать.
184. Рождество ревет, крещенье кричит, а пасха руку подает.
185. Около рождества день при-
бывает настолько, что успе-
вает печь протопиться.
186. Лиса на лисий хвост не на-
ступит.
187. Ссора может начаться
из-за соринки, драка —
из-за травинки ('щепочки').
188. При споре стоит продать
корову, чтобы купить
слово да сказать.
189. Место, где уродился, зна-
ешь — не знаешь, где уме-
реть придется.
190. К рюмке вина припасай
сажень веревки.
191. След от оспы — не бо-
лячка, маленькие глаза —
не слепота, большой нос —
не тяжесть.
192. Много рябины — много
грязи осенью. (*Примета*).
193. Я сказал бы, да в ответ
скажешь, промолвил бы,
да ты заворчишь ('разо-
злисься').
194. Сказанное сто рублей
стоит, несказанному и
цены нет.
195. Рогатая корова в стадо
придет — все стадо пере-
мешает.
196. Сапожник бывает без са-
пог, бондарь без бочки,
кузнец без ножа да топора.
197. Запутаться, как курица
в кудели.
198. На то кузнец и клещи
кует, чтобы рук не обжечь.
199. Тебе говорить, что горох
об стенку кидать.
200. Глаза страшатся, а руки
делают.
201. Глаза бы ели, да живот
не принимает.
202. Из тебя работник, что из
свиньи пахарь.
203. Запасливому едок най-
дется (мышь или кто-либо
съест).
204. Слепой шьет, а глупый
носить будет.
205. Работник сапоги носит,
лодырь босиком ходит.
206. Если стоговица [хорошего
дома] и не найду, то такого
стожара [жениха] найду.
(Говорит девушка, если
кавалер женится на дру-
гой).
207. Суббота раньше пятницы
настала (когда из-под
платья видна нижняя
рубашка).
208. Ласковый ребенок у двоих
матерей груди сосет, гру-
бый и единственную мать
теряет.
209. Поженившись на дочери
соседа, будешь домашним
зятем (будут часто пригла-
шать за стол).
210. Говорит впопад и невто-
пад ('рот на плохом месте
прорезан').
211. Рот криви, но своего за-
щити.
212. Скажет в лицо ('в рот'),
а попадает в сердце.
213. Большое полного не про-
сит.
214. Рассердился, так сам ноги
разует.
215. Рассердился, так на не-
делю в гости примет, а
на две недели мне и не-
когда.

216. Не смейся над подобным себе ('ешь репу без смеху').
217. Есть можно и повторно, но неохота быть повторно битым.
218. Ест — потеет, работает — мерзнет.
219. Скотина помнит, где ела, не помнит, где ее били.
220. Хватай, журавка, с кувшина.
221. Надеючись и кобыла в дровни лягает.
222. Умрет отец — половина ласки пропадает, умрет мать — вся ласка пропадет (для детей).
223. Подпора не убавит сена в стогу, лишний кол не опрокинет изгороди.
224. Из-за клока волос от драки не стоит отказаться.
225. Сидеть у огня да рук не греть.
226. Придет — поставим гореть свечку, не придет — полено (когда кого-либо не очень ждут).
227. Ветром принесенный, вихрем занесенный (о внебрачном ребенке).
228. Пустой мешок стоять не поставишь.
229. Околевшая корова доила по полному подойнику.
230. На упрямой лошади воду возят.
231. Обещанного три года ждут.
232. Обещанье — ничто.
233. Старый дело сделал — находка, хлеб съел — потеря ('как огнем сожжет').
234. Старый борозды не портит, если даже до конца борозды не дойдет.
235. Старость приходит не на шутку.
236. Обжегся супом, подуешь и на молоко.
237. Молчаливый победит.
238. Хоть не трусливый, но побаивайся.
239. Долг имеет деревянные ноги.
240. У долга толстые ноги.
241. Чужая корова в стадо приходит, все ее бодают.
242. Чужую ссору со стороны слушай, сам в ссору не суйся.
243. Весишься, словно мышинное гнездо проглотил.
244. После крещения цыган шубу продает.
245. Вино пить — не дрова колоть.
246. Ждать да догонять — хуже не бывает.
247. Меньше знаешь, больше поспишь.
248. Меньше знаешь, меньше спросят.
249. Не ахти какая птица (о том, кто рассердился и ушел).
250. Мало за один день, много за год (сделаешь).
251. К зятю надобно только в гости ходить.
252. Печь у зятя скользкая (соскользнешь).
253. Печь у зятя стеклянная (не сядешь).
254. Зять на двор — пирог на стол ('зять дома — и стены в масле') (так дразнят парня, когда он приходит в дом к девушке).
255. Одним и тем же ртом плачешь и смеешься.
256. Одну лодку просмаливают (они заодно: что один, то и другой, свои между собою).

257. Не спеши себя хвалить, со стороны оценят.
258. Не радуйся первой похвале, не пугайся первой хулы.
259. Не гляди в колодец [есть ли вода], посмотри в закроем [есть ли мука] (говорят той, кто начинает растворять квашню).
260. Не ходи ни прокладывать дорогу, ни проезжать по ней последний раз.
261. Не смейся над репой, дома мелочь (или редька) растет.
262. Не бойся ни бедности, ни нищеты, бойся старости.
263. Не бойся нищеты, бойся худобы.
264. Не бойся, что человек свалится, бойся, что палка сломится.
265. Не очень-то куражься, жена, на дуге привезена.
266. Не дерись, но и не бойся.

Гуляшева Клавдия Александровна, 65 лет, дер. Мегрега (mägrii) Олонецкого района. Авторская запись¹³⁻¹⁴ по воспоминаниям детства, рассказам своей бабушки и старшей сестры Ольги Александровны и других лиц, август 1964 г. Запись проверена Г. Н. Макаровым в дер. Самбатукса с Леонтьевой М. Ф., Лендяшевой М. Т., Кузьминой Н. С., дополнения, внесенные при проверке, заключены в квадратные скобки (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 29).

33. kui enne svuädbua piättih

ei piä kiirehtiä ni naija, ni miähele mennä. heid/ižennü tulow vähem aigua olla ku akannu. kai tütöt kiirehtetäh miähel'e mennä: varatah igäneidižekse jäändü. kerdu naija pidäw, a igä el'iä tulow. akku ei ole kandeleh: seiñäl'e et riputa, ni kaglas et kande. tütön vanhembat ei sulhaštu val'ittu, vuatettih, vaigu ken teriäm tüttären koziččiš.

toštu nuardu tüttüä vanhale kozitah, miäl'ipualehižel'e. tütär pokoroičežeze muaman i tuatan iäs:

äl'ä, muamoi, miähel'e anna,
 en ole ilman igäine;
 ialo igiä val'ikkii
 da ni brihua val'ittuw.

¹³⁻¹⁴ К. А. Гуляшева — уроженка дер. Мегреги, учительница-пенсионерка, местный корреспондент Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР; принимает активное участие в сборе материала для диалектологического словаря карельского языка.

enämbälleh tuatto da muamo pojale andilas val'littih, ei kačottu, suvaičowgo briha tütüä, vai ei suvaiče, taloih pidi ruadai palkatoi. puaksuh čomale brihale tuhmu mučoi otettih, ol'is vai bohattu. sanottih: ei čomal rožal čupukkuu pasteta.

kargei elos ol' i nuarel mučoil da viä kewhä talois otetul. kaikkii pidi kuwnella, vastah sanua ni kelle ei suanut. ei sudre sanottu: *buat/koin pl'et/t'i šoihkei* on, a *käzi* gu pajan pal'l'u. muatkoi päivät jasattaw, gu *käzikivi* karaittaw. *küvüt* gu havvukat: kaikkial-päi *nuakitah*; *navot* gu *mavot*: *vil'istäh šuhišten*. eigo ukos väl'l'iä olluh: üksi tuikku korvate, toine tuikku lat'ettu vaste.

ol' i muga: bohattu taloi naitoi vijanaluzen ainopojan kewhäš talois. bohataš tütöt ei vijanaluzele tahtottu mennä. ilmaigo sanottih: *komsupiä pešoi čoman ow'toin venčan alle vedi*.

vanhembat kawppua piättih, ei küzüttü nuarižua, kedä kes i kus naittua. suwtuttih vanhembat pojjan da neveskän piäl'e — i perehes eroitettih da ni vuit't'i ei annettu. nii (en oza ol' i musteltaw. eihäi ilmai sanottu moižih näh: *koč'i korves*, *per't'i pedäjäs*, *elot oksal*, *harakan paskat taiginas*.

naittajes ei čomuttu müä val'littu andilastu, vai küzüttih priduanoidu enämbi da lahjuu parembua. priduanoidkse pidi olla: *l'ehmü*, *lammas*, *samvuaru*, *zirkalo*, *kamodu*, *sundugu*, *ast'ettu* i *kijottu*. lahjakse *buat/koile*: *pialus*, *hurst'iine*, *paidu*; *muatkoile*: *puarakse* *villašt* *mat'järii* *il'i last'ii*, *il'i siiksua*; *fišt'izäl'e*: *paidu* i *štanat*; *fišt'oil'e* — *siiksua* *puarakse*; *küdül'oil'e* — *paijat*; *šizäfile* i *käl'ü-l'öile* — *kowftat*. kolmen ün peräs *muatkoile* viä *kowftu* pidi. kai-kele *piäl'e* viä *kuazäl'i* *kezrätes*, *rengi* *viän* *kandajes*.

svuad'buaigu ol' i *süvüsarres* *l'ibo* *pühäkeskes*, *harvah* — *kevät-arres*, [*a heinarres* da *l'eikkavoigah* — se vai *ül'en* *suwres* *nuwžas*: *konzu ewlo* *perehes emändiä*, *l'ibo* *konzu neidiine* on *vačanke*, *ol'ii* *moižii* *kummii el'ajes*].

tuttavundu

nuarižo *tunnustutah* *toine* *toižen* *kel'e* *pruazneikoin*: *talvel* *bešodas*, *kezäl* *kižois*. *himoittaw* *tütöl* *kudaman* *brihan* *kel'e* *tuttavus* *luad'ia* i *miel'ištiä*, *häi* *tüändäw* *toižen* *tütön* *brihallua* i *kučuw* *puarah*. *ollow* *brihale* *tütö* *miäl'dü* *müä*, *sit* *menöw* *puarah*, a ei olle — *toižellua* *menöw*. *ühtü* *brihua* *kučutah* *pual'ikümnen* *tütüä*. *brihan* *vanhembat* *kačotah*, *keh* *tüändiä*. *žeñihäkse*. [*žeñihöi* *toko* ei omal nimel sanottu. sanotah «šittunenäkse», *štobi* ei virtütüä da *d'ieaua* *sport'ia*]. *vähä* *konzu* *küzütäh* *pojjal*, *ongo* *miäl'dü* *müä* *andilas*.

brihat i *neidižet* *l'ähembäči* *tunnustuttih* *toine* *toižen* *kele*, *konzu* *kuzgi*. *kezäl* *ol' i äijü* *pruazneikka*, *kezäkižua*. *süvüspuleh* vai *proid'ii* *l'innas* *suwripruazneikku*, *tütöt* *palkattih* *bešodupert'i* *mittumalluagi* *l'eskel'l'üä* *üksinäžel'l'üä*. [*rubl'u* *d'engua* *annettih* *emändäl'e*, a *ken* *vedii* *kartohkuu*, *ken* *pelvastu*, *ken* *midä* *l'iisitti*].

palkattih äijähpäivässäh. palku maksettih talves kaikes. iče tuadih čerodah karašinat, a siä ennempäi päriät. [pert'is ol'i čikku, čikas paloi päre, a sen al ol'i prowt'ivo hiil'ih niškoi]. poltettih i tuahustu. kerävüttih kolme kerdua nedäl'is: toššuarren, nel'/'änpian i pühänpian. nedäl'il ainos ol'i ruado keräl: loppu ruaht'indu kuažal'is, eiga olgia tukku pl'etöškakse. ehtät tütöt hual'itetah kezrätä, a briha, kudai miäl'istäw tüttüä, kuažal'in rinnal istuw da valvattaw, pagizuttaw. puaksuh loppuh i tul'i pannah: teriämbi tüttö piäzow kezriämižes. sitgii jo istutaheze puarah i kukin lawlussah istutah. bešodan emändü puarois keräw d'engat. toizis hiarulois brihat käwdih pühinpäivin.

[bešodois oli mowdu ozuttua tabua. ezmäine mañiafi ol'i lampan murendandu l'ibo tuahuksien sammutandu. sammatuksel moišin kat'as üheksä lampua podrad murendettih. lampu pidi tüttöl'oil ostua. konzu ku ialluh kus ostua, sit kai tahtastu pandih lampan pohjah da bl'udečkal lampua piättih].

a viä kerättih ad'vot pühäkeskes. joga tüttö tuaw kaksi-kolme tüttüä i gul'aijah kaksi päiviä. sit tulow i vakki brihua. tunnustah tüttö brihan kel'e i algaw briha kävvä tütöl'/'üä. miel'istetäh toine toštu i d'ialo roih svuad'bah päi.

sügüzül i talvel brihat kunne kačottih, sinne i bešodah mendih, a keviäl bešodoi müäte ei ole aigua kävel'/'ä.

puaksuh ol'i i muga: tul'i brihale miäl'eh kozita tüttö, a tütöl ol'i toine briha, ga häi ei otkuazinnuh kerras: anna tullah koziččemah, mene en, a l'embu nowzow.

ol'i i muga: vuazin ainos ühtes oldih, a briha naibi muijal. sit sanotah: tütöl rihi palaw, pidäw sammuttua. tüttö käškow sit kehittä l'ibo l'eskele, l'ibo ništiäl'e, l'ibo l'ükkümüäl'el'l'ižel'e. muga hänen i igä menow miäl'ipuolehizen kel'e el'äjes.

puaksuh bohatat tütön vanhembat i brihale «pullo» annetah. erähät vanhembat ei tahtota ni naittua, ni miehäle andua omas hiarus. sanotah: süsiadan kaimuat, a rodüua et näi. loittožet kellot kuwlužat ollah, sinne sulhažikse l'ähtiätäh.

kozičendu

kozitah süvüsarres, pühäkeskes dai kevätarres. poigu pidäw soviattua vanhembien kel'e naimižeh niškoin. enzimäžikse kumardah tuatale jalgh i sanow: «rubiažin naimah». ollow tuatale miäl'i naittua, ga sanow: «iččes miel'i, himoittaw ga nai, küzü muamalles». a gu ei olle, vastuaw: «ni mituštu naimištul». puaksuh vanhembat iče poijale sanotah: «menet tuane (sanotah taloin nimi i tütön) ehtäl sulhažikse». ongo se poijale miäl'dü müä vai ei ole, sidä ongeh ei oteta.

puaksuh on, što i tüttüä annetah vägehüzin miäl'ipuolehizel'e. tüttö itket kül'/'ü küwnälet da menet. moine oza ol'i sil'/'e.

vägehüzin andajen harvah konzu svuad'bu kummata proid'ii, ol'i moštugi d'ialuo, konzu tüttö hüpül pageñi koiš brihallua, a venčaittiheze sit jäl'l'espäi. [täädä sanottih «päčil'e meñi». meil tiä «mendih päčile» l'o kan marinoi, farafuntovan taña. kuzümäh, l'ibo koziččemah mennäh pimiäs, štobi ei rahvas näh-täš, no üksikai starajah rahvas novvattua žeñihjä. kaiče annetah «pullo» ga sit huigiadu kül'l'äl näit briha. mikin pit'ka sai kaheksatoštu «pullua»; iivin iivan tože mene tiä min sai otkuazua]. brihan vanhembat kučutah ristizä, l'ibo susiadu oma, kudai maltaš paišta hüvin. tuatto-muamo blahoslovitah poigu ozavah čuassuh i lähtiäh koziččemah.

tullah tüttön taloih, avaitetah. kodvažes tuači veräi avatah i «šittunenät» mennäh pert'ih (nenga sanottih svuattuloi). rist'itäh sil'mät i sanotah: «terveh teile!» i azetutah uksičuppuh orren alle. vanhemi svuattu zavod'iw: «sanotah, teil' on l'ähtämäine, meil ol'is häkkiine, eigo suaš kui kawppua pidiä?»

kaikin ollah vaikkani, niakoindellaheze, a siten tuattah l'ibo muamah vastuaw: «aigahko viä lastu kül'äh andua, ga pidäw ičelleh kützüä».

kučutah tüttär paginale, a häi vanhembil'e jalgah kumardaheze: «en viä ole valmiš tuatoñi-muamoñi, anduat vuazut rungua lujendua, kätii kovendua, miäl'ii tazavuttua».

vanhembat kačotah viä sidä pualdu: andua pidäw — l'iigu luzikku stolas pualenow. sit i sanotah: «on d'o nuarehko, ga ei ni taloi ole pahahko, astuat lawččah kawppua l'ibo lujual uad'imah».

33. Как раньше свадьбу играли

Не надо спешить ни жениться, ни замуж выходить. В девушках придется меньше времени быть, чем замужем ('женой'). Все девушки спешат замуж выходить, боятся в старых девах остаться. Жениться надо один раз, а жить придется всю жизнь. Жена — не кантеле: на стену не повесишь и на шею не понесешь. Родители девушки не выбирали жениха, а ждали, кто быстрее посватал бы дочь.

Иную молодую девушку за старого сватают, за полоумного. Дочь покорно просит мать и отца:

Не выдавайте, мамаша, замуж,
 Не век я у вас буду жить;
 Мне нет еще и четверти века,
 Да и кавалер еще не выбран.

В большинстве случаев отец и мать выбирали невесту для сына, не считались с тем ('не смотрели на то'), любит парень девушку или нет: в дом нужна была работница, которой не надо бы платить. Часто красивому парню брали в жены некрасивую девушку,

лишь бы богатая была. Говорили раньше: не с лица нам воду пить, и с корявой можно жить ('на красивом лице блины не печь').

Горькая была жизнь у молодухи, да еще если она из бедной семьи взята. Всех надо было слушаться, никому нельзя было сказать слова против. Не зря говорили: у свекра плетъ тонкая, а рука [тяжелая], как кузнечный молот. Свекровка целыми днями зудит, словно жернов тарактит. Девери — что ястребы: со всех сторон норовят клюнуть, золовки — что змеи вокруг шипят. И от мужа не было спуску: раз ударит по уху, второй раз бросит об пол.

Было и так: единственного сына из богатого дома с каким-либо физическим недостатком женили на девушке из бедного дома. Богатые девушки не хотели выходить замуж за парня с каким-либо физическим недостатком. Не зря говорили: большеголовый Петя красивую Дуняшу под венец повед.

Родители стоваривались ('куплю-продажу чинили'), не спрашивали молодежь, кого, где и из какого дома женить. Рассердились родители на сына или невестку — и отделяли их от семьи и даже доли (при разделе) не давали. Их участь ('счастье') не скоро забывалась. Не зря ведь про таких говаривали: дом в глухом лесу, изба на сосне, добро на суку, а в квашне сорочий помет.

Когда женили сына, невесту выбирали не по красоте, спрашивали лишь больше приданого и получше подарки. В приданое надо было иметь корову, овцу, самовар, зеркало, комод, сундук, [столовую] посуду и киот. Свекру подарить надо было подушку, простыню, рубашку; свекрови — шерстяной материи отрез или ластика, или ситца на платье ('для пары'); крестному отцу — рубашку и штаны, крестной — ситец на пару, деверям — рубашки, сестрам и золовкам — кофты. Через три ночи для свекровки еще кофта нужна была. Кроме всего, еще прялка, чтобы пряхь, ведро, чтобы воду носить.

[Самая подходящая] пора для свадьбы был осенний мясоед или рождественский мясоед, редко — весенний мясоед, [в сенокос и во время жатвы — это лишь по необходимости играли свадьбы: если нет в семье хозяйки или когда девушка беременела, бывали и такие чудеса в жизни.]

Знакомство

Молодежь знакомится друг с другом во время праздников: зимой на посиделках, летом во время гулянок. Хочется девушке с каким-либо парнем познакомиться и сделать так, чтобы он полюбил ее, она пошлет другую девушку к парню и просит [через нее] погулять с нею ('в пару'). Если парню девушка по душе, то пойдет с ней гулять, а если нет, [то] пойдет к другой. Бывает так, что одного парня с полдюжину девушек приглашает погулять.

Родители парня смотрят, к кому послать свататься. [Сватов ('женихов'), как правило, не называют своим именем. Их называют: «поганые носы», чтобы не сглазить да дело не испортить]. Редко когда у сына спрашивают, по душе ли невеста.

Парни и девушки друг с другом поближе познакомились, когда где приходилось. Летом было много праздников, летних гулянок. А к осени, как только в городе [Олонце] отпраздновали богородицу ('большой праздник'), девушки брали в аренду избу у какой-либо одинокой вдовы. [Рубль денег давали хозяйке, а кто приносил и картошку, кто лен, у кого что было дать]. [Избу] арендовали до пасхи. Плату давали сразу за всю зиму, сами они по очереди приносили керосин, а раньше — лучину. [В избе был светец, в светце горела лучина, а под ней был противень для горячих углей]. Освещали и свечой. Собирались три раза в неделю: во вторник, в четверг и воскресенье. В будничные дни ('на неделе') постоянно было рукоделие с собою: кудель льна на прялке или куча (нарезанной) соломы для плетенок. Вечерами девушки стараются пряхть, а парень, который ухаживает за девушкой, сидит около прялки и жадно глядит [на девушку], [старается веселить разговорами]. Частенько бывало, что в куделю бросали зажженную спичку, чтобы девушка скорее закончила прядение. Потом уже и садятся вместе ('в пару'), и сидят до петухов. Хозяйка беседы собирает деньги от пар. Парни из других деревень приходили по воскресеньям.

[На посиделках была привычка «показывать характер». Первым делом разбивали лампу или гасили свечи. На Самбатуксе у Мойсеевой Кати девять ламп подряд разбились. Лампу должны были купить девушки. Если негде было купить, тогда даже тестом затыкали дно лампы и лампу снова ставили на блюдечке].

А еще в рождественский мясоед собирали гостей ('адьвот'). Каждая девушка приглашает [к себе] двоих-троих девушек и гуляют два дня. Тогда и незнакомые ребята приходят. Познакомится девушка с парнем, и начнет парень ходить к девушке. Понравятся друг другу, и дело пойдет к свадьбе.

Осенью и зимой парни куда хотели, туда и шли на посиделки, а весной по гулянкам некогда ходить.

Часто бывало и так: пришло парню в голову сосватать девушку, а у девушки другой ухажер. Она сразу не отказывает, пусть, мол, сватает, хотя сама знает, что ей не пойдет, но славы прибавится.

Бывало и так: годами все время вместе были, а парень женится на другой ('в другом месте'). Тогда говорят: у девушки «ригача горит», надо погасить. Девушка просит ('велит') тогда сосватать (себя) или за вдовца, или за увечного, или придурковатого. Так потом и пройдет ее жизнь вместе с придурковатым.

Часто родители богатой девушки парню дают отказ. Некоторые родители не хотят ни женить из своей деревни, ни замуж вы-

дать в свою деревню. Говорят: соседа потеряешь, а родни не приобретешь ('не будет'). Дальние колокола гулко звенят ('слышимые'), туда и свататься едут.

Сватовство

Сватают в осенний мясоед, рождественский и в весенний мясоед. Сын держит совет с родителями ('со старшими') по поводу женитьбы. Сначала поклонится в ноги отцу и говорит: «Я хотел бы ('стал бы') жениться». Если отцу думно женить, то говорит: «Своя воля, хочется, так поженись, спроси у матери», а если неохота отцу, чтобы сын женился, то скажет ('ответит'): «Никакой свадьбы ('женитьбы')!». Часто родители сами говорят сыну: «Поедешь туда, вечером свататься туда!» (называют дом и имя девушки). Нравится это сыну или нет, с этим не считаются ('не бёрут на удочку').

Часто бывает, что и девушку выдают насилу за полоумного. Девушка поплачет горькими слезами и идет. Такова ее доля была.

Когда силой выдавали, то редко было, чтобы свадьба прошла без происшествий. Были и такие случаи, когда девушка убегала из дому к парню, а венчались они потом. [Это называлось «выходить на печку». У нас здесь убежали из дому Леккина Марина, Фарафонтова Таня]. Спрашивать или сватать едут в темноте, чтобы люди не видели. Но люди-то все равно стараются укараулить женихов. В случае отказа парню будет стыдно. [Микифора Питька получил восемнадцать отказов («поплавок»); Иванов Иван — тоже поди знай сколько отказов получил]. Родители парня приглашают крестного или своего соседа, который умел бы складно говорить. Отец и мать благословляют сына в счастливый путь и едут свататься.

Приходят в дом к девушке, стучатся в дверь. Через какое-то время дверь открывается, и «поганые носы» входят в избу (так называют сватов). Крестятся перед иконами и говорят: «Здравствуйте!». И остановятся около дверей под матицей. Старший сват начинает: «Говорят, у вас есть нетель, а у нас же есть бычок, не сможем ли как сделку совершить?».

Все молчат, отнекиваются, а потом отец или мать девушки и отвечает: «Рановато еще дитятю отдать к чужим людям, но надобно ее самую спросить».

Пригласят дочь на разговор, а она родителям поклонится в ноги: «Я еще не готова, милый папочка, милая мамочка, дайте годок, чтобы стан стал крепче, чтобы руки попривыкли к работе ('стали тверже'), чтобы ум стал бы поровнее».

Родители смотрят и на то: надо выдать, лишняя ложка со стола убавится. Потом и говорят: «Хоть и молоднешенька (дочь), но и (ваш) дом не плохой, проходите и присаживайтесь, будем сделку творить, договариваться».

Ефимова Ольга Петровна, 56 лет, родом из дер. Наннулица (n a n n u l i) Юргильского сельсовета, замужем в дер. Саримяги (p i ž i n s u a r i m ä g i) Обжанского сельсовета Олонецкого района; говор той и другой деревни совпадают. Магнитофонная запись и расшифровка А. А. Митрофановой, 1962 г. (Каб. зв., запись № 200/13).

34. «el'etäh-ollah molodoit»

el'etäh-ollah molodoit, da muamah da tuattah. mužikku l'ähtöw l'innah. l'ähtöw l'innah, häi siä ostaw zirkaložen piänen. ostaw zirkaložen da tuaw kod'ih, da ei ozuta ni kel'l'e, a panow pialuksih. pialuksih panow, a mučoi rubiawgi sijua kabrastamah. häi l'öwdäw stä pialuksis zirkaložen. kačahtahezehäi, ga siä moine nuarikkaine, čomaine, hüväine. häi davai itkuw, davai itkuw: «oi, — sanow, — nügöi nengoman on l'öwdännüh hüväžen da čomažen, ga minuw iäre tüändäw, ei nügöi minun kel'e rubia el'amäh!».

tulow muatuškah pert'ih. tulow muatuškah pert'ih ga: «midäbo, neveskü, itket?» — «a itken, — sanow, — kačahtai nügöi, l'innah tüäniittö poiijan ga, nügöi minun iäre tüändäw. nengoman on hüväžen da čomažen l'öwdännüh, — sanow ga, — minunke taki ei rubia el'amäh».

muatuškah sanow: «vuatas minä kačon!». kačahtahezehäi ga: «neveskü-rukku, — sanow, — ga eijo ole hüväine da čomaine! ga avoi-voi, midä nügöi ollow el'anüh, gu on nengoman tuhman da vanhan ottanuh!».

mollei itkiätäh, mollei itkiätäh. tulow starikku pert'ih, tuattah se. tulow ga: «midäbo nügöi itkettö mollei?» — «ga midä itkemmö, — i sanow, — gu poiijan tüäniithäi l'innah, ga, kačo nügöi, mittuman on l'öwdännüh staruwhan, — sanow, — näitgo nügöi, ollowgo kummua vai ewlene, nengoman on staruwhan tuannuh!».

starikku sanow: «ozuttuattos minule!», ga häi kačahtahezehäi, ga: starikku, vanhu, parrankel «ga midä jo on — sanow, — eihäi ole tämä ni staruwhu, ewle ni mi, a tämä on starikku, da vanhu, da paha jo nügös». starikku se sanow: «midä, poigu-rukku, ollet el'ännüh nügöi?».

jo itkiätäh kolmei. itkiätäh, itkiätäh, ga tulow poigu kod'ih. tulow poigu kod'ih ga: «midäbo nügöi kaikin itkettö?» — «ga midä itkemmö, midä ollet el'ännüh nügöi! vanhu starikku täs on! hüvin olet nügöi el'ännüh, ga hüvin olet el'ännüh!» — «ga kuibo neče, da midäbo?» — «ga nengai, nengai: l'öwdi neveskü pialuksis sinul zirkaložen».

ottaw poigu zirkaložen dai sanow mučoi: «tules nügöi tänne!». tulow mučoi. «kačahtais sinä täh zirkaložeh!». kačahtaheze, dai sanow: «oletgo sinä iče?» — «ga enhäi minä tiijä, minä ičego vai ken olen, — sanow mučoi, — enhäi minä nai iččiä!». — «gu et nai

iččiä, ga sinä. iče olet, — sanow, — zirkaložes ozuttaw, što sinä olet ičel».

nu mučoi ihastuw, što vot mol, mittuine olen nuarikkaine da čomaine, da hüväine — iččiädäh nägi.

kuččuw muamuadah, sanow: «muamo, tules sinä nügöi tännel». tulowhäi tänne ga: — «muamo, kačahtai, — sanow, — sinä oletgo iče, ollahgo sinun ruppižet?». — «ga minun ollah onnuako, poigu-rukku, ruppižet, dai minä olengi, minä olen...».

«tules, tuatto, tänne». tulow tuatto. «kačahtai nügöi iččiädäs!», kačahtahezehäi ga — parran ke! «oletgo iče?». — «ga vrod'e, poigu-rukku, iče olen, iče olen».

nu, el'etäh-ollah, kaikin ruvetah iččiä nägemäh zirkalos, dai ihastuttih, da vai el'etäh, da zirkalos omua iččiä kačotah.

34. «Живут-поживают молодые»

Живут-поживают молодые, да отец, да мать. Муж отправляется в город. Отправляется в город, и он там покупает зеркальце маленькое. Покупает зеркальце и приносит домой и никому не показывает, а кладет под подушку. Положит под подушку, а жена [утром] начинает убирать кровать. Она находит там, под подушкой, зеркальце. Как посмотрит [она], а — там такая молоденькая, красивенькая, хорошенькая! Давай она плакать, давай плакать: «Ой, — говорит, — теперь он нашел такую хорошенькую да красивенькую, так теперь он меня выгонит ('отправит прочь'), не будет он теперь со мной жить!».

Приходит в избу свекровь. Приходит свекровь в избу да и спрашивает: «Что, невеста, плачешь?» — «А плачу, — говорит, — смотрите: отправили сына-то своего в город, теперь он выгонит меня. Он такую хорошенькую и красивенькую нашел [там], говорит, не будет он со мною жить!».

Свекровь и говорит: «Погоди-ка, я посмотрю!». Как посмотрит-то: «Невестушка, милая, да нехорошая она и некрасивая! Ой, боже ты мой, что он натворил теперь, раз такую некрасивую и старую взял!».

Обе они плачут, обе слезы льют. Приходит в избу старик, отец, значит. Приходит он [и спрашивает]: «Что теперь обе плачете?». «Чего плачем! — и говорит [старуха], — отпустил сына в город, так смотри, какую старуху нашел он, говорит, вот беда-то какая! Такую старуху привел [домой]!».

Старик говорит: «Покажите-ка мне!». Он как взглянет так: старик [такой] старый, с бородой! «Так чего-же, — говорит он, — это же не старуха, а это старик, к тому же старый, к тому же дряхлый!». Старик тот и говорит: «Что же ты, сынок, натворил теперь!».

Уже втроем плачут. Плачут, плачут, да вот и сын приходит домой. Приходит сын домой и спрашивает: «Чего все теперь пла-

чете?». — «Чего-чего плачем! Что ты натворил! Старый старик тут! Вот начудил-то, так начудил!» — «Да как же это, да что такое?». — «Вот так и так: нашла невестка под твоей подушкой зеркальце».

Берет сын зеркальце и говорит жене: «Иди-ка теперь сюда!». Приходит жена. «Посмотри-ка ты в это зеркальце!». Посмотрела она, [а муж] и говорит: «Ты ли это сама?». «Так я же не знаю, сама я или кто другой, — говорит жена, — я-то сама себя ведь не вижу!». «Раз не видишь сама себя, так это ты сама и есть, — говорит муж, — зеркальце показывает, что это ты сама и есть!».

Ну, молодуха обрадовалась, что вот, мол, какая она молоденькая, да красивенькая, да хорошенькая — сама себя увидела.

Зовет мать и говорит: «Мама, иди-ка теперь ты сюда!». Мать как подходит, сын и говорит: «Мама, взгляни, — говорит, — ты ли это сама, твои ли это морщинки?». — «Наверно, мои морщинки, сынок милый, да и это я сама, я сама. . .».

«Подходи-ка, папаша, сюда!». Подходит отец. «Посмотри-ка на себя!». Как посмотрит — и видит, что с бородой! «Ты ли это?». «Так, вроде бы, сынок, я сам, я сам!».

Ну, живут-поживают они, все они стали видеть себя в зеркальце, обрадовались, Да и живут себе и в зеркальце сами на себя смотрят.

Ефимова Анна Ивановна, 56 лет, дер. Обжа
(p i ž i) Олонецкого района. Записала А. А. Митрофанова, 1962 г. (АКФ, разр. III, оп. 2, колл. 157, № 13).

35. [luvettelow omale ukole]

vuata opin kuvamaine naine
kuanutella kal'lištu, hüväštü:
kargijaine miäs olet katettu
tuarehian turbehuzian alle,
mudamuahuzian alle kaimailtu,
viärehtünüt miäs, viäst'ittömih sijazin,
kirjažittomih kohtažih.
ialo, viärehtünüt miäs, viästäžii
ni mittumii kolmetkümnenet vuvvet;
emmo voi tulla ni sinun
kawnehien kalmažian piäl'e.

ollogo puwtuttu, surendoine miäs,
sinun luwpäläžet suajailla,
vai l'ännöw d'iädü nämmile ihavile ilmoile
mustile voronoile taskailtavakse?

ollužithäi, kargijaine miäs,
 omil'e kawnehil'e kalmažil'e katettu:
 tul'ižimmo sinun kawnehian
 kalmažian piäl'e joga päiviä.
 jättel'it kargijaižel'e naižel'e
 kaksi siämeñüttü,
 kaksi kandomuttu kazvatettavakse,
 vajois seiččemis vualahis vuadužis jiidih.
 ül'en skudnolois elonaigažis
 kargijaine naine kazvattel'iin,
 kuvamaine naine ol'in ainos
 külmükengännü, jugeilois ruadolois...
 [rubei iče itkemäh ulvomah].

35. [Причитывает по своему мужу]

Дайте-ка мне, горемычной, попробовать
 Поговорить с дорогим покойным хозяюшком:

Многострадальный ты человек, положен
 В сырую землю, под дербинки,
 В черную землю навсегда ты провожен,
 Преставившийся, в места, откуда нет вестей,
 В места, на которых нет никаких примет,
 Нет, преставившийся, весточек
 Никаких от тебя уже тридцать лет.
 Не можем мы прийти даже
 На твою красивую могилку.

Многопечальный ты, удалось ли
 Спасти твои косточки,
 Или остались они валяться по этой земле,
 Чтобы черные вороны клевали их?

Если бы ты, многопечальный человек,
 Был похоронен на своей красивой погостушке,
 Приходили бы мы к твоей
 Красивой могилке каждый день.

Оставил ты, многострадальный,
 Многопечальной жене своей
 Двух выношенных в утробе,
 Двух дитятушек на воспитание,
 Когда им даже семи годков полных
 не исполнилось.

Очень скудной жизнью жили мы,
 И я, горемычная женщина, растила их,
 Многострадальная женщина, я всегда была
 Босоногая и на тяжелой работушке...
 [Сама заплакала, зарыдала].

Паччиева Наталья Михайловна, 51 год,
дер. Обжа (p i ž i) Олонецкого района. Запись
А. А. Митрофановой, 1962 г. (АКФ, разряд III,
оп. 2, колл. 157, № 20).

36. «reboi rihtü rikšuttaw»

reboi rihtü rikšuttaw,
reboin poiijat riiehen iäs.
— kus, reboi, kävel'iit?
— muan da taivahan keskes.
— midäbo sinä siä sait?
— sain sada poigua.
— midbo heil nimet ollah?
— ühtel — kut'ti,
toižel — k a t' t' i,
kolmandel — kogoï pual'ikku,
nel'ändel — ñedorosku,
vijendel — viikkukäbäl'äine,
kuvvendel — kut'oi-lut'oi,
seiččimendel — se m o i,
kaheksandel — kaidukünzi,
ühöksändel — ül'l'i-mül'l'i,
kümnenendel — kül'an vanhin.

36. «Лиса молотит в риге: тук-тук»

Лиса молотит в риге: тук-тук,
Лисята перед ригой шалят.
— Где ты, лиса, ходила?
— Между небом и землей.
— Чего ты там добилась?
— Я родила сто детенышей.
— Как зовут твоих детей?
— Одного — Кутти,
Второго — Катти,
Третьего — Палка-выручалка,
Четвертого — Недоросток,
Пятого — Криволапый,
Шестого — Кутька-клопик,
Седьмого — Семен,
Восьмого — Узкий Ноготок,
Девятого — Юлли-Мюлли
Десятого — Старшина в деревне.

Митрофанова Клавдия Ивановна, 52 года,
дер. Юргилица (m u a n o i l u) Олонечкого района.
Магнитофонная запись и расшифровка А. А. Митро-
фановой, 1962 г. (Каб. зв., запись № 198/4).

37. viizas saldattu

tul'i saldattu pitkās matkas pāi hiaruh. tul'i hiaruh, pagīzi mužikanke, üäkse tariččiheze. «ga, — sanow, — voit muata, voit». — nečis, — sanow, — susiadas kedābo on?. — «sid, — sanow, — on emändü da izändü, ga ül'en ollah skuwpat, — sanow, — laskiata hūā ei ni konzu ni kedā — «a vuata minā opin, — sanow, — lähtiā» — «a jesl' ei laskiatanne, ga sit tule, — sanow, — jārill'eh meil'e».

menōw, mužikku pihal halguaw halgua. «izändü, laske, pitkās matkas tulen ga, minuw üäkse». — «emmo jo müā rakkahat ole ni kui laskemah», — sanow. — «paššibo, izändü-rukku, paššibo». (häi saldattu, heittiheze kuwrehekse, kuwlemattomakse).

tul'i pert'ih: «izändü minuw laske üäkse». — «emmo jo müā rakkahat ni kui ole üäkse laskemah ga...». — «paššibo, emändü-rukku, paššibo!». dai ištuiheze lawččah. jaksoiheze, pañi sumkažen lawčale.

tulow izändü pert'ih. «ga mikse sinā laskeit?» — «ga en minā laskennuh ga, naverno, kuwriš on, ei kuwle ni midä...»

ištutaheze, ruvetah sūāmāh. ga emändü i sanow izändäl'e: «äl'ä pagiže ni midä, emmo händü kāske sūāmāh».

ištuw saldattu lawčal, kaččow, hūā ruvettih sūāmāh, ei virketä ni midä. izändü ištui, ištui, da ei ni t'irpannuh: «pitkäl matkalgo tulet?». — «paššibo, paššibo!». ištuiheze sūāmāh. otti luzikan, söi ildāžen: «paššibo, paššibo». akku i sanow mužikale: «sanoin, ištua vaikkanil».

«minā, — sanow mužikku, — huandeksel l'ähten aijoi meččāh, šinā pasta bl'inat, kuñi saldattu maguaw». (saldattu kuwlow kai). akku pastoi bl'inat dai juadih čuaju, dai mužikku l'ähti. akku rubiaw dostal'iloj pastoksii loppemah.

mužikku l'ähtijes sanow: «pakiče üäsijas d'engat».

nowzi saldattu, rubei selgiāmāh da iāres l'ähtemāh. — «paššibo, emändü-rukku, paššibo». — «d'engat, kačo, pidāw, — olgupiās l'ekaš-koitti. «a, bl'inua süvvä — seičas!».

ištuiheze, bl'inat söi da kuñi, kuñi akku dostal'iloj bl'inoj pastoi. dai müās akku tartuw: «d'engat, kačo, üäsijas pidāw!». — «ah, bl'inat ottua?». saldattu bl'inat kerāi kai sumkažeh: «paššibo, paššibo, t'owta-rukku, paššibo!». dai l'ähtōw iāres.

tulow mužikku mečās pāi. tulow mečās pāi: «nu midābo, emändü, pakičiitgo d'engat?». — «ga midä, pakičiin d'engat?! bl'inat söi kai dai viā dostal'it keräl otti. nengoštu üāñiakkua laske äl'ä emān ni konzu!».

37. Хитрый солдат

После долгой дороги пришел солдат в деревню. Пришел в деревню, поговорил с мужиком, попросился на ночь. «Так, — говорит, — можно переспать?». — «Можно». — «А тут, у соседей, кто есть?» — спрашивает. «Там, — говорит, — хозяйка и хозяин, но очень уж они скупые, они никогда никого на ночь не пускают». — «А погоди, я попробую пойти», — говорит. — «А если не пустят, то приходи обратно к нам», — говорит мужик.

Приходит, а мужик во дворе дрова колет. «Хозяин, пусти ночевать, я иду издалека ('с дальней дороги')». — «Да не хочется нам ('не охотники мы') пускать никого», — говорит. — «Спасибо, дорогой хозяин, спасибо!». (Он, солдат, притворился глухим, неслышащим).

Вошел в избу: «Хозяин пустил меня переночевать». — «Да мы уж никак не охотники пускать на ночлег уж, так. . .». — «Спасибо, хозяйюшка, спасибо!». И сел на скамейку. Разделся и положил сумку на лавку.

Приходит хозяйка в избу: «Почему ты пустила?». — «Я не пустила, так, наверно, он глухой, ничего он не слышит. . .».

Садятся, начинают кушать. Хозяйка и говорит хозяину: «Ты ничего не говори, не пригласим его кушать».

Сидит солдат на лавке и смотрит: они сели кушать и ничего не говорят. Хозяин сидел, сидел и не вытерпел: «Издалека ли ('с дальней дороги') идешь?». — «Спасибо, спасибо!». Сел кушать. Взял ложку и поужинал. — «Спасибо, спасибо». Жена и говорит мужу: «Сказала же я сидеть молча!».

«Я, — говорит муж, — утром рано пойду в лес, а ты, пока спит солдат, испеки блинов». (Солдат все слышит). Жена напекла блинов, попили чай, и муж пошел. Жена стала доканчивать печь. Перед уходом муж говорит: «Попроси деньги за ночлег».

Встал солдат, начал одеваться, собрался уходить: «Спасибо, хозяйюшка, спасибо!». — «Деньги, смотри, за ночлег надо», — потрогала легонько солдата за плечо. «А, блины покушать — сейчас!».

Сел, съел блины, покурил, пока жена остальные блины пекла. Да и опять хозяйка пристает: «Деньги, смотри, заплати за ночлег!». — «Ах, блинов с собой взять?». Собрал солдат все блины себе в сумку: «Спасибо, тетюшка, спасибо!». И уходит.

Возвращается муж из лесу. Приходит из лесу и спрашивает: «Ну что, хозяйка, деньги-то получила?». — «Да что деньги-то. Он съел все блины, а что осталось, то взял с собой. Такого ночлежника больше никогда не пускай!».

Графова Пелагея Николаевна, 68 лет, дер. Куй-
тежа (k u i t t i i n e) Олонеккого района. Магни-
тофонная запись и расшифровка А. А. Митрофано-
вой, 1962 г. (Каб. зв., запись № 200/4).

38. [itkõw tapetule tuatole]

hospod/i blahoslovi,
olen miäl'evis meččäžis, kävel'en.
vuata vai rubian hot/
kal'lištu armoštu mustel'emah
nämmis miäl'evis meččäžis:
kudamil'e ollow kohtožil'e
minun kal'l'iš armožeñi kuadunnuh?
ollowgo miäl'evis meččäžis,
vai ollow puhtahian puwhužian tüvil, ollow?
vai ollow ül'en jugeiloil suahužil,
muadunut kal'l'iš armožeñi magaillo?
vuata vai opin hot/ l'ibujil'e l'indužil'e sanua:
«libujat l'indužet, l'ennelkiä
kallehen armožen luwhužil'e piäl'el».
oldihhäi ül'en jugiat vojennoit elonaigažet ga
kallehen armožen tüändel'iimmõ
jugeiloil'e vojennoloile dorogažil'e
arbailtuloi askeluzii astumah,
rawdazii orožazii kandel'emah,
kallehen armožen provod'iimmo ga
tulemattomil'e dorogažil'e.
en voi angehut arbailla,
kudamile kohtožil'e on(i) hänen
armahan armožen luwhuat kirvottu.
l'ibujat l'indužet!
tüändel'en teidü müä viakkahat viäst'izet:
eigo minun kal'l'iš armožeñi ole kadoilluh
miäl'evih meččäžih, puhtahile puwhužile ga?
hot/ äl'giättõ jo ül'en jugeiloil nuakkažil
nuakikkua kallehen armožen luwhužii,
parembi puhtahil šiibüžil pühkikkiä
kuldaštu armoštu!
toinah magail'i ga neñnil vojennoloil aigažil
iččeh armahil, nuaril, verüžil,
peigoine peziiheze,
langei mairehii muahužii vaste
liikkumattomikse kivüžikse
rawdazian ragehužien alle.
kal'l'iš armožeñi jättel'i
mairehii muahužii müä

širotskoloikse elonaigažikse el'ämäh.

hot' erähät kerdazet mennüzimmö
kallehen armožen armožih.
hot' kurjažil'(e) midä küzünüš
l'ibo midä nevvonuš ga,
emmo voinnut mennä ni kenen armožian rinnale:
viarahat armožet on kargijažel ül'en kargiat.
oma kuldaine(n) armožeñi(n)
on langennuh vojennoloil aigažil
tulemattomil'e dorogažil'e.

oi armas, kal'l'iš armožeñi, sinä
tiädännüžithäi, mittumat ol'i
jugiat elonaigažet sinun tüättüw ga:
erähät ehtoloid ehtät viäremmö
veživerožil magavosijažil'e,
širotskoloil', kurjažet,
küwnälvedüžil pezemökseh:
eijo pidänüt ni kallehel naižel kandažažel
tuvva meil'e širotskoin sil'mäžiän pestes
ni viakkahii vedüžii,
omil širotskoloil küwnäl'vedüžil peziimökseh.

l'ibujat l'indužet!
vediättö vai viakkahat viäšt'izet,
puhtahil šilbüžil pühkikkiä,
kuldažil nuakkažil nuakikkua,
meijän kargijažian kandanužian
üböl'äziän elonaigažet.

38. [Причитание-обращение к погибшему отцу]

Господи благослови.

Пришла я в приятный лесок, похаживаю.
Дай-ка я начну причитывать хоть
По своему родителю-батюшке,
Буду вспоминать его в этом лесочке.

На каком же местечке пал,
Мой дорогой родитель-батюшка?
Пал ли ты в красивом лесочке?
Или пал ты под высокими деревьями на землю?
Или лежишь ты в очень топком болотце?
Мой печальный родителюшка, спишь?

Дай-ка я попробую хоть птицам небесным
поведать:

«Милые птицы небесные, полетите вы
К косточкам моего милого родителюшки!».

Когда было очень тяжелое военное времечко,
Так дорогого родителюшка мы проводили

В тяжелую военную дороженьку,
Похаживать под команду военную,
Носить за плечами железное ружье-оружие.
Дорогого родителюшка мы проводили
В дороженьку неведомую, безвозвратную.

Никак не могу я, бедняжечка, отгадать,
Где и в каком местечке он пал,
В каком местечке его косточки валяются.

Дорогие птички небесные, пташечки,
Прошу вас передать печальную весточку:
Может быть, мой дорогой родитель пал
В этих зеленых лесочках, под высокими
деревцами?

Если это так, то вы своими тяжелыми клювиками
Не клюйте косточек моего родителя.
Вы лучше своими чистыми крылышками обмахните
Косточки золотого моего родителя!

Может, полеживал он, раненый,
в военное времечко

На этих облюбленных им местах,
И умывался он молодой кровью своей?
А потом упал он на горячую от крови землю
И стал, как камень, недвижимый,
Раненный пулей — железной градиной.

Дорогой родителюшка оставил
Нас жить на кручинной земелюшке,
Коротать сиротскую жизнь.

Мы бы иногда и сами приходили бы
Поласкать дорогого родителюшка,
Хоть что-либо бедняжечки спросили бы мы,
И он нас чему-либо учил бы да посоветовал бы.
Мы не могли подойти ни к чьему отцу-батюшке,
Чужая ласка для сиротинок очень немилая.

А свой дорогой отец-батюшка
Был сражен пулею в военное времечко
И оказался на безвозвратной дороженьке.
Ой, дорогой родитель-батюшка,
Если бы ты знал, какое тяжелое времечко
Мы пережили, проводив тебя.

Мы очень часто ложились спать
Без ужина, напившись водицы.
Мы умывались слезами горькими,
Сиротскими слезами.

И мне, горюшиночке, не надо было
Приносить водицы, чтобы умыть сиротские лица,
Мы все умывались сиротскими
Горькими слезами.

Птицы небесные, пташечки,
Вы сообщите печальные весточки,
Вы чистыми крылышками взмахните,
Золотыми клювиками поклюйте
Горькую печаль, которая
Наполнила нашу горемычную жизнь.

Графова Пелагея Николаевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Т. И. Вяйзинена, 1963 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1965 г. (Каб. зп., запись № 226/4).

39. lašku l a w r i

kuwl evai. el'ettih enne ukko da akku. heil ol'i kolme brihačuw. brihačut ol'i suwret. eigo käwdü školah, eigo käwdü ni kunne, eigo maltettu ni midä. nu, tuattah sanow: «pidäs mennä ruavole». — «en malta!». muamah sanow: «pidäs mennä pihale hot' puikkua keriamäh». — «en l'ähtel!».

ei l'ähtiä lapset, laškat ollah. nu hüvä, lapset oldih laškat. (kulkua, lapset, kaikki'e sanon!)

nu laškat, kazvettih suwret. nu kazvetah suwret. pidäs mennä, kačo, pihale sinne. «mengiä, lapset, hot' kalua ongittuat!». — «emmo malta!». — «ga lapset, ga mengiättö hot' puikkua keriaättö da käwgiä hot' kohtas, kačotto, midä brihačut ruatah!». — «emmo lähtel!».

nu hüvä. kazvettih, roittih hüä vahnat, a d'ia/d'oi i sanow: «oh, lapset, lapset, süätiin, lapsi-rukat, — sanow, — ordeh sah». — sanow: «ga süätät, tuatoiini, i pardah sah!». — «süätiin, lapsi-rukat, pardah sah!». — «ga süätä, tuatoiini, i vahnah sah!». — «ga ni kunne en voi lapsii tündiä. ga nemme on kummat! midä nügöi ruadua? brihačut, mengiättö kunne-tahto, enäm en voi, jo on teil' parrat harmuat».

brihačut l'ähtiättih. matkatah, matkatah. ei ni ken ota ruadoh: malta ni midä emmo. «l'äkkä ruadoh meile». — «en malta!». — «mene nečine ruadoh». — «en voil». — «nu et voi, ga voitgo juvva viinua?» — «mittuinebo on se viinu?» — «jua vai viinua, ga sit opastut!»

valettih nengoine t'ilkaine viinua. kondroi istuiheze, lawri istuw, siidafi istuw sit čakkiine se iäs. dai viinat kolmei i juadih. juadih dai ruvettih pagizemah. ruvettih pagizemah, d'ia-d'oi kačcow: «nemme poijat elavuttih» — «tuatto, midä sit meil ruadua, ga gu ni kunne meidü ruadoh ei oteta, ni kunne meidü ei priimitä, midä müä ruammo?». — «mengiät kačcuat, midä rahvas ruatah, sidäi tää, kui nügöi ei oteta».

lawri sanow: «tuatto, kuwle, tuatto. kunnebo meil l'ähtiä?». «l'ähtiättö hot', lapset, kalua ongittamah. lawri, ota, tuas sumču kainaloh, bokkah, mene ongita kalua».

heittih lahteh lawri, rubei lahtes ongittamah.

kondroi sanow: «ga, tuatto, midäbo minä ruan, ku olen vahnu, ni midä en voi. andanet leiibiä palazen keräle ga lähten». — «mene, kohtas on pikkaraine mökkiine, — sanow, — muwdu gu et d'ö voi, — sanow, ga iske hot' ikkunua korvale, murenda, ga hot' kengi andaw l'eibiä palazen, gu muwdu ni midä et voi ruadua...».

l'ähti kondroi kohtab. pl'ettižen humalas otti. gu iskihäi št'oklua — št'oklu i mureni. kondroi sinne i jowdui (en tiä, kual'i vai elos on tänäpäigi, lašku kondroi).

a silloin šiidafi? šiidari tul'i da istuw, piä riputettu: «tuatto, midäbo minä ruan?». — «midäbo sinä ruat, gu istut tuas?». — «ga hot' istumah, kunne ol'is istuakseh». — «mene istoi sillan alle, kačo, kowz ku rahvas ajetah, da hot' seibähäl klokuta, eiga lapsii varaita».

istuw sillan al silloin šiidafi, seiväs käis. lapset ku juas-tahhäi: «šiidafi-d'iad'oi, tiägo olet?». — «tiä, tiäl!». kolot'ii, kolot'ii, kuwle vai, silloin šiidafi humalas, da sillan allei pakui, šiirdüi sinne, kirguw: «lapsi-rukat, pomogi-it'e meäl!».

lapset nagretah, ei tiätä, mi on se «pomogi-it'e». häi siä kivi-l'öin keskes: kalat süädih jallat, ruakat süädih sel'l'ät. da sinne, kačo vai, silloin šiidafi i meäi. dai lahten lawri meäi, dai kohtan kondroi: kunne l'iännöw sinne korbeh [kadoi]: rotat, vai hiiret, vai mit l'iännöw süädü.

39. Ленивый Лаврентий

Послушай-ка. Жили раньше муж и жена. У них было три мальчика. Ребята были большие. Ни в школу не ходили, никуда не ходили и ничего не умели делать. Ну, отец говорит: «Надо бы идти на работу». — «Не умею!». Мать говорит: «Надо бы на улицу идти, хотя бы щепок собрать». — «Не пойду!».

Не идут дети — ленивые. Ну, ладно ('хорошо'), дети были ленивые. (Слушайте, дети, вам рассказываю!).

Ну, ленивые выросли большими. Растут себе большими. Смотри. Надо бы идти туда, на улицу. «Идите, дети, хотя рыбы наловите!». — «Не умеем!». — «Так, дети, идите хоть щепок насоберите да сходите через реку, посмотрите, что мальчики делают!». — «Не пойдём!».

Ну, ладно. Выросли они, стали уже старыми. А бабушка и говорит: «Ох, дети, дети, вырастил я вас, детки, до потолка». — «Так прокормишь нас, отец, и до той поры, пока борода не вырастет». — «Прокормил я вас, детки, что борода у вас выросла!». — «Так прокормишь, отец, нас до самой старости!». — «Никуда не могу детей своих послать. Вот беда-то! Что мне теперь делать?»

Дети мои, идите куда-нибудь, больше не могу, у вас уже бороды седые стали!».

Пошли парни. Идут, идут, никто не берет их на работу. Ничего делать не умеют. «Пойдем к нам на работу». — «Не умею работать!». — «Иди туда на работу». — «Не могу!». — «Ну, не можешь работать, так можешь ли пить вино?». — «А что это такое: вино?». — «Выпей-ка только вина, так потом узнаешь!».

Налили им этакую капельку водки. Сел Кондрат, Лаврентий сидит. Сидор также сидит тут, четвертиночка перед ними. Да втроем водку и выпили. Выпили и стали разговаривать. Стали говорить, а отец и видит: «Парни-то как ожили!». — «Отец, что нам делать, раз никуда нас на работу не берут, никуда нас не принимают? Что мы будем делать?». — «Идите и посмотрите, что люди делают, то и вы будете делать, раз вас никуда не берут».

Лаврентий говорит: «Послушай, отец, куда нам пойти?». — «Идите, дети, хоть рыбы наловите. Лаврентий, возьми тут сумку подмышку, на бок, иди налови рыбу».

Пошел к заливу Лаврентий и стал удить.

Кондратий говорит: «Папаша, как мне быть, раз я уже старый, ничего не могу я делать. Если дашь кусочек с собой, то пойду». — «Иди, — говорит отец, — напротив стоит маленькая избушка. Если другого ничего не умеешь, так разбей окно ('ударь окно по уху'), поломай окно, может, кто-нибудь даст кусочек хлеба, раз больше ничего не умеешь делать. . .».

Пошел Кондратий через реку. Пьяный, он взял плеточку да как ударит по стеклу — стекло и разбилось. Кондрат в тюрьму и попал. (Не знаю, умер или жив сегодня ленивый Кондратий тот).

А Сидор, который жил у моста? Сидор пришел и сидит, повесив голову: «Отец, что же я буду делать?». — «Что ты будешь делать, коли сидишь там?». — «Так хотя бы сиднем сидеть мне где-нибудь». — «Иди садись под мост и смотри: когда люди поедут по мосту, ты бери палку и стучи под мостом или ребят пугай!».

Сидит под мостом Сидор с палкой в руках. Дети бегают и кричат: «Дедушка Сидор, здесь ли ты?». — «Здесь я, здесь!». Стучал, стучал Сидор, который жил у моста, пьяный был, под мост и упал. Под мостом он оказался и кричит [по-русски]: «Ребятки, помогите мне!».

Дети смеются, не понимают, что такое «помогите!». Он там между камней лежит, рыбы съели его ноги, а раки изгрызли спину. Да туда и пропал Сидор, который жил у моста. Да и Лаврентий, который жил у залива, пропал, и Кондратий, который жил на той стороне реки, где-то в глуши потерялся: то ли крысы, то ли мыши изгрызли его, или кто другой съел.

Лекоева Паталя Яковлевна, 55 лет, дер.
Куйтежа (k u i t t i n e) Олонецкого района.
Магнитофонная запись и расшифровка А. А. Митро-
фановой, 1962 г. (Каб. зв., запись № 200/2).

40. pualenüän itkuvirzi

vuatas opin kurjaženi kuanutella
pualenüän(i) aigažil
kuldažian kukkižian lawlužis
kal'lištu naištu, kandajaštu:

opi vai, kal'liš naine, kandajaženi,
palehtunnuanke paginažil'e pannaksehl
rubiažin küzel'emäh senilmažii sijažii
dai senilmažii elonaigažii:

l'iennetgo lunnastelluh, kal'liš naine, kandajaženi,
senilmažet sijažet dai senilmažet l'ämmäžet,

oi armas, kal'liš(i) naine, kandajaženi,
jogo ozutellah senilmažis sijažis

iččes sugužii dai rodužii,

dai hel'evii heimokondužii? [-kundažii?]

jogo pandih l'ämmittämättömih l'ämmäžih

dai senilmažih ikkunattomih valgiažih?

l'iennetgo, keritettüženi(n), kengätel'üt kengättömät
jalgažet?

i l'iennetgo lunnastellut senilmažet sijažet

dai senilmažet elonaigažet?

l'iennetgo sovitellut sovattomat rungažet,

kal'liš naine, kandajaženi, sinä?

onnuako jo ei suanut lunnastella,

ku ol'iit armoittomii artel'izii kazvattel'emas.

surdunuañi(n), iče ol'iit suwfis gofažis

suwfian kanzažiau kel jänüt kallehes armožes.

muadunuañi(i) kazvattelemas

dai iče gofko-gofovoloi ruadožii ol'iit ruadamas.

oi küvel'möiženi(n), ol'iit üänümbäristöžet

kül'minnü kengäžinnü dai storožažinnu,

pestüženi(n), ol'iit keskipäivänaigažet

ilmas ilman randažii kävel'emäs, ruadožii ruadamas.

i vaivaženi(n) hualovil(i) huandeksužil ol'iid

päivännowžužian al kül'an eduzis kuharkažinnu.

opi vai salvožel'e sanua,

mittumad on senilmažed sijažed

dai senilmažed elonaigažet?

kal'liš naine, kandajaženi, sinä

opi ruveta palehtunnuan kel paginažil'el

i midäbö et, vaivaženi(n) ni midä virka?

Ой, беднешенькая, сторожила круглые ноченьки,
В холодную пору дрожала от холода,
В летние дни ты ходила искать работушку
в дальних краях.

Беднешенькая, ты по утрам ранешенько
До восхода солнышка ты кухарничала.

Попробуй-ка мне, горемычной, рассказать,
Какие места тебе даны сейчас,
Да и какая жизнь тебя ждет там?

Дорогая новопреставленная ты,
Попробуй-ка заговорить ты с опечаленной,
Что же ты, многострадальная, молчишь?

Или язык твой больше не движется,

А губы десятью замками заперты,

Когда ты ушла с этого света?

Дорогая ты, новопреставленная матушка,

Прости ты меня на веки вечные

И благослови ты меня, дорогушенька,

Жить на этом свете белом!

Ведь мне, горемычной, осталась большая семейшка

Дорогих, милых наших детушек.

Растила и направляла я большую семейшку

Из края в край по свету белому.

Сама я, беднешенька, рано осиротела,

От родного батюшки осталась шестимесячною,

Когда я, горемычная, накрою тебя сырой землейю,

Некому больше будет приласкать меня.

(Больше нет).

Леккоева Наталья Яковлевна. Магнитофонная
запись и расшифровка А. А. Митрофановой, 1962 г.
(Каб. зв., запись № 200/3).

41. afmiäh kaimuanduvirzi

hospod'i dai bože blahoslovi.

kal'iš kandomuan'i, provod'in

armeiskoloi sluwžbažii sluwžimah.

et d'o l'ähte ni iivanan-päivän aiguhizih igružih,

ni pedrun-päivän aiguhizih kižazih.

vai, keri(te)ttüzeni, sel'littel'en

arbitettuloi askeluzii astumah.

i, kal'iš kandomuani,

armeiskoloi l'eibäzii süömäh,

kül'mii randa [ranču] rawdažii kandel'emah,
kal'liš kandomuañi, tündel'en
vojennoloi sluwžbažii sluwžimah.
armas kandomuañi, kaimail'en(i)
neñnil pastajoil, pädevil päiväzil
kallehen kandomuan armeiskoloih artel'i(loi)h.
et d'o l'ähte, küvel'möizen'i, ni mittumih igružih,
vai l'ähtet viessaittuloi verožii süömäh,
küvel'möžeñi, kül'mii rawdažii kandel'emah,
armas kandomuañi, sinä.

41. Плач при проводах на солдатскую службу

Господи боже, благослови.

Дорогое мое дитятко,

Провожая тебя армейскую службу служить.

Ты не идешь ни на гуляньице в иванов день

Не идешь ни на игры в петров день

А только, бритая головушка, одеваю я тебя

И снаряжаю ходить армейскими шагами,

И, дорогое дитятко,

Есть солдатский хлеб

И носить железный ранец за плечами.

Дорогое дитятко, отправляю

Служить военную службу,

Дорогой роженный сыночек,

В эти солнечные деньки провожаю

Тебя, дитятко мое, служить армейскую службу.

Ты не идешь, искорка моя, ни на какие гулянья.

Будешь ты питаться нормированным хлебом,

Искорка моя, будешь холодное железо

носить за плечами,

Дорогой мой, роженный дитятко.

Шалгуева Ольга Ивановна, дер. Верховье
(ü l i ö i n e) Олонцкого района. Записала
В. Е. Злобина, 1947 г. (ФОГКЯ стр. 86—87).¹⁵

42. kui minä kirjah opastuin

nügöi minä maltan potpišsiekseh dai gaziettua vie luven, a vä-
häštü enämbän kummendü vuottu sid minä kirjäs en el'endän-

¹⁵ ФОГКЯ — В. Е. З л о б и н а. Фонетика олонцкого говора карельского языка. Образцы говора. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук, Петрозаводск, 1948. — Данные о рассказчике сообщены В. Е. Злобиной устно.

nüh ni midä. en minä üksin olluh kirjatoi. meijän hierus post'i kai minun igähižet akat ei maltettu kirjaj, vai nuorembat vähäžel el'l'endettih. tottu sanua, ga ei mikse ni pidännüh meile akoile kirjju endižih aigoih. koiš päč'in ies da pellol maltoimmo i kirjat-tah ruadua.

revol'ucien jäl'l'es muzikat meijän ruvettih gažiettoi da knii-goï lugemah, ken maltoi, a akoiš post'i ni ken ei lugie maltan-nuh. ruvettih meidü opastamah kirjaj. l'innas päi äijü učiit'el'ua kävüi ga ei meidü äijäl ni himoitannuh opastua dai učit'el'at moižet puwtuttih, što ei heil'e olluh int'eresno meidü tolkuttomii opastua.

ühten sügüzün tul'i meijän lapsii opastamah školah uwzi uči-t'el'ničču. nuofi oli, ga ül'en ravei. ronos hänel'e sanottih, što meijän hierun akat ül'en ollah pahat opastumah.

häi otti nagruskakse opastua meijät kirjaj. nedäl'is kaksi ker-dua kävüi häi meidü školah ajelemah. ei kaččonnuh, mittuine siä: tuhul dai tuwčal, vihmäl tašši häi meidü opastumah. dai meil'e jo rod'ih int'eresnoimbi, ei häi aiven meidü bukvaſis luvettannuh, häi toi gažiettoi, knii-goï da iče lugi meil'e.

talves müö kai opastuimmo kuda kui lugemah, kirjuttamah da čotaimah. sit jo maltoimmo iče potpiskan panna. anukses peča-tajah gažiettua — «kolhozniekku». int'eresno on lugie gažietas toi-žien kolhozoin d'ieloloi.

minä sid kävün toiči kinoh dai spektakl'iloil'e. nügöi minä ruan ogorodnois bfiguadas i kirju äijän avyuttaw. ühtes luvemmo knii-goï, kui parembi kazvaš ovoššat. pidäw sanuo, što kniiigu prav-van sanow.

42. Как я научилась грамоте

Теперь я умею подписываться, даже газету читаю, немногим более десяти лет тому назад в грамоте я ничего не понимала. Не одна я была неграмотной в нашей деревне. Почти все моего возраста были неграмотные; только те, кто помоложе, немного понимали. Правду сказать, так нам, женщинам, в прежнее время ни к чему и была грамота. Дома возле печки да на поле умели и без грамоты работать.

После революции мужики наши стали читать газеты да книги, кто умел [читать], а из женщин никто почти не умел читать. Стали нас учить грамоте. Из города [Олонца] много учителей приходило, так нам не очень сильно и хотелось учиться, да и учителя такие попадались, что им не было интересно учить нас, бестолковых.

Однажды осенью ('в одну из осеней') пришла в нашу школу учить детей новая учительница. Молодая была, но очень бойкая. В РОНО ей сказали, что бабы нашей деревни очень трудно под-даются учебе.

Она взяла себе в качестве нагрузки научить нас грамоте. Два раза в неделю ходила она нас приглашать в школу. Она не смотрела, какая погода: в пургу и в дождь она нас тащила в школу учиться. Да и нам уже стало интереснее: она не все время нас заставляла читать по букварю, она приносила нам газеты, книги да и сама читала для нас.

За зиму мы все научились уже кое-как читать, писать да задачи решать. Тогда умели уже сами подписываться ('поставить подпись'). В Олонце печатают газету «Колхозник». Интересно читать из газеты о делах других колхозов. В то время я иногда ходила в кино и на спектакли.

Теперь я работаю в бригаде огородниц, и грамота мне помогает много. Сообща читаем книги, как лучше выращивать овощи. Надо сказать, что книга говорит правду.

Ольгина Пелагея Михайловна, гор. Олонец
(a n u k s e n l i n n u) Олонецкого района. Записала В. Е. Злобина, 1947 г. (ФОГКЯ, стр. 90—91).

43. midä minä näin viistakal

vie enne voinua minul puwtui kävvä moskovah, a sluččihes se muga. meijän kolhozu ol'i anuksen rajonas parahimbie žiivatoim kačondah näh. a gu müö hüvin kačoimmo žiivattoi osobenu l'ehmii, ga i saimmo hüvät rezul'tuutat: l'ehmät annettih äijän maidua. minun kačottavat l'ehmät annettih suwret udojat i minuw tütöttih moskovah, kui parastu ruadajua.

ol'i kačo kummu moskovas. a vie enne moskovua näin minä äijän int'eresnoidu. ved' ni konzu enne en olluh ajanuh pojezdas. se kačo ol'i minule kummu, gu lod'ienois stansien edeh tul'i pitkü riädü rowno ku kod'iloj — a ned oldih vagonat. istuimohes niil'öih vagonoij, a sie ku pert'is: lawčat da stolat, voit i muata i süvvä.

moskovas meidü vastattih da viedih gošt'innicah. a gu sie ol'i puhtas da kul'turno. siepäi meidü joga päiviä gu hüvii načal'niekkoi käwdih mašinoil ottamah. mui'e, rawkku, en olluš ni ruoht'innuh pihale mennä: ül'en on moskovas äijü rahvastu da mašinua.

viistakal jogahizel respubl'ikal ol'i oma kohtu. niidü sanottih pavil'jonoikse. ol'igo sie kaikkie! ozutettih, kudamal sijua meijän muadu midä kazvaw. ül'en olen minä rakas čuajule. ga sie tiijustiin, kui čuaju kazvaw. a mi ol'i sie fruktoi, engo voi ni mustoitua daže puol'ii niil'öin nazvanieoi.

rahvastu ol'i sie tože kaiken jüttüštü. ol'i moižii, kudamien muas ni konzu ei ole talvie. moižet hüö oldih päivettünööt.

gu tiijustettih, što minä l'ehmih niškoi küzel'in, kerras minuw viettih l'ehmien luo. sie ol'i agronomat, vai kui heidü kučutah, tehniekät, kudamat ül'en točno saneltih l'ehmien kačondah niškoi: äijügo l'ehmäl'e pidäw süöttie heiniä, suwrustu, mittuine tahnuo pidäw olla, štobi sie ol'iš i late i valgei i lämmin.

vie kaččel'in minä poččiloin elostu. mužikku, kudai ol'i poččiloin kaččoi, ol'i sell'itettü valgieh haluattah. «no, — minä duw-maičen, — opis vai, mužikku rukku, tulla mejän poččiloin luo valgeis sovis — kerras sinuw mustakse luajitah!».

43. Что я видела на выставке

Еще до войны мне удалось побывать в Москве. А случилось это так. Наш колхоз в Олонецком районе был из лучших по животноводству. А так как мы хорошо смотрели за скотом, особенно за коровами, то и хорошие результаты получили: коровы давали много молока. Коровы, за которыми я смотрела, давали большие удои, и меня отправили в Москву как лучшую работницу.

Было, смотри, чудес в Москве. А еще до Москвы я видела много интересного. Ведь никогда до этого я еще не ездила на поезде. Вот для меня было чудо, когда в Лодейном Поле к станции подошел длинный ряд наподобие домов — а это были вагоны. Сели мы в эти вагоны, а там, как в избе: лавки да стелы, можешь и спать, и кушать.

В Москве нас встретили и повезли в гостиницу. А там-то было чисто и культурно. Оттуда за нами, как за большими начальниками, каждый день приезжали на машинах. Иначе, дорогой, я не осмелилась бы выйти на улицу: очень уж много в Москве народу да машин.

На выставке каждая республика имела свое место. Это называлось — павильоны. И было же там всего! Показывали, в каких местах [в ориг. ед. ч.] нашей страны что растет. Уж очень я люблю чай, так там я узнала, как чай растет. А сколько там было фруктов, даже не могу вспомнить половины их названий.

Народу там было тоже всякого рода. Были такие, в стране которых никогда не бывает зимы, такие они были загорелые.

Как узнали, что я насчет коров спрашиваю, так сразу меня к коровам и провели. Там были агрономы, или как их называют, техники, которые подробно рассказывали об уходе за коровами: сколько нужно корове сена дать, хлеба, каким должен быть скотный двор, чтобы там был и пол, было светло и тепло.

Еще я смотрела и на свиней ('смотрела на жизнь свиней'). Мужчина, который смотрел за свиньями, был одет в белый халат. «Но, — думаю я, — попробуй-ка, мужик дорогой, прийти к нашим свиньям в белом халате, сразу тебя в черного превратят».

Кошкина Мария Ивановна, 86 лет, дер. Тачалица (t a ð á l u) Олодцекого района. Магнитовонная запись и расшифровка А. А. Митрофановой, 1962 г. (Каб. зв., запись № 199/1—4).

44. kül'ün l'ämmitändüvirzi

ga nämmä kül'üzet l'ämmitelen.
en l'ämmitel'e ni, kurjaine lapsi,
ni kuwzižil halgožil,
en l'ämmitel'e, pestüine lapsi,
ni pedäjäzil halgožil.
pedäjäzet halgožed on ül'en pečualan pidäjät.
ni koivužil halgožil en l'ämmitel'e:
koivužet halgožet on ülen kovasüdämmel'l'izet.
nämmä, kübenüt lapsi, lämmitel'en
kurjažel'e kandomuale leppäžil halgožil.
leppäžed halgožed on l'ewhkeisüdämel'l'izet.
jerusal'im an l'innažis on ičerod'innut
rod'niakkaine.

vai mat'i prisvataja bogorod'ica
ottaw ičel'l'eh piiššuzih
niis kaivožis — rodniakkažis vettü.
niis rodniakkaižis tuan vedrehed vedüät
nämmih küllü külüzih.
kolme koivuw on kohtu taivastu
jerusal'im an l'innažih kazvannuttu:
kuldažet koivužet, hobjažet l'ehtüöt.
niis koivužis otan nämmih küll'ü külüzih
kawnehele kandomuale vastažet kül'vijas.

44. Причитание, когда топят баню для невесты

Вот эту банюшку я затапливаю.
Не топлю я ее, горемычная,
Ни еловыми дровишечками,
Не топлю я, бедняжечка,
Ни сосновыми дровишечками.
Сосновые дровишечки дают жар с печалью.
Не топлю я ни березовыми дровишечками:
Березовые дровишечки дают жар жгучий-прежгучий.
Банюшку затапливать я буду
Своей горюшечке доченьке ольховыми
дровишечками:
Ольховые дровишечки дают жар легонький.
В городе Ерусалиме бьет самородный родник.
Только мать — пресвятая богородица

Берет воду из того ключа холодного,
Из колодца того родникового.
Из того родника я принесу водицу чистую
Для этой бани жарко натопленной.
Три стройные березоньки к небу поднялися
В том городе Ерусалиме святом:
Березоньки те золотые, листочки серебряные.
Из тех березонек я нарву венчики
Для красавицы-девицы в бане попариться.

Кошкина Мария Ивановна. Магнитофонная
запись и расшифровка А. А. Митрофановой, 1962 г.
(Каб. зв., запись № 199/5).

45. saldakakse kaimuanduvirzi

hospod'i(etto) da blahosloviatto.
emmo tüöndel'e nämmi kerdažii
i i v a n a n - päivänaiguhižih gul'anکاžih,
ni pedrun-päivänaiguhižih kižažih.
nämmä kerdažed(i) sel'ittel'emmö
vojennoloih sluwžbažih.

blahoslovi jo, spuassaine da bohorod'icaine,
ozavembih čuassužih nämmi sluwžbažih l'ähtijes.
anna ei rod'ei ni voinažii nämmi sluwžbažih l'ähtehuw,
anna miilos'ivoit süöttiäžet pannah sinus ümbäri
kivižed(i) seinäžed(i), rawdažed(i) l'evožed(i),

k[u] ei konzu jo nesčuastnoit puwl'ažed(i) kuspäi l'ennetä,
ga anna miilos'ivoi spuassaine siiriči vedaw.

naine-kandajaine da käl'iš armožeñi
kazvattel'i kol'aštu, l'ivuttel'i.
nügöi jo pestüine on(i) priimittü,
pidaw tüönüttiä nämmi kohtažih.

blahoslovi jo, naine-kandajaženi,
omil'(vezi) täwzil(i) vaččažil(i),
täwzil südämil(i) armastu kandomuttu,
štobi celoloil(i) rungažil(i) kiändüš järilleh,
celoloil(i) l'ikkažil(i) tul'iš nämmi kohtažih.
kui tüändel'iid, ga niil aigažil
štob muga tul'iš kawnehešt'igi
kawnehis(i) kawnehužis,
vojennoloin sluwžbažian sluwžihuw.

45. Причитания при проводах в солдаты

Господи же, прости и благослови.
Этот раз не отправляем мы
На гулянку в иванов день,
Ни на гулянку в петров день.
На этот раз мы наряжаем
На военную службу.

Благословите же, спас да богородица,
В счастливый час отправиться на эту службу военную.
Пусть не будет ни войны, когда он служит,
Сделай так, чтобы милостливые святые вокруг тебя
Построили каменные стены, железные крыши.

Если ненароком пальные пули налетят откуда-либо,
То дай же, милостливый спас, чтобы они пролетели
мимо тебя.

Мать-родительница да родитель-батюшка
Растили тебя, Коленька, пестовали.
Теперь же ты, дитяtko, уже принят [в армию],
Надо наряжать да отправлять тебя из дому.

Благослови же, мать-родительница,
От глубины своей сердечушки,
От всей души своей своего дитяtko,
Чтобы он с раненой грудью вернулся домой,
С невредимым лицом воротился в родные места.
Когда ты проводила, чтобы в то и времечко
Он вернулся бы целым-целехоньким,
В полной красоте своей красавец наш,
Отслужив службу военную.

Кошкина Мария Ивановна. Магнитофонная
запись и расшифровка А. А. Митрофановой, 1962 г.
(Каб. зв., запись № 199/3).

46. ialo minul itkijä ni kedä ¹⁶

hospod'i da bože(b) blahoslovi(i),
blahoslovi jo spuasoini da bohorod'icaženi.
opin ruveta ičel'leñi sijažii pakiččemah:
anduatto minulleñi, miilos'ivoit sündžed(i),
mi hail-arhangel'i, gawril-arhangel'i, aňhel'i-arhangel'i,
spuassaine da bohorod'itsaine,

---

¹⁶ Плакальщица причитывает о себе; упоминание о тюрьме (абзац 5-й) связано с тем, что она сама во время оккупации в 1943 г. сидела в концлагере за укрывательство сына-партизана. (Примеч. собирателя, — А. М.).

i i v a n a n-päivänaiguhiži(i)h aigaži(i)h,
pedrun(i)—päivänaiguiži(i)h l'ämmäži(i)h,
ečikkiättö jo minun(i) hel'ein hengüžen(i)
matkuandan aijoikse kaijat tuomidorogažet,
kazvatelkua jo kuldažed(i) koivužed(i),
čuran-toižen(i) dorogažii hobjažed(i) l'ehtüät
minun hel'evien(i) hengüzien(i) matkuandan aijoikse.

äl'giä jo pangua minun hel'evii hengüzii
ni viäristänaiguhižih vilužih,
ni rastavan aiguhižih pakkažih.

kurjaine l'ähten(i) ül'en(i) kulunnužil(i)
kuvaził, el'ännüžil igäžil.

l'iennengo voinnuh senilmažed(i) sijažed(i) lunnastella,
konzu hod'(i) türmäžis(i) istuin, niuh aigažih?

miilosl'ivoid(i) sündüžed(i),
pangua jo minuwdañi kudamis(i) kohtažis on
miilosl'ivoin(i) sündüžian(i) luwgazet,
ilmoil'l'izian(i) ilmoin(i) randoih niis(i) luwgažis(i)
on čuran-toižen medovoit maidojoguađ(i),
i l'eibügoražed(i) loppemattomat on niis kohtažis,
pedri-(v)armožeñi prestolažet on(i)
ilmois ilmoin randoih, mualois(i) mualoin rajoih.
kaikenualažed(i) on(i) süömized i juamized(i)

loppumattomat.

voinnužin gu(n) omil'e hengüžil'e
niuh prestolažih sijažed(i) lunnastella?

ei jännüh kallehii kantomužii minun lunnastel'ijoi,
hel'eil'čin hengüzien enämbiä jäl'l'el'e minuw...

46. Некому причитывать по мне

Господи боже, благослови.

Благослови же, спас и богородица милая.

Попробую себе местечко на том свете выпросить:

Дайте же мне, милостливые боженьки,

Михаил архангел, Гавриил архангел, ангел-архангел,

Спас дорогой и богородица добрая,

[Умереть] во времечко, какое бывает в иванов день,

Тепло, какое бывает в пору петрова дня.

Найдите же на время прихода моей светлой душеньки

Узенькие дороженьки, обсаженные черемухами,

Вырастите же к этому времечку золотые березоньки

С серебряными листочками по обеим сторонам дороженьки

На времечко, когда моя светлая душа будет идти

на тот свет.

Не отправляйте мою светлую душеньку на тот свет

Во времена крещенских морозов лютых,

Ни во времена рождественских морозов крепких.
 Я, беднешенька, очень старая распрошаюсь
 с белым светом,
 На котором я прожила свою жизнь очень долгую.
 Не знаю, смогла ли я заслужить и выкупить местечко
 на том свете,
 Хотя бы тем, что я перестрадала, сидя в тюрьме?
 Милостливые боженьки небесные,
 Дайте же мне место там, где раскинулись
 Луга зеленые милостливых пресвятых боженек
 На самых крайних краях того света.
 На тех лугах по обеим сторонам бегут медовые
 реки-реченьки,
 И горы хлеба нескончаемые в тех местах.
 Петра архангела престолы там разместились
 От края и до края, от одной земли до другой земли,
 Всевозможные там яства и пития бесконечные.
 Кабы я могла для своей душеньки выкупить
 Местечко в таком престольном месте?
 У меня не осталось дорогих моих детушек,
 Которые бы выкупили мне такую потустороннюю жизнь,
 Для моей светлой души местечко на том свете.

Сергеева Мария Ивановна, 62 года, дер. Мегр-
 озеро (m ä g r ä d d ä r v i) Олонецкого района.
 Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Т. И. Вьяй-
 зина, 1963 г., расшифровка Г. Н. Макарова.
 (Каб. зв., запись № 224/5).

47. kui nagrištu kazvatiimmo

kasken ajoimmo, sen keviäl vieriiimmö, poltiimmo ül'en äijäl
 kandožet teräväkse, štobi tuhkuva enämbi rod'iaš: nagriš roih kar-
 jemi. sit sen künniimmö, sit rod'ih panendan aigu. l'ehti homeh-
 tui — se on panendan aigu nagrehen, meñiimmö nagrehen puhuimmo.
 puol'ih puwloissah kačot [puhujes] — ga se rod'iaw nastojušaoi nag-
 riš, puwloin ladvoih kačot — ga rod'iew ül'en karju, a muah kačot
 puhujes — ga rod'iaw ül'én hiemoine.

sit nagrehen pañiimmo sen da küñniimmö, muadu piästiimmö
 ül'en äijän. midä enämbän muadu nagrehele piästät, šidä karjem-
 bua nagrištu roih. se nagriš kazvoi, üt pimettih, nagriš i rubei
 kazvamah.

sit rubeimmo nagrištu ottamah. nagrištu rubeimmo ottamah,
 meñiimmö, nagrehen loimmo kobäreheh. loimmo, sit luajimmo
 markan, rubeimmo l'ešt'imäh. sit l'ešt'iimmö nagrehen, pañiimmo

hawdua. menemmö huandeksel aijoi, luajimmo suwren tulen, kivii hiilutammo, havvan kaivammo. sit panemmo hawdah sinne nagristu, pezemmö da puhtahažet, sen katammo hüvin. roih hawdua. ehtäl havvan avuammo, kirrummo tožil šel'l'il sušiedoi: «tulgua, hambahittomat, havvale!».

tullah, hawdua müö annammo heile. ičel kaššal'it šel'l'äs, hawdua otammo šel'gäh, kodih menemmö.

sit nagriš rod'iaw jo otettu, nuattižet puzuh panemmo. puzun luajimmo. da tulen suwren luajimmo. nuatit havvommo: üksi hawdow, toine survow puzuh sinne, virzulois. se puzu kül'mäw sügüzüw.

havvommo muga: tuel piäl panemmo da kiändel'emmö hangol alallah sit. da sit havvotaheze, roijah kai žoltoit. survommo puzuh, kai rubiew veži valumah, äski rod'iaw neče valmiš. ruahkan panet nečen, nuatin, ga se happanow. vie, ni žiivattu ei süö. pidäw hawdua hüvin, sit žiivattu hüvin süäw talvel.

puzu kül'mäw, lundu panow sügüzül, talvel pakkažet sit otammo, regeh panemmo da sit kod'ih viemmö žiivatoil.

a nagrehet markas päi otammo, kuoppah panemmo da sit talvel, kowz pidäw, sit kävümmö ottamah. viemmö hevol, puužet kod'ih viemmö sügüzül. sit panemmo päččih da päčin hüvin salhuammo, kriäpimmö savel. sit ehtäl avuammo päčin, hawdažet šie päčis otammo, sit kuivuammo näivöikše. a sit tul'ian kezän sie roih jo meil' näivöidü, omua särvindü, niidü l'ivotammo, l'eivänke mečäs ruadajes särvämmö.

päččoi pastoimmo, vai kui nagrehele menemmö, iel'l'eh päččoi tuleh panemmo. päččoi pastoimmo aiven. nagristu vie näwttiämmö: kuoritammo nagreheu vaičel, sit näwttiämmö da näwttiä süömmö, ruohkannu.

talvel päčis puas piimmö hawdua da söimmö.

rieppoi luajiimmo: kivii päčis hiilutiimmo, sit pañiimmo nagristu vähäžen puččižeh, sit pañiimmo kivet hiilavat, sit müös nagristu pañiimmo, sit müös hiilavat kivet, sit müös nagristu piäl'epäi. sit ül'en äijäl katoimmo, heinüviršin piäl'e pañiimmo, da od'd'ualua piäl, štobi höwrüine ei nowziš, sit net sih kühseh-tütäh vähäžel (rieпоikse ei pie äijäl küpsendiä). sit rod'iw ül'en hüviä riepidu, magiedu. se rod'iw nastojuasoil riepoi, puččiriepoi. sen ruohkis nagrehis pañiimmo sinne rieпоikse.

a näivöiriepoi se rod'iaw magei. l'ivotat näivöit, se rod'iw magei riepoi, ga sötöt süömätöi, moine roih magei, kielengi lainuat.

nagrehen šiemandü luajiimmo koiš. ištuttajaštu jätiimmö sügüzül, kuappažeh pañiimmo tervaksenke da muanke. da sit keviäl meñiimmö, sie kuappažes kaivoimmo, da nagrehet kaššal'ih. tul'iimmo da net vavole ištutiimmo. nu händü pidäw beregie, niis on äijü ruadua, ga müö maltoimmo kazvattua, ga kazvoi. vie heidü pilmu šordi, sit pidi tuhkuu kül'viä da šeluokseh ehtil dai huandeksil sit ištuttajažis ümbäri kävel'l'ä. rod'ih madoštu: madožet

pidi kai läre keräillä palgožis. madožet palgožeh istutaheze. nagrišsiemen kazvaw: ga roih palgožet kai sormen pitküt nemme (niidü sanommo palgožikse). sen südämes on (kui sual'istuw palgo) sen südämes ollah nemme, šiemenet. nu, ä'l'ä madožii tapa, palgožen süow, šiemendü ei roi.

a vie pilmat istuttiheze. niih pidi tuhkuu kül'viä ehtäl, kowz kaste langenow: sit pilmat l'ähtietäh iäres, a madožii muiten pidi karäil'l'ä joga ehtiä. viižinkümmein paloin kai pauiimmo ičele istuttajaštu, savoin paloin pauiimmo nagrištu istuttajazekse. nu müös, ei joga sijas kazvatettu, müö möimmo nagrišsiemendü toižil'e, möimmö.

ruižvakan alal pidaw kaksi luzikkua nagrišsiemendü kül'viä, a ruištu vaku.

toššu vuvven kül'viimmö ruištu. rugehen otiimmo, ruiš ül'en hüvin kazvoi nagrišmuale, nagrišmuu on ül'en vägöw. tuhkuu häneh ol'i piästettü äijü. a muw vil'l'u gu viärämmö, ga muw vil'l'u täs palaw... täs suafikkoine d'iäw, ruohku muu, kün'n'iimmö da niih üksih kazvoi, a nagriš ei kazvanuh. nagrehel pidi äijü puwdu poltua da tuhkuu luad'ie. vot sit d'al'l'es kaksi vil'l'ua vie otiimmo: kagran i rugehen otiimmo, hüvät kazvettih. a d'al'l'el šidä heinü rubei kazvamah, jo heiniä niitiimmö niil sijoil. net d'o rajakokse d'iäjäh.

viidupohjua ei pie nagrehele vallita, pidaw l'epikköine da koivikkoine val'l'ita. viidupohjas roijah kargiet nagrehet i pahembah kazvaw, a l'epikköh da koivikkoh roijah raziet, magiet nagrehet roijah.

okromi kartohkuu da nagrištu ni midä muwdu emmo kazvatanuh. ewlluh aigua kazvattamah kapustua da ni midä. ainos pidi kaskie ajua da palua viardiä, da. virzut jallas, da ainos pidi füwdiä šinne meččäh.

konzu kondii rubei nagreheh käwmäh, ga veimmö l'iinan komuw, veimmö nagrišhalmehes ümbäri, riboitimmo. a jänöi soi — ga jänöin hävitiimmö muga süöndäs: što paniimmo olgie, riboitimmo. kannammo olgie sinne, riboitammo ümbäri halmehes i jänöi heitäh käwndän. jänöi süow, sport'iw äijän nagrištu. jänöi süow, ga erähäh nagreheh vai üksi d'iäw kuori. muakondiedu nagrišhalmehel emmo nähnüt, muakondii se kartohkoi vedel'ow, nagrišpaikas emmo nähnüh.

kondii kedägo süow, kedägo nühtiw. menet, ga kai ollah bokalleh nävištüttü nagrehet bazaris. kondii sport'iw äijän nagrištu, a jänöi, kuduan zavod'iw, sen i süow loppow, a sit toižen zavod'iw (eihäi ole üksi jänöi mečäs). kerävütäh sih artel'il'l'eh, ga ä'l'ä rua ni midä, ga voit sovsem mennä nagriš, halmeh muga, sudre: ei roih ni nagrištu. da sit kačcomah kävümmö puaksužeh, da viemmö sinne, midä hüö varatah da, da niidü viemmö, da riboitammo halmehes ümbäri, da heitetäh käwndü.

tiedohužih niiskoi emmo ni midä tie, muga panemmo prosto da. nügöi emmo kül'vä nagrištu, nagrehet nügöi dai kai muga ollah. nagriš ol'i šiniine.

47. Как мы выращивали репу

Пожог мы вырубали, весной его палили, сжигали очень сильно, чтобы пеньки оставались острые, чтобы золы образовалось бы больше: репа будет крупнее. Потом пожог вспахивали, а затем подходила пора сеять ('сажать') репу. Когда на листе ольхи появятся серые мохнатые личинки слепней ('ольха покроется плесенью') — это и есть пора посева репы. Мы приходили и сеяли ('дули') репу. Смотришь на середину дерева, когда выплевываешь семена, будет средней величины ('настоящая') репа; смотришь на верхушки деревьев — репа будет очень крупная; а если в землю смотришь, когда выплевываешь изо рта семена — будет очень мелкая репа.

Потом мы сеяли ('сажали') репу да пахали, землю зарыхляли. Чем больше земли для репы поднимаешь, тем крупнее родится репа. Репа пойдет в рост, ночи становятся темными, и репа начинает расти.

Потом начинали репу рвать. Когда придем, выдергиваем репу и кидаем ее в кучи ('груды'). Накидаем груды. Когда накидаем полную груды ('марку'), начинаем ее очищать от ботвы. Когда отрезали ботву от репы, клали ее в горячую золу, чтобы испеклась она. Приходим рано утром, сделаем большой костер, нагреваем камни, выкопаем яму. Потом в эту яму кладем репу. Вымоем да чистенькую и кладем туда, а потом прикроем хорошенько [землей]. Получается пареная репа. Вечером ямку откроем и приглашаем на пареную репу соседей, которые находятся на других участках ('сельгах'): «Приходите, беззубые, есть пареную репу!».

Приходят, мы угощаем пареной репой. У самих нас кошели [с репой] за спиной, берем пареную репу [и] идем домой.

Вот репа уже убрана. Ботву силосуем ('запариваем') в кругу из кольев. Приготовим такой круг. Да еще костер большой разожжем. Ботву силосуем: один парит [на костре], а второй топчет ботву в круг, а сам в лаптях. Круг осенью замерзнет [в сплошную массу].

Силосуем следующим образом: бросаем ботву в огонь и все время переворачиваем ее вилами. И тут листья запариваются, даже желтые становятся. Их толчем в круг, даже вода начинает течь. Только тогда ботва будет хорошо запарена. Если недопаренную ботву утрамбуешь в круг, то она сгниет, даже скот не будет есть. Надо хорошо запаривать — потом скот хорошо поедает зимой.

Круг этот замерзнет, осенью снег выпадет, потом зимою в мороз берем его, в сани навалим да домой привезем для скота.

А репу из кучи ('марки') берем, в яму убираем да потом зимою, когда надо будет, съездим да привезем домой. Привозим на лошади. Мелкую репу домой привозим осенью. Ее кладем в жарко натопленную печь и устье печи хорошенько глиною запечатаем ('закроем'). Потом вечером откроем печь. Мелкую пареную репу берем оттуда, а после этого высушим ее [на поду печи]. И вот на будущее лето у нас будет высушенная мелкая репа, своя похлебка. Эту сухую репу намачиваем и, когда в лесу работаем, едим ее с хлебом.

Репу также и пекли. Когда идем убирать репу, делаем костер ('огонь') и кладем печься репу. Репу пекли постоянно. Репу еще ели и тертую ('скобленную ножом'). Репу очищаем от корки ножом, потом скребем ножом и вот эту скобленную сырую массу и едим.

Зимой в печи в чугуне парили репу и ели пареную.

Репной квас мы готовили. Камни в печи накаливали, клали немного репы в боченок, потом опускали горячие камни, опять репу клали, потом опять горячие камни, затем еще репы верхний слой клали. Потом очень плотно закрывали, корзину с сеном ставили [на бочку] да одеяла, чтобы пар не выходил. Репа та немного запарится. Для репного кваса не надо сильно запаривать. Потом получится очень хороший репной квас, сладкий. То будет настоящий репной квас, бочечный репной квас. Это мы готовили из сырой репы.

А репной квас из сушеной репы, тот получается сладкий. Намочишь сушеную репу, будет сладкий репной квас, его будешь пить, если даже и пить не хочешь, такой сладкий [квас] получается, даже язык проглотишь.

Семена репы выращивали дома. Семенную репу оставляли осенью, в ямочку убирали со смолистыми щепками да землей. Да потом весной приходили, ямочку эту раскапывали да репу в кошель [и на спину]. Придя домой, семенную репу сажали в грядку. Ну, уж их [семенники] надо беречь! С ними много дела. Но поскольку мы умели семена выращивать, так и получались семена. Еще их земляная блошка губила. Тогда надо было посыпать золой и много возиться по вечерам и по утрам, бегать около семенника. Появлялись гусеницы ('черви'): гусениц всех надо было собирать со стручков.

Семя репы растет, так стручки образуются большие с палец длиною. (Мы это стручками называем). Внутри его (когда стручок созреет) находятся эти семена. Если не уничтожишь гусениц, они съедят стручок, семян не получится.

А когда земляная блошка нападёт на нее, надо было посеять золы вечером, когда садится роса: тогда блошка уйдет, а гусениц руками надо было собирать каждый вечер. Даже по пятьдесят

реп сажали на семена, по сто штук бывало высаживали на семена. Но семена не везде могли выращивать, мы продавали семена репы другим, торговали семенами репы.

Где сеется мера ржи, на той площади семян репы засеваются две ложки, а ржи одна мера.

На второй год сеяли рожь. Убирали рожь. Рожь замечательно росла после репы. Земля после репы очень сильная. Золы на этой земле было много. А другие хлеба после того как только опалена подсека, не растут ('перегорают'). . .

Где островок непаленой земли остается, его вспахивали и только на тех местах росли [другие злаки], а репа не росла. Для репы надо было много леса жечь да золы заготовить. Вот тогда после этого еще два урожая мы брали: овес и рожь выращивали, хороший урожай получался. А после этого трава росла, траву косили на тех участках. Пожогги становятся уже пожнями ('залежами').

Под репу не следует выбирать мелкий ельничек, надо выбрать место, где растет ольха или береза. На участке, где мелкий ельничек, репа получается горькая и хуже растет, а в ольшанике и в березняке репа будет сочная, сладкая репа уродится.

Кроме картошки и репы, [из овощей] другого не выращивали. Не было времени выращивать капусту и ничего другого. Постоянно надо было рубить подсеку да палить ее. Да. Лапти напялишь на ноги, и постоянно надо было тащиться ('ползти') туда, в лес.

Когда, бывало, повадится медведь на поле, где посеяна репа, то приносили сюда комья конопляного жмыха, приносили и вокруг участка с репой разбрасывали. А если репу губил заяц, так зайца отпугивали от репы так: разбрасывали солому. Натаским туда соломы, разбросаем вокруг участка, и заяц отвадится ходить на репу. Заяц ест, портит много репы. Заяц поедает репу так, что от некоторых остается одна кожура. Кротов на репе не встречали. Крот тот картофель тащит [в кучи], на поле, где репа, его не видели.

Медведь же часть репы поедает, а часть выдергивает. Придешь на поле, так вся репа на боку, увядшая на том месте ('в базаре'), где медведь орудовал. Медведь портит много репы, а заяц которую репу начнет есть, ту и доедает, а потом вторую начнет. (В лесу-то ведь не один заяц). Соберутся они артелью. Если только ничего не сделаешь, так вся репа может пропасть зря, все поле может быть отравлено: репы не получишь. Да тут следить ходили частенько. Таским туда, чего они боятся, да. . . несем да поразбросаем вокруг участка с репой, да они и перестают травить репу.

О знахарстве при спасении репы ничего мы не знаем, так просто все это разбросаем. Теперь репу не сеем, и репа и все такое теперь забыто ('оставлена так'). Репа была синяя.

48. «verkua luajimmo muga»

verkua luajimmo muga: langua kezräimmö, net kierdaimmo verkolangat nenne liinažet, sit zavodiimmo verkon, niegloimmo. verkon, nieglojes pidäw ezmäi kaluin, sit pidäw tämä kábü. sit vai nieglommo. mittuine sie pidäw, min levüs, min pitküs, net sie mieräil'emmö, zavod'immo da sit muga nieglommo.

nuatan püwdäjes verkuw niegloimmo, nuatan siivet. meijän järves püvviimmö, kačo, kualajen. ga luajimmo moižet i nuatat: panemmo kaksi verkuw čurah, toižen kaksi toižeh čurah. kuwzi šül'dü nieglommo pitküttü verkon, a kolme šül'dü rod'iw jo raken-duksele, se pidäw puolei jo silmät panna. kolme šül'dü roih, sit roih kaksi verkkuw, kuwzi šül'dü bokkunuatan, a sit perä rod'iw. perän sežo nieglommo kahtes palas da sit viä kaksi vergaštu, čurah i toižeh vergažet: piäl'päi da allepäi. da sit panemmo kivekset, da sit panemmo pullo, da sit l'ähtemmö järvel'e, da kualammo, da püvvämmö, venehes šia ripummo.

peräverko pidäw puaksuine, peräverko nel'l'äl kaluimel pidäw niegluo. mittumal zavodit rinduverkot nieglua, muga vai kaksi metrii pidäw periä niegluo. a dostal'i sie l'ähti jo kaidenemah, ga jo pidäw kaluindu ainos smeñie, puol'i aršinoa — dai kaluin, puol'i aršinoa — dai kaluin, štobi hienoine kalaine ei uidiš. a soroverkot, ezmäžet, net jo vähästü harvembažet luajimmo. kaluindu pidäwgi šit moñi, perän nieglojes, i kábüw pidäw sežo hienombua: verkon nieglojes karjem kábü, a perän nieglojes pidäw jo hienoine kábü, pikkaraine.

nügöi emmo nieglo, nügöi verkuw ostammo, kačo, etgo pelvastu pie, etgo l'inau pie. ostolangas voiš niegluo, ga minä en oppinuh.

48. «Рыболовные сети мы делали так»

Рыболовные сети мы делали так: пряли нитки, сучили их, эти конопляные нитки для сетей. Потом начинали [ткать] сеть, вязали. Чтобы вязать сеть, надо иметь сперва планку, потом нужна иглица. Потом знай себе вяжи.

Для невода [ловли неводом] вязали сети, крылья. На нашем озере мы ведь ловили вброд. Так вот вязали такие и неводы: две сетки для одного крыла, вторые две сетки для другого крыла. Вяжем сеть длиною в сажень шесть, а три сажени для той части, что ближе к мотне. Для этой сетки ячеи надо делать наполовину меньше. Три сажени получится, потом будет две сети, шесть сажень для боков. А потом мотня делается. Мотню тоже вяжем

из двух частей да потом еще два небольших клина, по обеим сторонам по клину: сверху и снизу. Потом навешиваем грузила и привязываем поплавки. Потом отправляемся на озеро, да бредем [вдоль берега] и ловим, за лодку там держимся ('висим').

Сеть для мотни нужна частая. Эту сеть надо вязать на четырех [разной ширины] планках. По какой планке начинаешь вязать переднюю сеть мотни, по той планке свяжешь только два метра мотни. А дальше, когда уже начинает суживаться, планку все время надо менять: пол-аршина — и новая планка, пол-аршина — и планка, чтобы мелкая рыбешка не уходила. А сети для крыльев, первые, те уже вяжем с более редкими ячейми. И тут несколько планок потребуется для того, чтобы мотню связать. И иглицы нужны также поменьше; при вязании сети нужна покрупнее иглица, а при вязании мотни иглица уже помельче, совсем маленькая.

Теперь мы сетей не вяжем, теперь мы покупаем сети, [по-скольку] не выращиваешь ни льна, не выращиваешь ни конопли. Из покупной нитки можно бы вязать сеть, но я не пробовала.

Ерофеев Василий Егорович, 78 лет, дер. Мегр-озеро (m ä g r ä d' d' ä r v i) Олонецкого района. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и Т. И. Вязинена, 1963 г. (Каб. зв., запись № 223/1).

49. kasken ruado

kaskeh näh sanon. kudai on bohatembaine, sanommo, spravnom-baine, jo se menöw ennepäi, da se vjiberiw parembažen da zaimiw enämbäžen. a kewhü tulet, sanommo: sidä pidáš, tädä pidáš, a vie tua pidáš, da vie hebo pidáš. hänele jo puwttuw posl'ednoi sie mua.

bohattu l'eikkai, kasardi paloloi, kül'vi aijoin aijal.

kewhü se külvaw i jäl'l'es. jo kai hänel'e kazvaw jo helpom-baine koržigo i jüvägo, sanommo. i keriaw jo tože samoi häi müö-hembäh: hänen tabuaw vihmu, hänen šaižu, hänen kai.

a bohattu? häi vuvven aiven ruadaw da vie ruadajua pidaw. a kewhü se vie hänele [bohatale] menöw ruadamah. vot kewhü se aiven i jäl'l/el'e jiaw, aiven häi oigiel bokal rambuaw. a bohattu vai nowzow da nowzow, nowzow da nowzow. a sinä se, kewhü, aiven sidä bohattua kuokit: omua se pidáš ruadua, a hänel pidaw pervoi oçeret' pomogie, äskin i el'ät, sanommo.

puwtui omal ijäl ruadua kaskie. ezmäi pidaw kaski eççie, sit pidaw kasardua, sit pidaw l'eikata. ezmäi pidaw vot keviäl, kui lumi l'ähtöw, pidaw vierdiä. sit pidaw kundiä da viä kahtelegi

kerrale pidāw kundiā. da sit pidāw astoiĵa. da sit vie pidāw sei-vās suaja, aijastu, vie ūmbāri vet pidāw aidua panna, pūstiā, eiku žiivatat sūdāš. aidua et pannuh, ga paši borodoi dai stupai domoi.

pelvas ezmāžikse kül'viā pidāw. sit jo roiĵ kagrāle, sit ozrāle, a sit jo ruģeĵele, sanommo. kai neĵe pidāw ruadua... a ku adral kūnnāt: tās nostat — tāĵ pūstāt, tās nostat — tāĵ pūstāt, da vie āĵkiāw tāĵ l'ewgāĵ pialuksel. sinul ei piā űi itkuw, muga kūw-nāl'et l'āhtietāĵ.

heitā ruado, pāĵĉiņieĵku tuatto ol'i. minun jātti nengomannu kūndāmāĵ: ka kaĉo midā kāit ruataĵ. a hāi vai sie vel'l'en kel'e vai pajua annettih, pāĵĉiņiakat. da vie heil'e rūwppū annettih. a minā tiā kuival kokoil hirnakoiĉe hevon kel'e.

māgrā d'ā r ves olen kazvanuh dai tāĵ... no kuolendua ei sua tiediā, kuh kuolen. tādā, kaĉo, puwtui dobrua.

49. Работа на подсеке

Расскажу про подсеку. Кто, скажем, побогаче, посправнее, тот идет первым, тот выберет себе получше да займет побольше (участок). А бедняк придет: то надо бы, да это надо бы, а еще и то (что подальше) надо бы, да еще и лошадь нужна. Ему уже попадаетея худшая ('последняя') земля.

Богатый рубил, очищал от кустов подсеку, сеял все в свое время. Бедняк — тот посеет и после. Вот уже у него [бедняка] все и вырастет послабее: и соломка потоньше, и колос полегче, скажем. И убирает-то бедняк тоже позже: его и дождь застанет, даже дождь со снегом настигнет его и все такое.

А богатый? Он целый год работает да еще и работника держит. А бедняк еще и ему [богатому] идет работать. Вот бедняк-то все остается позади, он всегда на правую ногу хромает. А богатый только все вверх да вверх, поднимается да поднимается. А ты-то, бедняк, постоянно тому [богатому] работаешь ('мотыжишь'): и свою бы работу надо делать, а ему в первую очередь надо помогать, только потом и живешь, скажем.

На своем веку приходилось работать на подсеке. Сначала надо подыскать подсеку, потом надо вырубить кусты, потом надо срубить деревья. Сначала вот весной, как снег сойдет, надо сжечь сваленный лес. Потом надо пахать, да еще на два раза надо пахать. Да надо пробороновать. Потом еще надо колья заготовить, жерди: вокруг надо ведь изгородь поставить, чтобы скот не по-травил. Изгороди не поставил — так все потеряешь ('паши бородой да и ступай домой').

В первую очередь лен надо посеять, потом уже земля остается под овес, потом под ячмень, а потом уже и под рожь.

Все это надо сделать...

А когда сохой пашешь: отсюда поднимешь — сюда воткнешь, отсюда поднимешь — сюда воткнешь, да еще ручкой сохи толкнет сюда [в подбородок]. Тебе и плакать не надо, так слезы покажутся.

Да что и говорить ('брось работу')! Печник был мой отец. Меня оставил таким [мальчишкой] пахать: гляди, что руки делают! А он сам с братом только песню пели, печники. Да им еще и рюмочку давали. А я здесь питаюсь сухой коркой да плачь ('издавай ржанье') вместе с лошастью.

В Мегрозере я вырос да тут и... но смерти не знаешь, где умереть придется. Этой, смотри, работы ('добра') на мою долю доставалось.

Ерофеев Василий Егорович. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и Т. И. Вязина, 1963 г. (Каб. зв., запись № 223/1-а).

50. brihačunnu meččäi piluamas

a meččäh kaheksandel /'ähtiin... ni sinä et usko, što minä /'ähtiin meččäh. a midä minä ruavoin? pilaingo, vai kuarziingo, vai midä? no muwdu en ruadanuh, ga hot tämä ga [pola] /'ekui, nenga säriži talvel. pola /'ekui, el'endätgo, mih niškoj /'ekui? nu, značit, viluw häi /'ekui: minä särižiin, ruadanuh en, en toimitanuh, a meččäh pidi mennä.

meččükel/'ažeh tungiimokseh nenga, gurvalleh, sie savvus oliimmo. meččükel/'aine — tämä pert'iine. on ukši gu neče pikkaraine stolaine. oi huvem stolaštul sinne tungetos, sie on päččiine: sitgo keität, sitgo olet, sitgo pitaičetos, sitgo maguat, sitgo kai. nedäl'ingo, kaksi. sit kod'ih tulet da pezetös kül'üs.

kenenkebo ruavoin? ga tuatan kel'e ruavoin. da ruadajien kere. da konzu kaksi hengie puwttuw, kaksi hebuo ühteh, značit, niijen kel'e i ruat. zärabotkat? kolme rubl'ua enništü, nu nikolajewskoidu. kolme mužikkua da hebo — kolme rubl'ua sai kaikil'e... nedäl'is. erähän kerran gu — viiži rubl'ua, ga heitä ruado! «oi, sanot, huavo jawhua puwtui nedäl'is».

minule, kačo, puwtui semmoštu ruaduo ruadua, tädä hüviä dobrua.

50. Мальчиком на лесозаготовках

А в лес на восьмом году я пошел... И ты не поверишь, что я таким [маленьким] пошел в лес. А что я там делал? Пилил ли, или сучья обрубал, или что? Ничего другого не мог делать, так

вот, но пола шубы дрожала. Дрожала пола эта зимой. Пола шубы дрожала: понимаешь ли, из-за чего пола дрожала? От холода она дрожала, пола-то: я дрожал, я не работал, не умел работать, а в лес надо было идти.

В лесную избушку ('кельюшку') втискивались этак на четвереньках, там в дыму мы и были. Лесная избушка — это небольшая избушка. В нее ведет ('имеется') дверь, величиной с этот маленький столик. Даже меньше столика! Туда втискаешься, там печурка: тут ты и варишь, тут же ты находишься, тут ты и питаешься, тут ты и спишь, тут ты и всё делаешь. Неделю ли, две ли. Потом домой. Потом домой приедешь да вымоешься в бане.

С кем я работал? Так с отцом я работал да с другими лесорубами. Да иногда два человека попадутся вместе, с двумя лошадьми, значит, с ними и работаешь. Зарботки? Три рубля старыми [деньгами], ну, николаевскими. Три мужика да лошадь — три рубля на всех можно было заработать. . . : за неделю. Если в, иной раз удается пять заработать — пять рублей, так очень хорошо! «Ой, — скажешь, — мешок муки удалось [заработать] за неделю!».

Мне смотри, приходилось на такой работе бывать, этого добра [доставалось].

Никифоров Иван Афанасьевич, 46 лет, дер. Мергозеро (m ä g g ä d' d' ä r v i) Олонецкого района. Записал Г. Н. Макаров, 1939 г. (АКФ, разр. III, оп. 2, колл. 138, ед. хр. 3).

51. paimoi i vedehiene

ühtes järvisijas ol'i paimoi. l'ehmät tüöndi järvirannale. paimoil katkei virzus paglu. häi rubei pl'et't'imäh paglua. tul'i vedehiežen poigu paimoillua i küz'w: «midä, veikoi, ruat?». — «minä pl'et'in nuaraštu». a häi küz'w: «miksebo nuoražen pl'et'it?». — «a pl'et'in, — sanow, — sikse: tämän järven rupitan, a vedehiežet riputan». a häi sanow: «älä tädä rua, ota mi tahto».

häi pakičči: «anduat šliappü täwz. kuldua, siit en riputa». vedehiežen poigu sanoi: «vuota, kävün d'iad'oin lua. küzün d'iad'oil». konzu meñi d'iad'oin lua, sanoi: «oi, d'iad'oi, meil on nügöi beda kaglas. tuas on rannal mužikku, pl'et't'iw nuoraštu, meijän järven rupittaw, a meidü kaikkii r'iputtaw».

a d'iad'oi küz'w hänel: «ongo suwri mies?». nu a häi sanow: «mies suwri ewlo, no ül'en on boikoi». a d'iad'oi sanoi: «ku on moine boikoi, mengiät oppiat kiištah juosta. voinnowgu jättiä sinuw juostol, siit äski annammo šl'iäpän kuldua».

tul'i paimoilluo vedehiežen brihačču i sanoi: «veikoi, davai opimmo kiištai juosta, kudai voinnemmo jättiä — sil'e i šl'iäppü kuldua».

a paimoi piän kiändi bokkähpäi i muah sülgi: «oih, sinä hös-t'ökul'ä, minä sinun kel'e en rubie ni maraimaheze, üksikai sinä minus püzü et!». (a paimoi nägi kagrupaikas jänöin huondeksel). sanow: «mene opi tuas minun nuoremban vel'l'en kel'e juosta kiistah: voinnet püzüö, äski rubie minun kel'e». — «mibo hänel on nimi, vel'l/el'es?».

a paimoi sanow: «mene kagrupaikallua i aidua klokkua savakol i kirgua: «l'äkkä, juakoi, kiistah!». vedehiežen poigu ku klokkai aidua vaste savakol da ku kirgai: «pošol, juakoi, kiistah». häi sen vai nägi, ku huškahtiiheze! vedehiežen poigu jäi sih seižomah.

tu'l'i järil'l'eh paimoillua, sanow: «ei tai vel'l'es vuattanut kiistah l'ähtijes, eht'iin klokata, ga sen vai näingi». a paimoi sanoi: «raz et kestä, ga ewlo ni midä l'ähtie! hänen hot' näit, a minuw ni nähnüs et».

uvvessah meñi diad'llua i sanoi: «diad'oi, ei sua püzüä, pidaw andua šl'iäppü kuldua. häi minun kel'e ni ruvennuh ei juaksemah, a opiin juosta hänen nuoremban vel'l'en kel'e. no i vel'l'eh ol'i ülen pikkaraine, jallat viäräcüt, korvat pitkät i sen kel'e en voinnut püzüä, vain sen näin, što huškahtiiheze».

d'iad'oih sanoi: «mengiä oppiat borčah». d'iad'oi andoi hänele iččeh väit.

tu'l'i vedehiežen poigu paimoillua i sanow: «davai, veikoi, opimmo nügöi borčah». häi toižen kerran sülgi i sanow: «mugai ole sinä minus päivilleh, tuhkukomšu, davai šl'iäppü kuldua, eiga ei roi hüviä!».

a vedehiežen poigu ainos pürriittäw borčah, a paimoil sen kezän oli kondii sordanuh l'ehman. paimoi sanoi: «mene opi minun keskimäižen vel'l'en kel'e kižata borčah, äski tule minun kele». a häi paimoil küzüw: «kuzbo häi on?». a paimoi sanoi: «tuas on järvi-raunas, niamakol minun veikoi mahua nül'göw».

häi müös küzüw: «mibo on hänel nimi?». paimoi nevvow hänele: «mene, vaigu näit hänen i peigoil bokkah ähkia i sano: «davai, jaška, borčah!».

konzu ku häi meñi, ähkäi peigoil bokkah i sanoi: «davai, jaška, borčah!». jaška ku nowzi, sl'öttäi, tabai hänen, davai händü korbie müö voloččimah! odva gofan. kele häi piäzi hänel käzis. tu'l'i järil'l'eh paimoillua, kundžiteksis, reviteksis i sanow: «oi, miittuine on sinun vel'l'i pahatabaine, odva piäziin hengih».

a paimoi sanow: «minä ni hengih jättänüs en, siih tappanuzin».

häi müös meñi d'iad'oih luo, vedehiežen poigu, itkun kel'e i sanow: «ainos sinä minuw käsket kunne pie ei, kačo: kundžii, revittel'i, buito suaw minul hänen kel'e püzüö».

d'iad'oilleh vie andua kuldua žiäl'i, a paimoi zavod'ii randah kaivua hawdua. häi smekñii, što täs on tukku kuldua väl'l'älleh.

a d'iad'oi vie tündöi ül'en suwren hevön, sanoi: «mengiä oppiat tädä hebuo kandua: voinnow tädä hebua kandua, äskin pidaw andua šl'iäppü kuldua». a paimoi sanoi: «opis sinä ennepäi kan-

dua, siit äski minä kannan». vedehiežen poigu otti hevон sel'gäh i odva vai kikittäw, gofan kel'e puolei. «oi tütö, kehnon vägevät! minä tämän hevон kannan jalloin keskis!».

paimoi hüppiäw hevole sel'gäh, vičal hebuo rapsuaw, hebo l'ähtöw juoksemah, a paimoi sel'l'äs pajattaw da vie vedehiežen poigua kičittäw da sanow: «nenga pidäw kandua, a ei sinun jüt-tüöh rähkeksen kele». [lapset, kudamat kuwnellah, nagrua räke-tetäh].

siid vedehiežen poigu l'ähti järil'l'eh, a paimoi kaivoi havvan vägi tobjan. šl'iäpäп pohjah luad'ii lowkon i pañi havvale piäl'e tävvelleh šl'iäpäп. vedehiežen poigu tuaw huavon kuldua, kuadaw šl'iäppäh, kullat hawdah ujitah, a šl'iäppäh jäi vai vähäine rew-noile. meñi uvvessah d'ied'oih luo l'ižiä kuldua tuomah.

a d'iedoi sanow: «viägo äijü pidäw?». a häi sanow: «ei roinnuh ni pohjan peittüö». häi otti toižen huavon kuldua i kuadoi šl'iäp-päh. konzu kuadoi šl'iäppäh, siä hawdu täwdüi, a šl'iäppü jäi vajuakse, šl'iäppü jäi tühjü, nenga sanua.

meñi viä kerran d'ied'oih luo, siä jo toi vaiku stawččažen i kuadoi šl'iäppäh: vai rod'ih puol'i šl'iäppiä. siit rubei paimoile pokoroimaheze: «enämbiä kuldua ei d'iännut, vai üksi d'iad'oин remeñin lappu kuldaine».

sit paimoi sanow: «meččü teidü ottakkah jäl'gimäi! el'iät huolettah! enämbiä en minä teidü koske».

i sih kežäh paimoi paimenduksen loppi. (kuijo viä oliš sie do-pol'ñitel'no sanuo). paimoi revol'uciesah torguičči, a revol'ucies šibittih iäre. hänen d'engat loppiettihes. vot i všo.

51. Пастух и водяной

В одном озерном крае был пастух. Коров он отпустил на берег озера. У пастуха оборвалась подвязка с лаптя. Он стал плести подвязку. Пришел сын водяного к пастуху и спрашивает: «Что, братец, делаешь?». — «Я плету веревочку». А он спрашивает: «А для чего плетешь веревочку?». — «А плету для того, — говорит, — это озеро высушу ('соберу в складку'), а водяных повешу». А он говорит: «Не сделай этого, бери что только хочешь».

Он спросил: «Дайте полную шляпу золота, тогда не повешу». Сын водяного сказал: «Подожди, схожу к дедушке, спрошу у деда». Когда пришел к дедушке, сказал: «Ой, дедушка, у нас сейчас беда ('на шее'). Там на берегу мужик плетет веревочку, наше озеро высушит, а нас всех повесит».

А дедушка спрашивает у него: «Большой ли мужик?». Ну, а он говорит: «Мужик небольшой, но очень бойкий». А дедушка говорит: «А раз такой бойкий, идите попробуйте бежать наперегонки. Если он может оставить тебя позади, только тогда дадим шляпу золота».

Пришел к пастуху сын водяного и сказал: «Братец, давай попробуем бежать наперегонки, который обгонит (‘сумеет оставить’), тому и полная шляпа золота».

А пастух отвернул голову в сторону и сплюнул на землю: «Эх ты, замарашка (‘куль с навозом’), я с тобой и мараться не буду, все равно тебе за мною не угнаться!». (А пастух утром заметил на овсяном поле зайца). Он говорит: «Иди, попробуй тут с моим младшим братом бежать наперегонки, если можешь состязаться с ним, лишь тогда пробуй со мной». — «А как зовут твоего брата?».

А пастух говорит: «Иди к овсяному полю и палкой стукни по изгороди и крикни: „Пошли, Яков, наперегонки!“». Сын водяного стукнул палкой по изгороди и крикнул: «Пошли, Яков, наперегонки!». Только и видел, как промелькнул Яшка! Сын водяного остался тут стоять.

Пришел обратно к пастуху, говорит: «Не подождал брат твой, когда отправиться наперегонки, не успел и стукнуть, как он побежал (‘только и видел’)». А пастух говорит: «Раз не можешь с ним состязаться, так нечего и начинать! Его хоть увидел, а меня бы даже не увидел».

Снова пошел водяной к дедушке и сказал: «Дедушка, нельзя удержаться за ним, надо дать шляпу золота. Он со мной даже не стал бежать, я пробовал бежать с его младшим братом. Брат был очень маленький, ноги кривые, уши длинные, но и с тем я не мог состязаться, лишь видел, как он промелькнул».

Дедушка его сказал: «Идите попробуйте побороться». (Дедушка передал ему свои силы).

Пришел сын водяного к пастуху и говорит: «Давай, братец, попробуем теперь бороться». Он второй раз сплюнул и говорит: «Лучше уж отвяжись от меня, лукошко из-под золы, отдай полную шляпу золота, а то не сдобровать!».

А сын водяного все предлагает бороться, а у пастуха в то лето медведь задрал корову. Пастух сказал: «Иди, попробуй с моим средним братом бороться, только потом приходи со мной». А он спрашивает у пастуха: «А где он?». А пастух сказал: «Тут он, на берегу озера, на небольшом мысу мой братец, шкуру снимает».

Он опять спрашивает: «Как его зовут?». Пастух учит его: «Иди, как увидишь его, ткни большим пальцем в бок и скажи: „Давай, Яшка, бороться!“».

Он как пришел, ткнул большим пальцем в бок и сказал: «Давай, Яшка, бороться!». Яшка как встал, сплюнул [себе на лапы], схватил его и давай его по лесу волочить! Еле-еле с горем пополам водяной освободился из его лап. Пришел обратно к пастуху, весь в царапинах, оборванный, и говорит: «Ой, какой дурной характер у твоего брата, я еле в живых остался!».

А пастух говорит: «Я бы и в живых не оставил тебя, тут бы прикончил».

Опять пошел к дедушке сын водяного, плачет и говорит:

«Всегда ты мне велишь идти туда, куда не надо, смотри: поцарапал, оборвал, будто мне подсилу справиться с ним».

Дедушке еще жаль отдавать золото, а пастух начал на берегу рыть яму. Он смекнул, что золото можно сыпать в яму.

А дедушка дал водяному очень большую лошадь, сказал: «Идите, попробуйте нести на себе эту лошадь: если может нести эту лошадь, тогда уж придется дать полную шляпу золота». А пастух сказал: «Попробуй-ка сначала ты нести, а потом я понесу». Сын водяного взял лошадь на спину и еле-еле, с горем пополам тащится. «Эх вы, силачи чертовы! Я эту лошадь понесу меж ног!».

Пастух прыгнул на лошадь, хлестнул вицей лошадь, лошадь побежала, а пастух едет верхом и поет, да еще дразнит сына водяного: «Так надо нести лошадь, а не как ты нес, с кряхтением». [Дети, слушающие сказку, смеются звонко].

Затем сын водяного пошел обратно, а пастух вырыл яму порядочную. На дне шляпы сделал дыру и положил шляпу на яму дном книзу. Сын водяного приносит мешок золота, высыпает в шляпу, золото через дыру уходит в яму, а в шляпе осталось лишь немного по краям. Пошел обратно к дедушке за золотом.

А дедушка говорит: «Еще ли много надо?». А он говорит: «Даже на донышко шляпы не хватило». Он взял второй мешок золота и высыпал в шляпу. Когда он высыпал в шляпу, яма там наполнилась, а шляпа опять пустая, так сказать.

Еще раз сходил к дедушке, принес оттуда лишь мисочку и высыпал в шляпу: шляпа наполнилась лишь до половины. Затем стал умолять пастуха: «Нет больше золота, осталась лишь одна золотая пряжка от дедушкиного ремня».

Пастух сказал: «Черт вас побрал бы напоследок! Живите спокойно! Я вас больше не трону».

И с этого лета пастух перестал пасти стадо. Что бы тут еще прибавить ('как бы там еще дополнительно сказать'). Пастух до революции торговал, а во время революции сшибли его. У него деньги кончились. Вот и все.

Никифоров Иван Афанасьевич. Записал
Н. А. Анисимов, 1940 г. (АРФ, ф. 1, оп. 39, ед.
хр. 243, лл. 34—37).

52. ar baitukset

1. rihi rawdaine, l'evō kag-
raine. (*čupukku rieht'il'äl*).
2. riizua hebuo koñušnu täws,
a voronču menōw — kai ajaw.
(*kowkku hiil'et päčis vedāw*).
3. tuatto da muamo vaste roija-
heze, a poi jat jo pihal kä-
vel'l'äh. (*päčči viriew, hiil'et
vaste roijah, a savvu jo pi-
hal*).

4. vazua l'äivü täwz, a hän-
nät iral. (*luzikat stawčas*).
5. meijän must'ikoi on moine:
kanna vettä mi-tahto — kai
juow. (*kül'än päčči*).
6. siivet on — l'endiä ei voi,
a jalgoi ei ole, a kävel'ow.
(*kala*).
7. kandaju ei väzü, a kannet-
taw väzüw. (*venehel ajai*).
8. rawdaine kaži, a sobahiine
händü. (*nieglu niitin kere*).
9. sada hawdua ühtes havvas.
(*sorminahku*).
10. kidžeräine-kodžeroine — kai-
kil käit kaččow. (*kiägü*).
11. istuw tüttö čupus, a kassu
iral. (*päčči pert'is, truba le-
vol*).
12. krugloi mügürtüččü, ümbäri
sammalekas, rod'iw beda, ru-
biew l'ähtemäh vezi. (*sil'mü*).
13. poččaine püöriw — vaččaine
täwdüw. (*tainu*).
14. pitkempi pitkii puwloi, ma-
dalembi muaheinii. (*dorodu*).
15. tammi muas da taivahassah,
viižikümen kaksi oksaštu,
joga oksal seiččie jäiččäštü —
viiži ruskiedu, kaksi mustlua.
(*vuozii*).
16. mužikku meččäh astuw, zir-
kalo sel'l'äs. (*kirves vüön ta-
gan*).
17. mužikku tulow mečäs päi,
jäl'l'et jäjääh kodažil. (*virzu-
lois tulow mužikku kod'ih*).
18. käzittäh i kirvehettäh sal-
vettu pert'ine. (*l'indužen
pezäine*).
19. käzittäh i kirvehettäh sioittu
sildu. (*joves l'ibo järves jää*).
20. aijan ravos sündüw, a ikku-
nas ei sünnü. (*sarju*).
21. üksii silmü šiidaril, segi
seibähän piäs. (*kezrü, kečoi*).
22. kaksi vel'l'estü el'etäh rin-
nai, dorogu keskel, a toime
toštu ei nähtä. (*sil'mät*).
23. l'ihua l'ešku täwz, a pohjua
ni katettu ewle. (*kol'caine*).
24. ennenpäi on juwret, juwril
piäl on šuarat, šuaroil piäl
on pačas, paččahan piäs on
kerä, keräl piäl on korbi,
a korves ollah el'äjät. (*kaik-
kineh rišt'ikanzu*).

52. Загадки

1. Рига железная, крыша ов-
сяная. (*Блин на сковороде*).
2. Рыжих лошадей полная
конюшня, вороной вой-
дет — всех разгонит.
(*Кочерга вытянет угли из
печки*).
3. Отец да мать только рож-
даются, а сыновья уже по
улице гуляют. (*Печь начи-
нает топиться: угли и дым*).
4. Телят полный хлев, хвосты
у всех на улице. (*Ложки
в блюде*).
5. Наша Чернушка [кличка
коровы] такова — наноси
воды сколько хочешь, она
все выпьет. (*Каменка
в бане*).
6. Крылья есть — летать не
может, ног не имеет,
а ходит. (*Рыба*).
7. Кто несет — не устанет,
а кого несут, тот устанет.
(*Езда на лодке*).
8. Кошка железная, а хвост
у ней льняной. (*Игла с нит-
кой*).

9. Сто ямок в одной яме. (Наперсток).
10. Кривая-перекривая — у всех руки осматривает. (Дужка в дверях).
11. Девушка сидит в углу, а коса на улице. (Печка в комнате, труба на крыше).
12. Кругленький и выпуклый, кругом мохом оброс, будет беда — появится вода ('начинает вода течь'). (Глаз).
13. Поросеночек вертится — животик у него толстеет. (Веретено).
14. Дольше, чем длинные деревья, ниже, чем трава на земле. (Дорога).
15. Дуб вырос от земли до неба, пятьдесят два сучка на нем: на каждом сучке по семь яичек — пять красеньких, два черненьких. (Год; «красенькие яички» — скоромные дни, «черненькие» — постные).
16. Мужик шагает в лес, зеркало за спиной. (Топор за поясом).
17. Мужик шагает из лесу, следы оставляет клетчатые. (Мужик шагает домой в лаптях).
18. Без рук и без топора построена избушка. (Птичье гнездо).
19. Без рук и без топора построен мост. (Лед на реке или озере).
20. Вмещается в щель в изгороди, а в окно не влезет. (Решетка из лучины к саням).
21. Сидор имеет один глаз, и тот на колу. (Прысло и веретено).
22. Два брата живут через дорогу ('дорога между ними'), а друг друга не видят. (Глаза).
23. Полная бочка мяса, но у бочки ни дна, ни покрывки. (Перстень).
24. Сначала идут корни, потом сучья ('развилки'), на сучьях столб, на столбе — шар, на шаре — густой лес, а в лесу жители. (Человек).

Записано от разных лиц в дер. Мегрозеро (m ä g r ä d' d' ä r v i) Олонецкого района. Запись Г. Н. Макарова и А. И. Ерофеевой, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 24).

53. mägräd'därven sananpolvet da primietät

1. suvituwli kalan randah tuaw, a pohjaine kattilas ottaw.
2. sügüzül luzikku vettü — polvessah reduw.
3. süvüstö kahteltoštu podvodal ajaw (ehtäs on jasno, vähäine proid'iw — pilvet tullah; tuwl'i nowzow — pilvet ajaw; bivaičeh kolmetnell'ät tähtet üös).
4. süvüszofo — vihmakse, kevätzofo — kel'ikse (povvakse).

5. ken midä suaw, se sidä i pi-däw.
6. hūvä miel'i ruavon ruadaw, paha kaksi kiel'däw.
7. kel süvves korvat l'ekkuw, silgii kirves l'eikkuaw.
8. tüwnel gu maguat, ga tuw-lel sovvat.
9. käzi käin pezöw: mollembat puhtahat roijah.
10. koiru kučundan vuattaw, hūvä iče hüppiäw.
11. l'iigu l'iikkujale, pitkü uñi maguajale.
12. ni ken ei muamal vačas opastu, jogahiine opastuw ilmal.
13. el'ajes kai pädöw.
14. kod'i korves, pert'i pedäjäs, luzikat luhtas, elot oksal (ewlo ni midä ni kus).
15. kuldu tunduw revus dai rivus.
16. köwhü kiehundan vuottaw, a vilustundua ei, bohattu ruahkalleh stöw. (l'äskii l'ibo midä sie).
17. l'induine dai päzäine.
18. pahale tavale valdua ei pie andua.
19. čüättö — segi muadu nostaw.
20. mittuine luhtu, moine i vedehiine (žeñihü da andilas).
21. mittuine huikkuttai, moinei ehättäi (žeñihü da andilas).
22. ä'l'ä redumiehele mene miehele: vačču revus rod'iew.
23. köwhän miel'i kamkua vii-l'öw: iče rogozis kävel'öw.
24. kül'äs süöt kürzän, kod'ih pidäw šeimiä kaksi.
25. hädähiine olet howkku.
26. juomarile jumal andaw, juomattomal toivottaw.
27. kuñi hiilos ollow hiilaw, jatka hiiluttua.
28. kui kapsat, sen i maksat.
29. tuhmu dorogan tundow (pahan ruadahuw).
30. korvil kuwlet — kielel tüönät.
31. ruvattomua kalua da oksattomua puwdu ewlo.
32. minun kannale kahtu kierdua ei polgieta (toštu kierdua ei muaniteta).
33. uruas obl'ežjanua et luaji.
34. kattil padua soimuaw, ičel'l'eh pangu liigua.
35. ä'l'ä huaka huavua, konzu on kul'a tulemas.
36. gost'u stolas, jallat dorogas.
37. kohtu vaččah — kalmulawdu sel'gäh.
38. miehel'e ä'l'ä mene vieronke, mene vieroh.
39. min voynet — tabua tänäpäi, huomenekse älä jatka ruadua.
40. pillas et pagene, a suamištu et aja.
41. hūvä nägüw hūväkse mene-mättäh.
42. hūväl'e miero hinnan azuw.
43. miero hinnan azuw, l'innu neidižen kohendaw.
44. mi mil'l'eh, se šil'l'eh, a d'ielo end'izel'l'eh.
45. mieron miel'dü müöte ei sua el'iä.
46. kolmele kojile i hūvä izändü kaduaw.
47. hül'l'ättü — ei hullattu.
48. piä šijan l'öwdäw, šija ni l'iiku ei.
49. vierahas šil'mäs nieglu nägüw, omas ni parzi ei nävü.
50. kaksi vedehieštü ühteh kai-voh ei sünnütä.
51. mios ku meres: kaikkie on.
52. joga varoil omat poijat čomat.
53. mi on oman piäl'e suwttnuttu, se on l'iemeh juwt-tunuttu.

54. čomal rožal ei čupukkua pasteta.
 55. ole nuorembi, roih parembi.
 56. hebo kezi — dai händü pal'l'as.
 57. nal'gü reboin ridah ajaw.
 58. viežl'öw lapsi kahten muaman nänniit imöw, a gruwboi ühtengi kaimuaw.
 59. igä el'iä, ei ku peldo poikki juosta.
 60. hebo huigiedu ei varua väzüjes, vai ku et süöttäne.
 61. mua — dai viero, l'indu dai kiel'i, a lambi dai vedehiene.
 62. omat koirat hot' kui toratanneh, nu vieras keskeh äl'ä tule.
63. vettü lawtale hot' äijü ammulda, l'iziä ei rod'ie.
 64. kanzan kuaššu on ainos sagiemi.
 65. midä meččäh huikkuat, sidä i kod'ih kajahtah.
 66. mittumas havvas iče voit piästä, moine i toižele kaiva.
 67. varaččulois saldatois on ainos kamand'ierale izmen.
 68. pitkän pietükšen hiiri süöw.
 69. pädiš el'iä, ku ol'iš sil'mü piššal'ikse da suw kattilakse.
 70. iške kivel piädü vaste, l'ibo piäl kive vaste, se on ühtenmoine.

53. Мегрозерские пословицы и приметы

1. Южный ветер рыбу к берегу пригонит, а северный даже из котла сгонит.
 2. Осенью ложка воды образует по колено грязи.
 3. Осенняя ночь на двенадцати подводах едет (с вечера бывает ясно, немного пройдет — нахлынут облака; поднимется ветер — облака разгонит; бывает, пойдёт снег или наступит мороз; три-четыре раза за ночь может быть звездно).
 4. Осенняя заря к дождям, весенняя — к хорошей погоде.
 5. Кто что заработает, тот то и имеет ('носит').
 6. При хорошем настроении легко работается, при плохом ничего не получается.
 7. Кто быстро кушает, тот бойко и топором работает.
 8. Тихую погоду проспичь, так при ветре веслами поработаешь.
 9. Рука руку моет: обе чистыми и будут.
 10. Капризный гость ('собака') ждет приглашения, хороший сам прибежит.
 11. Лишнее тому, кто бегаёт, сновидение тому, кто спит.
 12. Никто в утробе матери не учится, все учатся на свете.
 13. В жизни все пригодится.
 14. Дом в чашобе, изба в сосновом бору, ложки в луже, все добро на суку (нигде ничего нет).
 15. Золото отличишь в грязи и в отрепьях.
 16. Бедный ждет, пока сварится, но не ждет, пока остынет, богатый ест сырым (шпиг или еще что-либо).

17. У каждой птички свое и гнездышко.
18. Дурному характеру воли не давай.
19. Червяк и тот землю роет.
20. Какая лужа, таков и водяной (жених и невеста).
21. Каков переправляющийся, таков и переправщик (о женихе и невесте).
22. Не выходи за грязнулю замуж: будешь с грязным животом ходить.
23. Ум бедняка камку кроит, сам в рогоже ходит.
24. В гостях съешь пирожок, дома испеки два.
25. Попав в беду, бываешь безумным.
26. Пьющему бог дает, непьющему обещает.
27. Пока в очаге огонь, продолжай греть.
28. По твоей работе тебе и цена.
29. Провинившийся ('некрасивый') дорогу узнает.
30. Ушами услышишь — языком выпустишь.
31. Рыбы без костей да дерева без сучьев не бывает.
32. На мои пятки второй раз не наступят (вторично не обманут).
33. Из дурака и обезьяна не получится.
34. Котел укоряет чугуна, а у самого еще дужка в придачу.
35. Не говори о мешке, когда причитаешь получить куль.
36. Гость еще за столом, ноги уже в дороге.
37. Ребенок в утробе — гробовая доска за спиной [о возможных тяжелых родах].
38. Вышла замуж — привыкай к обычаям дома.
39. Что можешь, сделай ('хватай') сегодня, на завтра не оставляй.
40. От беды не убежишь, от добычи не откажешься.
41. Хорошее и так заметно ('видно без форсу').
42. Хорошему мир цену установит.
43. Мир цену установит, город девушку украсит.
44. Было, как было, а дело не сдвинулось с места.
45. Нельзя жить, чтобы всем нравиться.
46. На три дома и хороший хозяин пропадет.
47. Милым брошенный — не параличом разбитый.
48. Голова найдет место, а место ни с места.
49. В чужом глазу иголка видна, а в своем и бревна не заметишь.
50. Два водяных в одном колоде не уживутся.
51. В мире, как в море: все есть.
52. У каждой вороны свои воронята красивые.
53. Сколько рассердившихся на своих, столько и подавившихся укою.
54. На красивом лице блины не пекут.
55. Будь моложе [слушайся], будет лучше.
56. У смирной лошади хвост пыльным не бывает.
57. Голод гонит лису в ловушку.
58. Ласковый ребенок сосет грудь у двух матерей, а грубый ни у одной.

59. Жизнь прожить — не то что поле перебежать.
60. Лошадь не стыдится устать, если ее не кормить.
61. У каждой страны свой обычай, у каждой птицы свой голос, у каждого озера свой водяной.
62. Свои собаки пусть дерутся, чужая не вмешивайся.
63. Воды хоть сколько на плот черпай — не начерпать.
64. Мирская каша всегда гуще.
65. Что в лес крикнешь, то и дома отзовется.
66. Из какой ямы сам можешь выбраться, такую и для другого рой.
67. От трусливых солдат командиру всегда измена.
68. Давно запасенное мыши съедают.
69. Хорошо было бы, коли глаз был пицалью, а рот — котлом.
70. Ударь камнем по голове или головой об камень — одинаково.

Таттурсева Анна Ивановна, 78 лет, дер. Печная Сельга (р ä ö ö ü), родом из дер. Чильмелицы (č il' m i i) Олонецкого района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1961 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 140/4).

54. minä olen rod'inuh čil'miel'e

minä olen rod'inuh čil'miel'e. čil'miel, vel'i, kävüimmö alalleh nuatale. omah järveh da lähižih järvil'oih müö, vel'i, kävüimmö nuatale kaksi kerdua päiväs. muamo mejän ol'i ohottu, hot' ruadopäivingi l'ähti. a pühinpäivin, vel'i, meil' hüppie himoitti, ol'i hüppie himo. a pürriittäw: «l'äkkä, l'äkkä nuatale».

sit toko kävüimmö nuatale, da ül'en pienennü kävüimmö: ni sowdua vie emmo voi da ni midä. kaksi järvie on sit, kolme piäk-käi. sit püvvät järves sie, ei muga puwtu, sit toizeh l'ähtemmöhäi. muamo meidü istuttaw nuatale piäl'e da muamo sowdaw, a meil'e käsköw, sizären kel'e, pajattua. sit müö vai sie pajatammo, lawtal istummo da pajatammo.

pienennü ül'en nuattua püvviimmö. tänne tul'i immo ga erottuw, täz meil' nuattua ewlluh ni konzu. nügöi vävvü tämä kävüw ongel'e da suaw kalua verkoloih da kowz mih. mennüt kezän, kačo, äijän i sai kalua, hot' ongikalua ga... menöw da istuw, istuw da müöst'in i vaivuaw, müös sih i vaivuaw. a loitos ei voinnuh kävvä ni kunne... ainos ühtes vaiku omas järves: ku jalgu ol'i ül'en paha, kibe, ei voinnuh kävvä. a l'esopietal kunne sai vai palazel'e kävvä, ga sinne kävüi, muijale ei voinnuh kävvä kalah. nügöigi sočeniw verkoloi da kai varusteleh, ga ruavos olles ei äijä pie

verkua da ni midä. nu ga ehtil da huondeksil, ku ei tül'en aijoi l'ähtietäh, häi on zobot'iivoi, ei nostattua pie kalah, sit terväh l'ähtöw.

[kuibo verkoloi luajitah, saneles meile]

ga kačo sit on luajittu, näitgo. nieglot, nieglot da sit naved'it, da sit vai püvvä. kivistü pidäw panna da huavoštu luajit kiveksikse, da sinne peskuw tunget, da sit käbrüstü pidäw, tuohtu neččih pullolokse, sit naved'it da sit i kala ičei uidaw sie. lawtoil püwtäh, pienet on järvet, nämmih jarvil'öih ei venehtü maksa. pienet on järvet täs meil krugom. put'in järvet ollah loitton nečie, l'iigož i s. kalakkahat järvet oldas kilometrii kaksikümen, ga ei sua sinne kävvä, ewle kävüjä.

enne käwdih. enne müö tua, čil'miel, hebožii vaččassah uijattammo suos ga üksikai kävüimmö. keviät kai kalua sie püwtiit. ezmäi havvin kuduh mennäh, kai jo nügöi jän čilus. sit nowzow, tämä joi, ahven: sit ahvenet kuvotetah kalakkahat järvet. sit särgi. sit jäl'le jo nügöi sie mennäh tožih jarvil'öih, kudamas järves kudow, kai pedrun pühä. püwtäh da nügöi ei jowta. nügöi rahvas ei kävvä kalah. nügöi valmištu ostetah bankois keitettüw, ei omua puhkata...

silloin nuattien dai verkoloin kel'e kudožih käwdih. ül'en on hüvä järvi, rownoi järvi, kaheksa kilometrii hierus. kävüimmö müö päiväcelleh. menemmö, puwdua kaksi-kolme koppuammo takat, mittuat voimmo vai kandua.

nämmä ollah pahembat järvet'. sie on kotkozerskois parembua järvie. hot' meččüjärvet, ga net ollah kalakkahembat da madalembat, a nämih pidäw ainos sowdajat, a net savvoimel püwtäh. savvoin on seiväs.

54. Я родилась в Чилмозере

Родилась я в Чильмозере. В Чильмозере мы всегда ходили рыбачить неводом. По два раза в день мы ходили с неводом на свое и ближние озера. Наша мать была охотница [до рыбалки], даже в рабочий день пошла бы. А по воскресеньям нам баловаться хотелось, хотелось шалить. А мать просит: «Пойдем, пойдемте неводом рыбу ловить».

И всегда ходили рыбачить неводом. Очень маленькими мы ходили рыбачить: ни грести еще не умели и ничего делать не могли. Тут два-три озера одно за другим. Порыбачишь в одном озере, если не попадает, перейдем на другое озеро. Посадит мать нас на невод, а сама гребет, нам с сестрой песни велит петь. Мы тут только поем, сидим на плету и поем.

Когда мы были очень маленькими, то ловили рыбу неводом. Как переехали сюда после семейного раздела, здесь уже у нас

не было невода. Теперь зять ходит на рыбалку с удочкой да сетями ловит рыбу или чем придется. В прошлое лето много наловил, хотя и на удочку. Он придет и сидит, сидит и вытащит, опять сидит и снова вытащит. А далеко он никуда не мог ходить, все время только на своем озере ловил: нога у него была очень плохая, не мог он ходить. А на велосипеде, куда только можно было поблизости ездить, туда и ездил. В другие места, подальше, он никуда не мог ходить. И теперь он готовит сети да все время хлопочет, но с работой немного рыболовных сетей надо. Но и теперь вечерами и по утрам рыбачит, когда не так рано надо уходить на работу. Он заботливый, не надо будить, быстро собирается на рыбалку.

[Расскажи-ка нам, как сети вяжут]

— Вот смотри, тут связаны сети, видишь. Вяжешь, вяжешь, да потом наладишь, да тогда только лови. Грузила надо навешать, мешочки делаешь для грузил, песку туда набиваешь, да еще поплавки нужны, а для поплавков береста. А потом сети расставишь, рыба сама и плывет в невод. На маленьких озерах ловят с плотов, на этих озерах не стоит иметь лодку. У нас везде здесь маленькие озера. Настоящие озера там, далеко, в Лигожах. Рыбные озера находятся в километрах двадцати отсюда, так туда нельзя ходить, некому ходить.

Раньше ходили. Раньше там, в Чильмозере, мы заставляли лошадей по брюхо брести по болоту, а все равно на эти озера ходили ловить. Каждую весну там рыбу ловили. Сначала идут на нерест щуки еще тогда, когда лёд не полностью сошел. Потом поднимается, так сказать, окунь. В рыбных озерах во время нереста ловят окуня. Потом пойдет плотва. Затем идут на другие озера, где нерестится рыба. Весь петров пост так. Ловят и теперь, но сейчас мало времени. Теперь люди не ходят на рыбалку. Теперь готовую покупают, в банках, сваренную, самим и потрошить не надо.

Раньше с неводом и сетями на Кудожи ходили. Очень хорошее озеро, с ровным дном, восемь километров от деревни. Мы ходили на целый день. Придем, пуда по два-три ноши возьмем, столько, сколько нести сможем.

Эти озера похуже. Вот в Коткозерской стороне озера получше. Хотя эти и лесные озера, но они более рыбные, и они мельче. На тех озерах всегда надо на веслах, чтобы кто-то греб веслами, а на этих и шестом управлялись. Шест — это длинный кол.

55. mittumii pruažneikkoi pruažneičiimmo

täs nügöi keviäl, mäjäl, on ezmäžikse jürrin-päivü pruažneikku. enne ol'i vie jäksindähiine. heinarres ezmäine pühapäivü (lullunpäivü nazivoiččih) jäksittü ol'i. enne oldih, kačo, pad'ožat, žiivatua langei da kai. sit jäksittü ol'i pruažneikku: tulow pappi da sit obrazas alači žiivattoi taluttih da švät'ittih.

nügöi prevrat'ittih se, jürrin-päivü, pruažneikakse nastojuašo. nügöi sidä pruažneikkua pruažnuičemmo, jürrin-päiviä. a sit toine on sügüzül kužmoi, okt'apskoin aijan, toššupiän, sruado jäl'l'es okt'apskoidu. kolmas — vuasil'l'u, ennevahnas, postaromu uwzi vuozii, jäl'l'es rastavua nedäl'i, sit vuasil'l'u. kolme pruažneikkua pruažnuičemmo.

nügöi vähäl tunduw pruažneikakse. nügöi ehtäl tullah kedä siä omat, da. huba pruažneikku. ennevahnas müö kävüimmö, ga nedäl'il'öin ad'vois olemmo, ga l'igapalat pakui vai, pruažnuičiimmo da ad'voičiimokseh da kai. ol'i kaikkie: brihua dai neijištü.

a nügöi? nügöi pastetah da sel'l'itäh enämbi, hüvä on pruažneikku, a enne püöräkküö luajiimmo da studeñii keitetih, omua l'ihua kel ol'i da kai, da sil pruažnuittih. a rahvastu oli viižinkümmeñin hengil'öin talois. a nügöi viittükümen hengie ni hierus ewle wowsö.

nügöi on kebd'ei pruažnuija: mi pidänöw ičel'e, sei pasta. kes kaksi hengie, kes kolme hengie; omat vai, nastojuasoit omat tullah. a enne ruavot oldih da pruažneikat oldih swuret. talois kolmes-nel'l'äs päčiil ga kihizi. meijän, tuttufin, talois täs, da sit akimas, da iivin kost'is sie, iivin talois, ga sit kihizi rahvastu: oli viižinkümmeñin dai enämbin hengin pruažneikan gošt'ua. a nügöi ei ole, nügöi huba pruažneikku on, vai miel'essäh piämmö, buite ku sen päivän, a rahvahah niškoii — ei äijiä.

emiänpäiviä mägräd'd'ärves pruažnuijah, se on awgustal, loppijes. škola konzu zavod'iheze, sit sie sidä pruažnuijah. äijäs sijas se on: i ä n i m ä i s dai on a n u k s e s emiänpäivü pruažneikku, a veñakse uspeñä.

55. Какие праздники мы праздновали

Тут теперь весной, в мае, во-первых, наступает георгиев день. Раньше там был еще по обету, обещанный праздник. Во время сенокоса первое воскресенье (назывался день Луллу) был обещанный праздник. Раньше, видишь ли, был падеж скота, скот подыхал и все такое. Тогда был обещан праздник; приходит поп, да тут под иконой скот прогоняли да освящали.

Теперь превратили его, георгиев день, по-настоящему в праздник. Теперь этот праздник празднуем, георгиев день. А вот второй праздник отмечаем осенью, это кузьмин день, около Октябрьских, на второй день сразу же после Октябрьских. Третий — васильев день, в старину, по-старому новый год, после рождества через одну неделю. Это васильев день. Три праздника празднуем.

Теперь вечером придет кто-нибудь из своих. Да, скромный праздник теперь. В старину мы ходили, так по неделям были в гостях, только грязь комками летела, так праздновали да в гостях гуляли и все такое. Всех было: парней и девушек.

А теперь? Теперь больше пекут и наряжаются лучше, легко праздновать. А раньше колобы пекли да студень варили, у кого мясо свое было. Так и праздновали. А народу было по пятьдесят человек в доме. А теперь пятидесяти человек и во всей деревне нет.

Теперь легко праздновать: сколько себе надо, столько и настряпай. У кого два человека, у кого три, только родня ('свои'), кровные свои приходят. А раньше затей и праздники были большие. В двух-трех домах в Печном только кишело. В нашем, Туттуревском доме тут, да еще у Аникиевых, да у Кости Иванова, в доме Ивановых — так там кишело народу: было по пятьдесят и больше человек гостей на празднике. А теперь не бывает, теперь небольшой праздник. Теперь лишь отмечаем, будто тот день, а людей немного бывает.

Успенье празднуют в Мегрозере. Этот праздник в августе, в конце августа, когда занятия в школе начинаются, тогда вот этот праздник и празднуют. Во многих местах этот праздник: в Инемском да и в Олонце — день преставления божьей матери, а по-русски — усспенье.

Туттурева Анна Ивановна. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 141/6).

56. «tuaheš luajitah...»

tuahes luajitah virzuw, kaššal'ii, poimičču. tuahtu varustetah katačun kele. mužikat kiškotah (minä niidü en ole kiškonuh), sarroile katačun kele kiškotah da sit... nügöi virzuw vähä piätäh. virzuw luajitah da kaššal'ii luajitah. brujua roiheze, vell'i, hüviä, rod'ieš ga, vähä nügöi luajitah komšua. siel'ikannet, kačo, enne kaihäi oldih net tuohižet. luajitah suwret, jawhon sieglojēs.

muarjan kerätes poimiččuw niis roiheze. enne tuwlattajes pidi komšua suwrdu, konzu ol'i hožaistvu ga, komšat pidi tuwlattajes. a nügöi rengil tuwlatetah kolhozas dai joga sijas. ei komšua ole, eigo luad'ijua.

enne luajittih specijal'no, omel'ta n mužikku kai luadii suappuat. peččurin vašoi ol'i, sogeipäiväine, kai suappuat luad'ii tuohizet pl'et't'ijen. üksikai, ku komšan rowno luad'ii, siäret dai kai naved'ii...

56. «Из бересты плетут...»

Из бересты плетут лапти, кошели, кузовки. Бересту заготавливают костьюгой. Мужики сдирают (я бересту не сдирала). Бересту с дерева сдирают полосами с помощью костьюги. Теперь лапти мало носят. Лапти плетут да кошели делают. Вещи хорошие получаются. Хорошие получались бы вещи, да теперь мало плетут лукошек, больших лукошек, для муки; раньше ведь все это было из бересты. Лукошки делают большие, чтобы в них можно было муку просеивать.

И для ягод кузовки делаются из бересты. Раньше и при веянии нужны были лукошки большие, когда хозяйство имели, лукошки нужны были для того, чтобы зерно веять. А теперь ведрами веют в колхозах и везде. Нет лукошек, нет мастеров [кто бы плел].

Раньше специально этим занимались. В Омелье мужик даже сапоги сплел из бересты. Вася Печчуров был, слеповатый, так даже сапоги сделал берестяные, сплел. Все равно, что лукошко сделал, и голенища, и все остальное сделал. . .

Туттурева Анна Ивановна. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 141/5).

57. «l'ähtijän minä l'äköil'äh»

l'ähtijän minä l'äköil'äh,
püöräl'diimöh prokoilah,
prokoin koirat vastah:
«hoi, sinä, prokoi,
kielä neñnii koirii!».

prokoi-rašku propad'ii,
prokoin-akku napad'ii.
sen minä sel'gäh.
kannoin-kannoin kaksi virstua
sen l'ükkäin kaskekseh.

(meil nenga paištih, lugiettih)

57. «Отправилась я в Лякёйлю»

— Отправилась я в Лякёйлю,
Завернула в Проккойлу,
Собаки Прокопия навстречу.

— Ой ты, Прокопий,
Уйми этих собак!

Прокопий, негодный, пропал,
А Прокопиха на меня напала.

Я ее к себе на спину.

Тащил-тащил две версты,
Да в березняке ее и бросил.

(У нас так говорили, читали).

Тутгурева Анна Ивановна. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 141/3).

58. kui lastu baijutammo

sowdaw lapsi suomēh
laskow lapsi lahtēh,
poikkipuolen niemūžih,
hawgi-go huaboin suaružih,
merivettü juomah,
lohenkalua süömäh.

sowdawgo, jowdaw jorkuttaw,
viijel'e virstale viwhkuttaw,
kaččow: kurgi kündäw.

kurgie kubuw vaste,
muarjan süöjiä muadu vastel

— äl'äjo tapa, iżändöini!
ota minuw orjakse.

— midäbo maltat ruadua?

— pert'in pühkin perziel'leh,
senčoin pühkin siivil'eh,
vettü kannan kaglalleh,
ozrat jawhon nuakalleh.

58. Как баюкаем ребенка

Гребет малыш на лодке в Суоми,
В Лахти он причалит лодку,
Поперек мысочка, крошка,

У осин, на остров щучий,
 Чтоб воды морской напиться,
 Чтоб покушать лосось-рыбы.
 Гребет себе, качается,
 За пять верст плеснет веслами,
 Глядит — журавль крылами машет ('пашет'),
 Он журавля по жерновку
 И вольную птицу ('клюющего ягоды')
 на землю валит!
 — Не убивай меня, хозяин!
 Возьми меня в верные слуги ('рабом').
 — Что же ты умеешь делать?
 — Иабу подмету хвостом я,
 Уберу ('подмету') сенцы крылами,
 Наносу воды на шее,
 И ячмень смело я клювом.

Туттюрева Анна Ивановна. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова 1961 г. (Каб. зв., запись № 141/4).

59. «kis-kas, kažoini»

kis-kas, kažoini,
 riw-raw, reboini,
 kuzbo jo sinä kävel'iit?
 — muan-taivahan keskes.
 — midäbo sie sait d'o?
 — sain sada poigua.
 — mit nimet poiijil?
 — ühtel on ü t't'i,
 toižel on tot't'i,
 kolmas — kanoin borissu,
 nel'l'äs on neidoi leilä,
 viijes — vikki-koiraine,
 kuvves — ku t't'i-kud'žaine,
 seiččimes — semoi poigu,
 kaheksas — kaidupardu,
 üheksäs — ull'in kieloi,
 kümmenes — kül'än vanhin.

59. «Кис-кис, кошечка»

Кис-кис, кошечка,
 Рив-рив, лисонька,
 Где же ты ходила?

- Между небом и землей.
- Что же ты добыла?
- Сто лисят я родила.
- Как зовут твоих лисят?
- Один — Юtti,

Второй — Тотти,
 Третий — Курицын Борис,
 Четвертый — девушка Лейла,
 Пятый — Викки-собачка,
 Шестой — Кутти-щенок,
 Седьмой — сын Семен,
 Восьмой — Узкобородый,
 Девятый — Ульяна-врунишка,
 Десятый — Староста деревни.

Аникиев Андрей Павлович, 53 года, дер. Печная Сельга (р а ё ё ё) Олонецкого района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1961 г.; расшифровка Г. Н. Макарова, 1965 г. (Каб. зв., запись № 140/3).

60. «d'ied'oi ol'i meijän a níki j ew a k i m»

d'ied'oi ol'i meijän a níki j ew a k i m, vot izänímie daže i tiije en. häi ol'i kondjedu tappanut l'ähil'e suan palan, üheksäkümen kaheksa vai üheksäkümen üheksä palua ol'i tappanut kondjedu. no silložel aigua, konešno, orožat oldih nenne olalukut, kui hūö nazjivoittiheze... značit čirkaiččow nenga, küven pakui porohoih da sen voimal vaiku hūö tapettih äskin.

nu krome sidä heil ol'i t'ämä prisposobleñii — roгатkat. vot hūö roгатkoil, roгат'inoil, tapettih. jes'l'i ammutah sie — zafazie olalukuorožua ei sua terväh toštu kerdua, potomušto kuñi suws päi panet porohoi da puwlua sinne da sitei iskrua sidä otat, küvendü — menöw kodvu. ga hūö roгат'inoil ñiil püstäjen püstettih. olalukukse nazjivoittiheze orožat semmoizet.

i konešno, eräs mužikku varannut ei, hot' tul'i i orožattah veičen kel'e mennä vastah nenile kondjeloile. täs mustetah i starikat, konešno, muwtgi tuattua minun. sežo ol'i moine že, ei varannut. nu häi se ol'i vai kuvvenkümменen ümbäri kondjen tappanut. häi ol'i äijjä vähembän tappanut, ei ollut sen verdua, kui d'ied'oi. muite sežo ei varannut. häi el'äväl'l'eh, kačo, poigii otti, toi.

se ol'i ei ammuine aigu: devatnatsatom il'i dvatsatom godu: kolme poigua otti el'äväl'l'eh, kai täs mustetah. ewllut orožua da ñi_midä, muite, sil'l'äh otti. vastah tuldih da sit poijat nostih puwh, nu hänel pikoi kirvehüt ol'i vaiku. sil kirvehüöl puwn kua-

doi da sit poijat toi hiaruh. kondji se ajoi jäl'les händü pellow perilessäh, ajoi jäl'les, ajoi kondji händü. nu jo häi varannut ei, truššinut eil üksikai poijat net kod'ih toi.

moižii sluwčailoi ol'i, konešno, ei üksi, äijü ol'i, kaikkii ni mustua ei sua.

minä iče nastojuašo olen vaiku nel'li palua üksinäh nenga sie tappanut. muite olen sie učastvuinnut muijen kel'e, sidä on enämbi ollut. nu üksi slučai meil ol'i vel'len kele vahnemban. se ol'i, konešno, suamoi opuasnoi dl'a žizni: napadaičči meih, müö ruaničiiimmo, vel'li se vahnem ambui, häi juwri nenän nokkažeh puwtui, da sit täh — jallan ruaničči. sit ku hüppäi se kondji. (silloi minul ol'i vaste viižitoštu vuottu, kuvventoštu mail naveral ol'iin.) vot sit hüppäi se kondji piäl'e minule. minä sit — hamaral händü. (orožat silloi oldih, kačo, pahat, jäl'les graždanskoidu voinua.) da sit minä hamaral iskiin händü neččih. kohteizih sih tapoimmo kondjen napoval, konešno.

jäl'les ol'i kahteh-kolmeh kerdah niidü slučailoi. nu net oldih ei semmoizet, stobi dl'a žizni ol'is opasno, udačno ugod'iheze hävittiä. nügöi, konešno, seičas täl momental ei ni midä moštu ole strašnoidu ollut. požualui kai.

60. «Нашего дедушку звали Аникиев Аким»

Нашего дедушку звали Аникиев Аким, а отчества даже не знаю. Он убил около ста штук медведей, девяносто восемь или девяносто девять штук он убил медведей. И в то время, конечно, ружья были, как назывались они, кремневые. . . значит, чиркает так, искра попадет на порох, и таким путем они и стреляли.

Но, кроме того, у них было приспособление — рогатины. Вот они рогатками, рогатинами и убивали. Если выстрелят, так зарядить кремневое [шомпольное] ружье второй раз быстро нельзя, потому что пока с дула засыпаешь порох, да набиваешь пулю, да потом эту искру выбиваешь, искру, пройдет много времени. Так они рогатинами так и кололи. А ружья такие назывались кремневыми.

Некоторые мужики не боялись, если приходилось идти и без ружья, с ножом на медведя. Здесь и другие старики помнят моего отца. Он тоже был такой: не боялся. Но он убил всего лишь около шестидесяти медведей, не столько, сколько дедушка. Но он тоже не боялся. А вот медвежат он живыми брал и домой приносил.

Не так давно это было, в девятнадцатом или двадцатом году. Он трех медвежат поймал живыми, все здесь помнят это. Не было у него ни ружья и ничего такого не было, так он их взял. Попались навстречу медвежата и забрались на дерево, а у отца лишь маленький топорик был с собой. Тем топориком он свалил дерево и принес медвежат в деревню. Медведица преследовала его до

самых полей, гналась за ним, преследовала. Но он не боялся, нет, не струсил! Все равно медвежат тех принес домой.

Такие случаи, конечно, были не единичны, много было, всех и не припомнить.

Мне самолично удалось убить всего лишь четыре штуки. Но участвовал в охоте с другими. Таких случаев охоты на медведя было больше. Один случай был у нас со старшим братом. Это был самый опасный случай дня жизни: медведь напал на нас, мы ранили его; старший брат выстрелил в него и попал прямо в кончик носа да еще ногу поранил. Как прыгнет медведь! (Тогда мне было только пятнадцать лет, около шестнадцати, наверно, было.) Вот тогда прыгнул медведь на меня. Я тогда топором его (ружья тогда после гражданской войны были плохие). Тут я его в это место ударил обухом. Тут, в Кохтэйжах, убили медведя наповал.

После еще было два-три таких случая, но те были не такие, не были опасны для жизни, удачно справились. Теперь ничего такого страшного не было. Пожалуй, и все.

Печеникина Анна Васильевна, 84 года, дер. Коткозеро (k o t k a t j ä r v i) Олонецкого района. Записал Н. А. Анисимова 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 43, ед. хр. 17—2, лл. 7—10).

61. «enne meijän sijas äijü ruattih meččäh»

enne meijän sijas äijü ruattih meččäh — kaskie ajettih, viertih, jälles vierändiä pidi kundiä, da enne külvänd'ia ottua vezoi, da kai. kandoloin keskes muga ruavoimmogi — künñimmö, külvimmö, leikkaimmo, dai kai. iče müö äijä emmo ruadanuh, a kel ol'i vähä pelduo, ga net enämbän ruattih. kül'vimmö ruištu, nagrištu, toiči ozrua. muas otimmo kaksi vil'lua, parembas kolme vil'lua, a siit hülgäimmö muan. enzi vuvven ol'i uwzimua, toššu vuvvennu da kolmandennu vuvvennu kulumua, a ku hülgäimmö, ga ol'i jo rajakko. ei puwstu — puwstakse sanotah hül'ättiw peldomuadu, a hül'ättiw meččümüadu sanotah rajakokse. da, kačo, se ol'i ruado ga aiga ruado, sih pidi kül'l'al panna higie da vägie. pitkän elaijan aloh kaikkie puwtui nähtä, kaikkie ruado ruadua.

ezmäzikse pidi l'owdiä mečäs kaski. kasken eččijes kačoltih — ol'is ku mua parembi, da ol'is ku meččü rigiemi, ei ol'is ku meččü ül'en ruavas; ruavahas on enämbi ruado da jügiemi on ruado.

nu, kasken l'owttiw pidi l'ähtie kaskie ajamah. konz ajoimmo? — küzüt —. ga ajoimmo kezäl enne heinargie, enne iivanan-päiviä, konz mečäs ol'i jo täwzi lehti, jo sai vastua ottua. enne kaikkie kasar-

dimmo, kassariloil l'eikoimmo kai tuhjot, varvat, hoikembat puw-
huot, a sangiembat jääh sih seižomah. kasardandu se ol'i naižien
ruado, mužikat harvah kasardettih.

kasardahuw pidi l'eikata kai suwrembat puwt. sangieloi puwloi
kassaril ei sua l'eikata, pidaw l'eikata kirvehel; a ruavastu meččiä
i pilal toiči pilattih. mečču pidi kuadua kai üksiel'epäi, tüvet oldaš
ku üksiel'epäi, ladvat toižiel'epäi.

pienembät puwt mugai jäädih kuarzimattah, a suwrembat pidi
kuarzie da vie ladvata. sangiembih ajoimmo vie virran l'ibo kaksi-
kolme, anna parembi kuivaw, toiči erähii niloitimmo, ga se konzu
kaiken kojan l'ibo sie tuohen ajat iäre tüvipuoles, puw jääw kojat-
tah, muga parembi kuivaw. kaikis sangiembat puwt vie halgaimmo.
suwrembien puwloin tüvet nostelimmo kandoloin piäh: anna puw
on ülembi, a ei viru muas, muas pahembi kuivaw, da terväh ru-
biew happanemah. ümbäri kaskes kai rannat pidi puhtastua, nu
vičikkö oliš loitombi kaskes, randupuwt kai lükimmö kaskel'e. nu
siit kaski on ajettu.

sinä kezän sil kaskel enämbi emmo ni midä ruadanuh, toižeh
vuodessah sorrettu mečču kuivi. ruado, kačo, ewlluh kebjei. opi vai
nengoine pitkü kezäpäivü huondekses da ehtässah kumardellakseh
puwloin tüves kirvehen l'ibo kassarin kel'e, ga sivuh rubiew kuw-
lumah, dai kähiz kuwluw, dai kaikkeh rungh kuwluw.

a ethäi ühtes päiväs kaskie aja, pidaw kävvä enämbi päiviä.
a vičikkös ruadajes ku on mi čakkua, da vie sil'l'e piäl'e puarmua—
sil'mii ei sua avata, mugai kihistäh, mugai kihistäh da puretallah.
kod'ih tulet — sil'mät on puhalduksis. päivän kaiken hies olet ku
čuboi.

a kod'ih tulduw vie on mi ruaduol pidaw tahkota kirvehet da
kassarit toižekse päiviä, pidaw lämmittiä külü, juottua vazat da
lehmät, lüpsiä lehmät, kabrastua pert'i, valmištua süömine da
juomine, a sit vie taigin panna, lapsii kačču. da löwdüw ruaduo,
ewle aigua huogavuo. mieleh on külü nengožen päivän proidihuw:
kül'vetöh, kül'vetöh, rowno ku kai päivän pahuot pakutah. vieret
muata jo müöhä.

a huondeksel päivännowzun kel'e jo olet jalloil'l'eh, jo on lehmät
lүpsettü, päčči l'ämmäs, varustat süömižen, juomižen, pastat leivät,
da müös meččäh. muga ajoimmogi kaskie.

aijängo? ga kel mi pidi, kel min vägi andoi. erähil ol'ii mostu
kerdua — kaski ajettih, a toššuvuon jääw vierdämättäh, vezoittuw,
puwt ruvetah happanemah, müös jääw vierdämättäh, vie enämbäl
vezoittuw, da mugai jowduw, enämbiä jo vierdiä ei sua, kai rua-
vot sudrei mendih.

ajettuw kaskie vierdämäh meñimmö jo toššuvuon. mil aigua?
ga kezäl, enne nagrehen puhundua. nagrištu ei külvettü, a puhut-
tih: ottaw siemendü suwh, puhaldaw üksielepäi, siid edehpäi, siit
toižielepäi, mugai astuw pitkin l'ibo poikki palos, kuñi ei lopi.
nagrišsiemenii miärättih luzikal. ga siit pidi maltua puhuo, ku

täwdüs kaikete muapalale, da ku ei rod'ies puaksuh, l'ibo l'ijan harvah.

nu, tulet vierdämäh: ezmäzikse heität sovat piäl' iäre kai, panet piäl'e riihisovan. riihisoba — se on pitkü moine, alle polven paidu, piikois azuttu, hiemuat tože ollah pitkät. jalgah panet virzut l'ibo löpöit, hattarua kiärit polvessah da vie piäl'e polvie, ku polvimal'l'uškat ei palettaš. suappais ei sua vierdiä, paletah pohjat, dai pefodat, dai siäret. näi, pidäw ainos kävellä hiilavua müö, da mennä juwri tulelluo, da vie jallal pollet palajii puwloi. nahku terväh palaw, ei kestä hätkie, a virzut paletanneh, ga ei äijjä makseta, ubvet i panet.

nu, selgiet, azut rowjon kasken randah, panet tulen, rowjo rubiew palamah, a vierdäjät kangel kohendellah tuldu. zavod'ie pidäw vierdiä piäl tuwleh, vierdiä müödü tuwleh: sit tuldu ei lükkiä vierdäjäh, savvu ei tule silmih. pidäw kaččuuo, ku palettaš kai heinät, oksat, kandoloin tüvet, vezat, ku ei jäš suarikkuo, palamattomua kohtua. sit kangel ühteh palah vai kohendel'et tuldu, eistel'et kegäl'ehii, lükit rowjuo iellehpäi, l'izäilet puwdu tuleh. a ku tul'i se räkittäw, räkittäw, kübenet pakutah piäle, moine on räkki, moine on räkki, higi ühteh palah waluw piäs da jalgoih sah.

ku oflow lähil veziluhtu, l'ibo suotakko, ga nel'uoht luhtah, vieret vedeh, l'ibo vieretteletös suos, da müös juokset tuleh. ga kuižo? muga sovissah l'iččuatohgi vedeh, da märrissäh müös tulello menet, kodvažen on parembi, kuñi soba kuivaw, ga ewlo moine räkki. jalgoi pidäw puaksumbah kastella, eiga virzut terväh paletah. muga pieksätöhgi päivän, dai toizen, dai kuni et lopi kaikkii ajetuloi kaskii.

a toiči vihmu keskustaw vierändän, märrät puwt ei paleta. vierdäjes pidäw olla hüvä siä, da ku vie tuwl'is, tüwnel ewlo hüvä vierdiä: tuldu da savvuw lükkiäw piäl'e. a räkes da hies juotattaw ku mil'ehl hoz ol'is ainos juvva.

vierdäjes müö piimmö keräl muigiedu maiduo. otat kois puzun muigiedu maiduo da päivän vai l'izäil'et sinne viluw vettä da juot. konz ewle maiduo l'ibo on pühä, siit taluimmo kagraštu jawhuo, l'ibo talkunua — sevoitat vedeh vähäžen jawhuo l'ibo talkunua, da sidä vettö juotgi. a juot vie i midä vai puwttonow, ol'is vai vezi. painat piän luhtakkoh, luhtakos täwzi čiwroidu, vai kihilöw, üksikai juot sidägi vettä, vai kl'unkutat.

a toiči moštugi vettä ewle, siid opit suodu imie. nühtit suodu märrimbäs kohtas, opit puzerdua, opit imie, vai hos kiel'i da suw kastua puwttuš. moine ol'i meil' vierändüruado, vierdoruado.

vot sid meil' rod'iuh palo, kaski puwtui vierdiä. a enne kül'vändiä ümbäri palos pidäw vie azuo aidu. konzu on aidupuwdu sijalleh, ga sit on hüvä, l'eikkua vai, da pane aidah. a toiči pidäw puwloi ribaittua tajembigi, sit olgupiäl vai ribaittelet, et midä luaji, aijattah et jätä kül'vüö, žiivatät polletellah da süvväh, kai ruavot mennäh sudre.

erähii kaskii ei pie vierdiä, erähät iče paletah. ga ičepalajat on moižet kasket, kudualoil ol'i enämbi kuwzahaštu da pedähäštü, da enämbi turbiedu lehtipuwdu. tulet moižel'e kaskel'e räkel päiväl, da konzu on raviembi tuwl'i, da rubiet poltamah. menet kasken randah piäl'e tuwlen, varustat tuohtu erähih sijoih, erähih sijoih varustat tukkužih kuivua varbua. siit otat seibähän nökkah enämbän tuohtu, virität tuohen, da sidä tuldu vai čokit kaskeh. kunna on varustettu tuohtu l'ibo kuz on varustettu kuivua oksua, sinne čökkiätgi tulen, virität joga sijas, kunna vai parembi tul'i tartuw, kus vai on enämbi palamištu. siit ku lähtöw palamah lököttämäh, ku lähtöw l'öhöttämäh, ga vai kohižow, vai kohižow. tul'i lököttäw nowzow mečän korgevuoh, l'evieu kaikkie kaskie müöte; sit on tuldu, ga sit on tuldu vai l'ruašt'i kaččuo on, muga on äijü tuldu, l'ähil ei sua mennä.

jäl'l'es palandua palo pidi pergua vie. eihäi kai puwt paleta, sangiembat vai piälpäi kegälehtütäh, net puwt pidäw kabrastua iäre. sit pidäw kerätä kai pienet kegälehet, da poltua, l'ibo randah kandua.

erähät kohtat jiajäh palamattah, jäw tabl'ikkuo moštu. niil'e suarikkoloi'l'e kannat puwdu, kannat kegälehtü da poltat uvvessah. erähih sijoih jäw rañnikot palamattah, rañnikot sežo pidäw uvvessah poltua. muga kaiken palon puhtastammogi.

palon perrandu, kačo, reduruado on. puwt on hiilestünnüöt, nogevuonnuot, kandelet niidü, kandelet olgupiäl, dai toižel, dai üskäs, dai kui vai maltat, mugai kandelet. hierotos nogeh ku čuvokse, ühtet silmät piäs nägüw da hambahat, muw kai olet noves, süllet, ga nolgigi on mustu. nengomas ruavos ku tulet kod'ih, ga ezmäzikse pidäw külü lammittiä külüs pezetöh hiilaval viel, rubiet rist'ikanzah koskemah.

nügöi ewlo moštu ruaduo, nuorembat ni nähtü ei niidü ruadoloi.

61. «Раньше в наших местах много пашни готовили в лесу»

Раньше в наших местах много пашни готовили в лесу — расчищали лес для подсеки. Жгли срубленный в чащобе лес. После сжигания надо было вспахать, а перед посевом вырубить побеги да все такое. Так и работали между пнями: пахали, сеяли, жали, да все Мы сами много не расчищали, а у кого было мало земли, те больше расчищали. Сеяли мы рожь, иногда ячмень. От починка брали по два урожая, а с лучшего — по три урожая, а потом оставляли землю. В первый год пользования называлась новая земля, во второй год и третий — старопаханная ('старая') земля. А когда бросали, так уже называли пожней ['раякко']. Не пустошь, пустошем называют заброшенное поле, а заброшенную пожогу в лесу называют пожней ['пало']. Да. Это была работа

так работа. Тут надо было много пота и силы приложить. За долгую жизнь всего пришлось видеть, всякую работу делать.

Первым делом надо было в лесу подобрать место для пожоги. При выборе пожоги смотрели, кабы земля была получше да чтобы лес был погуще, чтобы деревья не были очень старые; в спелом лесу больше возни, тяжелее работать.

После того как подобрано место, надо было идти рубить лес. Спрашиваешь, когда рубили? Рубили летом, перед сеноуборкой, до иванова дня, когда на дереве был уже полный лист, уже можно было веники заготовлять. Прежде всего косарями обрубали все кусты, ветки, деревца потоньше, а которые потолще, те оставались стоять. Рубка порослей и кустов была женская работа. Мужчины редко обрубали косарем.

После того как мелкий лес был вырублен, надо было спилить большие деревья. Толстые деревья косарем нельзя было рубить, их надо было рубить топором, а зрелый лес иногда и пилой пилили. Весь лес надо было валить в одну сторону, чтобы комли были в одну сторону, а вершинки в другую.

Поменьше деревца так и оставались внизу неочищенными от сучьев, а у больших деревьев обрубали снизу сучья да еще долевою затес делали, иногда даже два или три затеса, чтобы лучше сохло. Иногда с некоторых деревьев снимали кору целиком. Когда снимаешь с комлевого конца всю кору или всю бересту, дерево остается без коры, тогда лучше сохнет. Самые толстые деревья еще раскалывали пополам. Комли толстых деревьев еще поднимали на пни: пусть дерево на воздухе, не валяется на земле, на земле хуже сохнет да и гнить начнет быстрее. Вокруг подсеки все края надо было расчистить от кустов, чтобы кустарник был подалше от подсеки. Деревья, которые находились с краю, бросали на подсеку. Вот и вырублена ('прогнана') подсека.

В то лето на этой подсеке ничего больше не делали. До следующего года сваленный лес высыхал. Работа была нелегкая. Попробуй-ка такой долгий летний день с утра до вечера кланяться у комля дерева с топором или косарем, так даст знать пояснице, да и рукам тяжело, да и всему телу даст знать.

А ведь не за один день пожогу вырубешь, надо ходить несколько дней. А когда в кустарнике работаешь, так сколько там комаров, да к тому же и слепней — глаз нельзя открыть, так и жужжат, так и жужжат да кусают. Домой придешь — глаза все опухшие. Целый день потный, как пузырь.

А как придешь домой, сколько еще работы [дома]! Надо топоры и косари на точиле наточить для следующего дня, надо баню истопить, напоить телят и коров, подоить коров, в избе прибраться, приготовить поесть и попить, а потом еще квашню замесить, за детьми посмотреть. Найдется дела, нет времени отдыхать. Баня полезна после такого дня: паришься, паришься, и как будто дневная дурь сойдет с тебя. Спать ложишься уже поздно.

А утром с восходом солнца уже на ногах, уже коровы подоены, печь топится, приготовишь поесть, испечешь хлеба, да снова в лес. Вот так мы и рубили подсеку.

Сколько? Так кому сколько надо было, у кого на сколько сил хватало. У иных были и такие случаи: пожару вырубят, а на следующий год останется неспаленной, пойдет расти поросль, деревья начнут гнить, опять останется неспаленной, еще больше зарастет, да так и останется; палить уже нельзя, весь труд пропал зря.

Для подсеки срубленный лес жечь шли уже в следующем году. В какую пору? Так летом, прежде чем репу сеять. Репу не сеяли, а набирали семена в рот и выдували: берет семян в рот, дунет в одну сторону, потом вперед, потом в другую сторону, так и шагает вдоль или поперек пожоги, пока не вся пожога засеена. Семена репы меряли ложкой. Так тут надо было уметь сеять ('дуть'), чтобы семян хватало на весь участок земли да чтобы не получилось густо или же слишком редко.

Так вот. Придешь палить, первым делом снимаешь с себя всю одежду, наденешь на себя балахон, который одеваешь в риге. Балахон [рубашка для работы в ригаче] — это такая длинная ниже колен рубаха, сшитая из грубого холста, рукава тоже длинные. На ноги обувашь лапти с козырьком или простые, без козырька ('лёпой'), портянки накручивашь до колен да еще и выше колен, чтобы чашечки колен не сгорели. В сапогах нельзя подсеку палить: подошва стгорит, и переда, и голенища — все время надо ходить по горячему да подходить к самому огню, да еще ногой наступать на горящие деревья. Кожа быстро прогорает, недолго носится, а лапти если и сгорят, немного и стоят, новые наденешь.

Переоденешься, зажжешь огонь у края подсеки, подожжешь, костер запылает, а те, кто палит, поправляют огонь. Палить надо начинать с ветреной стороны, тогда пламя не кинется на людей, дым не попадет в глаза. Надо следить, чтобы вся трава сгорела, сучья, подножья пней, молодые побеги, чтобы не оставалось прогалин, неспаленных участков. Тут палками беспрестанно и поправляешь огонь, передвигаешь головешки, толкаешь горящие головешки вперед, прибавляешь деревьев в огонь. А пламя-то как жарит, искры на тебя летят, такая жара стоит, пот ручьем так и течет с головы до пят.

Если поблизости имеется где-нибудь лужица или болотце, бежишь к луже, ложишься в воду или катаешься в болоте да снова бежишь к огню. А как же? Так, во всей одежде и лезешь в воду да мокрый так и идешь к огню. Некоторое время лучше, пока одежда сохнет, не так жарко. Ноги надо чаще смачивать, а то лапти быстро сгорят. Вот так мечешься целый день, да и второй, пока не кончишь жечь всю вырубленную подсеку.

А иногда дождь помешает палить пожогу: мокрые деревья не горят. Тогда ждешь, чтобы погода была хорошая, чтобы еще и ветерок дул. При тихой погоде плохо палить пожогу: огонь и дым на тебя кидает. А на жаре, да когда еще потный, — ой как пить хочется, — так бы и пил все время.

Когда мы палили подсеку, с собой всегда брали кислое молоко. Возьмешь из дому ведро кислого молока, целый день лишь добавляешь туда холодной воды да пьешь. Когда нет молока или наступил пост, тогда брали с собой овсяную муку или толокно. Перемешаешь в воде немного муки или толокна да ту воду и пьешь. А пьешь еще и то, что попадет, лишь бы была вода. Наклонишь голову в лужицу, а в лужице полно головастиков только кишат, все равно пьешь и такую воду, пьешь взахлеб.

А иногда и такой воды нет, тогда пробуешь сосать мох. Надергаешь мху в более сыром месте, пробуешь выжать воду, пробуешь сосать, хотя бы язык да рот немножко смочить. Так и проходила у нас работа на подсеке, так мы палили подсеку.

Вот когда у нас уже и пожога готова, подсеку удалось спалить. А до посева еще вокруг подсеки надо было изгородь поставить. Когда деревья для изгороди имеются на месте, тогда хорошо, руби да городи изгородь. А иногда жерди надо таскать издалека, и тащишь тогда на плечах, и ничего не поделаешь: без изгороди посева не оставишь, скот растопчет да потравит, вся работа пойдет насмарку.

На некоторых подсеках не надо было перекидывать огонь, некоторые сами горят. Самогорящие подсеки такие, на которых больше елочек да сосенок да побольше густых лиственных деревьев. Придешь на такую подсеку в жаркий день, когда сильнее ветер, да начнешь палить. Пойдешь к краю подсеки, откуда ветер, приготовишь бересты в нескольких местах, а в некоторых местах приготовишь кучки сухого хвороста. Потом возьмешь на кончик палки побольше бересты, зажжешь эту бересту да этим факелом поджигаешь подсеку. Где приготовлена береста или где приготовлены кучки сухих веток, туда и подсунешь огонь, зажжешь со всех сторон, где только огонь лучше пристанет, где только побольше лесу. Тогда как начнет полыхать пламя, только шум идет, только шумит. Пламя поднимается высоко, до вершин деревьев, распространяется по всей подсеке. Вот тут огонь так огонь — страшно смотреть, такое сильное пламя, что близко нельзя подойти.

После сжигания пожогу надо было еще убрать. Ведь не все деревья сгорят, которые потолще, те лишь сверху обуглятся, те деревья надо убрать прочь. Потом надо собрать все маленькие головешки и сжечь их или перетащить к краю подсеки.

Некоторые места останутся несгоревшими, остаются такие прогалины. На эти островки натаскаешь дров, натащишь головешек да палишь их снова. В некоторых местах края остаются

несгоревшими, края тоже надо снова палить. Вот таким образом чистим всю подсеку.

Уборка подсеки — грязная работа. Деревья все обуглившиеся, все в саже. Таскаешь их, таскаешь: то на одном плече, то на другом, и в охапке несешь — как только умеешь, так и тащишь их. В саже, как чучело, одни только глаза видны на лице да зубы, остальное все на тебе в саже. Сплюнешь — даже слюна черная. С такой работы как придешь домой, первым делом надо баню истопить. В бане помоешься теплой водой, станешь похожим на человека.

Теперь нет таких работ, молодежь и не видела таких работ.

Печенкина Анна Васильевна. Записал Н. А. Анисимов, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 43, ед. хр. 17—2, лл. 2—4).

62. [läžijän rišt'ikanzan pagin]

päivät virun, üt virun, ainos ühtel bokal. toižel'e bokale en voi viertä, vai vieren, ga ku rubiew püstämäh bokkih da hafjje-loih — ved on vospal'eni l'ohkih, hengen salbuaw täs kohtas.

päiväl vie nowzettelemoh istumah, istun kodvažin, a üö ku tulow, siid vai virun da ikkunah kaçon, vuotan, konzu valgenemah rubiew.

en voi süvvä ni_midä, čuajuw vie puolen čuaškaštu juon, a muwdu ei mene ni_midä.

kaiken ijän minä ol'in kirkei, ruavoin vie mennüöh vuodessah, en ni_konzu l'äžinüh ni_mis, en post/el'is olluh ni_konzu, ainos olin tervehennü, ol'in kirkiennü, a nügöi vahnus tabai, da l'izäkse ku süvvä ni_midä en voi.

vašan poigu on nečie kandalakšas, saldatannu on. muamah kävüi tiijustamah. sanow moine on zdoorovoi, hafjiet l'eviet, tukat kerittü, ga tuta ei sua! häi on ül'en smirnoi, ül'en vagavu, keh moine ollowgi. ül'en on hüvä bfiha. klaša, tuos tänne hänen kartočku ozuttua: tunnetgo? ei, rawkku, sua tuta, nuofii sinä et tunne.

kačo, jo mi aigua proid'ii sinun l'ähtehüw, konzu sinä l'ähtit opastumah, da siit sluwžimah. sinuw minä en jo tundenuš ni_kui, ga neveskü sanoi, sinä tiä olet. sidä müö vai dogad'iimoh, da vašan kel'e tul'it. vašua tunnustiin, en kaikkie nügöi tunne, äijii en voi tunnustua.

silloi tul'i vašan muamah, seižattiheze täh kohtah, küzüw: «tunnetgo minuw, t'owta?». minä kaçon, kaçon, sanoin: «en tunne, kenbo olet sinä?». häi sanow: «mustatgo ahišimovii?». nu sid vai tostiimos, ken minun kel on paginal.

moižet nügöi ollah minun d'ielot, en ole end'iine inehmiine. ijan kaiken suvaičin paišta, nuorembaite pajatin, ruan da pajatan, ruan da pajatan vai...

kačo, nügöi elämmö vierahas koiš. omas koiš ikkunat on murendettu, erähis kai piel'izet on pakuttu. kui ollow ugod'ittu ambuo meiän kod'ih. lais da lat'ies on suwret lowkot, lahkot on šil'ie-l'öil, šil'iet vai rippuw. luandalas ol'i kaksi puččii, ga puččiloisgi jäi vjai palat da šil'iet, kai on murendannuh. pidäwhäi muga ugod'ie...

ol'i kodvažen ku parembi, a nügöi müös rubei bokkah püstä. mäh. a müöhemi ku rubiew harjieloi kivištämäh, muga kivištaw, muga kivištaw, ga ku kaži kundžiš! en voi t'irpua ohkamata, aiven ohkan da ohkan. ohkajes on ku keb'jiemb'i rownu. l'ekarsvua on kaiken luaduštu, stola täwz on, ga ewle ni miituttu abuw, juo l'ibo älä juo... eigo vie nevesku tulluh? kunne ollow mennüh, kuz nügöi kävel'l'ow tässä. klaša, pane, eloine, samvuaru tulele. tämä klaša on iivanan tütär, ol'i tuattah luo, a nügöi tuattah tänne tündi elämäh.

mustatgo sinä, kui muamas kuol'i? vai toven, sinä et olluh tiä, häi, kačo, terväh kuoli, ei muokannuheze ni midä, ülen hüvin kuol'i, ku uinoin. sinä piän minä ol'in ruavos tulemas. häi tul'i por-dahil'e da kirgai minuw: «tules tänne!». tul'in minä hänel'l'üö, häi sanow: «minä tänäpäi kuolen». minä sanoin: «ole, rawkku, vaikkaani, midä tühjä pagizet! ol'izit ku voimatoi, a tervehhäi nägüw olet». a häi vastuaw: «midäi ollen terveh, a tänäpäi kuolen. pezetä, rawkku, — sanow, — sinä minuw, älä laske ni kedä pezettämäh». minä sanoin: «pezetän, rawkku, pezetän».

sit häi nevvoi: «kuolendusovat ota škatulkažes stolan al, kai on jo minul varustettu valmehekse, ei pie ni midä ečcie».

minä lähtin kod'ih, a häi jäl'l'es meijan paginua vie piirailoi ajel'i, ühtišti dai kai, ol'i hüvän-terveh, a siid vieri kruavat't'ih, midä l'iennow paha rod'ih hänel'e. tuldih minuw kuččumah. minä kiirehel meän sinne, häi viruw sel'l'äl'eh kruavat'is, üksi käzi očal, toine oijendettu. minä küzün: «čidžoi, etgo voi?». häi ei virka ni midä. pagizutan, pagizutan — ei pagize. ga siid minä sanoin: «mengiä vai teriämbi kuččuot dowhtuřii». lähtiettih kiirehel, a minä rubein opittelemah kähii, ründähii — jo ollah vilut. muga i kuol'i, ku uinoin hil'l'azeh, ei nähnyh ni miittumua pahuttu, ni miituttu muokkua. en voinnuh ni prošečnua ottua.

minä ku muga kuol'izin, ga pädiš, voizinhäi nügöi kuolta. enne kuolendua puwtui ehki sinuw nähtä. tule vie kävümäh, ku et terväh lähtene iäre. minä, kačo, vie taratan da taratan, vaikkaani en suvaiče olla, kuñi vai kiel'i l'ekkuñow, ainos pagizen, ol'is vai kenen kel'e paišta.

pahin on se, ku süvvä en voi. lapset tuollai suadih ongel viiži joršii. keittämäh ethäi rubie viijen joršin täh, käskiin panna kurniekkah. pastettih se kurniekkaine, tuodih minule, ga kolme päiviä sel'l'itel'in kaloi. joršiloin sel'l'itändü tiijet miittuine on.

lapset, saittogo tanapäi kalua? sanuot muamalles, anna keittäw kalua da minule tuogua vähäine, opin süvvä l'ieändü, eigo mene vähästü da kaloi sel'l'ittel'en opin. tühnäkäh muamas vie teijän l'eibiä nengoine palaine, puolen sormen suwrus, suwrembua ei pie, engo hos teijän l'eibiä vois palaštu süvvä.

minul nügöi viertä pidäw, joi väzüin, äijäl väzüin, ku ehtü rubei tulemah. sinä tule aijombah toižel kerdua, päiväl minä olen parembaine, voin sinule midä tahto sanella, kiel'i on terveh.

62. [Монолог больной женщины]

Целые дни лежу, ночи лежу, все на одном боку. На другой бок не могу лечь: как только лягу, так и начнет колоть в боках да плечах — ведь у меня воспаление легких. Дыхание запирает вот в этом месте.

Днем еще бывает: встану посидеть, сижу недолго, а как ночь настанет, тогда только лежу да в окно гляжу, жду, когда начнет светать.

Ничего не могу есть. Чаю еще полчашечки выпью, а больше ничто не идет.

Всю жизнь я была бойкая, еще до прошлого года работала, никогда не болела никакой болезнью, никогда в постели не была, всегда была здоровая, была бойкая. А теперь старость настигла, да к тому же еще есть ничего не могу.

Васин сын там в Кандалакше в армии служит. Мать его ездила проведать. Говорит, что такой здоровый, плечи широкие, волосы острижены, так даже не узнать. Очень он хороший парень. Клава, принеси-ка сюда его карточку посмотреть. Узнаешь? Да не узнать, дорогой, молодых ты не узнаешь.

Смотри-ка, сколько времени прошло с тех пор, как ты ушел учиться да потом служить. Тебя бы я никак не узнала, так невестка сказала, что ты здесь. Только по этому и догадалась, к тому же ты еще с Ваней пришел. Ваню я узнала, теперь всех я не узнаю, многих не могу узнать.

Тогда пришла Ванина мама, стала вот на это место, спрашивает: «Узнаешь ли меня, тетя?». Я смотрю, смотрю, говорю: «Не узнаю, ты кто же?». Она говорит: «Помнишь ли Анисимовых?». Только тогда я догадалась, кто со мной говорит.

Таковы теперь мои дела, не прежняя женщина я. Всю жизнь я любила говорить, когда была помоложе, пела, работаю да пою, работаю да пою. . .

Смотри, теперь живем в чужом доме. В своем доме все окна разбиты, в некоторых даже подоконники вывалились. Не знаю, как только и угодило снарядом по нашему дому. В полу и в потолке большие дыры, половицы все в щербинах, только лучины висят. В подполье было две бочки, так даже от бочек остались

одни лишь кусочки да щепки, все поломало. Надо же так угодить. . .

Было немножко как будто получше, а теперь опять в бок стало колоть, а позже как в плечах начнет болеть, да так болит, так болит, словно как кошка царапает. Не могу терпеть, чтобы не охать, все охаю да охаю. Когда охаеть, как будто полегче. Лекарства всякие имеются, полный стол, так нет никакой пользы, пей или не пей лекарства. . .

Разве еще невестка не пришла? Куда же она ушла, где она теперь ходит до сих пор? Клава, поставь, миленькая, самовар. Это Клава — дочь Ивана, была у отца, а теперь отец ее послал сюда жить.

Помнишь ли ты, как умерла твоя мать? Правда, ты не был здесь. Она скоро умерла, не мучалась нисколько, очень хорошо умерла, словно уснула. В тот день я шла с работы, она вышла на крыльцо и окликнула меня: «Зайди-ка сюда!». Пришла я к ней, она говорит: «Я сегодня умру». Я сказала: «Молчала бы, милая, что ты пустое говоришь, была бы хотя больная, ты же совсем здоровая, как видно». А она отвечает: «Как бы я ни была здоровая, а сегодня умру. Обмой меня, милая, говорит, не пусти никого других обмывать меня». Я сказала: «Обмою, дорогая, обмою».

Потом она указала мне: «Одежду, которую надо одеть после смерти, бери из шкатулки под столом, все у меня приготовлено, ничего не надо искать».

Я пошла домой, а она после нашего разговора еще пироги скатала да все такое, была жива-здоровая, а потом легла на кровать: что-то ей стало плохо. Пришли звать меня. Я второпях пошла туда. Она на спине лежит на кровати, одна рука на лбу, вторая вытянута. Я спрашиваю: «Сестрица, ты что, болеешь?». Она ничего не ответила. Я пытаюсь говорить с ней, а она не отвечает. Тогда я сказала: «Идите-ка поскорее зовите доктора». Пошли второпях, а я стала щупать ее руки, грудь — уже холодные. Так она и умерла, словно заснула тихонько, не видела никакого худа, никакой муки. Я не могла даже проститься с ней.

Если бы я так умерла, вот было бы хорошо, могла бы я сейчас умереть. Пока живая, удалось хотя тебя повидать. Зайди еще к нам, если не скоро уедешь обратно, я еще тебе, смотри, расскажу, молча не люблю сидеть; пока язык двигается, всегда болтаю, было бы с кем говорить.

Самое плохое то, что не могу есть. Недавно ребятишки на удочку поймали пять ершей. Ведь пяти ершей варить не станешь, велела испечь рыбник. Испекли мне тот рыбник, принесли мне, так три дня ела эту рыбу. Ты сам знаешь, как надо ершей есть.

Ребята, сегодня поймали ли рыбы? Скажите своей матери, пусть сварит рыбу, да вы мне принесете немножко, попробую ухи похлебать, не смогу ли немножко покушать, да попробую поесть рыбы. Пусть вапа мать пришлет мне немного вашего хлеба,

с полпальца кусочек, больше мне не надо. Не смогу ли хоть ва-
шего хлеба кусочка съесть.

Мне теперь надо прилечь, уже и устала, как начнет вечереть,
сильно устаю. Ты приходи пораньше в следующий раз, днем мне
немного лучше, могу тебе кое-что рассказать, язык же здоров.

Зайцев Михаил Алексеевич, 54 года, дер. Кот-
козеро (k o t k a t j ä r v i) Олонцкого района.
Записал Н. А. Анисимов, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 43,
ед. хр. 17—2).

63. «d'evätinatcatoi vuvvel...»

d'evätinatcatoi vuvvel sinä, kuwluw, pahal položeñiel olettel'it?
hüvä ku vie hengih jäit. minägi silloi jäin hengih, a muite ol'i
kaikkie! silloi vet' minun bratanua tapettih, buat'koidu tapettih
da muidu vie kolme-ñel'l'i hengie.

konzu tuldih b'ieloit, ga juwri kerras ei koskiettu ni kedä.
dai äijät muit istuimmo kod'iloil müö, vai valgožil silmih ei puwt-
tuo. kerran istuin koiš da midä l'iennen čopotin ruavoin (silloi
minä jo el'in buat'koin koiš, kuz nügöigi el'än). pert'ih tul'i ofi-
cieru da viiži saldattua. oficieru kačcow bumuağah dai küzüw
minul: «sinägo olet iwan mihailovič molokov?». küzüi
veñakse (veñakse pagiži hüvin, juwri puhtahast'i). minä vastain:
«en ole molokov, häi vaste kunne l'iennow punaldannuھے,
kus tahto täz on kod'imual, loitokse ei mennüh».

häi küzüw: «a sinä kenbo olet?». minä sanoin: «zaicev
mihail al'eksejevič». hai küzüw: «zaicev nikolai ongo
sinun vel'l'i?». «vel'l'i on». häi küzüw: «a kuzbo vel'l'es el'äw? minä
rubein sanelemah: «pidäw nengai nenga mennä, häi eläw nečis
talois». häi sanow: «olğah, mene vai vietä nämii moloččoi hänel'-
l'üö».

minul oldih kuatančat jallas, rubein panemah suappailoi (pihal
ol'i märgü da l'iga). sil keskie pert'ih tul'i buat'koi. hänel küzüw:
«sinägo olet molokov?». minä tahtoin vie kuwnella, midä moštu
paginua on oficialal buat'koin kel'e, ga minule sanow: «mene, mene
tariämbi vietä miehii».

minun kel l'ähtiettih kolmei, a pert'ih jäi kaksi saldattua da
oficieru. nu minä vietiin saldattoi bratanalluo. nouzimmo pert'ih,
a händü ewle koiš, dai kod'ilazet ei tietä, kunna häi l'ähti. küzün
saldatoil: «voingo minä lähtie läre?». ei sanota ni mid'ä. küzün
toižen kerran — ni midä ei virketä, küzün veñakse — ni midä.
duwmaičen — vikse ollah umbisuomikoit, ei el'l'endetä minun pagi-
nua. rubein duwmaiččemah da mustottelemah, kui nügöi ol'is

küzüö. juhtui miel'eh, hūö sanotah «tagažin!». siit күзүин: «suawgo minule mennä tagažin?». yksi viippai käil', minä lähtin kod'ih.

tul'in omale pihale, kačon, puwloil' istutah buat'koi, vaša a nišimov da vie kahtei. minä matkuan kohti heih, күзүн: «midäbo tūö tās pihal' istutlo, etto mene pert'ih?». a siit minule kirrattih: «ei sua heil'/ūö mennä!». kačahtimoh: ga seiniä vaste seižotah kaksi saldattua vintowfkoin kel. ezmäi minä heidü en ni dogad'innuh. eistüin tajembi. duwmaičen: «ei tās olla hūvät d'ielot!». vaša sanow minule: «tuo, vel'/i, minule midägi piäle, pind'žakkolois vilu on tās istuo».

nu minä kävüin heil'e, toin tužurkan, annoin vašale, a iče nowzin pert'ih da kačon ikkunas, duwmaičen: «midä nügöi tās roinnow?» pahua vie ni midä en šmiet'/inüh, a vaču šarižow midä ollow varavo: mikse rahvastu kerätäh ütteh sijah, da ei kaikkii, a zapiskua mūö? kedä vie sie. zapiskas on? eihäi hūö iče tiätä, heil'e ken tahto on nevvonuh. ken nevvoi? istuih muga ikkunalluo vägi kodvan.

tul'i pihale vie saldattua kuspäi l'iennow. puwloil' istujoil' käskiettih nosta, yksi saldattu l'ähti ielpäi, toižet bokis da jäl'l'elpäi, meijän mužikat keskes — lähtiettih pitkin hieruw čogan ristah päi. kodvan proid'ihuw čogan ristassah päi pamahtih zalpu, a vie kodvan peräs saldatatgi tuldih järilleh hieruh, meijän miehii ewlluh. nu, duwmaičen: tapetti. muga ol'igi! viettih heidü čogan ristassah, da kangahan rannal ammutti, da sih i havvatti.

duwmaičen: kuz ollow minun bratan? häi ved oli piit'erču, hätken el'i piit'eris, tiä ol'i jo kommuñistannu. mūö hänen kel puaksuh pagiziimmo, miittuine meil' roih ielpäi elaigu, kui ruveta kohendamah da kai. äijü ol'i meil' paginua, da hüviä paginua. kuz on nügöi häi, kunna meini, kui andua hänele viest'i, gu kod'ih ei tuliš? ved' händü koiš sie jo vuotetah! en tiije, midä ruadua, kunna mennä, ni midä en voi moine on zobottu. l'iiiku vai pihale — ruvetah kačomah, kunna menet, tartutah күzel'emäh da kai. . .

vel'/i tul'i kod'ih vai üöl, päivän kaiken kuz l'iennow mečas, kävel'i. kod'ih tulduw kerras otetti kiini vietetti čogan ristah kangahal ammutti da sih muahgi pandih, toižien luo. muga minä händü enämbiä ni nähün en.

63. «В девятнадцатом году...»

В девятнадцатом году ты, говорят, в плохом положении оказался? Хорошо, что еще жив остался. И я тогда остался жив, а всего было. Тогда ведь моего двоюродного брата убили, тестя убили да других еще трех-четырёх человек.

Когда пришли белые, то вначале никого не трогали. Я да и многие другие сидели по домам, чтобы только белым на глаза не попадаться.

Однажды я сидел дома и что-то делал, ковырял. (Тогда я жил в доме тестя, где и теперь живу). В избу вошел офицер и пять солдат. Офицер смотрит в бумагу и спрашивает у меня: «Ты ли Иван Михайлович Молоков?». Спросил по-русски (по-русски он говорил хорошо, совсем чисто). Я ответил: «Я не Молоков, он только что куда-то вышел, где-нибудь здесь около дома, далеко не ушел».

Он спрашивает: «А ты кто?». Я отвечаю: «Зайцев Михаил Алексеевич». Он спрашивает: «Зайцев Николай — это твой брат?». — «Мой брат». Он спрашивает: «А где же живет твой брат?». Я стал объяснять: «Надо так и так идти, он живет в том доме». Он говорит: «Пусть так, иди-ка проводи этих молодцов к нему».

Я был обут в валенки, стал переобуваться в сапоги (на улице было сыро и грязно). Тем временем в избу вошел тесть. У него спрашивает: «Ты ли Молоков?». Я еще хотел послушать, что за разговор будет у офицера с моим тестем, так мне сказал: «Иди, иди, быстрее проводи людей».

Со мной пошли трое, а в избе остались два солдата и офицер. Ну, я провел солдат к двоюродному брату, вошли в избу, а его нет дома, да и домашние не знают, куда он ушел. Спрашиваю у солдат: «Могу ли я уйти?». Ничего мне не говорят. Спрашиваю второй раз — ничего не говорят, спрашиваю по-русски — никакого ответа. Думаю: наверно, они финны, не понимают моего разговора. Стал я думать да вспоминать, как бы теперь спросить. Припомнил, что они говорят: «*Тагажин!*» [назад]. Тогда я спросил: «Можно ли мне уйти обратно?». Один махнул рукой. Я пошел домой.

Пришел на свой двор, смотрю: на бревнах сидят тесть, Вася Анисимов да еще двое. Я шагаю прямо к ним, спрашиваю: «Что вы тут на улице сидите, не идете в избу?». Тут мне крикнули: «Нельзя к ним подходить!». Я взглянул и вижу: у стенки стоят два солдата с винтовками. Сразу я их тут не заметил, подался подальше, думаю: «Тут что-то недоброе». Вася мне говорит: «Принеси, брат, мне что-нибудь одеть на себя, в пиджаке холодно тут сидеть».

Ну, я сходил к ним, принес тужурку, дал Васе, а сам поднялся в избу да смотрю из окна, думаю: «Что же тут произойдет?». Ничего плохого не предполагал, а на сердце тревожно, какой-то страх одолел: для чего людей собирают в одно место, да не всех, а по записке. Кто еще в записке [указан]? Ведь они сами не знают, им кто-либо донес. Кто им сообщил? Так сидел я у окна довольно долго.

На улицу еще откуда-то пришли солдаты. Тем, кто сидел на бревнах, велели встать, один солдат пошел спереди, остальные по сторонам да позади, наши мужики посередине, пошли вдоль деревни к Чогинской развилке. Через какое-то время со стороны

Чогинской развилки раздался залп, а еще через некоторое время и солдаты пришли обратно в деревню, а наших мужиков не было. Ну, думаю, убили их. Так и есть! Повели их до Чогинской развилки, да на краю пустоши и расстреляли, да тут и закопали их в яму.

Думаю: где же теперь мой двоюродный брат? Он ведь был питерский, долго жил в Питере, здесь он был уже коммунистом. Мы с ним часто говорили, какая у нас впереди будет жизнь, как начать улучшать [жизнь] да все такое. Много у нас было разговоров, да хороших разговоров. . . Где он теперь, куда ушел, как дать ему весть, чтобы домой не пришел? Ведь его там, дома, уже ждут! Не знаю, что и делать, куда идти, ничего не могу, такая забота на сердце. Выйди только на улицу, будут следить, куда пошел, пристанут расспрашивать да прочее. . .

Брат пришел домой только ночью. Целый день где-то в лесу ходил. Как только пришел домой, его сразу же задержали, повели к Чогинской развилке, на пустоши и расстреляли, да тут и похоронили, рядом с другими. Так я его больше и не видел.

Зайцева Любовь Николаевна, 71 год, дер. Коткозеро (k o t k a t j ä r v i). Записал Н. А. Анисимов, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 43, ед. хр. 17—2).

64. puwtui nähtä ennistü tuttavua

miikulgo olet? muga kaçon, sidä roduw pidäs ku olla ga. avoi—voi, sinägi olet vahnannuh mil'leh! a rožua müö endiženai-gažeh ühtel'lah kosket. a minä kačo vie el'an, vie fib'ižen kävel'en. vahnate voinan aigah veñan mual loitton ol'iimmo pavos. konzu tul'immo sinne, ga hieru ol'i tühjü, ühtet vai el'immö tulluot perehükset, a sie el'äjii ewlluh počitai ni kedä. puwtuin järil'leh vie omale muale, omah kotka d'd'ärveh.

midä ol'i otettu sobua, midä šiicua, midä muwdu eluo, kai fukniimmo. midä ol'i tänne jätettü, sežo kai kavottih. minun vahnin poigu täz nügöi ruadow, äljäl sežo vahnani. minäi sanon heile: «kaikin vahnanetto, minun pordahih oletto nowzemas».

ruadua en voi. pert'is kuda midägi vai ainos köbel'öitän, a muwh ruadoh en voi kävvä. enne ruavoin, en ruskiel stuwlaštunuh.

muitejo vie voizin el'ia, voimattomustu ni mittumua ewle, jalgoi täs kohtas kivištaw vai. virundoil'leh en olluh vie, dai nügöi en ole, en sidä voi sanuo, tervehüös vie ripun kuda kuigi.

kačo, täs sinuw puwtuigi nähtä enne kuolendua. ammui tiäpäi lähtit muijale el'ämäh. avoi mi aigua jo proid'ii! siidgo ei tule vahnus, rawkku.

täs sinul hüvä ongi ruadua, pert'i on l'ämmü, valgei, mešaiče ei ni ken, kifjuta da kirjuta. neižlapsi pihalgo on? istuin, kačo, min kodvan täs sinulluo da pagizin ammui nähtün kel. lähten ribizen kod'ih. sanottih, sinä tiä olet, ga sidä tul'ingi, nägemäh, toiči puwttuwgo nähtä vai ei puwtu.

64. Встреча со старым знакомым

Ты ли, Николай? Смотрю, вроде бы той породы надо быть. Ай-ай-ай, и ты постарел! А лицо-то у тебя все-таки прежнее. А я, видишь, еще живу, помаленьку двигаюсь. На старости лет во время войны далеко приходилось эвакуироваться в Россию. Приехали туда, деревня была пустая, одни мы, приезжие, только с семьями жили, а там жителей своих почти никого не было. Снова удалось еще добраться на родину, в свое Коткозеро.

Что было с собой взято из одежды, сколько было ситцу, сколько другого добра — все проели. Что было здесь оставлено — все потерялось. Мой старший сын теперь здесь работает, сильно тоже постарел. Я и говорю им: «Все вы стареете, по моей лестнице поднимаетесь».

Работать не могу. В избе еще кое-как копошусь, а на другую работу не могу ходить. Раньше я работала, не сидела на красном стуле. Так бы я еще могла прожить, никакой хвори нет, только вот ноги в этом месте болят, в постели еще не лежала, да и теперь не такая, чтобы лежать, не могу на это жаловаться, за здоровье еще кое-как держусь.

Вот видишь, тут и тебя удалось встретить, пока не умерла. Давно ты отсюда ушел в другое место жить. Ай-яй-яй-яй, сколько времени уже прошло с тех пор! Тут ли не постареешь, дорогой!

Тут тебе хорошо работать: изба теплая, светлая, никто не мешает, пиши да пиши себе. Девочка-то разве на улице? Давно не встречавшись, засиделась, смотри, как долго здесь у тебя да поболтала с тобой. Пойду поплегусь домой. Говорили, что ты здесь, так вот почему и пришла, повидаться с тобой, позже удастся ли встретить тебя или не удастся.

Анисимова Анна Николаевна, 30 лет, родом из дер. Виллала (villal) в одном километре от Коткозера; в Коткозере замужем 9 лет.¹⁷ Записал Н. А. Анисимов, 1946 г. (АРФ, ф. 1, оп. 43, ед. хр. 17—2).

65. suomelažet kotkattjärves

müö voinan aigua tiä ol'iimmo. konzu ruvettih tiäpäi evakuiruimah, minä lapsen kel'e meñin päčül'e. sie owdih i muwt naižet lapsien kel'e. kerras'ku voidanuš tündiä ielleh, ga müö piässüžimmö, a kerras eibo voidu kaikkie tündiä, a sil aigua suomelažet eht'ittih zaimie kuwjärvi. müö sih i jovvuimmo. minä kodvažen ol'in vie sie, a siit tul'in järil'eh kod'ih.

ezmäi minuw kod'ih ei laskiettu, sanottih: «se on kommuñistan taloi, sie el'ändiä ei rodei». el'in kodvan pečonkinas. jälgimäi laskiettih omah kod'ih. mama jäksendel'i vie sinne, tahtoi piästä ielleh, a eibo voinnuh piästä. tul'i häigi kod'ih. tul'i ehtäl, duwmaičiiimmo ni_ken ei nähñuh tulles, a huondeksel jo tuwdih da händü otettihgi kiini. vedewtih anukseh, petrowskoil'e da vie kunna_l'iennow, a jälgimäi viedih suomeh, da sie luageris ol'i kaiken aijan, piästettih jo voinan lopendua vaste.

konzu minä tul'in kod'ih päčül päi, ga ezmäi ol'i paha el'ia; ruaduo ei annettu ni_miihtumua, normua, ei annettu, ühtepalah vai soimattih, sanotah: «kommuñistan perehel on kaikkie külläl äijäkse vuottu kiškottuw». a midä meil' ol'i kiškottuw? eihäi vaña olluh kiškomas, eigo mama! vaña ruadoi poštal.

nu siid ruvettih andamah lawkas kuda_midägi, ga eibo ole markua ostua. rubein ruadoh kävümäh uvvel'e pomeššiekale — molo kovale. ruavoimmo pimies pimiessäh.

lastu jättelin toižeh. taloih. tulen pimies händü ottamah kod'ih, a häi, goṛa, maguaw sovissah, piä küññuksel. tuon kodih, panen muata, a huondeksel müös ruadoh, a händü müös toižeh taloih kannan. sih luaduh pidigi muakatakseh. a lapsen süöttäjes vie mi ol'i goṛua: omua lehmiä ewle, ečin, pakičen maiduo hieruw müö. ühtet vie annetah, a toižilluo älä ni lähile mene. ol'i kaikkie abiedu! itket, ku vie rahvas ei nähtäs, rahvahas tirpat, et ozuta omii goṛii, a üksinäh jäät, siit vai itket puzerdat. nu a jäwgimäi elaigu rubei kohenemah vähäžin: annettih muadu, sain siemendü, pañin kartowhkuu, kul'viin nižuw, kagrua, sain vazažen, rod'iih ku keb'jiembi, näwgiä ewlluh.

iče pomeššiekku ei ruadanuh ni_midä, vai kävel'ow käit kormañis da čakkail'eheze. ehtäl ruammo hätkin, vuatammo, konzu kuččuw süömäh da piästaw iäre kod'ih. ga eibo kuču! siid rubiem-

¹⁷ Особенность говора А. Н. Анисимовой та, что она вместо l произносит неслоговое u (w) и ü (w); kowme 'три', tuwdih 'они пришли', küwñii 'холодно' вместо: kolme, tuldih, külmü (примеч. Н. А. Анисимова).

mo pajattamah, a sidä häi ei suvainnuh, ülen ei suvainnuh. vai kuwlištaw pajatandan, l'äh'töw pordahil'e da kirguw: «tulgua, meččäl'äzet, iäre, heittiät pajatandu siel».

ottel'in minä toiči hänel hebuo ruadoh, a hevos pidi ičel ruadua. palkua maltoi ottua. ühtew kerdua hänen hebožil tuodih nižuw řiiheh. tuvva ol'i pikoi palaine, vai poikki dorogas, tua sillan korvas, tuodih üksi kierdu kahtel hevow, a ruadua pidi hebožis kowme päiviä.

hänen akkah puaksuh čakkai händü: «midäi ruatutannet rahvastu, ga vie tullah sinule edeh net ruavot, uravoičetoh, pomešsiekku!». siid häi akkuw pergamah. äijän kerdua rahvahan aigua l'öi, pahoi, pidi akkuadah, uvven l'öwdi, uvvelluo kävüi. tuattah sežo sanel'i: «aijoi, poigu, pomeššiekakse rubeit, et hätkie uravoije, tullah vastah sinun ruavot!».

ga häi midä! tuattuadah matikoiččow, piivuo keittäw, juow, suomelažil'e kandelow, suomelažet hänellüö kävväh juomah, ainos suomelažis tumbäri käveli, ainos heijän kele ol'i.

jälgi aijal ol'i vie pahembi, puaksuh ol'i humalas, kävel'i kui žvieři tuskevuksis. kerran tabai pellow piendarii niittämäs ühtü salmen akkuw, ga kaiken prowvolokal pergi, juormiet oldih sel'l'äs dai bokis. olluš ku hot' hänen peldo! peldo ol'i suomelažien.

täz vet' erähii rozgitettih. lüödih řizinäl. oldih moižet pürüzät řizinät, hoikembat sormie, niil' perrettiihgi. pannah skamñale da lüvväh. minä kerran, kačo, põl'l'ästüin, duwmaičin rozgitetah nügöi... ol'in mečas heinäs. ajan siiriči heijän štuabas, suomelaine tul'i pordahil'e, kirguw minule: «tuletgo iče tänne, vai kepin kel'e pidäw tuvva!».

minä põl'l'ästüin: mikse nügöi nenga kuččunow. midä hänele minus pidänöw? küzüin: «nügöigo pidäw tulla, vai voin heinät vediä?» sanow: «heinät vie, purgamah äl'ä rubie, seičas tule!». toin heinät, hevon lükkäin tožil'e lasketettavakse, a iče juoksiin kod'ih, pañin sangiet vuattuštañit. duwmaičen, ku ruvetanneh lüömäh, ga ei rod'ei moine kibeil.

lähtin sinne astumah, iče itken, a ku varuan-varuan... tul'in. häi vuruw kruavat'is sel'l'al'eh, trupkua kufiw, sanow minule: «ištoi». ištuumoh, vuotan, midä nügöi minule rod'iew. häi viruw vaikkañi. trupkan kufiw, toižen virittäw, häi on vaikkani, dai minä en ruoht'i ni sanua sanuo. virui, virui, kufii, kufii, rubei hämärdümäh. tuodih samvuaru stolale. nowzi, rubei juomah. juow vaikkañi, müäs kufiw. rubei jo pimenemäh. jäwгимäi en voinnuh enämbiä t'irpua, küzüin: «miksebo tänne kučuit?». häi sanow: «tuo vai tänne kai vil'l'at, midä vai ollow sinul, a iče rubiet norma lawkas päi suamah».

minä häbevüin moižekse: «kuibo jän lapsen kel'e jüvättäh?. eijo äijä olegi, ga kuibo tühjilleh jät, kui rubiet elämäh, midä rubiet ruadamah, kus rubiet suamah? vet lawkan normal et elä! tiijen, kui da midä sie annetah». rubein itkettelemäheze, a häi

sanow: «ol'ihäi kaikil'e sanottu, ku vil'l'ua etto müös čurah ni jüviä, a sinä mikse möit huavon kagrua? tuot vai kai vil'l'at tänne, ga enämbiä et müö! müödäväkse ku on kagrua, ga pidäv müvvä lawkkah!».

a minä annoin sizärele huavon kagrua, heil ewlluh, a minul huavo jäi, minä annoingi, engo ottannuh jengua, engo midä, ilmai annoin. duwmaičin, toiči sie uwdižes maksetah. minä hänele rubein sanel'emah, kui ol'i d'ielo, kui annoin laihinah, a en müönnüh. enhäi vierahile andanuh, a annoin omale sizärele! a ku pidänöw, ga tünän viest'in, dai sizär tuow sen huavon järilleh. häi sanow: «sinuttah se huavo on tuodu, täs senčois seižow!». nu minä siit vie itkin kodvažen. häi buwrišti, buwrišti da ürähtih: «nu, matkua kod'ih». muga vil'l'o'i ei ni otettu, a se huavo sinne jäi, sinne mendih kagrat dai huavo. siw kerdua sruast'ii puwtui nähtä!

65. Финны в Коткозере

Во время войны мы были здесь. Когда отсюда начали эвакуироваться, я с ребенком пошла в Печную Сельгу. Там были и другие женщины с детьми. Если бы сразу сумели нас отправить дальше, так мы выбрались бы, а сразу вот не сумели отправить, а тем временем финны успели занять Лояницы. Мы тут и остались. Я долго была еще там, а потом пришла обратно домой.

Сначала меня в дом не пускали, говорили: «Это дом коммуниста, там не будет жизни». Долгое время жила у Печенкиных. Наконец, разрешили жить в своем доме. Мама еще на короткое время оставалась там, хотела добраться дальше, а вот и не сумела. И она пришла домой. Пришла вечером, мы думали, что никто не заметил, когда пришла, а утром уже пришли да ее и арестовали. Водили ее в Олонец, в Петрозаводск да еще куда-то. И, наконец, увезли в Финляндию, там в лагере была все время, освободили уже только перед концом войны.

Когда я пришла домой из Печной Сельги, сначала было жить плохо: никакой работы не давали, пайка не давали, постоянно только укоряли, говорили: «У семьи коммуниста награблено всего на многие годы». А что у нас было награбленного? Ваня-то ведь не грабить ходил, а также и мама! Ваня работал на почте.

Ну, потом стали из магазина кое-что давать, так нет финских денег ('марок'), чтобы купить. Стала я на работу ходить к новому помещику, Молокову. Работали от темна до темна.

Ребенка я оставляла у соседей. Уже в темноте за ним прихожу, чтобы взять домой, а он, бедняжка, спит в одежде, голова на пороге. Принесу его домой, уложу спать, а утром опять на работу, а его снова к соседям несу. Вот так нужно было мучаться. А чтобы прокормить ребенка, сколько горя пришлось видеть: своей коровы нет, прощу молока по деревне. Одни еще дают, а к другим и близко не подходит. Всякой кручины было! Плачешь так, чтобы

люди еще не видели, на людях потерпишь, не показываешь свое горе, а когда останешься одна, лишь тут наплачешься. Ну, а под конец жизнь стала улучшаться понемногу: дали земли, добыла семян, посадила картошки, посеяла пшеницы, овса, добыла теленка, стало как будто полегче, не было голода.

Сам помещик ничего не делал, только ходил руки в брюки да ругался. По вечерам работаем допоздна, ждем, когда позовет поесть да отпустит домой. Так не зовет! Потом начинаем петь, а этого он не любил, очень не любил. Как только услышит, что поем, выйдет на крыльцо и кричит: «Идите, чертовки, домой, прекратите песни петь!».

Бывало я брала у него лошадь, чтобы поработать, а за лошадь надо было самой отрабатывать. Плату он умел брать. Однажды на его лошадях перевезли пшеницу в ригу. Везти-то было совсем недалеко: чуть ли не через дорогу, тут около моста. Свезли только один раз на двух лошадях, а за лошадей надо было три дня отработать.

Его жена часто ругала его: «Сколько ты ни заставляй людей работать на себя, так припомнят еще тебе эти работы, ты с ума сходишь!». За это он жену стал бить. Много раз при людях избивал, плохо он обращался с женой, новую завел, к новой он ходил. Отец его также поговаривал: «Рано ты, сын, помещиком заделался, недолго подурачишься, отзовется все это еще на тебе». А он что! По-матерному ругает отца, брагу варит, выпивает, финнам носит. Финны к нему ходят выпивать, постоянно около финнов околачивался, всегда с ними был вместе.

Напоследок был еще хуже, часто был пьяный, ходил злой, как зверь. Однажды одну салминскую женщину застал, когда та косила межи на поле, так всю ее отхлестал проволокой, синие полосы были на спине и на боках [у женщины]. Хоть бы его поле-то было! Поле финнам принадлежало.

Тут ведь некоторых избивали розгами. Били резиной. Были такие круглые резиновые [дубинки], потоньше пальца, теми и хлестали. Положат на скамейку да хлещут. Я однажды испугалась, думала, дадут розгов теперь. . . Была в лесу за сеном. Еду мимо ихнего штаба, финн вышел на крыльцо, кричит мне: «Ты сама придешь сюда, или с палкой тебя надо привести?».

Я испугалась: зачем он теперь зовет меня, что ему нужно от меня? Спросила: «Сразу ли надо прийти, или можно сено отвезти домой?». Говорит: «Сено отвези, но не разгружай, сразу же приходи». Привезла сено, попросила других распрячь лошадь, а сама побежала домой, напялила на себя толстые ватные штаны. Думаю: если и будут бить розгами, то не так больно будет.

Пошагала туда, сама плачу, и так боюсь, так боюсь. . . Пришла. Он лежит на кровати на спине, курит трубку и говорит мне: «Садись». Я села, жду, что теперь со мной будет. Он лежит молча. Трубку выкурит, вторую зажигает, он молчит, а я не смею ска-

зать ни слова. Лежал он, лежал, курил он, курил, уже сумерки стали наступать. Принесли самовар на стол. Встал он, стал пить чай. Пьет молча, снова закуривает. Уже стало темнеть. Я уже не смогла больше терпеть, спросила: «Зачем же ты меня сюда позвал?». Он говорит: «Принеси сюда весь хлеб, что у тебя только имеется, а сама будешь получать паек из магазина».

Я чуть было не стала плакать: «Как же я с детьми останусь без хлеба? Ведь совсем немного и есть у меня, как же совсем без ничего останешься? Как жить будешь? Что делать будешь? Откуда будешь доставать? Ведь на пайке из магазина не проживешь. Знаю, как и что там дают». Расплакалась я, а он говорит: «Ведь всем было сказано, чтобы зерно не продавали на сторону, ни одного зернышка, а зачем ты продала мешок овса? Все зерно как принесешь сюда, так больше не продашь! Если у тебя есть овес для продажи, так его надо продать в магазин».

А я сестре своей дала мешок овса, у них не было, а у меня мешок оставался, я и отдала ей, не взяла я денег и ничего не взяла, даром отдала. Подумала, что когда-либо из нового урожая вернут. Я стала ему рассказывать, как было дело, как я дала в долг, а не продала. Ведь не чужим же я отдала, а отдала своей сестре! А если вам так надо, так пошлю ей весть, и сестра принесет тот мешок обратно. Он говорит: «Без тебя тот мешок уже принесен, вон тут, в сенях, стоит!». Ну, тут я еще недолго плакала, он смотрел, хмурился на меня да и буркнул: «Ну, иди домой». Так у меня остальное зерно и не отобрали, а тот мешок там остался, пропал овес да и мешок. В тот раз мне пришлось страху пережить.

Кузнецова Мария Михайловна, 59 лет, дер. Коткозеро (k o t k a t j ä r v i). Записала А. П. Соколова, 1965 г. (АКФ, ф. 1, оп. 2-ф, колл. 157).

66. tiedohus virtütükses

hospod'i blahoslovi, hristos.
nowziin täs tänäpäi,
jallan kengiin pieluksel,
toižen kengiin künñüksel,
avain ukxen suveh päi:
siñiine meri,
siñižel merel
kuldaine suari,
kuldažel suarel — kuldaine kukoi,
kuldažel kukoiñ — kuldaine ñuokku.
ñuokal ñuokkiw, künzil kiškow,

rahan rahvahan paginat,
vierahat virtokset,
oman ičen ajatukset.
ken l'iennow, kadehižeh kaččonuh,
vestuksužin valvatannuh
mustin silmin,
harmain silmin,
valgein silmin —
ičelleh ižänd'ile-emändile — kohti.

66. Заговор от сглаза

Господи, благослови, христос.
Вот тут сегодня я проснулась,
Обула ногу на подушке,
Вторую обула на пороге,
Открыла я дверь в сторону юга —
Синее море.
На синем море — золотой остров.
На золотом острове — золотой петушок,
У золотого петушка — золотой клюв.
Клювом он выклюет, шпорами выдернет
Речи злых людей,
Чужой сглаз,
Свои собственные думы.
Если кто с завистью посмотрел,
Жадно вглядывался,
Черноглазый,
Сероглазый,
Светлоглазый,
Пусть все это обратится на них.

Беляев Тимофей Михайлович, 72 года, дер.
Кескозеро (k e s k o i d ' ä r v i) Олонцкого района;
магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Мака-
рова и Т. И. Вяйзинена, 1963 г. (Каб. зв., запись
№ 220/2).

67. k r o n š t a t a n v o s t a ñ i i

tuhat üheksäsadua kahtendeltostu vuvvel minuw priimittih
vojennoih sluwžbah na balt'iiskoje more, krepost' kronštata,
minnji ofrad. täs minä sluwžiin kümмене vuottu. kümменen vuv-
ven südämeh sai minul merdü müö ajua kuda kuzgi, puwtui vie-

rastu l'eibiä kaikenualastu süvvä sie. sit kümminen vuvven südä-meh tul'i tämä revol'ucii meil'e, rošiah... konzu kerenskoi n pravit'el'svu rod'iih, cuari se l'ükättih, meidü čotaittih bol'sevie-koikse. flottu, sanow, on bol'seviekat nemmo. tuhat üheksäsadua viijendel vuvvel [1905], enne revol'uciada tädä, značit, o'li vosta-nije sie, kronštatas. kuduas čuast'is minä sluwžiin, se vostal pervjm. vostanija tämä smäl'i, carskoi pravit'el'svu neče [smälo]. sit meijan čast'is üksitostu hengie ol'i ammuttu, dostal'i otfuadu ol'i katorgah bessročnoih [tütöttü].

konzu tämä revol'ucii . rod'ih, üksi kronštatskoi ruadaiju (se ol'i sit čuast'is sluwžinuh, famiel'ieda en musta), ucel'el, piäzi, jäi hengih. se tul'i järilleh minnoih otfuadah. tämän proceduřin kaiken sanoi, mittuah luaduh ammuttih i ozutti meile kus ollah muah pandu. net müö kaivoimmo iäres da sit pañiimmo kron-štattah muah, na jakornuju ploščat', suamoile parahale kohtale, üksitostu hengie net.

i heidü ol'i sel'itettü paradnoi formah ammuttavakse: dostal'i minnoi otfad seižoi täs, kačoi. hūö omal käil kaivettih labjal ičelleh hawdu, kuh langeta dolžen. üksitostu čuassuw päivia heidü ammuttih, konzu müö sie jo kaivoimmö näimmö: yhtel oldih čuas-sut, sil'l'e čuasule ol'i azetuttu

konzu ambumah tuldih, treibuittih ezmäzikse flottu, oma flottu ambumah. flottu otkuažiheze: «omii, — sanow, — müö emmo ammu!» kučuttih kaksi art'il'eriiskoidu polkua — net otkuažittiheze ambu-mas, kaksi pehotnoidu (d'evänosto d'evätji i sotji) — net otkuažit-tiheze.

sit pe'tergofas kučuttih sto semnatsatji pehotnii polk, se ottiheze ambumah. geñerualu, kudai kamanduičči heile ambuo, tuli ezmäzikse sih edeh: «tūö, — sanow, — pakičiitto väl'l'jä (iče šuaškan obnažii, punaldi)tūö, — sanow, — l'övvättö väl'l'jä toizel ilmal! tūö pakičiitto muadu — muadu minä teile annan!». šuaškan püsti muah i prikuazan andoi ambuo: zalp! ammuttih, sih kui piä kandaw langettih, peskužele, sinne meren randah...

tämä gu (matrossu) tul'i, ñevvoi, sit nostiimmo müö, avaimmo (sit ol'i, kačo, jo mi aigua proidunuh). [heile] buite ku ol'i vaste pandu paradnoi formu piäle, duamaičiimmo: vot—vot. vaigu no-stiimmo — viijen minuwtan südämeh zat'el'i — ewluh ni midä. sit toizeh sijah muah pañiimmo müö heidü. muah panijua meidü ol'i primerno tuhattu viižikūmen vojennoloi. vot.

67. Кронштадтское восстание

В 1912 году меня призвали на военную службу на балтийский флот, в крепость Кронштадт, в минный отряд. Здесь я служил десять лет. За десять лет мне пришлось поплавать по морям кое-где, пришлось всякий чужой хлеб есть. Потом в течение этих десяти

лет произошла у нас революция в России. . . Когда образовалось правительство Керенского, царя свергли, нас считали большевиками. «Флот — это большевики», — говорили. В 1905 году, до этой революции, значит, было там восстание, в Кронштадте, в той части, в которой я служил, та часть восстала первой. Восстание это было подавлено, царским правительством снято. Тогда из нашей части одиннадцать человек было расстреляно, остальные были посланы в бессрочную каторгу.

Когда эта революция произошла, один кронштадтский рабочий (тот в свое время служил в той части, фамилии я его не помню) уцелел, спасся, остался в живых. Тот вернулся обратно в минный отряд. Он рассказал нам всю «процедуру» расстрела отряда и показал нам место, где похоронены расстрелянные. Их мы откопали из могилы и потом снова похоронили в Кронштадте, на Якорной площади, на самом лучшем месте; эти одиннадцать человек перед расстрелом были одеты в парадную форму, остальная часть минного отряда стояла тут же, смотрела. Они сами вырыли лопатами для себя яму, куда должны были упасть. В одиннадцать часов дня их расстреляли. Когда мы их оттуда откопали, увидели: у одного были часы, стрелка остановилась на этой цифре.

Когда пришли расстреливать, первым делом потребовали флот, людей из своего флота расстреливать. Матросы отказались: «Своих, говорят, мы не расстреливаем». Вызвали два артиллерийских полка — те также отказались стрелять, два пехотных (девятью девятым и сотый) — те отказались.

Тогда из Петергофа вызвали сто семнадцатый полк. Тот согласился стрелять. Генерал, который командовал солдатами, вышел первым перед матросами: «Вы, говорит, просили волю (сам он обнажил шашку, замахнулся ею), вы, говорит, найдете волю на том свете! Вы просили землю — землю я вам дам!». Шашку воткнул в землю и дал команду стрелять: «Залп!».

Выстрелили, тут как попало и упали, на песочек, на берег моря. . .

Когда этот [матрос] вернулся, он указал, где они похоронены. Тогда мы откопали, открыли их (тут смотри, сколько времени прошло уже), они будто только что были похоронены, как будто на них только что одета парадная форма. Мы подумали: вот-вот. Как только подняли из могилы, в течение пяти минут они все истлели, их нельзя было узнать. Тогда в другом месте мы их похоронили. Нас, кто принимал участие в похоронах, было примерно пятьдесят тысяч военных. Вот.

68. [L' e n i n ä l' I' ü ö s m o l' n o i s]

nügöi, jäl'les tädä, značit, meile revol'ucii konzu stupii, semnatsatom godu, konzu ol'i kerenskoin pravit'el'syu, vel'ikii l'eñin ol'i pavos suomes. händü eçittih (iščekat oldih), kuz gu vois tavata. suomes päi häi konzu tul'i petrogradah (sil-lozeh aigah petrograd ol'i), kierras häi andoi prikuazan kronštatskoile flotale tulla petrogradah. i meidü sie miehii tul'i äijü ni vähä, viizikümnen tuhattu, matrossua.

l'ähtijes (konzu kriepošt'is l'ähtiimmö) oruwd'iat ol'i kai kiättü na petrograd, sluwčai čego. müö tul'iimmo na bereg. joga iudnas meidü on piäl'e tuhanden, v. polnom voozuženii, viisadiimokseh rannale, meñiimmö na smol'nii, kus sie l'eñin ol'i iče. l'eñin meijät priimii, häi seižoi na tribune. minä oman minnoin otfuadan kere (oliin komssostuav) kakras seižoin l'ähän l'eñinua, primerno, nenga sanuo, metrii ül'en äijü — kaksi, eigai vähembi. ül'en hčvin sai kuwita kai, točno, midä l'eñin sanoi. äijjä ei sanonuh, a istoriičeskoit sanat sanoi...

68. [У Ленина в Смольном]

Теперь, после того, значит, когда у нас свершалась в семнадцатом году революция, когда было еще правительство Керенского, великий Ленин скрывался в Финляндии. Его искали ('были сыщики'), где бы его можно было поймать. Когда он из Финляндии приехал в Петроград (в то время был Петроград), он сразу дал приказ кронштадтскому флоту прибыть в Петроград. И нас там прибыло, ни много ни мало, пятьдесят тысяч матросов.

При отправке, когда из крепости отправлялись, все орудия были направлены на Петроград, на случай чего-либо [непредвиденного]. Мы прибыли на берег. На каждом военном судне нас было свыше тысячи, в полном вооружении; высадились мы на берег, пошли в Смольный, где был сам Ленин. Ленин нас принял, он стоял на трибуне. Я со своим минным отрядом, (был в комсоставе) как раз стоял около Ленина, примерно, если сказать, в метрах, самое большое, в двух, а то и меньше. Очень хорошо можно было слышать все, точно, что говорил Ленин. Он много не говорил, но сказал исторические слова...

69. kui nahkua pieksetäh

vähäzel el'lendän tämän d'ielon... kožownas nahkua luajittih puol'i vuottu. nahku ezmäzikse kastetah, l'ivotetah vedeh, stobi ol'is märgü. sit pannah izvešt'ih. izviešt'is joga päiviä pidaw händu l'iikuttua, kuwn verdu l'iikuttua: sit karvu l'ähtöw, l'iikkuw karvu i l'ähtöw. karvu pidaw ajua: moižet on veičet luajittu. karvan ajetah iäre. sit toine čura pidaw kiändiä. ollow l'ihua jäännüh sie nülgijes, net pidaw sežo ajua puhtahakse, mäzritä pidaw.

sit jo pidaw panna händü parkivedeh. sie pidiä pidaw kuvvet suwtkat vaiku, parkivies. sežo l'ekahutella pidaw joga päiviä. sit pidaw panna l'eibäh. ühten nahkan kohtah obsčoih pidaw olla kaksi funtua, sit kaikile koskeh odnovremenno.

l'eibü pidaw ennepäi varustua, muigei stobi olis, ülen muigei. jawhos luad'ie muijbtus. sit hänes on opät' taki kuvvet suwtkat, sie l'eiväs. sit pidaw ottua sie i pidaw panna jo parkih, šuanah, enzi-kierdu kuluh parkih. ei parkivedeh, a kuivu parki külviä šuanas ei sangieksi, stobi toine nahku ku piäl'e roih šuanas, ga ei kasaič-čiziheze toižeh nahkah, ol'is eriže.

sidä piätäh kuw sit parkis. sit sie otetah, sit jo pannah toine parki kulun kere da uvven segai. tože sih luaduh. sit sidä pietäh kaksi kuwdu. konzu on pandu, se mustetah. sit se ühtes ollah, ga mustetah, konzu kudai nahku pidaw nostua, kudai pidaw järilleh panna vie kolmandeh parkih, l'ibo nel'l'ändeh sie, kolmandeh, nell'ändeh ei pie.

a sit se, ezmäine nahku l'ämmäl t'oktil voitah, mäzrүčura. ei se, kudamas ol'ihäi sie villat piästettü iäres, a mäzrүčura voitah. sit toine nahku pannah müös piäl'e sih: hүү ollah märrät nahkat. opät' toine mugäže voitäh piälpäi, mäzrүčura l'ämmäl t'oktil, ei hiilaval. hiilaval voit poltua nahkan, a l'ämmäl. sit nahkua možbut' sie kerävüw kümme l'ibo kaksikümnen, kolmekümnen, kai ollah piäl'ei. sit hүү ollah suwtkat lat't'iel. sit heidü suwtkien peräs nostetah kuivah tänne. riputetah l'ibo puwloil l'ibo nuoril, miļtahto sie ülähän, kai eriže ollah toine toižes, ei olla ühtes, eriže stobi oldas.

sit sie kuivetah hүү nedäl'i libo kaksi sie. heidü eihäl kuivata moižes räkes, a l'ammin pomeščeñii moine on. kuivetah, sit heidü ruvetah pehmittämäh. sie on moine luajittu, vrod'e stuwlat sanommo, hүү on randu i toine nenga vastai, vot tak [ozuttaw] kakras ku kazi rowno: tämä on krugloi i tämä krugloi, nengoine keskuččaine on. i stanku neče on pohjas sih kiinitettü, stobi ei-l'ekkuš ni_kunne. sit on pitkü vuagu moine, možbut' metrii puol'i kolmattu, sežo šuorei, hüvä. üksi agju pannah kiiñi mih_tahto: libo muah, libo

sih [lat'/ieh] sarual, kuz pehmitetäh. üksi značit pidaw täs kázil nahkua sidä, a toine painaw sidä toižel agjal. nahku se hüvin pehmitäh, i kai nenga nahkat, mi on nahkua, pehmitetäh sie. häi roih pehmie, jo nügöi gu korvah i vie.

jo nahkat ollah valmehet, jo voijah izändäl'e zdaija. tulow izändü poluččimah. sie on puwhizet pluaškat pandu. üksi pkuášku sih nahkah jiäw, a toine on ičel, izändäl, jes/i minä zdaičiin, minul se koiš i on. tulen nahkua eččimäh, sie on sadoi da kaksii-sadoi paloi kožownikal, minä oman l'övvän: ahah, pädi pluašku — se on minun. sih on luajittu ogalašet: kedä kohti, kedä viäräh. pluaškan piäh on nuarazet sivottu. häi on hallattu, hallennut puol/i, palaine, se minul on. sit ogalaine on nenga. sih cökkiät — pädow, vieras ollow, se ei päi: ogal ei kohti mennüh: l'ibo tänne l'üöw, l'ibo nenga l'üöw, a on minul nenga l'eikattu. sie ičei l'eikuaw kožowniekkü, pluaškan andaw minule tñhten, a toine se nahkah roihezen. oman l'övvät seičas... birku se on jo toižeh luaduh, se on mi tahto nel'icuppuine. vot sit jonügöi nahkan sen polučit.

sit johäi hänes luajit suappaidu, l'ibo midä tahto, sitgo nahkas sinä luajit pohjua, sitgo pefodua. midä müö nahku on: ollow raviembi nahku, ga sitgii andaw pohjua. selgüpuoles otetah ezmäžikse pohjua, peräpuoles — pefodua, a dostal/i, se siäreксе otetah. tämä jo bokku neče on hoiskembi, sit otetah siärdü. vot sih luaduh nahku viiltäh.

häkin da l'ähtemän nahkas luajitah enämbüöl'eh pohjua, se jo nügöi piäksetäh toižeh luaduh, puhtahas l'eiväs piätäh aiven pohjunahku. i leibü luajitah, nenga sanommo, leiväkse, a häi on ruazmoi moine muigei. sil ajaw karvan, nahkan nostattaw ül'en sangiekse, pohjakse luadiw. kui ollow turbonow, sit häi azettuw ičepäivil'eh normal'noikse. sangieksei jiäw, hoikakse ei mene, še pohju. pohju se vaigu roih häkin nahkas da sit lähtemän, a l'ehmän nahkas jo ei rod'ei pohjua.

hebožen nahkua sežo piäksetäh, sit roih i pefodua i pohjua, vai toštu luaduw pohjua. sit roih mäčinpohjua. a toštu sanotah volapohjakse. a tämä on mäčinpohju — hevonnahkas dai toižen žiivatan nahkas. vaigu häkis roih vola, da siten l'ähtemän nahkas. se puhtahal l'eiväl pidaw ruadua. sih ei päi muw.

lambahan nahkua luajittih jo erähäh luaduh, jes/i turkikse. a luajittih i suappainahkakse händü, siärikse, l'ibo mi tahto sie hienombi, kindahikse sanommo.

kažinnahkua l'ibo sie jänöinnahkua piäksettih sidä sie jo erähäh luaduh, no sidä minä jo en malta sanua.

69. Как выделывают кожу

Немного разбираюсь в этом деле. . . В кожевне кожу выделывали полгода. Шкуру сначала смачивают, мочат в воде, чтобы была сырая. Потом кладут в раствор извести. В известковом растворе

ее надо ежедневно переворачивать, примерно в течение месяца: потом сойдет шерсть, шерсть сойдет, ее надо снять: для снятия шерсти сделаны такие ножи, которыми снимают ее. Потом надо на обратную сторону перевернуть. Если на ней осталось мясо, то его надо удалить дочиستا, снять мездру.

Потом кожу надо класть в раствор ивового корья. Продержать ее надо там шесть суток, в растворе ивового корья. Также надо переворачивать ежедневно. Потом надо класть в раствор хлеба ('в хлеб'). На одну шкуру в общем надо иметь два фунта [муки], тогда на все шкуры раствор действует равномерно.

Хлебный раствор надо приготовить заранее, чтобы был кислый, очень кислый. Из муки надо приготовить кислый раствор. Тогда в этом растворе опять-таки продержать шесть суток, в этом хлебном растворе ('в хлебе'). Потом надо взять отсюда и положить в чан с ивовым корьем, первый раз в старое ивовое корье, не в ивовый раствор, а сухое ивовое корье рассыпать в чане не очень толстым слоем, чтобы вторая кожа, когда она будет в чане, не касалась первой, чтобы была отдельно.

Так шкуру продержать с месяц в этом ивовом корье. Потом отсюда вынимают, тогда уже кладут в новое корье, перемешанное со старым. Тоже таким же образом. Тогда ее так продержат два месяца. Когда все так сделано, надо помнить очередность. Когда все это вместе, так помнят, когда какую шкуру надо снимать, какую надо еще оставить. На третий или четвертый раз в ивовом корье, хотя на третий и четвертый раз не надо ставить [дубиться].

А потом ту, первую шкуру, смазывают теплым дегтем, мездровую сторону смазывают. Потом вторую кожу положат также на нее: это сырая кожа. Опять вторую кожу также смазывают сверху, мездровую сторону теплым дегтем, не горячим. Горячим дегтем можно сжечь кожу, нужно теплым. Таким образом, может быть, насоберется шкур десять или двадцать, тридцать. Все они друг на дружке. Так они целые сутки на полу [лежат]. Потом их через сутки повесят сушиться сюда. Повесят или на палки или на веревки, на что-нибудь там наверху, все друг от друга отдельно, шкуры уже не вместе, чтобы они были отдельно друг от друга.

Потом они сохнут неделю или две там. Их ведь сушат не в жаре, а в теплом помещении. Высохнут, потом их начинают мять. Там сделано такое приспособление, вроде стульев. У них один край против второго края эдак, друг против друга, вот так [показывает], как рука: этот круглый и этот круглый, такой промежуток между ними. И станок этот тут, в основании прикреплен, чтобы никуда не двигался. Потом имеется такая длинная вага, может быть, метра полтора, тоже прямая, хорошая. Один конец прикрепят к чему-либо: или втыкают в землю, или прикрепляют тут, к полу сарая, где мнут кожу. Один, значит, держит тут кожу, а второй жмет ее вторым концом. Кожу хорошенько помнут, и

таким же путем все кожи, сколько их имеется, мнут на этом станке. Она, кожа, будет мягкая, хоть ее в ухо вдевай.

Кожи уже и готовы, уже можно их сдать хозяину. Приедет хозяин получать. На кожах прикреплены деревянные плашки. Одна [половина] плашки остается на коже, а вторая остается у самого хозяина. Если я сдал кожу, то у меня плашка дома. Приеду получать свою кожу (а их по сотне и по двести штук у кожевника), я свою найду: ага, подошла плашка — это моя кожа. На ней сделаны зарубки: которая прямо, которая наискось. В конце плашки привязаны веревочки; она расколота, отколотая часть, половинка у меня, в ней зарубка, к ней приставишь вторую часть — подходит. Если кожа чужая, то не подходит плашка: зарубка не совпала, или идет сюда, или так идет, а у меня вот так сделана зарубка. Там сам кожевник и сделает зарубку, одну плашку даст мне, а вторая будет привязана к коже. Свою кожу найдешь сейчас. . . Бирка уже по-другому. Это что-либо четырехугольное. Тут ты уже кожу получишь.

Тогда ты из нее уже сделаешь сапоги или что угодно. Из той же кожи ты сделаешь подошву, из той же — переда. Смотря какая кожа; если кожа хорошая, так из нее получится и подошва. Со спинной части берут первым делом подошву, из задней части — переда, а остальная — та пойдет на голенища. Эта, боковая кожа, она уже потоньше, из нее кроят голенища. Вот таким образом кроится кожа.

Из кожи быка и нетеля большей частью делают подошву, эту кожу выделывают по-другому: на чистой хлебной закваске ('хлебе') выделывают кожу для подошвы. И закваска делается, что мы называем раствором, это как кислая каша. Она удаляет шерсть, кожа от нее разбухает, подошва получается. Разбухает кожа, а потом она сама по себе становится нормальной. Остается толстой, не становится тонкой. Подошва получается только из воловьей шкуры да еще из шкуры нетеля, из коровьей шкуры подошвы не получишь.

Лошадиную шкуру тоже выделывают, из нее получают и переда и подошва, только другого сорта подошва. Тут получается мячинная [сыромятная] подошва, а другую называют воловьей. А мячинная — из лошадиной шкуры и из шкур других животных. Только из бычьей шкуры получается кожа для подошв, да еще из шкуры нетеля. Их надо на чистом хлебе выделывать, для этого ничто другое не годится.

Овчину выделывали уже по-другому, иначе, если для шубы. А выделывали и для сапог овечью шкуру, на голенища, или на что-либо там помельче, хотя бы для рукавиц.

Кошачью или там заячью шкуру выделывали иначе, но об этом я не могу рассказать, не знаю.

Иванов Иван Николаевич, 62 года, дер. Лисья
Сельга (г e b b o i š e l g ü) Олонецкого района.
Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Мака-
рова и Г. И. Вяйзиевна, 1963 г. (Каб. зв., запись
№ 220/1).

70. oravis

minä ühten kerran l'ähtiin oravih. kaksi koirua ol'i minul.
šinne minä üövüin meččäh. meiniin pitkal'e matkal'e, järvirandah
üövüin. minul ol'i l'eibiä vaiku palaine keral, kakšisadua grammua.
prišloš minul üö muata šiä. minä ammuin oravua palua kümмене.
nu vot, palua kümмене ammuin, üövüin. minä luajiin tulen, minul
pidäw üö muata: pimies et mene ni kunne — kilometrii kaksitostu
koiš päi. minä magain üön. koiru minul ühtes čuras, toižes — toine,
muatah minuw vaste, onhäi ku izändiä vardoijah.

valguow huondeksel. minä l'ähten opät' oravih. kod'ih päi nü-
göi pidäw. l'eibiä on minul vähä, ga minul kod'ih päi pidäw mennä
nu minä vie ammuin palua kakši-kolme šie, kod'ih menses.

tul'iin kod'ih. oravua minul on jo nügöi palua kolmetostu.
a oraw ol'i sillois hüväs hinnas, kal'l'is ol'i. kolmehtostu palah
minä sain jo nügöi huavon šüömistü, l'eibiä. nu tul'iin minä kod'ih,
aet nül'iin, akku sanow: «ole täs! nügöi. meil'e l'eibiä roiheze.
mene tuo huomei vie».

tossu piän minä l'ähten vie. net pañiin kuivah, sie kuivetah
lais nahkat oravan. tossu piän minä en loitos mennüh, en üödünnüh.
viiži palua vie sain toižennu päivän. koirat minul oldih, oružu
minul ol'i oma. nu, hüvä šit. jo nügöi on minul kaheksatostu
oravua. «viegü, — sanow akku — iellehpäi meččuija gu, sanow, enämbi
oravua, šit kerras zdaičemmo, enämbän kerras voimmo ostua
l'eibiä müö». ka, pidäw kävvä. sillos ewlluh [l'eibiä].

l'ähten minä meččuičen. šit palua puolensadua oravua suitan,
kerras zdaičen. «ohoh! nügöi meil'e l'eibiä piäzöw talvekse süvvä».
nu, oravat minä zdaičiin hüväl hinnal, bez d'efekta. minul značit
ewle ni mittumua nečida lowkkua nahkoiš pahua, vaiku drovun
lowkot ollah. nu net priimitäh pervoih sortah kai. minul jengua
on jo nügöi, talvekse l'eibiä suan minä. tämä d'ielo hüvä! vot sil
vuvvel ol'i oravua äijü meijän mečis, karjalas.

l'eibiä ostiin, jengua puwtui, ga talven el'iin lapšien kere hot'
bj što! l'ühüös talvigi proid'ii. nu kezäl midä šit, kevätpuoleh?
kevätpuoleh jo ei pušnin mene. kevätpuoleh pidäw varustua ver-
kua. kalua püwdämäh ruveta.

70. За белками

Однажды я отправился за белками. Две собаки было у меня.
Заночевал я там в лесу. Зашел далеко, заночевал у озера. Хлеба
у меня было только кусок, грамм двести. Пришлось мне почевать

там. Я настрелял белок штук десять. Ну вот, штук десять я настрелял и заночевал. Я развел костер, мне надо переспать ночь: в темноте никуда не пойдешь, километров двенадцать от дому. Я переспал ночь. С одной стороны у меня собака, с другой стороны вторая, спят около меня, словно хозяина охраняют.

Рассветает утром. Я иду оять за белками. Теперь в сторону дома надо [идти]. Хлеба у меня мало, так мне к дому надо идти. Ну, идя домой, я еще настрелял штуки две-три.

Пришел я домой. Белок у меня уже штук тринадцать. А белка тогда была в хорошей цене, дорогая была. На тринадцать штук я уже мог получить мешок продуктов, хлеба. Ну, пришел я домой, снял с тех белок шкурки, жена говорит: «Вот хорошо! Теперь у нас хлеб будет. Иди, принеси еще и завтра белок».

На второй день я еще отираваюсь. Шкурки те я поставил сушиться. Там, у потолка, сохнут беличь шкурки. На второй день я не далеко ушел, не ночевал в лесу. Еще пять штук достал на второй день. Собаки у меня были, ружье я имел свое. Ну, хорошо. У меня уже восемнадцать белок. «Кабы, — говорит жена, — еще поохотиться, настрелять побольше белок. Потом сразу сдадим, сразу мы можем больше хлеба накупить». Надо ходить на охоту. Тогда хлеба не было.

Иду я, охочусь. Потом я накопил штук полсотни беличьих шкурок и сдаю враз. «Охо! Теперь у нас хлеба будет на всю зиму!» — говорит жена. Ну, белки эти я сдал по хорошей цене, без дефекта. На шкурках нет никаких плохих дырок, кроме как дырок от дроби. Ну, те шкурки принимают все по первому сорту. У меня уже деньги есть, на зиму я хлеб могу купить уже. Это дело хорошее! Вот. В том году много было белок в наших лесах, в Карелии.

Хлеба накупил, денег заработал, всю зиму с детьми прожил припеваючи! И зима быстро прошла. Ну, а летом что тут, когда весна наступит? Весной пушнина уже не идет. Весной надо готовить сети, начать рыбу ловить.

Иванов Иван Николаевич. Магнитофонная запись и расшифровка Г. Н. Макарова и Т. И. Вязинена, 1963 г. (Каб. зв., записи № 220/1).

71. kui enne vedoh kävüimmö

enne veduo veimmö müö, eiku nügöi rowno. enne oma hebo ol'i, hevole regeh pidi panna heiniä, pidi panna kagrua, pidi panna l'eibiä. ajamino nečine nirkah, kilometrii on kaksikümnen kois päi. nirkas, hierus, pidi vie ajua kilometrii kaksitostu meččäh,

süväh meččäh. ongo dorogu, vai ewlo sinne meččäh mennä hierus päi: konzugo on, konzu tuhun d'algeh ajat sinne ün meččäh. menet sinne, puwn tüvel'e.

smotrakka (enne nazivaittuhezen, smotrakat, nügöi nazivaičeh muast'efi) vedäw meččäh, l'eikkuaw sinule palan meččiä, značit, metfii kaksikümmen — nenga, kaksikümmen — nenga, nel'l'ičuppuzen (pawstan), viiboročnoi mečču, kl'eimittü ol'i.

sit pidäw ottua parret i ladvušku karzie. ei pidänüh, kudai sih puwhut d'iäw, ni pilkastu luad'ie, ümbäri puwlois pidi kui tahto ottua händü. eiga hüväh puwh luajit pilkan mölodnakkah, se sport'iezen, sravih, ei kazva enämbiä, hapannuakse l'ähtöw.

rubiet üöšijua luad'imah. kuhbo üöšijan luajit? omah pawstah pidäw luad'ie mökki. a mökit mittuat oldih? mökit oldih moizet: kaksi metfii üksiel'epäi, toine kaksi toiziel'epäi. luajit mökkižen, kaksiel'epäi katat, keskel tul'i palaw. kaksi venčua panet l'ibo kolme čurale — toizele da piäh. ukseh roihezen od'd'ualaine riputtetu: onhäi ku nügöi zanoviesku ikkunale. sie pidi üöl'öi muata. heinütukus ollah l'eivät, pihal. heinütukus ollah kai šüömižet, produktat. mökkih vaiku sinne otat mi pidäw kerrakse suvvä. keität sie. külmiä l'eibiä kirvehel l'eikkuat, tul'ipastoh panet sula-mah l'eivän. l'eibü se sulaw: kuzgo sulaw, kuzgo palaw. huondeksel vuotat d'o nügöi ku vaiku valguos vähäzel, l'ähtižit ajoh, ei sua muata, vilu on.

maimua keität kattilal, čugunkattilal, suwrel, laččupohjal. kartohkua buoloitat sinne, talkunjawhuo panet, suwppua keität, maimusuwppua. konzu gu on sie vie brossua jänüh, l'ibo suwrimuma kuaššua keittiä, ga hüvä on, a konzu gu ewlo, ga šiit i muga välttäw. huondeksel süöt, päiväkse otat l'eibiä palan, l'eikkuat da sit sie tulel mečas suluat da sidä süöt.

kaksi kerdua päiväs sai ajua. matku ol'i pitkü, kaksitostu kilometrii vedo ol'i, tukšuh veimmö. tukšun jogi nazivoič-čiihezen nirkana peräl.

brihačut ol'iimmo müö vie nuoret. tuatto ol'i jo nügöi vanhem-bua puoldu. huondeksel vedämäh l'ähtöw üksinäh vahnembi brihačču. müö tuatan kere kuammo sie puwdu. minä ol'iin vie pieñi. pieñi ol'iin, ga sit lumes kualua vähän sai. tuatto ol'i mužikku zdorowvoi. häi ottaw minun selgäh da toižen puwn tüvel'e kandaw. sie puwdu piluat čihaitat. käit külmüw. tuatto andaw kindahat. «l'ammitä, poigu, käit, — sanow, — minun kindahis, sinun käit külmettih pilan ručkah».

puwn suat pitkäl'l'eh, ladvuat sie, polletat parret. kaksi partu piäzöw pediäs. puolenpiän aigah hevot tullah mečas päi (kaksi hebua ol'i). tulow sie kahtel hevol (üksinäh vahnembi vel'l'i vedi päivükerdua). üökerrakse müö mollei brihačut l'ähtemmö, tuatto jäw kuorittamah. meil'e jäw puwdu kuattuw kuorittavakse. jo nügöi toižekse kerdua enne pidi parret kuorittua: valgei ku bumagu pidi olla parzi.

da, nédäl'ii kaksi sie kočuičēt pojieskan mečäs, puolen kuwdu. pühänpäivän. aijakse tulet kod'ih, olet gu tapettu, joga sijas ku-baittaw. kuñ_et külüh kävü. kül'üh kävüt. osvežittos vähäzel, pezet kai revut, roihezen buitoku kebjiembi.

pühänpiän ehtäl, jes'i tahtot uvvessah zaarabotkah mennä, pühänpiän ehtäl pidäw panna jo kois regi. pidäw heiniä tuvva sie, ku ei ollene kois heiniä tuoduw, pidäw pühänpiän ehtäl heiniä tuvva. l'ähtet jo nügöi huondeksel, čuassuw kolme ajamah järil'l'eh sinne nirkah. nirkah ajat, valgiele nirkah menet. pidäw vie meččäh ielleh kaksitostu kilometfii ajua, süväinmeččäh. süväin-meččäh sinne ajat, nu endižeh mökkih sih puwtut, omah mökkih.

kuñi on vie sit meččiä l'ähil, ruat, a pawstu lopeh, sit pidäw vie toižeh pawstah eistüö, sinne kilometrii možebut' piol'itostu, l'ibo kaksi piäl'iči toizis pawstois, ruattulois. sit allat sinne kävvä l'ibo mökin sinne luajit. ol'i jugei ruado se. toizen kaksi nédäl'ii olet da müöst'in tulet kod'ih.

suovattän ku udaičehezen priimittiä, priimität suovattän. eiku nügöi čotat oldu. čotat nügöi ollah pätnatsatogo da pervogo. a sie ol'i: konzu kudamal suovatal puwttuw sdaija, sit čottu annetah, kudamal suovatal ei sie kantoršiekat da biržovoit voiija priimie, sit jengua et poluč'i, kuñ_et voinne mat'erjualua zdaija avansua enne ei annettu meil'e.

muga ruat talven, sit kevätrospuwtal kod'ih tul'et, jo nügöi odva hengis olet vähäzel. ristikanzu možekse muakkavut i moižekse hevot mennäh. hevot väzütäh dai iče väzüt.

keviäl sinä jo mečän zdaičēt, jengua puwttuw. nemih jengoih ostat sie kezäkse midä pidäw: čuajuw, zuaharii, nižustu jawhuo ostat sie možbut' puwdan-puolentostu kezäkse. i ostat sobamat'er-jualua vähäzen sie, siiksua: paijat piäl'e äijäksepäiviä (enne pidi uwdiine olla paidu piäle). možbut' ajah jengua, ostat pind'žakkožen i kost'umažen mittuan tahto, vot sil'l'eh müö el'iimmö endižeh elaiğah.

a nügöi elaiğu on toižeh luaduh. nügöi kaheksa čuassuw roihezen, ajaw mašin pihah. mašinah mužikku nowzow, ajaw omah ruadošijah, zavod'iw ruata. ruadaw viideh čuassussah. viizi čuassuw roihezen, šabaššiw. mašin tulow ottamah, omah pihah tuow järil'l'eh.

nägöi mužikku on pruazniëkal endižeh niškoi. emmo müö puwt-tunuh täh sizonah, vai meil aigu proijii, nügöi ollah vaiku meijän poijat. anduakkah poijile i vunukoile ielleh mostu alaigua.

71. Как раньше мы на лесозаготовках работали

Раньше лес возили мы не то, что теперь. Раньше своя лошадь была. Для лошади в сани надо было положить сена, надо было овса, надо было хлеба положить в сани. Едем туда, в Нырки, километров двадцать от дому. Из Нырок, из деревни, надо было еще километров двенадцать в лес, в большой лес ехать. Есть ли дорога

в лес или нет. Иногда бывает, иногда нет. После пурги едешь туда, в лес, целую ночь. Попадаешь туда, устраиваешься под деревом.

Смотряк (раньше назывались смотряками, теперь называют мастера) поведет тебя в лес, ответит тебе участок, значит метров двадцать так, двадцать этак, квадратный, четырехугольный участок. Выборочный лес, клейменный был.

Тут надо брать бревна и верхушки обрубить. На деревце, которое тут останется, нельзя было ни зарубинки сделать, среди деревьев как угодно надо было брать бревна. А то если на хорошем дереве, молодняке, сделаешь царапину, то оно испортится, погибнет, не будет расти больше, в гниль пойдет.

Начнешь ночью себе готовить. Где же ты ночлег себе сделаешь? На своем участке надо сделать избушку. А какие избушки были? Ибушки были такие: два метра в одну сторону, два в другую. Делаешь избушку, покроешь на два ската крышу, посередине горит огонь. Два венца или три срубишь в одну сторону, вторые два в другую, два вперед. На дверях будет повешено одеяльце, словно как занавеска на окно повешена. Там надо было спать. Продукты находятся на улице, в куче сена. В куче сена вся еда, продукты. В избушку берешь только столько, сколько на один раз нужно. Варишь там. Мералый хлеб рубишь топором, поставишь на огонь, чтобы оттаял. Хлеб этот оттает, где оттает, где и пригорит. Утром ждешь, когда начнет светать, чтобы ехать в лес. Спать нельзя: холодно.

Сузику сварить в котле, чугунном котле, большом, с плоским дном. Картошку туда накрошишь для наваара, толокна насыплешь, суп сварить, суп из сузика. Если когда останется пшено, или крупа — сварить кашу. Тогда хорошо, а когда нет, и так обойдешься. Утром поешь, на день возьмешь большой кусок хлеба, нарежешь кусок хлеба, нарежешь на ломти да там на огне оттаиваешь и ешь его.

Два рейса можно было сделать за день на биржу. Расстояние было большое, вывозка производилась на расстоянии двенадцати километров. Мы возили в Тукшу. Река за Нырками называлась Тукша.

Мальчики мы были еще молодые. Отец уже был в летах. Утром на вывозку поедет один старший мальчик. Он с отцом валит деревья. Я был еще маленький. Маленький я был, и мне было очень трудно брести в снегу. Отец был мужчина здоровенный. Он берет меня на плечи да и перетащит к другому дереву. Там пилишь с трудом это дерево. Руки мерзнут. Отец даст рукавицы. «Согрей, сын, руки в моих рукавицах, — говорит, — твои руки замерзли, держа ручку пилы».

Свалишь дерево, отпилишь вершинку, обтопчешь снег вдоль бревен. Два бревна выходит из сосны. К полудню лошади подъезжают с биржи [нижний склад], две лошади было. Едешь оттуда на двух лошадях. Старший брат днем возил один на двух лошадях.

Вечером в поездку мы оба мальчика отправляемся, отец остается обкаривать бревна. У нас остается сваленный лес для окорки. Для следующего раза бревна надо было очистить от коры: бревно должно было быть белое, словно бумага.

Да недели две там пробудешь в лесу, поездка, значит, с полмесяца. На воскресенье приедешь домой, словно убитый, везде тело чешется, пока не сходишь в баню. В баню сходишь, немножко освежишься, всю грязь смоешь с себя, станет вроде немного полегче.

В воскресенье вечером если хочешь снова ехать на заработки, снова надо собрать воз. Надо там привезти сено; если нет дома заранее привезенного, надо в воскресенье вечером привезти сено.

В лес отправляешься уже утром, в часа три отправишься снова туда, в Нырки. Едешь в Нырки, приедешь туда, когда уже светло. Еще в лес дальше надо ехать, километров двенадцать, в глухой лес. Едешь туда, в глубь леса на прежнюю избушку попадаешь, в свою избушку.

Пока еще тут поблизости есть лес, рубишь, а участок кончится, тогда надо на другой участок перебраться, туда за километра полтора, может быть, или два, через другие участки, разработанные. Потом начинаешь ходить туда на работу или избушку там построишь. Тяжелая была эта работа! Вторые две недели побудешь там да снова домой приедешь.

Если удастся сдать работу в субботу, сдашь в субботу. Расчеты не как теперь производились. Теперь расчет бывает пятнадцатого и первого. А тогда были, когда в какую субботу удавалось сдать, тогда и расчет давали. Если в какую субботу конторщики да биржевики не смогли принять работу, то и денег не получишь, пока не сумеешь сдать материал. Раньше аванс не выдавался нам.

Так работаешь всю зиму, потом в весеннюю распутицу возвращаешься домой ты, еле-еле живой. Намучаешься. И лошади тоже намучаются. Лошади устанут, и сам устаешь.

Весной сдашь лес, денег у тебя будет. На эти деньги ты на лето купишь что нужно: чаю, сахару, пшеничной муки купишь, может быть, пуд, полтора на лето. И купишь ткани для одежды: немного ситцу, рубашку для себя на пасху (раньше нужно было, чтобы обновка была). Если накопится денег, купишь пиджачишко, костюмчик какой-либо. Вот так мы жили в прежнее время.

А теперь жизнь по-другому. Теперь будет восемь часов утра, подъедет машина на улицу. Мужик залезет в машину, едет до своего рабочего места, начинает работать. Работает до пяти часов. Будет пять часов — шабашит. Машина за ним приедет, на свою улицу привезет его обратно.

Теперь мужик [как] на празднике в сравнении с тем, что было раньше. Нам не удалось пожить этой жизнью, жаль, что наше время прошло. Теперь живут такой жизнью наши сыновья. Пусть будет и дальше такая жизнь нашим детям и внукам.

Петрова Анна Ивановна, 63 года, дер. Веху-
сельга (v e h k u s e l g ü) Коткозерского сельсо-
вета Олонцкого района. Магнитофонная запись
Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1961 г.; расшиф-
ровка Г. Н. Макарова и В. Д. Рягова, 1965 г.
(Каб. зв., запись № 142/6).

72. tuhkimus vedehizen smuitti

ol'i sie kowme vel'l'estü. nu, vel'l'ekset net erottih. kuduat
naižis oldih, ga ŋiil'õile rod'iiheze akat ga erottih. ühtel l'ähti
kaži eluo, toižel'e koiraine. a üksi ol'i prostoi mies, ga se jäi
kod'ih. sanow: «nügöi mil tahto pidaw jengua suamah ruveṭa. —
«milbo, sanow, suat?» — «vuata vai, ga muislin, suan!».

häi ottaw, menöw järvirandah, dai sie pl'öčküttäw, pl'öčküt-
täw — gai puwtui vedehistü piäh, — «oi, — sanow, — sinä, vel'l'i,
minun lapsii iškät, dai minuw puwtui, sanow. et hüvin ruadanuh,
viego toiči ruat?», — «vie, — sanow, — äijän kerdua ruan». — «ruat, —
sanow, — ga äijängo otat eluo, sanow, vai ä'l'ä rua?». — «ga otan, —
sanow, — kuda kuigi, sanow, en huogeheh rubie». kačos!

häi ku viän pohjas ehättäw jengual hobjastu jengua, odva
kandaw! toi kikitti sih. — «midäbo, — sanow, — nügöi, roiho
nämis?». — «roiho, — sanow, — nämis. pidaw l'ähtie iäres nügöi,
sanow. l'äkkä kannat iče kod'ih nügöi millo, en voi kandua».

astuw palazen, vel'l'i, ga — ül'e-en paha lawttu-rašku rannal
a vedehine se duwmaičči... (eihäi nähñüh). «mibo tämä on?» —
sanow. — «tämä on meijän buaban zirkalol!» (el'l'endätgo? sie law-
tat virutahhäi sie järven rannas).

palazen astui ga — ül'en paha astavo-rašku. «oi, mibo tämä» —
«a tämä — suga meijän buaban!» (vot on sugal) astuw vie erähän
palan, — ga ülen paha veneh-rašku. «mibo tämä?». — «kološsu bua-
ban! etgo vie ota, vel'l'i, olgupiäle?». astuw palazen, ga sie pala-
zen peräs mi ollow? «mibo ollow tuas järvirannas, palazen peräs?». —
«oi, — sanow, — on meijän buaban sel'l'än kupetettaw kočkul».
(a ol'i adru muau künnettäw). häi net kai olgupiäle vedehine otti.
pihalessah tuow. hänel'e hawguo roiheze menetie mi: hallot,
jengat, jo nügöis nai, kivižen koin luad'iw niih jengoih samazih.
(kačos, vien pohjas on jengual).

ga tänäpäigi el'äw: mučoin nai da lastu sai, da tuhku-iivan
se on bestrašimoi bohattul

toizet vel'l'et kewhäkse jädih. sit händü kai jäl'l'es kiškomah
tuld'ih. «kus otiit jengua, nenga bohattuit». a häi nevvonuh ei, vot
kui ol'i d'ielot. tämä suarnu loppih, tämä on l'ühüt.

72. Иван Тухкимус водяного обманул

Было там три брата. Братья эти разделились: женились, заве-
лись женами, вот и разделились. Одному досталась кошка [добра],
другому собачка. А третий ('один') был мужик простой, так остался

дома. [Он] говорит: «Теперь надо как-то начать деньги зарабатывать». — «А как, — говорит, — заработаешь?». — «Вот посмотришь, подумаю и достану!».

Он идет на берег озера и колотит, колотит там [по воде] и попал водяному по голове. «Ой, — говорит, — ты, братец, моих детей ударил и в меня попал. Нехорошо сделал. Еще ли в другой раз будешь так делать?». — «Еще, — говорит, — буду колотить [по воде]». «Коль собираешься колотить, — говорит, — а сколько бы ты взял отступного, чтобы не колотить?». «Возьму уж порядком, — отвечает, — за дешево не отступлю». Видишь как!

А он [водяной] как тапит со дна денег! Серебряных денег — еле несет! Насилу притащил [на берег]. «Что, — говорит, — хватит ли этих?». — «Хватит этого, — говорит. — Теперь надо [мне] идти домой. Пойдем, сам донесешь [деньги] ко мне домой, самому мне не донести».

Прошли немного [и видят], братец ты мой, на берегу очень плохой плот. А водяной раньше не видел плота. «А это что?» — спрашивает. «Это нашей бабушки зеркало». (Понимаешь? Плоты там на берегу озера лежат).

Прошли еще немного, [лежит] очень плохая борона. «Ой, а это что?». — «А это нашей бабушки гребешок». (Вот так гребешок!). Идут еще немного, валяется очень плохая лодка. «А это что?». — «Бабушкина калоша! Не возьмешь ли, браток, себе на спину?». Идут дальше, а там вдали что-то виднеется. «Что же там находится на берегу озера?». — «Ой, — говорит, — это скоба бабушки, которой спину чешут?». (А была соха для вспашки земли).

Все это он взял на плечо и донес до двора. У мужика дров будет, поди знай сколько, и дров, и денег. Видишь, каменный дом построили на эти деньги. (Смотри-ка, на дне озера сколько денег!).

Так он и сегодня живет, женился, и дети родились. Так Иванушка-тухкимус и разбогател.

Другие братья бедными остались. После разузнавать, даже грабить приходили. «Откуда взял денег, раз так разбогател?». А он не сказал им. Вот так были дела. Эта сказка кончилась, она короткая.

Богданова Мария Леонтьевна, 70 лет, с. Большие Горы, дер. Верхний конец (suwri mägi, ülägi). Записала С. В. Светлова, 1956 г. (АКФ, ф. 1; оп. 243, ед. хр. 287).

73. bešodoi piettih kül'ül'öis

enne bešodoi piettih kül'ül'öis, prāzniekkoin vai rihis. kenen kül'ü lämmitettih, sih i mendih. istuttih lawdazil, kül'un päčil, dai kül'üs i kižattih. kižattih kadriel^m kahtel päral.

a toiči ni kül'üh ei laskiettu. vai menemö, dai iżändü tulõ äres ajamah kirovon ker: «tuletto neččih päččilõi murendelemah, matkakkā ärehl».

sit müö menemö toizeh kül'üh. lampuloi eihäi olluh, päre paloi, üksi palā, toizengi panemo. tütöt sätettih pärettü, brihat ei tuodu. vot ei'imö, a nügöi klübas vai tulet räšköttäl

73. Вечеринки мы проводили в банях

Раньше вечеринки проводили в банях, лишь в праздники в ригагах. Чью баню истопят, в ту и идут. Сидели на полках, на печке бани, тут, в бане, и плясали. На две пары кадрийль плясали.

А иногда и в баню не пускали. Успеем лишь зайти, как хозяин идет с бранью выгонять: «Убирайтесь вон, лишь печи ломать ходите!».

Тогда мы идем в другую баню. Ламп же [в то время] не было, лучина горела, одна сторит — другую зажигаем. Девушки приносили лучину, парни не носили. Вот жили. А теперь в клубе лишь лампочки ('огни') сверкают!

Богданова Мария Леонтьевна. Записала
С. В. Светлова, 1956 г. (АКФ, ф. 1, оп. 243, ед.
хр. 287).

74. bobul'i-briha sanõ sãnã

ol'i sie enne sãri. sãri sanoi: «ken voinõ üzi uvvel sãrã sanuo kolmet sũtkat, sil minã tũttãren miehel annan». sit ečitãh, ečitãh sãran sanojã, ni kus ei lõwtã.

bobul'i-briha ol'i üksi, se kengãn ombel'i ol'i, häi sanõ: «minã sanon». sãri tũõndã polkan saldattã kũndelemah, briha menõ sanelemah.

häi sanelõ: «konzu minun tãtto ol'i bohattu, kolmẽ virstã ol'i kod'i piduhuttu, a virstã levevũttũ; kezãkse krãssi koin mustal krãskal, a talvekse valgiel. sit ol'i hãkki, seiččẽ virstã ol'i sarvet piduhuttu, paimoi istui sarvel, toine toizel; torvittih, ga toine toizen ei kũlluh torviendã. sit, — sanõ, — on minul orazen pãs ildaine, minul pidã læhtie ildastu sãmah». læhtõ, päivãn ombelõ da pajattã.

polku menõ sãrillõ; sãri kũzũ: «midãbo bobul'i sanel'i?». midã se bobul'i-briha sanoi, sidãi net saldatat sanottih sãril.

toine päivũ tul'i, tožo sãri tũõndã saldatat sãrã kũndelemah, a bobul'i-briha tulõ sanomah. «kũnelkã nügõi, sanon sãrã, — häi sanõ — konzu minun tãtto ol'i bohattu, kolmẽ virstã oli kod'i piduhuttu, a virstã levevũttũ; kezãkse krãssi koin mustal krãskal,

a talvekse valgiel. sit ol'i häkki — seiččē virstā ol'i sarvet piduhuttu, paimoi istui sarvel, toine toizel; torvittih, ga toine toizen ei külluh torviendā. sit, — sanō, — on minul orazen pās ildaine, minul pidā lähtie ildastu sāmah». menō, päivān ombelō da pajattā.

da, tämän sāran sanottū häi ainos küzū: «kül'ittogo tämän, vojennoit, dai tiezittō?». tämän häi küzū enzi dai tossu pān, a vojennoit sanottih: «tääd sārā emmogo külluh, emmogo teidānūh».

uvvessah vojennoit mendih sārillō. sāri uvvessah küzū: «midā briha sanoi?». vojennoit sanottih: «ga sidā samastu» häi sanoi da uvvessah küzū: «kül'ittogo tämän, vojennoit, dai tiezittō?».

sāri kolmandennu päivännū heidū ainos nevvō sanomah: «kül'imo dai tiezimō, dai nāimō».

sit kolmas päivü mennāh täste. sit täste se briha muga sanoi: «konzu minun tätto ol'i bohattu, kolmē virstā ol'i kod'i piduhuttu, a virstu lehevüttü; kezäkse krāšši koin mustal krāskal, a talvekse valgiel. sit ol'i häkki: seiččē virstā ol'i sarvet piduhuttu; paimoi istui sarvel, toine toizel; torvittih, ga toine toizen ei külluh torviendā. tiezittōgo, — sanoi, — vojennoit, dai kül'itto?».

a vojennoit vastatah: «tiezimō d'ō dai kül'imo, dai nāimō». «a konzu ol'i minun tätto bohattu, sit andoi sārī kolme pučči d'engā; kül'ittogo, saldatat, dai tiezittō?». — kül'imo, dai tiezimō dai nāimō! — «nu, gu on muga d'ielot, läkkättōs otamo vellat āre».

sit sārillō mendih sinne. sit täste tämä briha küloitti: «konzu minun tätto ol'i bohattu, sit sārī andoi kolme pučči d'engā. külittogo, vojennoit, tämän dai tiezittō?». vojennoit vastatah, kui sārī kāsiki: «kül'imo müō tämän dai tiezimō».

muga briha sai sārīs kaksi pučči d'engā da vie kolmas d'āi veläkse. nai bobul'i-briha da rubei mučoin ker elāmāh.

74. Парень-бобыль сказки рассказывает

Жил раньше царь. Он говорит: «Кто может трое суток сказки рассказывать, не повторяясь, за того отдам дочь замуж». Ищут, ищут рассказчика сказок — нигде на находят.

Был там один парень-бобыль, сапожник, он [и] говорит: «Я расскажу». Царь отправляет полк солдат слушать, а парень идет рассказывать.

Он рассказывает: «Когда мой отец был богатый, имел дом три версты в длину, версту в ширину, на лето красил дом черными красками, а на зиму белыми. Имел быка, семь верст были рога длиной, пастух сидел на роге, второй на другом, трубили, так игра не была слышна друг другу. У меня, говорит, на кончике шила ужин, надо мне идти ужин зарабатывать». Уходит, целый день шьет и поет.

Полк идет к царю, а он спрашивает: «Что бобыль рассказывал?».

Что бобыль-парень им рассказал, то они царю и пересказали.

Приходит второй день, царь опять отправляет солдат сказки слушать, а парень-бобыль приходит рассказывать. Он говорит: «Теперь слушайте, расскажу сказку. Когда мой отец был богатый, имел дом три версты в длину, версту в ширину; на лето красил дом черными красками, а на зиму белыми. Имел быка, семь верст были рога длиной, пастух сидел на роге, второй на другом, трубили, так игра не была слышна друг другу. У меня, говорит [рассказчик], ужин на кончике шила, мне надо идти ужин зарабатывать». Идет, день шьет и песни поет.

Рассказывая эту сказку, он все время спрашивает: «Слышали эту [сказку], служивые, и знаете ли?». Так он спрашивает в первый и второй день, а солдаты отвечают: «Одно и то же». Он говорил и снова спросил: «Слышали ли эту [сказку], служивые, и знали ли?».

На третий день царь учит их как отвечать: «Слышали, знаем и видели».

И на третий день снова идут. Парень снова так же сказал: «Когда мой отец был богатый, имел дом три версты в длину, версту в ширину, на лето красил дом черными красками, а на зиму белыми. Имел быка, семь верст были рога длиной, пастух сидел на роге, второй на другом, трубили, так игра не была слышна друг другу. Знали ли, служивые, да слышали ли?».

А солдаты отвечают: «Знали, слышали и видели». — «А когда был мой отец богатый, тогда он дал царю три бочки денег, слышали ли, служивые, да знали ли?» — «Слышали, знали и видели!».

— «Ну раз так дела, пойдете-ка заберем деньги [у царя]».

Пришли они к царю, парень и говорит: «Когда мой отец был богат, тогда он дал царю три бочки денег. Слышали ли, служивые, про это и знали ли?». А солдаты отвечают как их царь учил: «Слышали мы про это и знали».

Так парень достал от царя две бочки денег, а третья осталась в долг. Женился парень-бобыль и стал жить с женой.

Фофанова Мария Тимофеевна, 49 лет, село Большие Горы, дер. Нижний конец (suwri m ä g i, a l ä g i) Олонецкого района. Записала С. В. Светлова, 1956 г. (АКФ, ф. 1, оп. 243, ед. хр. 287).

75. minun eländäh näh

minä meñin aññul ah. müö el'imö puolen kolmattu vuottu minun mendü. elaiгу ol'i hüvä. ol'i kaksi hebö, ol'i viži lehmä (vijenden minä vein), seičče hengē lammastu, vie oli počči, nel'vi vazä. sit d'älles sidä aigä meñimö kommünah. kolme vuottu, onnäko, el'imö kommünas.

pereid'imö kolhōzah. siä annettih meile lähtemü tñeh. minun izändü gu ülen hüvin rādoi, sit d'al'l'es sidä lähtemä annettih meile lehmü, a lähtemü annettih izändän vel'l'el — pešal. müö d'o perehtüimmö, lastu d'o kerdüi vägi tukku, lastu seičče. üksi kuoli voinan zavod'indä vaste.

meile pidi lähtiä evakuaciah. lehmü vai puwtui keral i počči dai net mennis pidi hävittä. lomat kai sih d'äd'ih. ol'imo, evakuacias vologodskois oblast'is.

otettih izändü armiah, minä d'ain üksinä kuvven lapsen ker, nuorembi d'ai kuzikühine, vanhin — kummene vuodine. iče minä rävoin kolhōzas koñuhannu.

omä emmo tiedänüh ni kedä. a sit saimo tijjustä müö rod'it'e-l'at d'o martal, a aprēl'al d'o ajoimmo sinne, maijal pātuimo d'o tiloil-leh, sih samazeh vologodskoih oblast'ih.

siä tožost'i rävoin kolhōzas: kezät ogrodas ovošši kazvatin, a talvet kladovois sort'irofkal. muga minä lapsi sod'eržin.

siä ol'imo puol'i nel'ättü vuottu. sit rōd'ina väl'l'endettih. tul'imo evakuacias kod'ih. minul ol'i izändü armias, ga awtoi minuw, d'oga küdu tūonzi d'engä vīzinsavoin rubl'in. vie kod'ih tuldü tūonzi.

kolhōzas minä en voinuh leibi lähtijes poluččia, minä net kod'ih tuldü i polučin. siä tul'i minul sada kaksikūmen kilō ruistu. gosudarstvas päi minä net omas kolhōzas polučin, da vie kolmesadä kilō kartohkā.

kod'ih tuldü ših samazeh kolhōzah vstupimos. enzimäzen talven kačoin l'ähtemī kevæssäh. kevæel mütuin poččiloī kaččomah.

sorok pätoil vuvvel pervovo aprēl'ä izändü kuol'i. enämbä ei roinnuh hänes abu, vai penziän polučin lapsil sada vīzikūmen rubl'ä. sit vie kanoi kačoin puolentostu vuottu. minul vie počin poigu premiruittih, da vie kukki da kana. poččiloil minä lähtih äreh, voimatuin.

sil talvel en minä äijä rādanuh. fevral'is kačoin lambahī. tuodih ülen huonot, üksikai pästih net. lambahat zdaičin, tossu pän dojarkakse puwtuin. dojarkannu rävoin mennüt kevæn maijas tāmän vuvven fevral'issah.

75. Про мою жизнь

Я вышла замуж в Аннулицы. После моего замужества мы жили [там] два с половиной года. Жизнь была хорошая. Было две лошади, пять коров (пятую я привела), семь голов овец, свинья еще была, четыре теленка. После ('после этого времени') этого мы вступили в коммуну. Вроде три года жили в коммуне.

[Потом] перешли в колхоз. Там нам дали стельную нетель. Так как мой хозяин был хороший работник, после этого нетеля нам дали еще корову, а нетель отдали брату мужа, Петру. Мы уже завелись семьей, детей набралось уже порядочно — семь ребят. Один умер перед началом этой войны.

Нам надо было эвакуироваться. С собой удалось взять лишь корову и свинью, да и тех пришлось в дороге лишиться. Все пожитки тут остались. В эвакуации были в Вологодской области.

Мужа призвали в армию. Я осталась одна с шестью ребятами, младший остался шестимесячный, старший — десятилетний. Я сама работала в колхозе конюхом.

О своих ничего не знали. А потом, в марте, узнали про своих родителей, а в апреле уже поехали туда, в мае добрались до места, в ту же самую Вологодскую область.

Там также работала в колхозе: летом в огороде выращивали овощи, а зимой в складах на сортировке. Так я содержала детей.

Там мы были три с половиной года. Потом освободили родину, из эвакуации вернулись домой. Муж у меня был в армии, все же помогал мне, каждый месяц посылал мне денег пятьсот рублей. Когда я вернулась домой, он еще посылал.

Уезжая, я не могла из колхоза получить хлеб [на трудодни], а получила их, возвратившись домой. Там мне причиталось сто двадцать килограммов ржи. С государства я их получила в своем колхозе да еще триста килограммов картофеля.

Вернувшись домой, я поступила в тот же самый колхоз. В первую зиму я смотрела за нетелями до весны. Весной перешла в свиарки.

Первого марта сорок пятого года умер муж. От него больше помощи не было, лишь детям пенсию получила сто пятьдесят рублей. Еще полтора года смотрела за курами. Мне еще в премию дали поросенка, курочку и петушка. Из свиарок я ушла: заболела.

В ту же зиму я немного работала. С февраля месяца ухаживала за овцами. Привезли очень запущенных, но все равно поправились они. Овец сдала, а на следующий день попала в доярки. Дояркой работала с мая прошлого года по февраль этого года.

Михкиев Алексей Михайлович, дер. Большие Горы, Олонецкого района. Авторская запись, 1937 г. (АКФ, ф. 1, оп. 38, ед. хр. 79, л. 179—181).

76. kui mužikku kävüi suolah

lähti mužikku suolah. ajā, tulõ kukki vastah. — «ota, d'äd'öi, regehl». — «en ota, d'ugei rodiä». — äijügo minus viettävä: sorkan sronñistan, toizen bronñistan — dai kebd'ei roimmos». — «tule!».

ajā, tulõ d'änöi vastah. — «ota, d'äd'öi, regehl». — «en ota, d'ügei oled». — «no, äijügo minus painõ: sorkan sronñistan, toizen bronñistan — dai kebd'ei roimmos». — «no tule!».

mugaže tullah i kaži, koiru, reboi, hukku dai kondī. d'o tul'i tawzi regi. ajā, ga zaverku i katkiā. — «ken nuorin, se tuogah vičan zaverkaksel!».

lähtō kukki — tuobi nuokas kuivan oksan, ga zaverkā ei ni rod'ia.

lähtō d'anōi, tuobi hāvan oksan. lähtō reboi, tuobi nuoren lep-pähāzen. lähtō hukku, tuobi kuivan seibähāzen. kondī tuobi kogog-nazen kūzen. tuodih, a zaverkā ni miz ei rod'ia.

lähtō mužikku iče, kuñi kāvbi, siñi kondī, hukku da reboi hānen hebo i süōdih.

76. Как мужик ездил за солью

Поехал мужик за солью. Едет, навстречу ему петух: «Подвези, дяденька!». — «Не возьму, тяжело будет». — «Да много ли во мне грузу: ногу согну, вторую под себя прижму, и легкий я буду». — «Садись!».

Едет, заяц навстречу. «Посади, дяденька!». — «Не возьму, ты тяжелый». — «Но много ли во мне весу: ножку согну, вторую под себя прижму, и легким я стану». — «Но садись!».

Так же попросились и кошка, собака, лиса, волк и медведь. Уже полный воз собралось их. Едет, завертка и порвется. «Кто самый молодой, пусть тот и принесет прут для завертки!».

Отправляется петух, приносит в клюве сухой прут, завертки и не получается.

Отправляется заяц, приносит осиновый сук. Отправляется лиса, приносит молоденькую ольху. Отправляется волк, приносит сухой небольшой кол. Медведь притащил целую ель. Принесли, а завертки ни с которого дерева не получается.

Отправляется мужик сам. Пока он ходит, тем временем медведь, волк и лиса съели его лошадь.

Информатор не указан; с. Большие горы (s ū g i m ä g i) Олонеккого района. Записала С. В. Светлова, 1956 г. (АКФ, ф. 1, оп. 243, ед. хр. 287).

77. hieruloin i peldoloin nimet

I. hierut ollah: 1. sūri māgi, 2. alāgi, 3. ülāgi, 4. aāñul, 5. kuñisto, 6. sirtil, 7. čoppil;

II. pellot ollah: 1. ričoi, 2. hukanhawdu, 3. kiwru, 4. kangas, 5. korvennenä, 6. nokkal, 7. mal'umägi, 8. lamminrandu, 9. hovvonpeldo, 10. kanzanaidu,

11. kiškil, 12. selgütte, 13. časownaidu, 14. čumu, 15. pičoimägi, 16. toigila, 17. inñunalus, 18. vongan-
tie, 19. uzikondu, 20. sindari, 21. keñava, 22. mäim-
mägi, 23. suopeldo, 24. kezürd'ü, 25. l'evedorogu,
26. savihawdu, 27. küzikko, 28. d'ogimägi; 29. kabaka-
naidu;

III. nitut ollah: 1. nowzema, 2. ül'l'ül, 3. d'ovensü, 4. ül'i-
d'ogi, 5. kiviñitut, 6. keskoimñitüt. 7. parzimusaja,
8. perroin nitut, 9. d'ogut, 10. kiedoja, 11. sirgoi,
12. majoja, 13. hewhoi, 14. homanpergo, 15. korven-
nitüt;

IV. ojat ollah: 1. majoja, 2. rawdoja, 3. kaloja, 4. kor-
geioja, 5. ruisoja, 6. čowkunoja, 7. paloja, 8. d'ešinoja.

77. Названия деревень и полей

I. Деревни такие: 1. Большие горы, 2. Нижний Конец, 3. Верхний Конец, 4. Анкюль, 5. Кювлисто, 6. Сиртил, 7. Чопшил;

II. Поля такие: 1. Рийчой, 2. Хуканхавду ('волчья яма'), 3. Кивру ('жаворонок'), 4. Кангас ('бор'), 5. Корвеннэня ('конец чащи'), 6. Нёккал, 7. Маллюмяги ('мисочная гора'), 8. Ламминранду ('берег ламбы'), 9. Ховвонпелдо ('фофаново поле'), 10. Канзанайду ('общинная изгородь'), 11. Кишкил ('ершово'), 12. Сельгютиэ ('дорога по хребту'), 13. Часовнуайду ('изгородь около часовни'), 14. Чуму, 15. Пийчоймяги, 16. Тойгила, 17. Иннюналу, 18. Вонгантиэ ('дорога на омут'), 19. Уззиконду ('новое поле'), 20. Синдари, 21. Кенява, 22. Мяйнмяги ('гора у горы'), 23. Суопелдо ('болотное поле'), 24. Кезюрдю, 25. Левейдорогу ('широкая дорога'), 26. Савихавду ('глиняная яма'), 27. Кувзикко ('ельник'), 28. Дёгимяги ('речная гора'); 29. Кабаканайду ('изгородь у кабака').

III. Луга такие: 1. Новзема, 2. Юллюл, 3. Дёвенсуа ('устье реки'), 4. Юлидэги ('верхняя река'), 5. Кивинийтут ('каменистые луга'), 6. Кескойнитут ('средние луга'), 7. Парзимусоя, 8. Перройнийтут, 9. Дёгут ('речка'), 10. Киздоа, 11. Сиргой, 12. Майоя ('бобровый ручей'), 13. Хевхой, 14. Хоманперго ('фомина чащоба'), 15. Корвеннийтут ('луга у лесной чащи');

IV. Ручьи такие: 1. Майоя ('бобровый ручей'), 2. Равдоя ('железный ручей'), 3. Калоя ('рыбный ручей'), 4. Коргейоя ('высокий ручей'), 5. Руйсоя ('ржаной ручей'), 6. Човкуноя, 7. Палоя ('ручей пожоги'), 8. Дешиноя ('егоров ручей').

Записано от разных лиц в дер. Колатсельга
(k o l a t s e l g ü) Пряжинского района Карель-
ской АССР. Записал В. Д. Рягоев, 1964 г. (АРФ,
ф. 1, оп. 2-ф, колл. 157).

78. sananparret

1. agjat vastakkah ei tävvü.
2. aijan mugah i päiväne pastā.
3. aijan verēn salbāt, miēron sūdu et salbā.
4. andajal kāzi vāzū, ottajal ei vāzū.
5. armahallō mēnes vīzi virstā ewlo vērē.
6. čoma on ainos čoma. vīzas ewle ainos vīzas.
7. ei külvō kül'l'ās pie, ku ei kazvo kawńistanne.
8. ei ole küläl kuzūmistū midā kois keitetāh.
9. ei pahas hüvē rod'ei.
10. eigo kangastu katkiemat-tamā, eigo lastu itkemāt-tōmē.
11. eigo mečas pūt tühtenjüttūt, eigo rišt'ikanzat ühtenjüttūt.
12. elettu valgei, elämätöi mustu.
13. elostu rištikansu sit kittē, konsu roih kablukat lawčal, nenā pal'čal.
14. elājes rod'ie kādeh l'ibo jal-gah rattu.
15. elāmine ewle kāgiemine.
16. etgo päivästä kail tabā, etgo ozā kail ota.
17. hīrel hammastu ei kivistä.
18. hukkā pagiet, kondī vastah.
19. hüvä mieleh juohtu, paha ni mieleš lähte ei.
20. hüvä on elē sit, ku lapset on lāvulleh, živatat sīvolleh.
21. igā elā, igā mustele.
22. itku markinois ni midā ei awta.
23. kättu vezi stawččah ei tule.
24. kaksi valdā vazal: elännō — lēvü lämmembi, töllōnnō — lēvü vāl'l'embi.
25. kanzan kāsš_on sagiembi.
26. kažil kiža, hīrel surmu.
27. kattil padā, pada kattilā — mollembil bokat mustat.
28. keitit kāšan, ga voīdu älā žēl'eiče.
29. kel lehmü — sil čupoi, kel ukko — sil plokku.
30. ken midā eččī, se sidā i sā.
31. ken mullostu mustellō, silmü pēs pakkukkah.
32. kenen hebo veis, sen kāzi sūvimās.
33. kewhü on jänöi mečas, sil ongi hābā kül'l'al.
34. kielen čest'i on uksessah.
35. kīsel'i sündü vaččah, pappi kirikkōh.
36. kirveheh hot' ei kītetānne, no luzikkah ei moit'ita.
37. kod'ikopeikku on kallehembi külärubl'ā.
38. koiru pidē sūöttē enne meč-čāh penendē.
39. koin kōwhtüttājes pidē līgu kerdu māta.
40. kudai rādo voibi rādā tänä-pāi, älā jātā huomeneh.
41. kudamah kaivoh sūllet, sit kaivos vettü juot, da sanot, što magei on.
42. kui jumal kaskō, mugai elā.
43. kui soitetah, mugai pl'ašit.
44. kullan kulakkazet, ku äijän-päivän pīrāzet.
45. kunne hebo, sinne regi.

46. kuomu sanoi kaimal, kaimu
kaikel mierol.
47. kurikkanegi paččahan pēh
kuivā.
48. kus hebo piehtaroičeh, sih
karvu katkenō.
49. kus kibeī, sie kāzi, kus abei,
sie silmū.
50. kūzeh jablokkā ei kazva:
ken sā, se roih.
51. kūnāzpe ol'is lähil, ga et
pure.
52. lāske počči pertih, hāi
i pahnan lād'i.
53. leikattu leibū ei ühteh tartu.
54. leskinaine, ku aijatōi hal-
meh: joga tūl'i koskū.
55. māmō lapsel nāññin sūh an-
nat, a miel'dū et anna.
56. magājan kisan sūh hīri ei
juokse.
57. merdū et kirvehel tāwtā.
58. merimies maksā kaksi mā-
miestū.
59. mi on selvāl mieles, se on
humalñiekkal kieleš.
60. mi on vierahas hüvüttū, se
on omas pahuttu.
61. miel'i hüvā, kaksi parembi.
62. mieras ku meres.
63. mi kñntū kuobijā, se nuokkā
nuokkijā.
64. mieras nñttine — pakiččijal
paidane.
65. migāl'i katettu, sigāl'i jalgoi
oijendat.
66. min kñnāl kirjutat, sidā kñn-
nel et kuovita.
67. mittune heinū, moine i sūōjū.
68. mittune lukošku, moine
i krīšku.
69. mittuon hirven hñhtit, moi-
zel i tal'l'al magāt.
70. mittuot hurmat (format),
moizet i bul'kat.
71. mučoi taloih, ku sieñi puč-
čih: eigo ole hüvāl gošt'al
- tofielkal panna huigei, eigo
ole pahal gošt'al rieht'ilāl
edeh panna huigei.
72. mustele, hebo, helehtū kezē.
73. naimah potakoiče, kenen pēl
vihas olet.
74. nagrajan sūh on parembi
kačču.
75. nuori aigaine on ku kaste
heinān pēs.
76. nālgū ewle t'ād'i.
77. nālgū reboin ridah vedē.
78. nāgū lindu lennāndē müō,
ristikanzu tabā müōte.
79. oigei otvietas, vērū külles
kaččow.
80. oinahan očču on ainos veres.
81. olgah vai nieglu nenē, külās
laijah puras perē.
82. olis kādūōt kuldazet sāmah,
da sū on šittane sūōmāh.
83. omas kōis koiru ongi sūri.
84. ostas koiru l'ihā, ga vāhān
rādā.
85. ozā kail et ota.
86. ottajes on neidine omenan-
marju, pidājes roih pahembi
pakaččinmarjā.
87. pel'iči nāvas et hüppē.
88. piendū hebō muil kitā, a iče
istoi sūrel regeh.
89. pieni mužikku on kai ta-
vannu, a pieni pū oksannu.
90. puhu hileh, kuni on hilavu.
91. pure sormē, libo tostu —
ühtū kibeī on.
92. pustettu turki on lämmembi,
l'üōdū akku armahembi.
93. pāčči da vačču ei vellakse
vuoteta.
94. rādajan kādeh rattu, rāda-
mattomah kaksi.
95. roih māl elāi, roih i einēh.
96. sanasāres et ole jēnnūh,
a nēroniemeh et ole pūttun.
97. sanottu ku veičel leikattu.

98. süren meren kierät, pahä miest et kierä.
 99. süri on surmu silmäl nähten.
 100. süö nagris sügüzüs, miehele mene nuorennu.
 101. taiginpäivü on emändäl ku lawdipäivü.
 102. teräs vai pēstä, hamaras iralleh olemmo.
 103. toizel miel_d et anna, ku ičel ei täwvü.
 104. toizes talois toizin i vezi kannetah.
 105. tugi heinē ei süö.
 106. tuhmä rištikanzā eigo künnetä, eigo külvetä — iče kazvä.
 107. tuhmus on pahembi varrastandä.
 108. tuhmus rištikanzā ei tapa, pīnavol pidē.
 109. tuhupäivü on nuorien miehien nuottupäivü.
 110. tulemata vois olla, ga lähtemättä ei sä.
 111. tülel aidā ei laita.
 112. tühjän keitändäz tühjü i palku.
113. vahnaten libo nuoreten pide lü purta.
 114. vanhu leibü-suolu ei süötä.
 115. valmis — ei kawñis.
 116. vara veneht_ei kä.
 117. vierahen kel sä, oman kel süö.
 118. vierahas vallas, ku kala merras.
 119. vieras käzi on vilu žizälis.
 120. vihmas vedeh et htppē.
 121. vilu-vieras, külmü-kuol'i.
 122. vuozu naiduw nagretah, kaksi kuoliedu kaimatah.
 123. vuvven aloh äijü vettü valü.
 124. vähä valehtus on puhien kawñistus.
 125. vähät varat vävülöis, tühjät varat tüttäris.
 126. ühtes püs laijah obrazulawdä dai heščehangō.
 127. älä aja hebō kunutal, aja kagrukapol.
 128. älä eči salgō salos, ku salgo on säbran tüves.
 129. älä omal aršinal meräile.

78. Пословицы и поговорки

1. Концы с концами не сходятся.
2. И красно солнышко на всех не угождает. ('По времени и солнышко светит').
3. Чужой рот — не огород: не приставишь ворот. ('Ворота изгороди закроешь, лишь рта людского не закроешь').
4. У дающего рука устаёт, у берущего нет.
5. К милому семь ('пять') верст — не околица.
6. Красивый — всегда красив, хитрый — не всегда хитер.
7. Верь всходам, как зерно в закроешь засыплешь. ('От посева сыт не будешь, если рост всходов не украсит').
8. Кому какое дело, что у меня болело. ('Нечего деревне спрашивать, что дома варят').
9. Из худого хорошего не сделаешь.
10. Нет холста нервущегося, ребенка неплачущего.
11. В лесу лес не равен, в миру — люди.

12. Прожитое — светлое, непрожитое — темное.
13. Хвали день к вечеру, а жизнь — при смерти. ('Человек хвалит жизнь тогда, когда каблуки будут на лавке, нос на полке').
14. В жизни наживешь мозолей на руки или на ноги.
15. Жизнь прожить — не поле перейти. ('Жизнь — не обещание').
16. Счастье не палка: в руки не возьмешь. ('Солнца рукой не достать, счастья рукой не взять').
17. У мыши зубы не болят.
18. Из огня да в полымя. ('От волка убегаешь — медведь навстречу').
19. Добро вспомнется, а лихо не забудется.
20. На что и клад, коли дети идут в лад. ('Хорошо жить тогда, когда дети идут в лад, и скотина в порядке').
21. Век живи, век помни.
22. Москва слезам не верит. ('Слезы на ярмарке не помогут').
23. Пролитую воду всю не соберешь. ('Пролитая вода в миску не вернется').
24. Вольному воля. ('Два выбора теленку: будет жить — хлев теплее, околет — хлев просторнее').
25. Артельная каша лучше. ('Мирская каша всегда гуще').
26. Кошке игрушки, а мышке слезки ('смерть').
27. Горшок над котлом смеется, а оба черные.
28. Заварил кашу, так не жалей масла.
29. У кого корова — у того и блин, у кого муж — у той и тумак.
30. Кто ищет, тот всегда найдет. ('Кто что ищет, то и найдет').
31. Кто старое помянет, тому глаз вон.
32. Своя рука владыка: чего хочет, то и волочит. ('Чья лошадь поглубже в воде, того и рука в глубине').
33. Беден заяц в лесу, но и у того осины вдоволь.
34. Языка честь до порога.
35. Найдется место киселю в желудке, а попу в церкви.
36. К топору хотя не хвалят, но к ложке не хулят.
37. Свой сухарь лучше чужого пирога. ('Домашняя копейка дороже в деревне в долг взятого рубля').
38. На охоту ехать — собак кормить. ('Собаку надо кормить до охоты').
39. Долго спать — долг наспать. ('Чтобы дом обеднел, надо лишний раз поспать').
40. Сегодняшней работы на завтра не откладывай.
41. Не плюй в колодец: пригодится воды напиться. ('В который колодец плюнешь, с того попьешь да скажешь, что вкусно').
42. Живи, как бог велит.
43. Как аукнется, так и откликнется. ('Как играют, так и пляшешь').
44. Милого кулачки, что пасхальные пирожки.
45. Куда игла, туда и нитка. ('Куда лошадь, туда и сани').

46. Что знает кум, знает и кумова жена, а по ней — вся деревня.
47. И колотушка на столбе засыхает.
48. Конь, где повалется, везде клок шерсти оставит.
49. Где мило, там глаза, где больно, там рука. ('Где больно, там рука, где досадно, там глаза').
50. Яблоко на сосне не бывает. ('На ели яблоки не растут: кто рождает, тот и родится').
51. Близок локоть, да не укусишь.
52. Посади свинью за стол, она и ноги на стол. ('Пусти свинью в избу, тут она и место приготовит').
53. Отрезанный ломоть не приставишь.
54. Вдова, что поляна без изгороди: любой ветер коснется.
55. Мать ребенку грудь в рот положит, а ума не вложит.
56. Под лежачий камень и вода не течет. ('Спящему коту и мышь в рот не забежит').
57. Море топорами не наполнишь.
58. Моряк стоит двух сухопутных.
59. Пьяный, что малый: что на уме, то и на языке. ('Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке').
60. Сколько от чужого добра, столько же от своего зла.
61. Ум хорош, а два лучше.
62. В мире, что в море.
63. Сколько ногтей скребущих, столько же клювов клюющих.
64. С миру по нитке — голому рубаха.
65. По одеялу ножки растягиваешь.
66. Что написано пером, того не вырубишь топором.
67. Каково дерево, таков и плод ('Какова трава, таков и едок').
68. Каково лукошко, такова и крышка.
69. Каков работник, такова ему и плата. ('Какого лося загонишь, на такой и шкуре поспишь').
70. Какова matka, таковы и детки. ('Каковы глазницы, таковы и глаза').
71. Молодуха в дом, что грибы в бочку: хорошему гостю на тарелке не стыдно подать, плохому гостю на сковороде подать.
72. Вспоминай, лошадь, знойное лето.
73. Жениться советуй тому, на кого зуб имеешь.
74. На рот смеющегося приятнее смотреть.
75. Молодость — золотое время ('Молодость, что роса на траве').
76. Голод — не тетка.
77. Голод лису в ловушку гонит.
78. Птицу узнают по полету, а человека по характеру.
79. Ни в чем невинный в ответе, а виновник со стороны смотрит.
80. Лоб бодливого барана всегда в крови.
81. Скажешь на ноготок, а перескажут с локоток. ('Был бы конец иголочки, а в деревне раздуют до пещни').
82. Руки золотые, да горло мишурное. ('Руки золотые

- зарабатывать, да рот поганный поедать).
83. В своем доме и собака хозяин.
84. Ел бы пирог, да в печи сжег. ('Купила бы собака мяса, да мало работает').
85. Счастье не палка: в руки не возьмешь. ('Счастья в руки не возьмешь').
86. Когда увлекаешь девушку, она как медовая ягодка, а женишься на ней, становится хуже крушины.
87. Выше своего носа ('пупа') не прыгнешь.
88. Маленькую лошадь хвали у других, а сам садись к большой в сани.
89. Маленький ростом мужик — весь злора, маленькое дерево — все в сучьях.
90. Куй железо, пока горячо. ('Дуй в уголь, пока горячий').
91. Укуси за палец или другой — одинаково больно.
92. Вытрясенная шуба теплее, проученная жена милее.
93. Печка да желудок в долг не ждут.
94. На руке работающего мозоль, у бездельника — две [мозоли].
95. Родился бы человек, а краюха хлеба готова. ('Будет на свете человек, будет и пища').
96. На словесном острове побывал, а на мыс умения не попал.
97. Сказано — сделано. ('Сказано, что топором отрублено').
98. Большое море обойдешь,
- а плохого человека не обойти.
99. Видимая смерть страшна. ('Смерть велика лишь глазом видеть').
100. Ешь с голоду, а люби смолоду. ('Репу ешь с осени, замуж выходи смолоду').
101. Хлеба печь, что в постель лечь.
102. Лишь бы от остря спасаться, а от обуха свободны.
103. Дал бы ума, да своего мало. ('Другому ума не дашь, коль у себя не хватает').
104. Что ни двор, то обычай. ('В соседнем доме подружному и воду носят').
105. Запас пить-есть не просит. ('Подпорка стога сено не кушает').
106. Дураков не сеют, они сами родятся. ('Глухих людей не пашут и не сеют — они сами родятся').
107. Бывает простота хуже воровства.
108. Глупость человека не убивает, лишь терзает.
109. Метель — погода для молодых неводом рыбу ловить.
110. Можно не приходить, а придя, нельзя, чтобы не уйти.
111. При ветре изгороди не ставят.
112. Какова работа, такова и плата. ('За пустое дело пустая и плата').
113. В старости или молодости придется косточку перекусить.

114. Старый хлеб — соль не кормит.
115. И готово, да бестолково. ('Некрасиво').
116. Запас лодки не опрокинет.
117. С чужими зарабатывай, а со своими кушай.
118. Под чужой властью, что рыба в мереже.
119. Чужая рука холодна за пазухой.
120. От дождя уйдешь, а от беды не уйдешь. ('От дождя в воде не укروهшься').
121. Чужой равнодушен, мертвый холоден.
122. Над женатым год смеются,
- а покойника два года оплакивают.
123. За год много воды утечет.
124. Небольшая ложь — украшение речи.
125. Мало опоры на зятьев, пустая надежда на дочерей.
126. Из одного дерева строгают доски для икон и черенки для навозных вил.
127. На лошадь не плеть покупают, а овес. ('Не гони лошадь кнутом, а гони мерой овса').
128. Не ищи подпорки в глуши, колья она рядом со стогом.
129. На свой аршин не меряй.

Записано от разных лиц в дер. Колатсельга (kolatselgü) Пряжинского района. Записал В. Д. Рягов 1964 г. (АКФ, ф. 1, оп. 2-ф, колл. 157).

79. primietät

1. nagris pidē puhuo konzu on leppü homehes (ennen pärmoi).
2. vuoziruis pidē külvē sügüzül, konzu ollah lendäjät mauroit.
3. kagru ktlvetäh kuñ on jē järves.
4. jes'i ollō jēpurahat pitkät — kevät roih pitkü.
5. tedren kukerdukses sügüzül
- on küzi nedäl'i talven tulendah.
6. äijü lundu — hüvä vil'lu.
7. talvi pakkane — kezä lämmin.
8. enzi kerran ku pilmun pustā, sit on küzi nedäl'ii kezäh, toizen kerran ku pustā, sit on kolme nedäl'i, a kolmanden kerran — nedäl'i kezäh.

79. Приметы

1. Репу надо сеять ('дуть'), когда ольха в плесени (раньше оводов).
2. Озимую рожь надо сеять осенью, когда появляются летающие муравьи.
3. Овес сеют, пока лед на озере.
4. Если ледяные сосульки ('ледяные пешни') длинные — весна будет длинная [запоздалая].

5. От осеннего тетеревиного токования шесть недель до прихода зимы.
6. Много снега — хорошие хлеба.
7. Зима морозная — лето теплое.
8. Первый раз, когда вытрясет сор [с деревьев], тогда шесть недель до прихода лета, второй раз как вытрясет, тогда три недели, а третий раз, то неделя.

Записано от разных лиц в дер. Колатсельга
(kolatseigü) Пряжинского района. Записал
В. Д. Рягов, 1964 г. (АКФ, ф. 1, оп. 2-ф, колл. 157).

80. arvoitukset

1. — kunne kullet, kulgi ruoči? — a mibo on sinul tiedämistü? kerittüpē? (*jogi da mätäs*).
2. kezäl kerittü, talvel peitettü (*nurmi*).
3. oška orrel, vaška värnal. (*komšu i käzipaikk*).
4. čoma čupus, nenä väräs. (*samvāru*).
5. seizō semoi pelloi nell'al jallal. ken siriči astu, se tervehüön lādī. (*kuhilas, babku*).
6. juoksō hukku hurhettā, hukal villat pörhöttē. (*heinüregi*).
7. mū kai karvane, käin kohtu pal'l'as, ičel igrušku, hibjal pot'āgu. (*vastu*).

80. Загадки

1. — Куда путь держишь, странствующий швед? — А тебе какое дело, стриженная голова? (*Река и кочка*).
2. Летом стриженный, зимой снегами покрытый. (*Луг*).
3. Оська на жердочке, Васька на вешалке. (*Лукошко и полотенце*).
4. Красавец в углу, нос на боку. (*Самовар*).
5. Стоит Семен в поле на четырех ногах, кто мимо пройдет, тот и поздоровается. (*Бабка, суслон*).
6. Бежит волк, трусит, у волка шерсть торчит. (*Воз сена*).
7. Все остальное ворсистое, лишь место для руки голое. Для себя игрушка, телу наказание. (*Веник*).

Егоров Николай Матвеевич, 78 лет, дер. Гилкожа (Jovenpää) Колатсельского сельсовета Пращинского района. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 463/4).

81. minä kačoin mel'iččē

jovensun mel'iččē minä kačoin kaheksatostu vuotta, vanhu mel'iččüniekku jegorov ivan tämä kuol'i, meñi rattahah tri-cat'vošmoil vuvvel. no mel'iččü seizomah jäi, mel'iččüniekkä kolhōzas tās ei ollut mostu. sit minä mel'iččē rubein kaččomah. minä kačoin kaheksatostu vuotta ühteh palah. gu nügöi tās solhōzu stuppih, sit levitettih eres, kivet alah tüöttih, kai ričittih, mel'iččü enämbē ei rā.

no konzu meil mel'iččü rādoi, rādoi hüvin: meñi sada kilō čāsus ruistu, konzu meil kivi rādābo, jawhō, sit müö pahmahat, petket, značit, nostammo üläh, sit ei survo: kahtu kerras ei ratas kēndännüh, ei olluh voimā muga: veziratas ol'i pieñi, ei muga sūri olluh, vezi ewllut pēl'iči meñi, a alači meñi ol'i.

sit, konzu ol'i jawhomistu, müö krugom sūtkat jawhotimmo mierol jawhomistu, üt-päivät pidi jawhottā, postojanno kivi rādoi.

a konzu ewle jawhomistu, tšönämmö pahmahat survomah üökse sie. kačot on vähä jawhomistu, päivās mennäh jawhomizet lopuškat i tšönnät kai kaheksan petkeldü survomah üökse. survō šipakkoh, ravieh survō, hüvin, kergie vai kirvota petkel.

toiči sie murenō ratas tämä, kudai kivē püörittēbo. no, a sit remontu pidē pidē. kembo tulō kohendamah? ičel pidē, iče i pie remontā! muis et äijē triebuiče. nenne peigalot, sēret, līpat, ratatāhat — kai, midä tul'i, pañin iče mondu kerdā.

podjom on kudai nostā pahmastu, petkeldü, se on podjom, a līppu on vezirattahas, on nenne lavvat pandu, ne ollah līpat, niih vein panō, iškō l'ippah, značit. sit kai ratas krugom on l'ipattetu, kahtu väksä väl'i i l'ippu.

plot'in eullut lähil, meil pidi mel'iččās päi kävvä vägi pälal, sada metrī, plot'inas päi vein laski kūrah, kanāvah. konzu salbāt verēn — enämbē ei rā mel'iččü, verēn avāt, vein lasket — rādābo.

81. Я смотрел за мельницей

За гилкожской мельницей я смотрел восемнадцать лет. Старый мельник, Егоров Иван, умер; в тридцать восьмом году попал в колесо. И мельница встала. В колхозе здесь такого [подходящего] мельника не было. Тогда я стал смотреть за мельницей. Я работал мельником восемнадцать лет подряд. А теперь, как стал здесь совхоз, разрушили: жернова спустили вниз, все разобрали, мельница не работает больше.

Ну, а когда мельница работала у нас, то работала хорошо: пропускала сто килограммов ржи за час. Когда у нас жернов работает, мелет, тогда мы ступы, песты, значит, поднимаем вверх, тогда не толчет: [два вала] колесо сразу не поворачивало, не было столько силы, водяное колесо было маленькое, не такое большое было, да и вода была не наливная, а подливная.

Когда было что молоты, мы круглые сутки мололи людям зерно, дни и ночи надо было молоты, постоянно жернов работал.

А когда нет зерна, пустим на ночь песты ('ступы') толочь. Смотришь там, что мало зерна, пройдет за день, и пустишь все восемь ступ на ночь работать ('толочь'). Толчет шибко, быстро толчет, успевает лишь пест падать.

Иногда поломается колесо, которое жернов крутит. Ну, тогда ремонт надо делать. А кто же придет чинить? Самому надо, сам и делай ремонт! От других много не потребуешь. Все, что надо было: пальцы, шагуны, лопасти — несколько раз сам менял.

Подъем — это то, что ступу, пест поднимает, это подъем, а лопасть находится в водяном колесе. Это доски, это и есть лопасти, на них падает вода, ударяется, значит, в лопасть. Все колесо в лопастях; два верхка промежутки и лопасть.

Плотина [у нас] была не близко, нам надо было ходить от мельницы на порядочное расстояние, около ста метров. С плотины вода устремлялась в желоб, канаву. Когда закроешь ворота, не работает больше мельница, пустишь воду — работает.

Шлыкова Анастасия Матвеевна, 73 года, дер. Робогойла (r o b o h o l) Колатсельгского сельсовета, Пряжинского района. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягова, 1964 г. (Каб. зв., запись № 464/5).

82. kasken rādo

sit ku menet kasekseh kasardamah, enzymäi kasardat sie vähäzen, zavodit, k_ei toine enñittäš. menet kasekseh, sovat heität, paltinpelüşhiemät pel panet, a ferezit, zovat oksah panet. paltinahine ribujupku pël, paltinpelüşhiemäzet pël, zavod'it kasestu kasardä. huol'itat, huol'itat, ku ei toine tule ken enñittämäh, ladvoi da kai sie vähäzel rīvot.

sit toizennu pën menet, ku sih ei olle ken tullut, davai ajamah, davai ajamah. sit ajat, ajat, ajat, ajat. sit kasardat. enzymäi kastafil kasardat (kastafi pieñi on, on minul aitas), a sit jälles kirvehel leikot. sit net hienot vezat da sūris pūlois oksat alahakal'i kai ielpäi kasardat hüvin. sit toine ajä kirvehel, l'ibo iče jällel, k_ei olle ajajä sie, libo ollō perehes enämbi hengē, ga sit vai loškutus menō: ajat sie.

süömäh rubiet, robeheh vettü otat (nügöi robehtu ni nähtä ei, stawčat ollah).

sit sügüzül se karzitat. sit sügüzül karzimah lähtet. sügüzül roih nečis rägu meččü jongoi. konzu roih kartohkat kaivetut da kai rävot räüt, sit menet karzimah, oksat net pülois sie, süret oksat, karzit dai i ladvot, lavvat leikot, jätät kuivamah, štobi keväjel parembi palas.

sit keväjel nïdü poltetah, keväjel, stroičan päivien aigä, konzu roih tul'i neče, ahavu, kuñi heinü ei işkei äjjäl. sit kaski poltetah. konzu ku kaski palä hüvin, sit hüvä on pergä, süret put aijaksikse aidah jätät, randieh kannat. aidu pide ümbäri lädie. sit aidah kannat süret put, a hienot tuleh, hienombat kai tuleh nakkät, sürembat aidah. sie oksu, kudai alembane jäi sügüzül karzimattah, nïdü čämit da karzit da panet tukkuh.

nu sit jë tierö. kudamat [tierot] kohtat ei pala hüvin, nïdü vierdelet, nïdü kohti vie pide vierellä jällel: kalu lad'd'ata da tul'i panna da eistellä kanguol. sit kaiken sen, mi jë palamattäh, hüvin rowjoloih lad'd'ät da poltat. sit vie rowjolois agjazet jë. sit net vie uvvesah kerët, täste kai poltat. sit roih puhtas palo, sit mužikat künnetäh se.

enzimäzekse ruistu külvetäh, sit kolme-nel'l'i kagrä. kudai on vägevembi, hüvä mä, sit otetah nel'l'i kagrä, a kudai on, nečidä, huonombi kases sie, ei ül'en ravei, sit i erähät kaksi kagrä vai otetah jällel. a ruis enzymäzekse otetah. sit se halmehekse, püstakse jë.

82. Работа на подсеке

Как придешь в чащобу, сначала рубишь там немного, начнешь лишь, чтобы другой не занял. Идешь в чащобу, одежду снимаешь, наденешь холщовые нарукавники, а ферязи и одежду на сук повесишь. Холщовая юбка на тебе, холщовые нарукавники на тебе, и начинаешь чащобу рубить. Спешешь, спешешь: как бы другой не пришел занимать, хватаешь там по верхушкам.

Тогда уже на следующий день идешь и, если никто на то место не пришел, давай рубить, давай рубить. Тут рубишь, рубишь, валишь, валишь. Затем обрубаешь сучья. Сначала косарем обрубаешь сучья, а потом уже топором [обрубаешь]. Сначала молодые побеги и сучья с больших деревьев снизу хорошенько обрубишь. Потом другой рубит [деревья] топором, или же сам после рубишь, когда нет рубщика, или же, если в семье больше людей, так тут лишь треск идет, так валишь [подсеку].

Обедать будешь — зачерпнешь в туесок воды (а теперь туесков и не видят, глубокие миски теперь).

А потом осенью [сучья] обрубают. И идешь осенью обрубать [сучья]. Осенью тут уже лес будет голый. Когда картошка выкопана и все работы сделаны, идешь сучья карзать. Сучья с де-

ревьев обрубаешь, большие сучья, и обрезаешь верхушки, оставляешь [все] сохнуть, чтобы весной лучше горела подсека.

Потом весной, во время троицы, когда будет резкий сухой весенний ветер, и пока трава не выросла, их [деревья] сжигают. Затем подсеку жгут. Когда подсека сгорит хорошо, тогда и убирать ее хорошо. Большие деревья на жерди оставляешь для изгороди, к краю подсеки отнесешь. Вокруг [пожога] изгородь надо сделать. Для изгороди несешь побольше деревья, а тоненькие в огонь, все потоньше в огонь толкаешь, а [деревья] побольше — на изгородь. Там сук, который остался внизу осенью необрубленным, подравниваешь и кладешь в кучу.

Ну, еще останутся необгоревшие места. Те места, которые не обгорели хорошо, их палишь, те места надо еще палить: сложить растопок, зажечь и передвигать колышком. Затем все то, что останется необгоревшим, хорошенько сложишь в кучи и сжигаешь. Там еще несгоревшие концы останутся. Их заново собираешь, снова все сжигаешь. Тогда будет чистая пожога, затем мужики пахут ее.

Сначала сеют рожь, затем три-четыре [раза] — овес. Которая земля посильнее, хорошая, с той берут четыре [урожая] овса, а которая похуже, была чащоба не очень хорошая, с той некоторые после ржи получают лишь два [урожая] овса. А первым снимают рожь. Потом пожог останется заброшенным и превращается в залежь.

Кунжин Семен Иванович, 72 года, дер. Робо-
гойла (г о в о н о л) Колатсельского сельсовета
Пряжинского района. Магнитофонная запись и
расшифровка В. Д. Рягова, 1964 г. (Каб. зв.,
запись № 465/1).

83. nuotan püvvändü

kezäl püvvät sulal veil, venehel t'ilät nuotan. kahtel venehel püvvimmö. sit lasket hänen hüvin, pitkäh, sada metri puoleh, toine toizeh. kaksisadā metri sen krūgah tilät, sit perät oijendat hüvin, viet hüvin, štobi händü ei tulis kierdämäh kaikelleh, ku ei tartus.

on i pieñi nuottu. piendü nuottā ühtel venehel püvvimmö. verkoloj sie tästen lasket ühtel venehel da kai. a sürel nuotal konzu jël püvvät, sit lowkkö leikkät sinne jeh, valpin ajat jedü müö sie. lowkkö vïzikümmen pidē leikata sie puoleh i toizeh, süren nuotan vedäjes. sit viet hüvin hänen, štobi tartus ei ni_mih, sit perämüslowkko jeh enzymäzekse pidē leikata. sit sïvet oijendat, krūgah sinne ümbäri tulet. sit nostamuksen süren lait nuotan nostajes. nuotan nostat nostamukseh, hengin kaheksin on talvel sie nuotal püdäje.

83. Ловля неводом

Летом ловишь на чистой воде, на лодке забрасываешь невод. На двух лодках рыбачили. Затем его хорошенько ставишь в длину, сто метров в одну сторону, сто в другую. Двести метров [невода] забрасываешь вкруговую, затем мотню расправишь хорошенько, тянешь осторожно, чтобы его всячески не закручивало, чтобы не зацепился [невод].

Есть и маленький невод. Маленьким неводом мы на одной лодке ловили. Сети и все также на одной лодке ставишь. А когда подо льдом ловишь большим неводом, тогда прорубаешь лунки. Туда, под лед, шест прогонишь. Лунок пятьдесят надо прорубить там на сторону и другую при ловле большим неводом. Потом тянешь его осторожно, чтобы ни за что не зацепился. Тут сначала надо сделать прорубь для мотни. Потом боковые приводы протянешь, кругом обойдешь, затем большую прорубь сделаешь для подъема невода. Невод поднимаешь в прорубь для вытяжки. Зимой там по восемь человек неводчиков.

Карпов Иван Андреевич 65 лет, дер. Крошн-озеро (p u o ž a g v i), родом из дер. Савиново (s e m o i n k ü l ' ä). Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова 1961 г. Расшифровка Г. Н. Макарова и В. Д. Рягова 1965 г. (Кабинет зв., запись № 140/2).

84. omah elaigah näh

... rod'iimos, znatse, semoin kül'äs savinowskois sel'so-
vietas, endizes vahnas vedlozerskois rajonas... el'iin minä
toatan obespečeniēs kümmeneh voadessah. školah kävvä ei soanuh
minulleñi ni ühtü, potomušto pidi privjikaijakseh roadamah roadoa:
to vettü kandoa, halgoa, sidä-tostu, ainos hožaistvas. da moamo
i toatto ol'i sežo. elos ol'i huono, toatto vähäizen saponiiekuičči,
saponiiekku ei voažnoi olluh, el'iimmö huonošt'i. kolme vel'l'eksii
ol'i sie, nel'l'äs sizär i staruwhaine sie, boabušku meil'e. odnim
slovom, toatal izd'ivenčua viizi hengie, kuvves mama da seičče-
mes iče. pereh ol'i tobju.

nu el'iimmö huonošt'i, pidi kävel'l'ä ül'en huonosti. no kümme-
neh vuodessah minu w häi obespečči. ühtestostu vuoži l'ahti — häi
kuol'i ääre h minulleñi. minä jäin vahñin pereheh. moamo da sit
lapsis vahñin minä. meil'e polučaiččih ül'en huonošt'i [el'iä]. jon-
goi enne kuolendoa dostal'in l'ehmän, znatse, petroskoi'l'e
tündi, kupčile, odnim slovom, moi seiččemestostu rubl'as. i sit
enämbi resursoa olluh muwdu ei. hebuo olluh ei. prišloš verkuo
kuduo.

verkuo kuvoin. enzi sijas verkon kuvondas maksettih jow-
kinkül'äs kolme kopeikkua päivü. verkuo kudio pidi vid'd'es
čoasus huondekses da ühtehto(stu)ssah ehtiä. käit puhalduttih
ainos nostandua. kolme kopeikkua päivü.

sit süötettih. ol'i semmoine pitäni: pühävoin d'äl'l'el butilku
pestih (enne ol'i tüwrü naziväni). kawral'eibiä sih muroitettih, sit
i kawral'eiväs muruw sidä müö särvimmö. toine mies, se l'ähti
eäres, pois, ei ruvennuh enämbeä roadamah. a minul vie pidi nē-
däl'i roadoa, ewlluh resursua enäm, kois süvvä midä ewlluh
da vel'l'il sinne pidi sidä kolmie kopeikkua vid'el'äija da sizäri
abuw.

sit sie erähäl nedäl'il minuw tul'i nuaz'd'ärven mužikku
ottamah, kod'žurin kül'äs, sit häi maksoi kümme kopeikkua
päivän minul. sanow: «hüvin kuvot, sanow, aijoi nowzet, nostat-
toa hätkie ei pie, momental'no nowzet». sitgi nostatettih vid'd'en
čoasun aigah huondeksel kudomah ühtehtossah ehtiä.

nu sit süötettih hüvin, vereksen kalanke kolme kerdua päiväs.
kolme kerdua süötettih, odnim slovom, nu normu ičei čotaiče.
(eihäi pie teil' nügöi čottua andua). vid'd'es čoasus da ühtehtos-
sah, ainos pidi nostua, süöndüaigu vaiku tol'ko [jowdaw].

sit, kod'ih tulen, ei soa el'ä, kodih tulen: vel'l'et ollah näl'-
l'äs. sit uratniekku, staršina tul'i. nedäl'is zarabowtaičin kuwzi-
kümme kopeikkua, vie net otti podušnoih dostal'it. müö d'äimmö
opät' näl'gäh. tossupiän huondeksel ezmašsargen nowziin, moamo
sanow: «süvvä ni midä ewlo, sanow, mene opi pakita miilost'inoa,
annetah, sanow, erähis tobjembis talolois palaine. sit, sanow, iče
süöt dai vie meil'e tuot palaizen».

ül'en äijäl minä česnaičiimos da varain huigiedu: ainos sinuw
ruvetah d'äl'l'es sanomah: «sinä pakiččii, pakiččemah kävel'et da
kai». d'äl'l'es huigei roih ülen suwri.

lučče mih-tahto roadoh l'ähten. sit l'ähtiin enne tädä, enne
rastavao nedäl'ikse vedoh. sit sie hüvä mužikku peädüi, süötti
i sit nedäl'is andoi rubl'an kaksikümme kopeikkua d'engoa. meč-
čiä pilaimo täs, kindahas, i veimmö nečis (daže uročiščat mus-
tan hüvin) tukšun d'ovel.

vevos konešno, kengät d'allas ol'i huonot, koatančo se ga ni
duwmaiija ei pidänüh, sit kül'mettih d'allat, varbahis l'ähtiettih
nahkat, sormennokis nahkat. sit oteltih l'äččimähes kodvaizeksi
ga, eibo hätkie piettä: čut'-čut' nahkaizet kazvoi hienot, nu vid'-
d'et suwtkat piettih bol'ničas vedložeras. sanow: «mene eäre,
poiga, kod'ih, sanow, roadoa pidäw. sinuw, sanow, sie vel'l'et vuo-
tetah, vel'l'il pidäw süvvä zarabowtaija». a vie vajai ükšitostu
vuottu igeä. vot zārobotku mittuine on!

nu sit ladno. sit momentat net proiji[ttih], znatse, vžalsä ves-
noi, znatse, paimendamh l'ehmii, l'ehmii paimendamah. soan kol-
metostu peädü priimiin žiivattoa. ol'i mužikku üksi goldun (tie-
doiñiekku, enne sanottih). no häi sanow: «vañka, sanow, davai

stupi, sinä olet, sanow, vernoï brihačču. vot. sina, sanow, lujal sluwžit, hüvin paimendat. annamo, sanow, kaksikümnen kaksi kopeikka voarol, kaksikümnen kaksi kopeikka l'ehmän kačondoa kezäs, kaikēs kezäs. znatse, maijäl zavod'ie, i do četjrnatsatogo čisla okt'ab'a». (loppučislan minä hüvin tiijän).

minuw peästettih šestogo okt'abra eäres, a to pidel'i veä paimendoa srokkassah — četirnatsatohi čislah sah. da sit, aijat avavut-tih, lehmät, znatse, aidohi: enämbi paimoidu ei triebuija, aijois ollah kül'an tüves.

sit maksettih l'ehmäs kaksikümnen kaksi kopeikka. sit kas-teniččoa žial'üttü annettih, ničevo annettih, nenga sanuo. voidu annettih sidä kiluo kaheksa kül'äs, sen samaizen soan kolmentostu peän kačondoa. sada kolmetostu peädü ol'i kačottavao.

sit vähäizen priobret'iin: kengät d'algah ičel nenga, kost'umai-zen peäl'e.

sit tossutalven d'ongoi eäl'l'ehpäi puwtuin suomen t'irítowriel vedoh jo. kolme rubl'ua mužikku kahten nedäl'in roandoa vevos uskaldi. parzii pilaimmo, vie koarittoa pidi parret dai kai. nu horošo!

a sit minä toizen dolžnost'in sie... suomen kiel'en maltoin ni-čego, nenga sanuo, harjavuin, dai suomelaizien brihaččuloinke igraičiimo üttes, keskenäh dai kai. suomen kiel'en sen ruavos olles usvaivaičiin vähäizel. sit puwtuin prikaššiekal soarinoa sanomah. sit prikaššiekal soarinoa sanoin.

«juho, — sanow, — sinä, sanow, hüvin puhelet suomen zuakonoï, sanow, — kawnehesti sanot, sanow, sinul vie pidäw andoa kaksi rubl'oa ehtä».

84. Про свою жизнь

... Значит, родился я в деревне Семеновка Савиновского сельсовета в бывшем Ведлозерском районе. . . Жил я на обеспечении отца до десяти лет. В школу ходить не пришлось мне ни-сколько, потому что надо было привыкать к работе: то воду носить, [то] дрова, то другое — все [время] в хозяйстве. Отец и мать также были. Жизнь была плохая; отец немного сапожничал, сапожник он был неважный, жили плохо. Трое братьев там было, четвертая — сестра и старушка, наша бабушка. Одним словом, иждивенцев у отца пять человек, шестая мать и седьмой сам. Семья была большая.

Так жили мы плохо, ходить пришлось в очень плохом. Так до десяти лет он [отец] меня кормил. Пошел мне одиннадцатый год, он умер у меня. Я остался старшим в семье. Мать и я, самый старший из детей. Сложилась [жизнь] у нас очень плохая. Уже до смерти, значит, [отец] последнюю корову отправил в Петро-заводск, к купцам, одним словом, продал за семнадцать рублей. А потом уже ресурсов не было никаких. Лошади не было. При-

шло сети вязать. Я вязал сети. На первом месте [у одного хозяина] в деревне Ёуки платили за день три копейки. Сети вязать надо было с пяти часов утра и до одиннадцати вечера. Руки всегда опухали из-за того, что приходилось их поднимать. Три копейки за день.

Тут и кормили. Было такое питание: мыли бутылку из-под подсолнечного масла (раньше называлась тюря), крошили в нее овсяной хлеб, и мы крошенину из овсяного хлеба хлебали. Второй напарник ушел, не стал больше работать. А мне пришлось еще неделю проработать: не было больше ресурсов, дома нечего было есть. Из этих трех копеек братьям надо было выделять да сестрам оказывать помощь.

Потом на следующей неделе пришел за мной крошнозерский мужик, из деревни Коччури, он платил мне десять копеек за день. [Он] говорит: «Хорошо вяжешь, рано встаешь, будить долго не надо, моментально встаешь». И то будили в пять утра вязать и до одиннадцати вечера.

Ну, здесь кормили хорошо: свежей рыбой три раза в день. Одним словом, три раза кормили, ну, а норму сам считай, вам же не надо отчет давать. С пяти часов и до одиннадцати все время надо было вязать, лишь обеденный перерыв — свободное время.

Домой прихожу — жить нельзя: прихожу домой, братья голодные. Тут урядник, старшина пришел. За неделю заработал шестьдесят копеек и те еще, оставшиеся, взял за подушную подать. Мы опять остались голодовать.

Встал на следующий день утром, в понедельник, мать говорит: «Есть нечего, иди попробуй просить милостыню, дадут в некоторых богатых домах кусочек. Сам поешь и нам принесешь кусочек».

Я очень стеснялся и боялся стыда: всегда после будут говорить на тебя: «Ты — попрошайка, ходишь, попрошайничаешь». После будет очень стыдно.

Лучше пойду на какую-нибудь работу. Пошел до этого, до рождества, на неделю на лесозаготовки. Тогда там хороший мужик оказался: кормил и еще за неделю дал рубль двадцать копеек денег. Лес пилили в этом, в Киндасове, и возили тут (даже урочище помню хорошо) на реку Тукша.

На лесозаготовках, конечно, сапоги на ногах были плохие, а про валенки и думать нельзя было, тогда и поморозились ноги: с пальцев ног сошла кожа, с кончиков пальцев рук тоже. Взяли ненадолго на лечение, так долго не продержали: чуть-чуть заросла тоненькая кожица, ну, суток пять продержали в больнице, в Ведлозере. [Доктор] говорит: «Иди, сынок, домой, работать надо. Тебя там братья ждут, братьям надо [на] еду зарабатывать». А возраст? Еще неполных одиннадцать лет! Вот заработок каков!

Ну, ладно! Прошли те времена, взялся весной, значит, пасти коров, коров пасти. Сто тринадцать голов принял скота. Был мужик один, колдун (колдунами раньше называли). Он и говорит:

«Ванька, давай поступай, ты парень верный. Вот. Ты хорошо служишь, хорошо пасешь. Дадим двадцать две копейки за очередь, двадцать две копейки за присмотр коровы за лето, за все лето. Значит, в мае начать и до числа четырнадцатого октября». (Последнее число я хорошо помню).

Меня освободили шестого октября, а то надо было пасти до срока, до четырнадцатого числа. Тут уже огороды открылись [с полей убрали урожай]. Коров, значит, [загоняли] на поля, пастуха больше не потребовалось, на полях находится стадо, рядом с деревней.

Тогда заплатили за корову двадцать две копейки. Тут еще го-стинцев дали из-за жалости, ничего дали. Масла дали в деревне килограммов восемь за присмотр тех же самых ста тринадцати голов скота. Под присмотром было сто тринадцать голов.

Тут немного приобрел: сапоги себе на ноги, костюмчик на себя.

Потом на следующую зиму уже попал на финскую территорию на лесозаготовки. Мужик обещал три рубля за две недели работы в лесу. Бревна пилили да еще корить надо было бревна да все такое.

А потом там вторую должность я . . . [заимел]: финский язык знал ничего, приучился, играя вместе с финскими ребятами. Финский язык понемногу усваивал на работе. Затем попал приказчику сказки расказывать. Приказчику сказки рассказывал.

«Иван, — говорит, — ты хорошо рассказываешь финские сказки, красиво говоришь, тебе надо еще дать два рубля за вечер».

Гречнева Наталья Герасимовна, 50 лет, дер. Коччура (k o ð ç u f i) Пряжинского района. Записала на фонограмме К. Е. Белова, 1940 г., расшифровал Г. Н. Макаров, 1964 г. (Каб. зв., запись № 96/2).

85. l a m m i n k a n g a h a n p a j o

poikki kuolatuksen proijin,
meiñin l a m m i n k a n g a h a l.
meiñin l a m m i n k a n g a h a l,
ga kadaipühuot on kazvettu.
kadaipühuot kazvettih
dai kanabroizet kukitah.

kaçahtimmosjo jällelepäi,
ga täh sildaine on sro, ittu.
täh sildaine on sro, ittu
i pačçahaizet pandu.

paččahaizet on pandu
da rešotkat azetettu.

tol'ko on tämä vai sovietskoi vlaš'ti!
kai kohtazet kohendaw:
poštovoit juamazet luad'i
dai t'il'efonazet pañi.

kačahtimmosjo kaikkielepäi:
ga ongo kod'izet korgiet,
onggo kod'izet korgiet,
ga ongo l'ezožet l'eviet.

meñin minä garažah,
ga «terveh teil», ruadajaizet.
onggo ruadostu ruatah,
ga traktoroi kohendetah,
traktoroi kohendetah
da mašinoi azetetah.

tol'ko jo tämä lammin kangas
kaikelele kohendettu on,
kaikelele kohendettu
da kaikelele čomendettu.
kawñis eloit'ilaine
da vessel vezirandaine.
tol'koi tämä sovetskoi vlaš'ti
kai kohtaizet kohendi
da rahvahaizen čomendi.

85. Песня о Ломминкангас

Через брод я перешла,
Пошла на Ламминкангас.
Пришла на Ламминкангас:
Можжевельнички выросли
И вересочки расцвели.

И назад я оглянулась:
Тут мостик построен,
Тут мостик построен
И столбики поставлены.
Столбики поставлены,
Решеточки приделаны.

Это Советская власть!
Все приводит в порядок:
Шосейные дороги построила
И телефоны провела.

И оглянулась я вокруг:
И дома-то высокие,
Дома-то высокие,
А крыши-то широкие.

И зашла я в гараж:
«Здравствуйте, работники!».
И работы-то делают:
Трактора ремонтируют,
Трактора ремонтируют
И моторы устанавливают.

Ну и место, Ламминкангас,
По-всякому благоустроено,
По-всякому благоустроено
И по-всякому принаряжено.
Красивое местожительство,
Веселая сторонушка.
Наша Советская власть
Все привела в порядок
И народу жизнь украсила.

Пескова Маланья Ефимовна, 80 лет, дер.
Сямозеро (a n g e n l a h t i). Магнитофонная за-
пись и расшифровка В. Я. Евсева и Т. И. Вязи-
нена, 1960 г. (Каб. зв., запись № 107/3).

86. i r o i, imbi neidoi
suābi seppo i l m o l' i z e n

— «oi, — sanow, — i r o i, imbi, neidoi,
sugiw piädü surruttave
šulkuzi vai tukkazii
hobjazel sugaizel(e).
hänel sugaine meren pohjah kirbonow,
rubiew sidä eččimäh,
löwdäw kolme hivuksuttu:
«kunnebo nämmä hivuksuot pannen?
pañizin tuleh — riähkü roihe,
pañizin vedeh — vie riähkemi».
häi panow omah oigieh šokkaizehe,
hänele rubiew vaččaine kasvamahe.

— «oi, — sanow i r o i [1], imbi neidoil', —
midäbo sinul vaččaine kazvaw?

vai sinä söit rugoi l'eibiä
ubehel(e) künnettüle?
vai sinä söit rieskua maidua
häkkilöile häl'ittüle?
vai sinä söit kanan jäiččičiä
kukkiriekun polgiettue?».

— «end'o ni süönnüh rugoi l'eibiä
ubehil(e) künnettüe;
end'o ni süönnüh rieskua maidua
häkkilöil hälittüe,
end'o ni süönnüh kanan d'aiččie
kukkiriekun polgiettue.
särvin kül'l'äl särrin rokkua,
söingo kül'l'äl sīgukalua».

rubeihe vaččaine kazvamahe.
dai häi suaw kolme poigastu(he).
dai poiijat pagin d'iavitähgo:
«oi, — sanow, — muamo, kandajoiñi,
magiem maijon andajoiñi,
l'ammitä meil'e kül'üinego!».

dai häi lämmittäw kül'ün
tul'igo vastoil tuiskuteltavan,
l'ehtigö vastoil l'ewhkuteltavan.
ottaw poigaizet kül'üizeh,
pezöw dai kül'vettäw, dai po'adnoiččow.
dai häi poiijil'e nīmet panow:
ühtel panow — vanhin vaigamoine,
toizel panow — nuorin juogamoine,
kolmandel panow — seppä ukko ilmoil'l'ine.

**86. Ирина, непорочная девушка,
рожает кузнеца Илмоллинена**

— «Ой, — говорит, — Ирина,
непорочная девушка,
Расчесывая голову
Да шелковые волосы
Серебряным гребешком.
У нее гребешок падает на дно морское.
Начинает она его искать,
Находит три волосинки». —
«Куда же дену эти волосинки?
Положила бы в огонь — грех будет,
Положила бы в воду — еще грешнее». —
Она кладет эти волосинки за свою правую щеку.
У ней начинается живот расти.

«Ой, — говорил Ирине, непорочной девушке, —
Чего же у тебя живот растет?
Или ты поела ржаного хлеба, [выращенного
на поле, которое] спажали на жеребце?
Или ты пила свежее молоко [от коровы],
Которая гуляла с быком?
Или ты съела яйцо [от куры],
Которую топтал петух?».

«Не ела я ржаного хлеба, [выращенного на поле,
Которое вспахано на жеребце].
Нет, не пила я свежего молока [от коровы],
Которая гуляла с быком.
Нет, я не ела яйца от курицы,
Которую топтал петух.
Я похлебала вдоволь ухи с плотвой,
Наелась досыта рыбы- сига.
Вот и стал живот полнеть».

И вот она рождает трех сыновей.
И сыновья заговорили:
«Ой мама, родительница,
Кормящая сладким молочком,
Затопи нам баню».
И она затопит баню,
В которой — огненными вениками можно
хлестать себя,
Лиственными вениками помахивать.
Берет сыночков в баню,
Моет их и парит веничком,
Да в рядочек приводит.
И она дает имена сыновьям:
Одного назовет — старший Вайгамоине,
Второго назовет — помоложе Юогамоине,
Третьего назовет — куанец-бог Ильмоллине.

Никонова Евдокия Васильевна, 63 года, дер. Веш-
келицы (v e š k e l i ũ s) Суоярвского района. Маг-
нитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягова,
1965 г. (Каб. зв., запись № 534/4).

87. kui jordanua kül'biettih

enne oldih pruazniekat prestol'noit, kačo sanottih, prestol'noikse
nügöi sanotah, ga müö emmo tiedännüh mit, prestol'noit vai mit
oldih; meijän vai sanotah: «vieristü tulow, da rastavu tulow, da
pokrovu tulow da stroičan päivät — kai tullah».

vieristü ku l'ienöw jongoi, rubiew tulemah, kulem minä akat pajistah (minä vie ol'in nuori tüttö sie), ga ainos santah: «lähtedgo, rawkku, jordanal, troh i m o w n a?». muamal küzütäh. — «ga en tid'd'ä, — sanow, — pidänöwgo täl vuvvel lähtie vai ei pidäne lähtie sanow, jordanal, vaste mulloi olin, sanow, jordanal ga». a müö emmo tünä muamuo jordanal.

jordan se luajitah üheksiä süldü, üheksä süldü on, kus se on süvä moine kohtu, da jordan laitah. i se laitah huondeksel vieristäntü (se vieristü kaikin tietäh, kreštēnis se on). nu. huondeksel laitah mužikat, mõzet on kümme mužikkua purastajua: sie on vet' jie toiči metrie sangie. dai laitah se jordan. sih kerdü jordaniekkua äjju, pappiloil se ülen hüvä mieles, što jordanal rahvas tullah, kačo nügöi vierujjah täs. a rahvas mennäh, mennäh sidä peris, što meile jumal riehkis prostiw; da mõzet vie sie, kačo, minul riehkie on äjju: midä tahto kielastin, libo varrastin, libo mujjen mužikoin kele el'in, l'ibo midä tahto: anna jumal riähkis prostiw, kerran jordanan külven. kolmekümnen grüadussie, kolmekümnen vízi on vilü. da.

sit lähtemmö jordanal. sukkaizet pannah jalgah, pluat't'aine pannah üks, ewle müdu ni midä, ku alašt'itoi, räččinäine (pluat't'aine) piel üks, müdu ewle mittumua, alashibju. pannah noskaizet hienoizet, ei ni ostonoskaizie panna, kois kuvottih enne räččinäizes langas, net noskaizet jalgah panow, da sit seizow kaksi čuassü. pappi vai vettü sidä rišt'iw da rišt'iw ainos, kuñi kāske ei sinne jordanah hüpätä, a hüpπιemäh ku ruvetah, kızıpaikat sivotah nettäh, keskikohtazel, da otetah vie hüvä nostai siepäi: häi hüpπie sinne süvälhäi, süvälhäi hüpπie da vie sanow: «hätkembi pie minü, sanow, sie jordanal». — «a kui sinü hätken piet, kuoletähä siune». — «a kuollen ga kuoppah», — sanow. a miän muamas ol'i mõzet, kui sanuo, üheksäkümnen kiluo viessua, järei akku. häi ottaw oman vel'l'en nostamah sih jordanal. ottaw kızıpaikan hüvän, pelvahizen, ilmanigäizen. nu. kızıpaikku se on hienoine, ga mõzet on jo hapannut, on mentiä min igiä, mõzet buabo buabol, da ei sua tiedie min aigüine se on kızıpaikku. sih kızıpaikkah sidow. minä olen vie tüttöine ülen [pieñi]: üheksä vuottu ollut l'ie, konzu jordanua [külbiettih], muamal kızıpaikku katkie, en olluh vie ni üheksändel, en tiedännüh vie ni itkie, en itkennüh da ni midä.

dai kerdü rahvastu sih kačomah kolme sadua hengie l'ibo ñel'l'isadua. sit hebuo on joga sijaine: pihat nämät tävvet, kirikkö tawzi, ristat matkatakah ümbäri kirikös dai kai net.

jordanal sit ol'i, sanottih... vızitostu hengie, sanottih, ol'i jordanan külbijie. minul se [mäman vel'l'i] d'ied'ö tul'i, kačo muaman vel'l'i [muamo] sanow: «hoi, i v a n, sanow, joga vuottu sinä nostat ajjoi minü viespäi, piälakkaine ei ehti kastuo, ga nügöi ku vedeh hüpännen, sit, sanow, pie pikoi vähäine minü vies». muamo ñevvö kui nareko.

dai rawkku muamo ku vedeh hüppie, ga rist'izäl jä käzipaikka pikoï palaine kädeh: käzipaikku katkeäi. da. häi pöl'l'ästüi: l'ienöwgo zavod'innuh jo nostuo vies päi, vai kuibo l'iennow hüpätes katkennuh kerras, sidoi — ei katkennuh, a katkei kai käzipaikku. nu katkeiga, rištižä ei tijjä ni_midä [ruaduo]. rahvas hüpättih, kai ruvettih kirgumah, sanottih: «küčöin leski vedeh meäni, küčöin leski vedeh meäni». kolme lastu piendü, kai pienet vie, minä vahniin vai, sie vie üheksie vuottu ewle minul, kaheksa vuottu sie, naverno. sanotah: «[naverno] häi ei pütü». eigo maltanuh häi uidua. inehmine zdorövoi.

rubei keskikohtal sie (rahvas sanottih jällel, müö emmohäi tiedännüh) kačöw — sormet nävütäh vähäizel. häi jo sit iče jäl'l'el sanoi: «minä jo dümaičin nügöi: mindäh i v a n ei nostane hätken nügöi, hätken midä vies pidäw (häi on čusvies, zdorövoi ku on). minä, naverno, olen väl'l'äl nügö, sanow, ni_midä ole ei».

dai hūö sidi kaikin pöl'l'ästüttih, papit pöl'l'ästüttih kai, üksi mies, r u v a n mies, zdorövoi neče muzikku, ülen hüvä. — «nügöi, — sanow, — tuos on häi keskikohtal, häi ku uidua maltas, sanow, randah läheäis». a sih on, keski kohtah, puol'itostu süldü mendävie, metrie nel'l'i, naverno, on vie rannas da randah, ni_kui ei voi häi randah tulla, ku uidua ei malta. häi keskel sie käil süvittäw, mentie midä süvittäw. häi ku, rawkku, jaksaldah (piänd'žakon piel heittäw da kengät jallas) da häi ujjaldaw. «da minü piettäkkie, — sanow, — minä hänen spašin lapsien tähl!». nuori brihal.

da hänen spašši: käis kobristi muaman, da händü spašittih toizet kui liennoi sit, rawkku. naverno, nuorua vai midä l'ienöi tuodu, dai händü nostettih sih maksah, nengoine. rahvastu — struašnohäi onl sit on kolme sadua hengiel.

jo meile kod'ih viešti tuodih: «lapsi-rukat, jäittä širotakse, jäittä širotakse, kačo muamas kuol'i, tuattuadas ewle, i muamas kuol'i». nu vot. muamo sit piezi, da piezi sih muamo hüväh čusviev, eigo pidän puistattua, eigo pidän midä. häi vie astui zvoñimah. da. kaikin rahvas kieltäh, sanotah: «älä mene, troh'ïmowna, zvoñimah, sanotah, sinä olet nügöi külmännüh» — «en ole, — sanow, — külmännüh en ole, sanow, külmännüh. nügöi kačo, i v a n, hüvin, sanow, pīt sinä minü tämän kerran».

dai kačo kodih tullah, jo nenga sovat ollah: kowftat, kowftat net jongoi, kaihäi külmetäh sovat sie nostettü, ku kolmekümnen vizi grudussie [vilü]. a enne oldih net mittumat pakkaizet [pihal]

tulow kod'ih, müö kaikin ihastuimmo. täh [taloih] tulow rahvastu mentijä mi, händü žiel'eijäh.

nu vot se ničevö, muamo eli sen vuvven. toine vuözi opad'i i tul'i — mijän muamo opad'i šuoriew sinne, jordanal. jo men tie min aigua jordanal kävü sinne, vuottu vizi vai kızı käwnöw. müö sanommo: «sinä ku olet leski, ga nügöi, naverno, sinä ainos spašittos nečis jordanas, mül pidie spaššiekseh, ei jordanal spaššiekseh».

sit muga sidä jordanua ainos piettih. papit ihastuksis oldih: papil pandih sinne griwnua, kopeikkua (vai mit oldih) net jordand'engat, konešno, da sih käwdih riehki sanomah da kaikkie. pappi käski jordanal, sanow: «mengie külbiekkie jordan, sanow, sit vai kolme kerdua jordanua kül'biet, sanow, sit sinul ohpoi mennä ei pie mol'imahes». vot: kolme kerduo, kolme vieristie [külbie].

a vie toine kerdu külbiettih. toine kerdu külbiettih jordanua kezäl makovein aigah. se on awgustal. awgustal kül'bietah. ga sit jongoi ni midä, onnuako, ei rodei: eigo riehkie prošti jumal, eigo midä. sit on lämmin vezi, sit on ku kezoin külvendü. sil kezoil i minä käin, počinrandaizel menen, külvemmös dai iere hüppien i mene kunne tahtot.

87. Как в иордани купались

Раньше праздники были: престольные, видишь ли, называли и теперь называют престольными, но мы не знали, престольные они или какие были; наши лишь говорят: крещение подойдет, рождество придет, и покров придет, да дни троицы — все наступят.

Как будет крещение, начнет приближаться, слышу я, что бабы толкуют (я в это время была молодая девочка), говорят всегда: «Пойдешь ли ты, Трофимовна, купаться в проруби?». У матери спрашивают. «Так не знаю, идти ли в этом году или нет, — говорит [она], — только что в прошлом году была». А мы не отпускаем мать купаться.

Прорубь эту делают девять саженьей [в длину], девять саженьей сделают прорубь, где такое глубокое место. И это делают в крещение утром (крещение все знают. . .). Так. Мужики утром делают, может там мужиков десять рубят лед: иногда ведь там лед с метр толщиной. И сделают прорубь. Тут соберется много купающихся, [а] попам это очень уж по душе ('хорошо в уме'), что народ идет купаться в прорубь: смотри-ка, верует народ. А народ идет, и идет из-за того, что бог нам грехи простит — может там у меня грехов много: что-нибудь [кого-нибудь] обманула, или украла, или жила с чужими мужьями, или что-нибудь — пусть бог простит грехи, раз искупаюсь в проруби. Градусов тридцать, тридцать пять холода. Да.

И идем, отправляемся к проруби. Чулочки надевают на ноги, одно [лишь] платье одевают, больше ничего нет, как голая, одно платье на себе, больше нет никакой [одежды], голое тело. Надевают тоненькие носочки, непокупные, раньше дома вязали из простых ниток, те носочки надевают на ноги и стоят тут два часа. А поп все время воду крестит и крестит до тех пор, пока не велит туда, в прорубь, прыгать. А как будут нырять, завязывают полотенец сюда, посередине и берут хорошего вытаскивающего ('подъемщика') оттуда: ведь она прыгнет туда глубоко, на глу-

бину же прыгнет да еще скажет: «Подольше держи меня, говорит, там, в проруби». — «Как же тебя поддержишь долго, умрешь ты там». — «Умру, так в яму», — отвечает. А наша мать, как сказать, весила, может, килограммов девяносто, толстая [была] баба. Она берет своего брата из проруби поднимать [себя]. Берет старое хорошее льняное полотенце. Да. Полотенце тоненькое, может быть, уже гнилое, поди знай, сколько времени, может бабушке бабушка [передавала], да и нельзя знать, с каких времен это полотенце. Этим полотенцем [брат] завязывает [ее]. Я была девочка очень маленькая, если лет девять было, когда купались в проруби. У матери полотенце обрывается; мне и девяти лет не было, и плакать еще не знала, не плакала.

И собирается тут народу человек триста или четыреста смотреть; тут лошадей на каждом месте: дворы эти полные, церковь полная, с крестами движутся вокруг церкви и все такое.

Говорили, что возле проруби тут было. . . пятнадцать человек, говорят, было купающихся в проруби. Мне он [брат матери] приходился дядей, и сестра [мама] говорит брату: «Иван, говорит, ты каждый год меня поднимаешь рано из воды, макушка не успевает намокнуть, если теперь прыгну в воду, то поддержи меня хотя бы немного в воде». Мать учит словно нарочно.

Как только мать прыгает в воду, у крестного остается в руках маленький кончик полотенца — полотенце оборвалось. Да. Он пугается: то ли начал уже из воды поднимать, или как-то при прыжке сразу оборвалось: завязывал — не оборвалось, а оборвалось [целиком] все полотенце. Оборвалось, а крестный не знает, что делать. Люди вскопили, все начали кричать, говорят: «Кютчиева вдова утонула, Кютчиева вдова утонула». Трое детей, все еще маленькие, лишь я постарше, девяти лет нет еще мне, наверно, лет восемь так. Говорят: «Ее, наверно, не поймать». А плавать она не умела, женщина здоровая. Смотрят: пальцы начали там на середине виднеться (люди говорили после, мы не знали). И она сама после говорила: «Я тут уж подумала: чего же Иван теперь так долго не поднимает из воды, долго держит меня в воде (она в сознании, раз здоровая). Я теперь, наверно, не завязана, говорит, ничего нет».

И все они тут напугались, попы все испугались. Один мужчина, мужчина из Руги, здоровый такой мужик, очень хороший [говорит]: «Теперь она тут, на середине, — говорит он. — Если бы она умела плавать, то приблизилась бы к берегу». А до середины, полторы сажени расстояние, метра четыре, наверно, от берега до берега; она никак не может приблизиться к берегу, раз плавать не умеет. На середине там она барахтается руками, поди знай, чего барахтает. Он снимает с себя пиджак и сапоги и быстренько подплывает. «Поддерживайте меня, — говорит он, — я спасу ее ради детей». Молодой парень!

И спас он ее: схватил мать за руку, а его каким-то образом спасли другие. Наверно, веревок или чего-то принесли и ее подняли на край проруби, такую. Народу — даже жутко! Тут человек триста. Нам уже домой весть принесли: «Ребятки, остались сиротками, остались сиротками, ведь мать умерла, отца нет, и мать умерла». Так вот. Мать пришла в себя. Пришла тут мать в чувство, и трести не надо было, и ничего не надо было [делать]. Она еще пошла звонить [в колокол]. Да. А люди все не велят, говорят: «Не ходи, Трофимовна, звонить, ты ведь простыла». — «Да не простыла, — говорит она. — Вот теперь, Иван, хорошо поддержал, говорит, в этот раз».

Приходят домой, одежда уже так: кофты, кофты — те уже. . . ведь вся одежда замерзнет раз тридцать пять градусов холода, а раньше такие были морозы на улице.

Пришла она домой, мы все обрадовались. Сюда, в дом, приходит народу поди знай сколько: ее жалеют.

Так это ничего, прожила мать этот год. Наступил следующий год, наша мать опять туда собирается купаться в проруби. Уже поди знай, сколько времени ходит она туда купаться, лет пять или шесть ходит. Мы говорим: «Раз ты вдова, так, наверно, всегда спасаешься [от грехов] ты купаньем. Другим [ищем] надо спасаться, не купаньем спасаются».

Так всегда устраивали купанье. Попы радостные были. Попу, конечно, клали гривенники, копейки (или какие там [монеты] были), деньги за купанье, ходили сюда грехи отмаливать и все такое. Поп велел [купаться] в проруби, говорит: «Идите, искупайтесь в иордани, говорит, и как только трижды искупаетесь в проруби, тогда тебе в Охпой не надо идти молиться». Стало быть три раза, три крещения [купаться].

А еще купались второй раз. Второй раз купались летом во время маковея. Это в августе. В августе купаются. Так тогда уж, наверно, ничего не будет: и грехов не простит бог и ничего. Тогда вода теплая, тогда как [простое] летнее купание. На такое купание и я ходила, иду на бережок, искупаюсь и назад выпрыгиваю, и иди, куда хочешь.

Борисов Иван Власович, 57 лет, дер. Руйсниемп (r u i z n i e m i) Вешкельского сельсовета Суоярвского района. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягоева, февраль 1965 г. (Каб. зв., запись № 529/1).

88. ruaduo eččimäs

oldih sie siemärven volost'is petroskoin ujezdas semmoizet rahvahat: ei tiettö iče midä ruadua. heile pidäw suaha huomeñizekse päivie ruaduo tiettoih, a ruaduo ewle. pidäw menmä

priežāh kūzūmah ruaduo (kaksitostu kilometri on priežān külāh, pidāw mennā priežāh ruaduo kūzūmah). kāwdih ainos sie ruaduo kūzūmās, kačotah sie midā ruatah: kūnnetāh vai ast/i-vojjah, vai midā ruatah, vai aidua laitah sie.

nu ūhtennū prekrasnoinnu päivännū menōw kindah an muži-
kku kūzūmah midā ruatah priežās. menōw: ga mužikku hebuo
nūlgōw (hebo tōl'/ōnnūh on sie ūhtel hrest/uañinal). eigo kūzū
enāmbie midā [eigo ni_midā], kačōw jongoi ruatah ruaduo priežās.

tulow kodih, kindah ah, i kaikil sanow: «priežās heboloi
nūlgietāh». dai mi ol'i sie kindahas hebuo, kai tapettih,
iškiettih. jādih kaikin heboloitah.

88. В поисках работы

Были там в Сямозерской волости Петрозаводского уезда такие люди: сами не знали, что делать. Им надо знать на завтра работу, а [прежней] работы нет. Надо идти в Пряжу работу спрашивать (двенадцать километров до деревни Пряжа), надо идти в Пряжу работу узнавать. Всегда ходили узнавать, что делать; смотрят, что там делают: пашут ли, или боронят, или что делают, или изгородь там делают. И в один прекрасный день идет киндасовский мужик спрашивать, что в Пряже делают. Приходит — там мужик с лошади шкуру снимает (у одного крестьянина пала лошадь). И ничего больше не спрашивая и ничего не [делая], смотрит, какую работу делают в Пряже.

Приходит домой, в Киндасово, и всем говорит: «В Пряже с лошадей шкуры снимают». И сколько там было в Киндасове лошадей, всех убили, зарезали. Все остались без лошадей.

Борисов Иван Власович. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягоева, 1965 г. (Каб. зв., запись № 529/2).

89. orožan proubuindu

ol'i sie kindahan mužikoil orožu. orožu hūō sie ostettih. seiččen mužikkua, a ūksi orožu ostettih. nu pidie ambuo, proubuija orožu, mittumu se orožu on.

ruvettih [prōbuimah], a kaikil pidāw učasvuija, lipaččimeh panna sormi, štobi kaikil suas ambuow. kūzi sormie sündüi l'ipaččimeh, a seiččemes sormi ei sūnnū. «vuota, — sanow, — minā läh-ten kaččomah svolan sūh, kui bul'ku matkuaw sie svolas».

menōw kaččomah. ammutah, dai hāi sih kiperdāh. mennāh kaikin. «kehno, — sanow [ūksi], — vie irvistāw». mies iče kuolluh (bul'ku oččah pūttu, [ga] hengi pakku iereh).

89. Пристрелка ружья

Было там у киндасовских мужиков ружье. Ружье они купили. Семь мужиков, а одно ружье купили. Но надо выстрелить, испытать ружье, что это за ружье.

Стали пробовать, а всем надо участвовать: палец положить на спусковой крючок, чтобы всем можно было стрелять. Шесть пальцев поместилось на спусковом крючке, а седьмой палец не помещается. «Подожди я пойду посмотреть в дуло ружья, как пуля проходит там, в стволе», — говорит [один].

Идет [он] смотреть. Стреляют, и он тут падает. Идут все [к нему]. «Вот черт, — говорит [один], — еще скалится». А сам мужик мертвый (попадет пуля в лоб, так дух выпустишь).

Борисов Иван Власович. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягоева, 1965 г. (Каб. зв., запись № 529/5).

90. petroskoil käändü

vot. lähtiettih kolme kindahan mužikkua petroskoil. ajettih koispäi kilometri kolme. niinimägi projjittih, priežü projjittih, matrossah tuldih, matrossu projji, tullah (poštan küläkse sanotah) polovinah (veñäkse), sih ruvetah muate, pidie otdihat'. hevot lasketettih, pandih sih regilöih, kai uberittih, ruvettih muate. a sie tiettih, što kindahalaizet net ollah izvesnoit rahvas.

nu üö muatah, huondeksel nostah miehet dai hevot val'astetah, kunnepäi on aižat ezin (petroskoilpäi pandih illal ezin). a mužikat kiettih aižat üöl [müt sie] kodih päi.

ajetah, ajetah, tullah priežäh. «kačovai, — sanow, — olis ku priežül». toine sanow: «d_ei, ne možet bit' priežü». lähtietäh, ajetah ielleh, tullah [niinimäil]. — «gu ol'is ku niinimägi». — «ei, — sanow, — ei ole». [ajetah]. tullah, üksi sanow: «kačovai, tuos on minun akku, minun akku rannas sobie kuivua, rannas sobua pezöw». — «rišt'ikanzu rišt'ikanzah koskeh», — toine mies sanow. tuldih järilleh omah kod'ih, petroskoil ei piestü.

90. Поездка в Петрозаводск

Так вот. Отправились трое киндасовских мужиков в Петрозаводск. Проехали от дому километра три. Нинимяги проехали, Пряжу проехали, в Матросы пришли. Матросы прошли, приехали в Половину (по-русски), а называют деревней Почта. Тут останавливаются на ночлег, надо отдохнуть. Лошадей выпрягли, при-

взяли тут к саням, все убрали, улеглись спать. А там знали, что эти киндасовские — известный народ.

Переспали ночь, утром встают мужики и запрягают лошадей [в ту сторону], куда оглобли (в сторону Петрозаводска оставили вечером). А другие мужики ночью повернули в сторону дома.

Едут, едут, приезжают в Пряжу. «Смотри-ка, — говорит [один], — вроде бы Пряжа!». Другой отвечает: «Да нет, не может быть Пряжа». Трогаются, едут дальше, подъезжают [к Нинимяги]. «Вроде бы Нинимяги». — «Нет, — говорит, — не Нинимяги». [Едут], приезжают, один говорит: «Смотри-ка, там моя жена, моя жена на берегу белье сушит, на берегу белье стирает». «Человек на человека смахивает», — другой мужик говорит.

Приехали обратно в свой дом, [так и] в Петрозаводск не попали.

Борисов Иван Власович. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягова, 1965 г. (Каб. зв., запись № 538/1).

91. tuattah nevvow poigua elämäh

vot. el'i mužikku. nu el'i häi hüvin, ülen ol'i česnoi. hüvä mužikku ol'i. perehenkel. nu häi vahneñi d'oñgoi, kuolemah rubei, poijal nevvow: «hoi, poigu, sanow, minä, sanow, sinul nevvon, sanow, elämäh», sanow. dai poigu ičei küzti ennepäi, sanow: «tuatto, sanow, nevvo el'ämäh, sinä hüvin el'it kai rahvahankel da kai hüvin ol'it, nevvo, sanow, kui el'iä pidäw, sinä nügöi onnuako kuolet», — sanow.

— «vot, poigu, — sanow, — el'äjes, sanow, ezmäiziksi ku lähtet, sanow, ruadoh, sanow, tervehüttö ei piä luad'ie ni_kel» (se mindäh tervehüttö ei piä luad'ie — štobi enne muidu meñizit ruadoh ajjom-čah huondeksel, a poigu ei el'l'endä — tervehüttö znuacit, mih se menöw sana). — «toine dielo, sanow, adru pie, sanow, štobi l'ä-pettäs, štobi ol'is hobjaizet vannahat». (se opad' el'l'endie pidäw, štobi kündie enämbäl, sit d'oñgoi häneh ruoste ei iškei: nu kiveh koskeh da peskuloih raznoloih koskeh, sit d'oñgoi häi puhtahannu püzü, tid'd'ät, läpettäw). — «i kolmandekse, sanow, pidäw sanow, dorogal l'eibie l'ükkie», — sanow (a mindäh dorogal l'eibie l'ükkie — ken tulow matkalaine, pidäw süöttie, juottuo, iče lähtet konzu matkah, sit d'oñgoi sinä süötetäh, d'o keral l'eibie ei piä ottua. d'oñgoi ennepäi dorogal l'eibiä l'ükittü).

a poigah nidü ei el'l'endännüh mih net mennäh sanat. tuattah kuolow. tid'd'äthäi vannahat adran tuo sarual, tid'd'ethäi ainos sidä fugu ččow, škurkal čistiw, kaikel, mil tiedäw vai čistiw, štobi l'äpetettäs. eigo kunnä, eigo midä. adru ruostumah rubiew dai čistiw läre uvvessah.

i tāmāgi... l'ähtöw ruadoh, konna astu, ei sano ni_kel «terveh» l'ibo mi_tahto, matkua d'al'l'el muidu, ei sentäh sano.

vot. kolmandekse. hevон val'astaw, mi tuatassah dāi sie eluo, l'eibie, ajaw dorogua müö hevol, lükkiw l'eibiä, tuone l'ükkie, tuone — kedä_kunne l'ükkiw l'eibie. rahvas ruvettih nagramah: «kukastu kummua! ol'i ku normal'noi, sanow, mies, ewlluh, — sanow, — urai, sanow, nügöi, sanow, urai on, sanow, leibiä l'ükkiw dorogal, eigo tervehüttü kel lai, sie vannehī čištw, künnä ei, a sarual vannahī pidāw puhtahannu».

sit ol'i üksi tuattah prijuat/el' sie, hüvä. se sanow: «ga midäbo, sanow, nügöi sinä el'ät?» — sanow. — «ka el'än, — sanow, — näitgö, tuatto minü nenga névvoi», — sanow, — «kui névvoi?». — «vot nengai_nenga, — sanow, — käski vannahat pidiä puhtahannu, tervehüttü ei piä luad'ie ni_kel, dorogal l'eibiä l'ükkie», sanow... nügöi, sanow, minä kewhtüin! — sanow. — «oh, ukko-rukku, ukko-rukku, — sanow, — tuattas névvoi hüvin ga sinä vai et küzünüh tuatalles mih net sanat mennäh». nu sīt hänen tuattah prijuat/el' sanow: «vannahat pidāw pidie sentäh, sanow sto hüvin, äjjän ruat, sanow, künnät, sanow, sit vannas, sanow, ei pie čīstie, vannas iče on puhtas. tervehüttü, sanow, luad'ie ristkanzal ei pie ni_kel, pidāw lähtie ennen kaikkie huondeksel ruadoh, sinul d'öngöi ken vastah tule ei, sinul tervehüs laitah, a sinä et toizel lai tervehüttü. kolmandekse — l'eibie dorogal l'ükkie: tulow matkalaine ken üökse, sinä händü süötät, provod'it hänen, tüönnütät i sit, sanow, vot dorogal l'eibiä l'ükittü, vot tuattas névvoi hüvin, sinä el'l'endän-nüh et». vot.

91. Отец учит сына жить

Вот. Жил мужик. Жил он очень хорошо, был очень честный. Хороший был мужик, с семьей. Ну, он состарился, стал умирать, сына наставляет: «Сын, а сын, говорит, я тебя научу жить». Да и сын раньше сам спрашивал, говорил: «Отец, научи жить, ты сам хорошо жил да с народом хорошо обходился, говорит, научи, как надо жить. Ты теперь, наверно, умрешь».

«Так вот, сын, — говорит, — в жизни, во-первых, как пойдешь на работу, здороваться не надо ни с кем». (Это потому не надо здороваться ни с кем, чтобы раньше других утром ушел на работу. А сын не понимает: «не здороваться» — что это значит).

«Второе дело, — говорит, — соху держи, чтобы блестела, чтобы сошники были серебряными». (Это опять понять надо: чтобы пахать больше, тогда к ним ржавчина не пристанет: то в камень попадет, то в песок и в разное, тогда она [соха] чистой держится, знаешь, блестит). «И в третьих, — говорит, — надо на дорогу хлеб бросать». (А почему на дорогу хлеб бросать: кто-либо из проезжих придет, надо накормить, напоить, сам когда пойдешь в дорогу, тогда и тебя накормят, хлеб уже не надо брать с собой,

уже раньше хлеб на дорогу набросал). А сын не понял этого, что к чему идет. Умирает отец. Понимаешь, приносит сошники сохи на сарай, знаешь, все время фугует. Шкуркой чистит, всем, чем только знает, тем и чистит, лишь бы блестело. И не пашет и ничего. Начнет соха ржаветь, вычистит снова.

И этого... отправляется на работу, куда ни идет, никому не говорит «здравствуйте» или еще что-либо. Идет позже всех и не скажет ничего.

Вот. В-третьих: запрягает он лошадь, сколько осталось от отца добра, хлеба, едет на лошади по дороге, бросает хлеб: туда бросит, сюда бросит — куда что попало кидает. Люди начали смеяться: «Ну и беда! Как будто бы нормальный человек, не был дурак, теперь с ума сошел: хлеб бросает на дорогу, ни с кем не здоровается, сошники чистит, не пашет, на сарае сошники держит чистыми».

А там был один хороший приятель отца. Тот говорит: «Так чего же ты чудишь теперь?». [Он] отвечает: «Чудишь? Видишь ли, отец меня так научил». — «Как научил?». — «Вот так, мол, и так, — говорит. — Велел соху держать чистой, велел ни с кем не здороваться, хлеб на дорогу бросать. Теперь я обеднел». — «Эх, мужик, ты мужик, отец-то учил тебя правильно, да ты не спросил, к чему эти слова». Тогда приятель его отца говорит: «[Соху] надо держать чистой потому, что хорошо и много работаешь, пашешь, тогда сошники не надо чистить, сам он [сошник] чистым будет. Здороваться человеку не надо ни с кем — надо раньше всех утром уйти на работу, тебе уже никто навстречу не попадет, с тобой поздороваются, а не ты с другими здороваешься. В-третьих — хлеб на дорогу бросать: придет кто из приезжих на ночлег, ты его накормишь, проводишь его, говорит, вот и набросано хлеба на дорогу. Отец-то правильно учил, ты только не понял». Вот так.

Естафеев Владимир Николаевич, 34 года, дер. Вачойла (v a c c o i l u) Вешкельского сельсовета Суоярвского района. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягова, 1965 г. (Каб. зв., запись № 529/4).

92. k i n d a h a n m u z i k a t o h o t a l

lähtiettih sie puol'ikümmen [kindahan] muzikkua ohotal. nu mendih meččäh. kačotah — kondien pezä. kui sie kondie ajua iäre, kačo, eihäi talvel kondie lähe. jähkittih ruagoil, jähkittih — ei lähte ni kui. ühtel sanotah: «mene sinä karkoita ieres, müö sinul nuoran sivommo jalgah i järilleh jallal lekahäta, konzu lähtöw [kondie], jallal lekahuta» — sanow.

tullah sinne, piestetäh mužikkua, se vai mefi — kondie pien riwhtai mužikal ieres (kondieloin luapoill). jallal lekahutti (tostavuttih jälgimäi — hengie andamas ol'i). «nu vedäkkie, jongoi, naverno, ajoi». vijäldettih siepäi, kačahtettih — mužikku ewle hengis, piedu ewle. dūmajjah, dūmajjah: ol'igo huondeksel hänel pie. küzelläh. «läkkie akalluo viemmö».

viedih akalluo, tullah i küzütäh: «čid'žoi, ol'igo sinun starikal pie huondeksel?». — «ga en tiä, kuldaizet, ol'i vai ei: huondeksel huttuo söi, pardu lekui, muite hüvin en musta oligo vai ei [pie]».

92. Киндасовские мужики на охоте

Отправились полдесятка [киндасовских] мужиков на охоту. Пришли в лес, смотрят — медвежья берлога. Как поднять оттуда медведя, видишь ли, ведь зимой медведь не встает. Тыкали палками, тыкали — не выходит никак. Одному говорят: «Иди ты, выгони его, мы тебе веревку привяжем к ноге, и как только ногой дрыгнешь (как только выйдет медведь), — [вытянем] обратно!».

Приходят они туда, отправляют мужика. Как только тот заполз — медведь и выдернул у мужика голову (уж медвежьими лапами!). Ногой шевельнул (спохватились, наконец, выпускал уже дух). «Ну, тяните, уже, наверно, поднял». Вытянули оттуда, смотрят — мужик мертв, нет головы. Думают: была ли утром у него голова. Спрашивают [друг у друга]. «Пойдемте, отнесем жене».

Принесли к жене, приходят и спрашивают: «Сестрица, была ли у твоего старика утром голова?». — «Да не знаю, милые, была или нет: утром ел загусту, борода тряслась, а так не помню хорошо, была или нет [голова]».

Путгоев Тимофей Иванович, 71 год, дер. Вехкусельга (vehkuselgü) Вехкельского сельсовета Суоярвского района. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягоева, 1965 г. (Каб. зв., запись № 529/9).

93. abualoin nimet

abualoin nimet on joga guval. siemärven guval on nīs nimi, i sit guvas ku ollow abuadu, sen nimel jongoi kŭlutah abuat.

l'iettiet ollah: tās sanommo [on] mell'iččü pawšoin l'iete, mell'iččü l'iete on, pawšoin kohtas. se mugai küld — mell'iččü l'iettien abuat.

tännepäi on oja, sanotah oja l'iete. sid on indžiniemen ojat sit ollah. silleh ei kuivettu pellot. sidä perie jongoi abuat ollah: oja l'iete i abuadu sanotah oja l'iettien abuat.

säräččün gubah nečie jogi tulow, säräččü-jogi i säräččün guvas opät' sanotah abuađu. ičekseh nimi on: säräččün sun abai, kažiñiem en abuat, havvan abuat, kal'ivo.

kus on kivikkö kohtu, sit sanotah kal'ivon abuat. hawdukohtu kus on neče, heifikkö, sit sanotah havvan abai. niemi on sie, sit sanotah kažiñiemi. vot moižet ollah primietät, joga sit abual ičekseh ollah nimet.

järvel ollah luodoloi opät' nimet, joga luvvol ičekseh nazväñi on: on kuačkuw, on i nokkastu, on i doroguluodo, on peräl'istü. mi on sit luvvol nimi, sih luadoh ku pütäh, sit sen mugah abualoin nimet ollahgi.

93. Названия тоней

Название тоней [есть] у каждой губы. Название Сязозерской губы Нийси, и если в этом заливе есть тони, то так и называются — тони [Нийс].

Есть косы: здесь, скажем, имеется коса Павла-мельника, есть Мельничная коса против Павда. Это так и зовется — тони Мельничной косы.

Сюда [ближе] — ручей, говорят: Ручейная коса. Затем тут ручьи Инжनावолака. Так даже поля не сохли. Поэтому отсюда уже тони: коса Ручейная и тони Ручейной косы.

Там в губу Сяряч впадает река, река Сяряччю, и опять в заливе тони называются Сяряч. У каждого в отдельности название есть; тоня устья Сяряч, тоня Кажиниemi, Хавван тони, Калливо.

Где каменистое место, тогда говорят: Калливо. Где такое место с ямами, камышовое, тогда уж говорят: Хавват, мыс там [есть], скажут: Кажиниemi. Вот такие приметы, у каждой тони свое название.

На озере лудам тоже названия есть, каждой луде в отдельности свое: есть Куачку, есть и Нёккане, есть и Дорогу луда, есть и Перяллине. Какое название луде, как тянут на эту луду, по этому названию и тони.

Путтов Тимофей Иванович. Магнитофонная запись и расшифровка В. Д. Рягова, 1965 г. (Каб. зв., запись № 529/41).

94. primietät

1. tedri ku keviäl hūkärämäh rubiew, sit üheksä nedäl'i kezäh sanottih, sit üheksän nedäl'in peräs sula roih mua.

2. käregi opat' ku se püdu kolahuttaw, pitkähes ku kolahuttaw, sit roih kevät pitkemi, a ku ülen rüttoh «sanoldaw», sit roih ülen rüttoh kezä, kezä terväh roiheze.

3. kül'võaigu tiettih sih mahtih: ku roihes neče nepreménno rugehén panenduaigu, paras panendu, roih sie tñni, heittuw hämähäkin simua püloih, kai kanabrolain nõkkih heittä, kadaimät-tähih. ku hämähäkin simua roih, sit se on kül'võhuondes, sit kül'-vettih rugehét. huol'itetih, muat enne varustettih, sit iere kül'vetä. kaikkii parahašti sit kazvaw.

4. palo künnettih; vai l'ehti homehéh (paló varustetah puhut-tavakse nagrehel), vai leppäh neče homeh roiheze, homehtu kazvaw lepän lehtilöih, valgie kui jawho. sit opat' nagris iere pahutah. sit on nagrehén panenduaigu. agronomat moizet...

5. hii' vie roih taivahah, konzu ei ülen šuorei taivas ole, sit narovit nagrehén puhuo. sit sürembakse nagrehet kazvetah, a šuoriel taivahal ei muga kazvanuh, pilvehüöl nagristu puhuttih ennen. sit nagristu kazvaw, tijaätgo, ku šlieppie nečis.

94. Приметы

1. Как начнет весной тетерев ворковать, то говорили, что девять недель до лета [осталось], что через девять недель земля будет талая.

2. Черный дятел как стукнет опять по дереву, если стучит протяжно, тогда весна будет длинная, а если очень круто «скажет», тогда очень круто лето [наступит], лето скоро будет.

3. Время сева знали таким образом: когда наступит время сева ржи, лучшее [время] сева будет, когда будет тихо, опустится паутина на деревья, на верхушки вереска и на кусты можжевельника. Когда будет паутина, тогда это будет утро сева, тогда сеют рожь. Спешили, землю приготавливали заранее, тогда уж сеют. Лучше всего тогда растет.

4. Пожогу пахали, пожогу готовят под репу, когда лист будет в плесени, как только на ольхе появится плесень, белая плесень нарстет на листьях ольхи, как мука. Тогда также высевают репу. Тогда время сеять репу. Таковы агрономы...

5. На небе еще будут тучи, и небо не очень ясное, тогда норовишь сеять репу. Тогда репа покрупнее вырастет, а когда небо чистое, тогда не так росло, раньше в пасмурный [день] сеяли репу. Тогда репа вырастет, знаешь, со шляпы.

Никифорова Анастасия Федоровна,¹⁸ 72 года, дер. Вохтозеро (v o h t' a r v i) Кондопожского района. (Родилась в дер. Эльмитозеро). Магнитофонная запись В. Я. Евсеева и Т. И. Вяйзинена 1960 г., расшифровка Г. Н. Макарова и В. Д. Рягоева. (Каб. зв., запись № 108/4).

95 kui minä pajoloi luajin

ennen minä ku dūmaiččemah rubein ga, pařembi dūmalč̄in, musto ol'i parembi. a nūgōi ku vahnañin, ga ewlo moine musto. dūmaiččemah pajuo gu rub'iel'en — pitkät pajot dūmaič̄in kaikki eñimäl.

rahvahan paginan aigah en voinnuh, a muate ku vieren (vähän minä magain erähin üöl'öin), dūmaič̄in pajoloi i luajin.

moskovas ku enzi kerran ku ol'in, pitkän pajon luajin, graždanskoi voinu kui proid'i, sit tože luajin pajon, dai d'al'l'es luajin, a nūgōi vanhanin, ni midä nūgōi en voi luad'ie; mustua en voi. ol'is minul nūgōi luad'imištu, ül'en ol'is htvä elaigu, en mustua voi nūgōi vahnettu, vahnuttu en musta.

[ezmäine minun luajittu pajo:]

ol'i ennen el'ettüö
kül'l'äl gofaištu gofuittu
kül'l'äl gofaištu gofuittu,
yahnan zakonan aigah(e)
köwhästi müö el'immö.

graždanskoin voinan d'algeh luajin minä pajon. ičel'l'eñi ol'i kai paha miel'es, što semmoizen pajon luajin, kui palosuari (f a m i - lin) muakkai krasnoloi, da kui häi l'innäh kägei piästä, da ei piässüh ni sualusmägessäh. pogostal siämärven ammuttih pul'emietois, meil tänne ammundu külui, minul ol'i kai paha miel'es, dūmaič̄in, menöw se pajo pahah, a ei mennüh pahakse, a htväkse meñi. vluast'i muttiheze. krasnoit roittiheze meijän rahvas. dai minul rod'iheze jäl'l'espäi htvä miel'es.

ezmäi kirjutti tämän pajon judina fedośsa ivanowna, ol'i häi vield'ärvil'aine učit/el'nica.

---

¹⁸ А. Ф. Никифорова — одна из известных карельских сказительниц, продолжательница эпической традиции незаурядного рунопевца XIX в. Архиппа Муйлаччу. Она сохранила в своей памяти образцы старинного фольклора и сложила ряд новых песен, плачей и сказок на современные темы. Отдельные из них опубликованы в сборниках: 1) В. Я. Евсеев. Карельские эпические песни. М.—Л., 1950, стр. 271—279; 387—390; 2) Л. М. Кершнер. Карельские народные песни. М., 1962, стр. 95—97, 103, 108 и сл.

95. Как я песни сочиняла

Раньше я как стала думать, лучше думала, думалось лучше: память была лучше. А теперь, как состарилась, память уже не такая. Как начну слагать песни, больше всего получались длинные песни.

Во время разговора людей не могла [слагать], а как лягу спать (некоторыми ночами мало спала), сочиняла песни и слагала.

Когда была в Москве первый раз, сочинила длинную песню. Когда прошла гражданская война, тогда опять сложила песню и после сочиняла, а теперь состарилась. Теперь ничего не могу делать: помнить не могу. Было бы у меня теперь что слагать. Очень хорошая была бы жизнь, да не могу теперь: состарилась, из-за старости не могу помнить.

[Первая мной сложенная песня:]

Было раньше прожито,
Вдоволь горюшка горевано,
Вдоволь горюшка горевано,
Во время старого закона
Бедно жили мы.

Когда я после гражданской войны сложила песню, даже самой было не по душе, что такую песню сложила о том, как палач (Фамилин) красных казнил и как он обещал в город ворваться, но не попал даже на Сулажгору. На Сямозерском погосте стреляли из пулеметов, к нам сюда стрельба была слышна. Мне даже не по душе, думала, что к худому пойдет эта песня, а не пошла к худому, к добру вышла. Власть сменилась. Красные оказались нашими людьми. И мне после стало радостно на душе.

Сначала записала эту песню Юдина Федосья Ивановна, она была учительница из Ведлозера.

Никифорова Анастасия Федоровна. Магнитофонная запись Ю. Ю. Сурхаско, август 1965 г., расшифровка Г. Н. Макарова и В. Д. Рягоева (Каб. зв., запись №№ 571—574).

96. endine svuad'bo

da-h. minua kozittih kolmeh sijah. ezmäi ruoõč arveh kozičči
ješoin mikkul. sil em mene, nu ei n annettu. sie tuldih
õlgamjävvil'äizet. sinne õlgamjävveh menen kužmal, kužma
ivanic_oli. sinne menen.

tul'i oman kül'än briha. jo nügöi saldattannu sluzinuh dai brihasti hätken. minua annetah omah kül'äh — minä meñiz_enl annettih_dai annettih dai vašil_afonašćal annettih.

üheksä vuottu ukon kel el'in, dai ukko kuol'i. lastu d'ai kolme. sit kolmen lapsen kel' el'in, dostal'in ijän lapsie kazvatin da goručin da el'in: kündämizet künñin dai kasked ajojn dai vierdämized viefin dai... nitändü se — nitin dai hivoin stoikkie dai kai muil hivoin. vot krest'anskoid_elaigua muga pidi. minul gofevoi_elaig_ol'i muga el'ia. ñeidizenn_olles kewhü. miehel mendü, koz_ukko el'i, šid_ol'i ül'en hüvä, a terväh kuol'i. sit gofaizet minul d'iaidih; lastu d'ai kolme, piendü.

olgah, en_enämbi sano omua alaigua nügöi, ei_ga minun elaigu kai_vai sanua_ga, äij_on minun... üheksä vuottu, üheksä talvie ñeid'izenn_olles parren_vedoh kävüin, üheksännü talven. a miehel, koz_ukko kuol'i, sit kolme talvie: kahtentostu talven olen parrenvedoh kävünüh. a vuigonkah en kävünüh, vuigonkua en_ajunuh.

nuottua... kezänuotat püvvetüt, talvinuotat püvvetüt, süwret nuotat, pienet nuotat — kail dai murduo luajimmo randoih, meil'el'm id j ä r v e z ol'i semmoine kalansuandu_kohtu, murdua luajittih. kalua meil'_ol'i daže müödäväks_ainos, kalattah emm_olluh_ñi_kos, därvi kalakas, i kalua suamah olin minä moločču, kalua minä sain, kalattah emmo olluh_ñi_kos.

[oligo sūri pereh?]

tuatol_šeičče hengie: tuatto_da muamo da vizi lastu: kolme sizärdü, kaksi vel'l'ie. vel'l'ed nuorembat, vel'l'ed_öldih saldattannu mollei. kriss_ol'i vahnembi, fed'a nuorem, f'ed'a nuorin, kaikkie nuorin. kaikkie ol'i kümme lastu mamal.

šid_vahnin ku el'i. vizi kuol'i ühteh palah: kolme tütärdü, kaksi poigua kuol'i ühteh palah. a sit kolme sai d'ällel, ned el'e_vüimmö, ñel'l'i vie sai d'äl'l'el: kaksi tütärdü, kaksi poigua, nenga pidäw sanuo. sit vizi; vahnin el'_da sit müö ñel'l'ai, nuorembat d'o, vahnin sizär se muga kuol'i, ei_olluh miehel.

a toine, kudai vahnem_minü ol'i, puoldukolmattu vuottu vahnem_b_ol'i minua, se ol'i miehel suo_järvil, ei karjalazel, a suo_järvilazel ol'i (raja ol'i täs čuras d'en_kiliä, mis kohtie se raja ol'i enne, raja. rajaz dokumentat kačottih: «midä viet, midä kuormaz viet?» vai ajamah rubied_ga, k_ed vīnua vie. šidä varattih äjjäl). nu a häi ol'i vie rajas_päi šeiččetostu virstua, kunne miehel meñi.

pruazniekkoih käwdih brihat tänne, nu suomelaizet, suo_järviläizet käwdih tänne, karjalazelet vähä käwdih sinne, karjalazelet sigäl'äizih pruazniekkoih ei käwdü, suomelaizet tänne käwdih brihad. simanam_päiväh tul'i, da sit kizattih da miel'dül_da sit tul'i sulhaizikse_da...

sanommo, dai kieltih äjjäl (minä se en olluh sanojju, k_olir nuorembi da vie); a kieltih heimokundu kai: «midä mened rajan tuakse, da suojarvel mikse mened_da, otetahhäi tänne venä m_ual, da omal mual!». — «üksikai minä menen sem a!». sem a ol'i ukko, sem a h mieldüi da sinnei meäni, suojarvel_oli miehel.

sulhaiziksi simanam_päiväh tuldih vuohtjärkeh (vuohtjärkeh täs pruazneikku on). simanam_päivü sügüzül. no sidi kizattih da istuttih, da sid, el'midd'ärkeh i tuldih sulhaizikse siid.

ajettih tel'egäl, hevol. silloi vie eijo nïd_olluh ammundoi, kos_ku svuad'bo pietäh, ga šïd_ammund_on, a sulhaizikse kos tullah, ga šïd_ei, ei ammuta, sidä ewlo modua kogo.

kozičijua äijügo hengie l'ienne olluh? vel'lie ol'i heidü kolme: kakši vel'lie ol'i, tuattuadah ei olluh, sid ol'i h a r a k a n s t' o p p i — nel'l'äs nu hengie viži. vijjez_ol'i sem a, sem oi, neč_ol'i sekku, sekku-d'iäd'äh.

mejän pertih tuldih. tuldih ku suomelaizet net: «hüvä päivä, hüvä päivä!». lugietah. miksebo, midäbo müö ti_emmö: mikse hüö tuldih? a m a t' t' - čïd'žoi pertiz iäreh näwkahtih. sem a n_kel ku pagistih simänäm_piän aigah_ga; uskaldih sulhaizikse, a pruazniekan d'äl'geh ei tulluh, sügüzül tul'i, sügüzül; d'o stüvzargie vägi kodvikko proid'i, d'o nügöi ol'i lundu mual_da, mua kül'mi. t'el'egäl l'ähtiettih, otettih t'el'egäl sinne, t'el'egöil_ga, daže...

müö meñimmö müödäizikse ni ä t l a h t e n kavut'i, kresloil ajoimmo, a hüö ajettih t'el'egäl, juamua müö t'el'egöil. vot nenga ol'i. d'öngöi d'iäd_ol'i kül'mänüh, dai mual lundu_dai, vai kui ol'i ül'en hagožikko dorogu sit!

l'ähtimmö ku säpsärven d'ärvespäi, nel'tostu kerdua kuavuimmo (ijän kaiken mustan) ni ä d l a h t e s s a h. muga hagua—hagua! vai palaizen ajammo, tata humalas, vai pajattaw, vardojja ei_voi, minä neičukku reis, sit kreslois, kois luajitut kreslat, pitkät, nel'l'ikablahaine regi, šïd_vai mutkammo kuavummo!

sinne meñimmö_ga, sit, d'o nügöi svuad'buu ku piettih da sidi, tämä ol'i, vuoht d'ärven akku, nerokas itkemäh ül'en. m a p - čïd'žoil virtü itköw:

«mittumat dūmaizet ottelit
obrazattomil oččinaizil
da mal'ituttomil muahuižil menet!».
(sie näid ei d'umalua vieruittu äjjäl).

dūmaičemmo: neužel_on tottu neče, neuželi «obrazattomad oččinađ olah da malituttomat muad», ei d'umalua vieruija.

meñimmö_kui sih grigoïn taloih, kačommo nenga seiñie müö, eul obrazua! eul_obrazuoa, tottu pedrin okul'in itki: ewlo-obrazua, tottu on «obrazattomad oččinaizet!» sidi m a p - čïd'žoi vei obrazan, presvataja bogorodica ol'i neče št'oklan kel, vägi tobju nenga ikon se, tobju. se pandih čuppuh. nu_slava t'eb'e hospod'i!

rod'ih obrazu pertih, a hejjän vieruittu k_ei d'umalua, sie ei vieruittu, kuigi nügöi tie, mugai sieä, ühten d'ütüi.

krome obrazua oli, ga sobua mi vähäine oli. maman_oli (pidäw sanua, priduanoi hänel, midä oli no, no) maman_oli sundugu, vahnu sundugu, ewldu nengoizet, kattiettomat, tämä hoš vahnu sundugu_{ga}, tämä on üzi krišku. a se oli sürembi kate, sundugan kate sürembi, sundugu madalembi tädä d'ivanua, se sundugaine, da sit sobua, nu sobua vähäine, se l'ähti priduanokse. vet pidäw miehel menes sundug_{olla}. minä hoz olin puolen kolmattu vuottu, d'al'l'el ma p-čidžoidu i neijistin, yšo_taki sundugu ostettih, neč_{on}, neče, kodoine sundugu, ga_{vai} kruasitt_{on} nügöi toizeh luaduh, se on kodoine minun sundugu. a tämä on tatan, buat'uškan, sundugu. minä tänne ku tulin_{ga}, tänne_i sundugat toin, se on buat'uškan, tatan sundugu. vot. semmoizet mejän elaijad_{oldih}. müö kewhäizet, kewhäšt'_{elimmö}.

a miehel menemäh kui rubein, konz miehel menendütaigu rod'ih_{ez}, ezmäi kozittih ruočar_{veh}, kaksi hengie pereh: ženihü da sid muamo, muidu ni_{ked}ewle. nu minä em mene mikkulal, em mene d'ešoin mikkulal. häi ainos, buit_{kui} häi tied äjjän da maltoi äjjän. a taguine čura ei kattanuhez igänäh. ... l'ehmü kozg_{ol'i} üksi, kosgo ni_{ühtü} l'ehmie ewlluh, l'ewhki.

tuldih nolgam d'ärviläizet. nolgam d'ärveh menen, menen, sid en_{ni} muijal ni_{kunne} mene. a sie ol'i, täm_{oli} nado, minun ukon sizär miehel, lahtes, siämärven lahten niemez_{oli}, sieämärven lahtes_{päi} vie kaksi virstua, ad'vois.

sid minü sinne kučutah, kučutah ofonah. ofonaz_i ruavoim ainoz neidzenn_{olles} vierastu ruadua, ga ofonas hüvä oli heiz ruadua, ei tül'en äjjäl prinüd'ittu i sötettih hüvin. lehmia oli... minä koz mein_{ga} kuz_{ol'i}, seiččemenden minä vein.

sit_{ku} minü sinne kuču_w: «tule_{vai} vaša-veikoil, nastoi, älä mene nolgam d'ärveh, tule vaša-veikoil!». a ku minä em_{menis}: briha vahnu. kunna, ku dūmaičen; «meččü tuaw». vuo^{ttu} l'ähil nel'l'änküm_{menen}ol'i, koz nai. a minul kaksiküm_{men} kolmaz vuoz. ei_{olluh} leski. koiz ewlluh naizis, a afmies kuz_{oli}, ga sie sanottih oli akkua sie^a dai kaikkie. . afmies slüzi. armies slüzi vuottu vizi. pīt'eris slüzi, silloi pīt'erikse sanottih.

sid ruočarven nedi ženihät nolgam d'ärveh ka tuldih, ihastuin. ruočärveh ehki mikkulal em mene, nolgam d'ärveh_h menen, nolgam d'ärveh_h mennüzin, ni_{mujjal} ni_{kunn}em_{mennüs}. tuli oman külän ženihü se: «hospodi pomilui, müd mal'itut piäl». vai ku uk_{ses}päi tuli, ezmäiks sen pagizi, mustan ainos.

mama ku ihastui, sit_{ku} ihastui, «vaša, vaša tuli, vaša tuli!».

«krist'ānowna, rubiedgo tütärdü minul andamah, vai ed_{rubie}?». — «pidäw, — sanow, — nastoil küzüa menöwgo vai ei mene, kunne menöw».

minua kučuttih... midä nügöi sanon? sanozin, što en tule sinul, enbo ruoht'i sanua, mamal roih paha miel'es, tatua ole ei, mamal paha miel'ez roih, häi andaw vašal. «kunn annettanneh, sinne i menen», — sanoin, iče iäre matkain.

vai sen sanoin, dai kukkaron kormaniz derni dai d'engat stolal pañi: «pangavai zalogu, panga zalogu». a mamal d'engua ole ei zalogah panna! kaksikummen viži rubl'ua heitti stolal: zalogu pidaw panna. nolgamd'arviläizien kel oli zalogu.

vot mama sen sanow: «vístostu rubl'ua on, vîzistostu rubl'iz zalogu, se sinne menow, sanow, a midäbo minä rubien svuad'buua pidämäh. l'ehmiä on kaksi, sanow, l'ehmü pidaw, svuad'boh müvvä, toine tüttärel andua, a minä l'ehmättäh en d'ie^a lapsien kel, sanow, sit kui kačot».

d'erni kukkaron kormanis: «taz zalogu!». ezmäi zalogan maksoi sen, žeñihü se, minun ukko, ofoñan vaša, vaši'ii ofonasič. sid d'engat pani stolal: «ota d'engua svuad'buua pidiä, mi pidänow, minul turbie kukkar on» (häi torguičči, kalua keräi, osti sie siämärvez da l'innah vei da barišoičči häi, torguičči).

sid mama sanoi: «en tiä minä luadie vai ei midä, nastoi, sanow, luadiego vai ei?». minul küzütäh: «menedgö?». — «kunne andanetto, sinne i menen!». kunne tahto ga mennä pidaw.

sit sen vai sanoin ga, sit terväh kučuttih küdüä, veikoidu, dai nolgamd'arveh d'engat veikoil annettih, pešal, ofoñan pešal, dai ofoñan pešal hebo val'lahih, dai nolgamd'arveh, što ottajat tullah jo huomei.

a toine žeñihü tuli, pidaw ennen viešt'i vijjä, što ei roite sie svuad'buua, omah kül'äh roih. sit küdü se sinne ajoi, vuoht'arveh, neče nolgamd'arveh, da svuad'ban eroitti dai alletah omah kül'äh luadie. semmoine svuad'b_ol'i minun.

ga nolgamd'arven žeñihü, sid d'ongoi oldih jo valmehet, jo hüö varustettuheze oli tulemah. a sit tul dih täh vuoht'arveh, nečiz oli kül'ä, kokan niemekse sanottih, sih, da sih svuad'bu luajittih da ühtez venčavuz ol'immo. müö venčaičimoksen vašan kel enne, hüö seizatuttih. meidü venčaičči pappi, a kužma se marpan ke seizatui, da kolmaz venčavuz oli vię, saša da sidi miša, nimärven miša oli se, ombelijan trošin vašan poigu, ombel'ti oli trošin vaška. vaškan pogu da saška. kolme venčavustu oli.

müö venčaičimmokseh da vie mol'ebinan ukko se slüžitti, mol'ebinan slüžitti, ku ewlluh juri kewhü ga, venčavuksen maksoi dai mol'ebinan maksoi.

mol'ebinan slüži, kiänüimmö iäreh l'ahtemäh ga, d'o toine venčavus seizoi, se marpu da kužma seizottih.

vaša oli vahnu briha, se minun žeñihü, vaša, vaša. a kužma ewlluz vahnu, dai kužmal mennüzin ül'en äjjäl, ga annettih annettih omah kül'äh.

sit mujjal ni_kunne enämbie ei pidänüh sauua sanuo, vai tuli pertih: «hospod'i pomilui, mūd mal'itut piäl». jallan polgi_ga, ... minul oli kaksikümnen kolmaz vuozii.

ezmäizet kos tuldih, vuoht'ärven tämä kävui grigoin peša, ezmäized_ga, sid_olin vie üheksändeltostu, eulluh_ni kah-tukümnen vuottu, üheksändeltost_olin, grigoin peša kozičči. da sit suo_järvil hämmun vaša_da kozičči, koz_ol'i...

e'enne neidized müödäizikse käwdü, a minä olin vie nuori i loitokse kui meni, minul himoittaw l'ähtie müödäizikse. santahhai: müödäizikse l'ähtenöw neidine, sizärel l'ötöi kassah sivotah, l'ötöi kassah sivotah. minä sanon: «sivottahez, üksikai l'ähten». suo-järvie nähtä himoitti, kunne häi mieheli meni.

no sinne menimmö, suo_järvil. menimmö, obrazain_on; san-tah, suad'ba ku piättih, ga itkiettih virres: «mittumad dūmaized ottelit: «vierahil muahuizil obrazattomil oččinaizil da malituttomil muahuizil». vai pertih meñimmö — obrazu koikottaw čupus. dūmaičen: «kač itkiettih virres (kündäle) «obrazattomad oččinaizet da mal'ituttomad muahuot», a kačo, obrazu seinäl on. dūmaičen, tämä ewlo juri mal'itutoi».

sit sinne suo_järvil meni. müdu mostu; nīedlahten kavut'i ajoimmo, kaksitostu kerdua kuavuimmo, ainoz mustan ijan kaiken. a žefihü da nevesta kuavuttih nel'tostu kerdua, a müö kaksitostu kerdua. a ku hagozikko dorogu. tänne oli d'ihki'l'än kavut'i da kangasd'ärven kavut'i äjju matkua, a sinn_oli, jät külmettih järvilöih, järvilöi müö sinne meidü vietettih nīed-lahten kavut'i, en_d'o musta mi matkua oli, en tiä mi oli_ga, vähemb_oli matkua ri_uhtu_vuara_h sinne nīedlahten kavut'i.

neičutküü

neičutkü'oli ennen svuad'buu, svuad'buu vaste. ezmäi, vähäine, heimukundu ku tulow_ga, itkietäh virtü vähäine, sit kül'ü pannah l'ämmäh, kül'ü l'ambiäw, neičut kül'üh talutah, sit kasan ričindü. neidized pajon_kel talutah. neidized mittumua pajua kül'üh talujes pajatetah? «kto eto dorozku proturil da dobfji molo-dec ko dévicu hod'il». pajon kai mustan. senmostu pajuo paja-tettih.

nu sit kül'üs päi ku tullah, ottajad l'ähetäh, svuad'bo se l'ähenöw, sīd, istutetah jumaloin ual, kassu on ričiotü, kül'üs k_oted, ga tukat ollah l'eväl'l'eh.

sit kül'üs tuldua kassu pl'et'itäh, piä suvitah, kizatah neidizet sid libo brihat, libo ket kizatah.

kassu pl'et'itäh. sit pannah léntočkua-a! kel_vai_ollow neidizil léntočkua kül'äs, kai l'entočkat pannah kassah, léntočkua, l'entočkua — tänne kassu tawzi. podrugat pannah, podrugat. vai se kassu, kai d'ügie_on, muga l'entočkua pannah. omas küläs ol'i

meil' ei äjjiä, pieni kül'a oli, vähä ol'i l'entočkam panijua néjjisttū, a heimukundu tuldih, čuralaizet, toizis kül'is päi neidizet svuad'boh. sid l'entočkua pannah.

sidi istutetah süreh čuppuh, pannah skamnu da sit sih pielus da, pieluksel istutetah, nevesta istuoteh. sit ku kasan ümbäri käis punoh, ei sua piästiä, kodvu pidaw piästiä kui piästie kassu, muga itkōw, itkōw, itkōw, rägizōw: kassua ei anna.

«valgied valdaizet valloittelemmo nügō da, val'astelemmo valgied valdaizet». häi anna ei. ei üksi nevesta, a pošti kai muga, kai muga ruattih, moim ol'i moda.

sido tetah kassu, alletah riččie, da alletah l'entočkaizie kefitiä, sit kai sinne kuksistah, itkōw muga, itkietäh virtū.

tämä oli vuoht'ärven, toaz oli kahten virstan peräs kül'ä, pedrin okul'in, se ol'i ollal'izennu. häi ül'en hüvin itkie maltoi, iäni korgie, hüvä, sit ku loilottaw itkōw, rinnal istuw sie, sidi.

«sinun valgiet valdaizet valloitellah
da kawnehet kassaizet kaksih puastoizih katkaellah
da küzil kučermoizil kučerdutellah da».

neni vai itkōw, nīdū...

«dostal'noit posl'ednoit pädövät päiväizet
ollah omassaz valgeil valdaizil»

(se buite kui, néidzenn ollez oma valdu, a miehel mened ga, ne svoja vol'uška roiteh.)

svuad'buo pietäh, ga äjji svuad'ban aigah itkiettih. kaikil itkiettih: sizärel, mi vai keda miehel menijä oli ennen, ken vai kui ei — erähäd mendih, d'älgimäi...

ennen ewlluh mostu, a koz minun sizär, se ma p-čid'žoi, puoldu kolmattu vuottu minuo vahnemb oli, ninnu vuozinnu d'ön-göi ruvettih suo järvil menemäh tiä tägäläizet neidizet «hüppämäl», «hüppämäl» mendih sinne. pruzniiekkah mennäh, hoz i on gamukseh ivänam päiväh, l'ibo čalkuh mennäh, ottaw suo järven briha sie paginal, kizatah da istumah, dai sinne i l'ähtōw: eigo svuad'buo pietä, eigo midä, sinne miehel i l'ähtōw. se «hüppämäl» menōw tie päi. se oli moine pagin.

mendih erähädi, a mejän ei mennüh «hüppämäl», mejjän svuad'bō piettih, sinne suo järvil meni. nu müdu mostu ewlo ni midä.

vastattih hüvin. hüvin vastattih, müö tiedänüh emmo, mitumah kohtah menōw da kunne menōw, suo järvil vovs emmo kävünüh jedinöidü kerdua sinne piäličä rajaz ga. menimmō kül'äh sinne. üksi taloi vaiku projji (se oli ondrien kod'i), toizeh taloih, toine taloi on täl čural, täl čural tože kodi vīsseinäine,

a huonukset kesken luajindua, sih taloin meidü viedih, sih taloin menimmö.

vastattih hüvin, kai olgilo poltetah, ammutah, kui tiä, ga mugai sie vastattih. vastattih hüvin. menimmö (ei olluh aidua, ei olluh miän ei olluh aidua ni midä, ei naverno sil aigua olluh modua sidä).

sit menimmö, d'aksatettih, samvuarat keitettih, d'uotettih, ei tobd'u olluh samvuaru. meil ei olluh samvuaru, ni kudamal ei mennüh samvuaru, ma p-čid'žoil da ni minul ewlluh samvuaru.

ma p-čid'žoi koz meni ga, samvuarain oli vahnua modua: kaidu pohd'u nenga (en tie mustadgo sinä, näidgo kuz vai ed näh-nüh.) kaidu pohd'u samvuari oli, se oli pohd'u väl'läl. sit ručkih oli sivottu provolokil da pohd'u se oli provolokil sivottu, sem moine samvuaru oli ma p-čid'žoin miehel menend aigah, provolokil sivottu, eigä ei pohd'u püzünüh, ei suannuh keittiä, muite vuadanuh ei, keittiä sai, a nostat samvuaran, dai pohd'u sih d'iäv. sit pidäw panna padah libo mih tahto händü, ku seizattua, ei muite püzünüh. a sit provolokil ku sivottih, sit püzüi. sem moine samvuari oli.

a sit d'al'l'el kulu samvuaru ostettih, se oli hos, kelbo, kemb l'ien now sen samvuaran müönnüh, en kačo musta, tol'ko kul ostettih mejjän brihačut, vel'led oldih nuorembad minua ga...

ozrua kül'vettih. «emmo kül'vä ozrua, kül'vämmö ozrua», mua-tuška kül'vi. a sidi neveskü se, neveskü kudai menöw, ga se keräw ned ozrat, nenga ojjendaw, hoz ewlle peredniekkua ga, hoz pal'ton polan ojjendaw, da mi vähäine ozrua sih menöw, ga net panow ruokkoh. ned oldih ozrad sundugaz, sundugan čuppuh panow ribuizeh, da sundugas sie sobien ual vai hörkötetäh.

minulleñ hejjän svuad'buia ei muga sua mustua, a minul ičel'leni, ofoñ an akku oli se (omah kül'äh minä ku menin ga), kaksinkerroin kävel'i, koukus käveli, meidü čakkai ainos, ainoz meidü čakkai. müö d'uoksendelemmo kengättäh, räččinäzil'leh, kezoil kävümmö, kunne pütta, häi kui čakkuaw: «l'eibiä stüvä ewle, a kezoil kävüttö, d'uoksendeletto: pahad oletto!». sinne miehel otettih, sih taloih.

ajettih hebo, venčal ku kävüimmö, tahnuah, venčuniekkoin tahnuah hebo ajettih, ei sarail. mul aigua ajetah sarail, dai sit svuad'boveh ajettih kai sarail hebo, a meidü, venčuniekkoi, se vie vähäine tieduittih, štobi rod'izih elaigu se bohatembi, onnuako, a en tie mikse sidä, minä sidä tiedua en tie, mikse hüd, a toko tahnuah ajettih.

tahnuah hebo ajettih, kreslois päi l'ähtimmö, tahnutpordahii nowsemah vai ku rubiemmo, tulow vastah, ozrua kül'väw (prižmittih sie, što mene, mene kül'vä, mene kül'vä) kül'väw ozrua. sid minä keräin vähäizen, tuli vähäine, kül'väw ripsuttaw sinne meil' sil'mil, da meil' piäl, mendähez kunne tahto.

sit menimmö pertih. oli, turki mürin muatuskal, mürin turki pieäl (kačo sen vie nohtin sanomattah). sehäi pidäw nepremenn_olla, štobi mürin turkilois vastah tulla muatuskal. ol_oli pordahil oli paltin, paltin l'evitetä, nu, paltin, paltinua müö astuimmo, astuimmo vähäizen.

paltinan l'evittäjil näl pidäw, minul kui četvert'it käis, četvertid ned_annettih venčal l'ähtiejes, četvertii_annettih enämbi; a l'evittäjiä, a paltinan l'evittäjiä, paltinan levittäjiä nel'/i vai vizi hengie liennow, sen vastah četvertie meni vai_ kui, četvertid minul käis. paltinua l'evitetäh, paltinua müö nowzimmo vähäizen, da vieldettih paltin iäreh, da sit paltinan l'evittäjil četvertit — podarkat. (četverti — tämän moine palaine tavarua, tämän moine, hoz mittumua, ei tütü luadu, oli kumakku, libo ruočin sīcu, libo kird'oikaz libo kird'atoi, sem_moine palaine tavarua paltinan levittäjil — četverti).

a kos kui druškīe šuoritetah da suajannaizii, sid druškīl sivotah paikat (täh kačo druškuspaltin ku sivotah, neče kišei ezmäi sivotah, kišei, a sit tossa_päi se kumakku sivotah paidu, a sidi druškīl paikat sivotah, druškuspaltinas, valgiet paikat, piäs piättävät, valgiet paikat, a suajannaizil — četvertit, semmoizet palaizet tavarua, čepčäi pidäw olla. akoil pidäw čepčü olla. oli hoz mittuine tavar! mittumua sie d'öngoi neidizenn_olles puaran ku ostetah_ga, četvert'i diäw, se pidäw panna ruokkoh, d'o četvert'ii suitettü on enne sie).

paltin levitetäh žeñihöin čuras. nado, kui kudamal žeñihäl sizär_on ku_ga, sizär levittäw. a kui sizärd_ewle_ga, ken sie l'ähembäine rodñ_on, ned l'evitetäh sie, žeñihöin čuraz l'evitetäh. naizet, naizet, paltin l'evitetäh naizet. a muatusk_ei l'evitäh, muatuska vai ozrua kül'väw. kül'väw viuhkuttaw: «en kül'vä ozrua, kül'vän ozua!» — sanow. žeñihän tuattoh vastualow, hebuo laskettaw, heboli laskettaw sarail, da häi ei nīh kasainnuheze, koz molodoit tullah, ga häi, tuatto ei kasainnuheze nīh.

a sit kui tullah pertih, ga d'o on stolat pannud_dai čuajud valmehet, sūmized valmehehet, süvväh-d'uvvah, sūömmö-d'uommo, sit tervehtüs stola (ennen oli, ei olluh hñiäzevöidü stola, a d'älgimäi oli hñiäzevöi stola.) minulleni d'o nügöi azetettih: ofoñan vaša se brihasti hätken, briha slavutnoi, d'o nügöi kai händü vuotettih nečine jessoilah oli makoin vašan aññ_oli, kupsan elmär, sih vuotettih sulhaizikse. tuli da — mulan nastoih, elmid'ärveh.

venčal_päi kui tul'immo, tahnuoh hebo ajettih, ei sarail voinnuh ajua. saraid_oli kaksi, pordahad hūvät. venčuñiekoil tahnuoh. brihan muatusku tuli vastah, rieskua_maidua puas. ukko, vaša d'uow maiduo, dai minul d'uotetah, dai minä d'uon, tahnutpordahil maiduo d'uotettih ezmäizikse, vähäizin, nu kerdua kolme pidi rūpätä, toko kerras. kerran d'uow ukko, sid minä, sit toizen kerran opäd'i minä, siit toizen kerran opäd'i häi, opäd'i minä.

sid_otetah pada iäreh, se padaine da sid l'ähtietäh iäreh, da müö menemmö venëuñiekat pertih. sid d'aksatetah, valmehekse otetah, (pal't_oli minul, konešno, miehel koz menin, g_oli pal'to), sÿret paikad_otetah, stolat pannud valmehekse, stolan tuakse istutetah, sÿömized-d'uomizet d'öngö varustetut. sid ezmäi čuajua valetah, čuaju d'uotetah. sit čuajun d'uoduw sih_i ütteh palah-sÿömizet tuvvah, ütteh stolah.

süvväh svuad'boveh. svuadb_on tobd'u, svuad'boveh — stolua kolme piäkkäh: kedä ottajua, kedä müödästü_ga, hengie kaksikümnen vîz_oli, k_ei vai kolmiekümnen.

molodoloi istutetah sÿreh čuppuh, tî'imäizikse, kuz obrazad_ollah, sih ülimäizikse molodoidi. sid meil_oli vie, muidu tervehtettih müh luaduh, a meil oli hñäzevöi stola.

hñäzevöi stola

vie on sÿömine se kesken, ei vie loppieta veruo, a toine stola on varustettu, erinomaine stolä neččih, orren ual. (minä kudamah taloih miehel menin_ga, mustu päčč_oli, kolpakkua ewlluh, nogilag_oli, pertih tuldih savut, sih taloih, omah kül'äh miehel menin). sit varustettih sih hñäzevöi stola, sih pandih l'eibü, obrazu: se tervehtäjez leibiä nostellah obrazan_kel.

sid meidü sinne seizatettih stolan tuakse, sit tervehtetäh. hñäzevöi stola on kui se_ga, ottajad dai müödäizet, a kos kui stolan tagan seizotah molodoit, ga sid_vai kui bñihan čuran heimokundu tervehtetäh, a neidizen ei, neidizen ei tervehtetä. a ku hñäzevöi stola, ga sit kaikin. sid d'engua pannah sih, sid_on stola torielku, sih d'engua pannah. (minul osti pal't'on, tervehtüz_d'engoih pal'to tuli, rublua kolmetostu vie nel'l'ättütostu rubl'ua_oli, muga d'engua äjjü pandih).

ga sit tullah_kui, sid l'eibiä sidä nostellah, obrazaine piäl_on l'eiväl, leibiä nostellah molodoloin piäl: «hüviä muččoi, hüviä vašua, hüviä molodoloi!». — lugietah. da sit se l'ähtöw iäreh, mol'ieteh d'umalal, toinei tulow, toinei tulow. da vie sÿd_annetah, sid mäčkütetäh erähädi, ženihü nevestäl, a nämät, tervehtäjäd nevestäl_dai ženihöl, kudai andaw, net se vähembi_annetah rahvaz_a, nevestäl da ženihöl pidäw kui huigiedu nähtä, neidizel, oi ezmäin_on huigie se, tervehtüs, tervehtäjes. semmoizet svuad'bod endizet oldih, kafelskoit svuad'bad.

heimokundu, kudamad ollah lähembäizet, a tajembaizet, ei muga kävvä, nostellah l'eibiä_da, «olgua tervehennü, molodoid molodoinnu da el'äkkiä hüvin, — lugietah, — da elaig_anna roih ozakas, hüvä iel'veh_päi_da». sidä lugietah da sid l'eibiä nostellah da iäre l'ähtietäh.

venčal lähtijes ku šuoritetah villajizih sobih, kel villaized_on, libo kel... šulkut, se... šulkuloih ei šurita kois, a villaizih, villaizih šuoritam kois, meil k_oli venčal ajandu, kačo, virstua kak-

sitostu, tänne vuoht'ärvēh pidī ajua, ga üksikai kois šuorimmo müö, no sīdi, nīz_olemmo, kuī hūāzēvōi stola se projjiw, ga nīz_olimmo, nīz_vencusovis. a hūāzēvōidū stolua sidā vaiku erāhil oli, vähä oli nīdū, muga tervehtettih stolan tagan: l'eibiā nostellah piäl, obrazaine l'eiväm_piäl, da l'eibiā nostellah_da.

ezmäi kuin venčäl_päi tulet, sit süötetäh-d'uotetah, sid otetah piädü luad'ie. piädü luadie otetah aittah, istutetah, nel'l'ikkö pannah (enn_oli nel'l'ikkö, neče vil'oin mierättävü) kumalleh, sih istutetah žeñihü nel'l'iköl, nevesta üskäh, müö muga istuimmo, briham_polvil istuin.

sit kass_on, kačo, neidizel ühtel kasal tukat ollah, sit kassu eroitetah nenga, kaksi kassua pl'et'itäh, čepč_ommeltu ruskiedu kumakkua, kaksi kassua pl'et'itäh, čepčü piäh pannah, valmeheks_azetetah piäh, sinä vai istu žeñihäl üskäs. pannah čepčü piäh, a sit paikku piäh pannah tänne, kel owle kahtu šulkustu paikkua_ga, villaine paikku sivotah piäh, a šulkuine paikku ujoikse täh nenga.

vietetäh, žeñihü viettäw nenga podružku. tuled_vai ukseš_päi, kumardellakseh pidäw kai neče lat'e, hil'l'aizeh tulla, a kui täs čuras stukočitah, stukočitah, kirrutah: «teriāmbi, teriāmbi, teriāmbi, hüviä muččoi, hüviä molodoloi!». — stukočitah.

sit tulet vai_kui, keskilat't'iel tänne, sit piä avatah neče, ukon tuatto, buatušku, pīrain ajeluz värtinäine, sen ottaw, nokkaizeh, zavodiw nenga punuo nokas, nokas_päi punow, sit punow kaiken nenga, paikan sen tänne punow, piän avuaw, sit žeñihü ünbäri punow nevestiä da sūd_annetah da sidi buatušku se iäre l'ähtöw.

sid müt kävväh sih tervehtämäh, kui hūāzēvōi stola koz_on se_ga, sid müödäizet i ottajat tervehtetäh, da d'engua pannah stolan_tuakse. (stola on orren_ual), mi_än oli, minä kunne miehel menin_ga, mustu päčči, pertih tuldih savut. orren ual pannah. sit_kui piä avatah, sit_ku kolot'ittih, ken milgigi: ken pärejil, ken kaluloil, ken mil.

vaša se_näid vahnu briha, a se oli briha slavutnoi. ezmäi oli saldatannu, saldat_oli. saldatannu_päi kui tuli (saldattannu slūž_onnuako vizi vuottu pīt'eriz häi, pīt'eriz slūži). sit hätken aigua brihasti-i, ei smiet'ittü_ni naindua, sanottih: «ofonān vaša ei nai, vanhu briha». a minä ku rubein menemäh miehelga havaičüi, pidäw naija!

sit sidä periä sit kolot'ittih, kai nogie pakui d'oga sija täwzi pertih, rahvahal piäl, muga kolotittih, da sit se tervehtüs projji da sit süömäh da d'uomah stolan tuakse.

sulhaizet

ruočarveläine tuli suksiloi, suksil. ewlluh üksin, kolmei oldih, kolme hengiä suksil_oli, kaikin kolme. hänel tuattua ei olluh, ruočarveläizel, da_ni ni_kedä eulluh: ni_muamua, ni_tuattua, üksi briha oli.

ga rodñad oldih omad, ga em musta kač ked oldih, muži-
kad oldih, onnuako oli mat't'i üksi, karpam mat't'i, da sit
kembo lienow eräz olluh, kolmē oldih, suksiloil tuldih. sid mama
andaw: briha hüvä, da briha ewlluh vīnan d'uoju da ni slājūst'oi
ewlluh, ei tobjaine brihain olluh, se ruočarven ješoin mīkkul.

mama sinne andaw: «tämä paras žeñihü, da täl pidaw andua»
a minul ei oliz mielätü müö, ei olis. häi vai kui, kizaimma enne
sie, dai paginal olimmo hänen kel ga: «minä püh nowzen, minä
en küzü pordahie, minä oksattomah püh, täh nowzen püh», — sen
vai ku l'öwhki. a koiz ni midä ewlluh!

tuattah kodol'i luaittu, sie d'ešoin kod'i, se ammui luaittu.
bešodua piettih, ruočarveh pruazniekkah kävüimmö, bešodua
piettih sid mīkkulal (uo.) d'äl'gimäi ni bešodah rahvaz ei piästü
pordahie [müö]: pordahat murettih! pordahie ei voinnuh köhendua,
stupeñnie pordahih panna! ei voinnuh panna!

minä en meniz mīkkulal, a mama andaw: «aino poigu da,
pieni pereh da, kahtei ollah, tuatto da muamo da poigu perehtü
kaikkiedah, kunne muijal menét? briha vīnuu ei d'uo, tabakkua
ei kuri — mīkkulal mennä pidaw!».

luadi svuad'bon, kolmiz rubl'iz zalogu pandih. se oli süntüm-
piän, svuad'bo zavod'ittih luad'ie mīkkulal kel, rastavao vaste.
rastavan huondeksel mill'on paha miel'ez: en meniz mīkkulal.
«mama, tūönä rastavah». — «tūönän, kunne nügöi tūönän rastavah!
nügöi zalogu pandü, käin ual oled, nügöi rastavah ni kunne!».

a nuorembat vel'l'ed oldih, kaksi vel'l'ie, vanhemi vel'l'i sanow ga:
«tūönä, tūönä nügöi tämä kierdu, sanow, nügöi l'ähtemmö:». meni
hevon val'l'asti, dai l'ähtimmö rastavah. rastavah ku meñimmö ga,
nolgand'ärvel'äizet pagisutetah: «ñeušto ruočarveh miehel
mened da, ñeušto mīkkulal mened da». ga minä sanon: «ñei-
dine kolen ga, kunne tahto ga mennä pidaw, minul on tožo briha,
mennä pidaw».

a nolgand'ärves oli manieri: rihez oli bešodu rastavan, rihes
piättih, brihad ollah rihes, a neidizet pihal, semmoine oli moda;
ñeidizet pihal, brihad rihes. kedä sinne kizuamah otetah, sit pihal
tullah da pihal päi otetah sinne kizuamah.

sit pihal seizommo, sid otti se kuzma kizuamah: piäzim mīk-
kulaz, dūmaičen, piäzin! sidii zavodihez meil pagin, sit pagin za-
vodihez da sit...

rastavas päi minä tulin, dai sulhaizet tuldih. kolme hebuol
hengie üheksä, kolmin hengil'öin regil'öis. nolgand'ärviläizet tuldih
d'äl'geh minü. minä pertih tulin, kopitin enne päi d'uoksin, kri ssu
da fedá vie ollah rees, vel'l'ed ned minun, a sulhaized, net
kolme hebuo, d'äl'geh ajettih. tul'in pertih: «oi, mama, sulhaizet
tuldih!».

— «midä sinä el'it! leibiä ei ol'e! void eule da ni brossua
eule! leibiä ewle d'edīnōidü, ga ni dawhua eule! midä nügö sanow,

midä minä ruan?». — «rua midä tahto, nügö pertih tullah!». pihalpäi tuldih meih pertih.

«ennen kävüimmö muga, nügöi tulimmo sul'iksi miehiksi sulhaiziksi», — mamal lugietah.

a mamal tatua ei olluh, l'eski oli. — «tulitto ga, d'aksakuakseh», — sanow ga. ethäi sie sano ezmäizikse, što ei ole l'eibiä, da ei ole d'awhuo, da ei ole voidu — «d'aksakkäkseh, daksakkäkseh».

a meil samvuar_ol'i pikkaraine, se oli provolokil krieppittü. mama vask_kattilah vettü, tulehmoh tulen, iče... anna kipätkü kiehü, čuaju keittiä pidäw, iče pertiz iäreh. l'ähti pertiz iäreh mamua ewle.

a minä, nevestäd ennen, hñäginät, šuarittih aitas, šuorin sie, kui yilu-vilu (rastavan aigah tiättäväine on), villaizet piäl, villaizet puarat piäl panin, sulkuizen paikan piäh. küdü se, ofońan peša, oli se tuoju: vie pidi tuvva hñägin pertih. tuli, orren ual: «täs teil ruskie reboi, voinnett_ambua, ga tejjän, etto voinne, ga mejjän».

sulhazrahvas net seizalleh nostih (silloi eulluh küdü, dälgrimäi küdü rod'ih, oman kül'än mužikku), sulhazrahvas seizalleh kavah-tettihez: «ammummo, velli, tämän ruskien reboin, ammummo, tämän ruskien reboin ammummo!». kätt_annoim, tervehüän luajin.

vask_kattil kiehü, čuaju. vask_kattilal kiehü. čuaju kiehui, samvuar_oli pikkaraine, kaidupohd'u samvuaraine, ei tobd'aine. kipätkü kiehui. sie_päi, vask_kattilas_päi, samvuarah kipätkie panimmo, čuajun zavarimmo, d'uotimmo rahvastu.

sit. pīrai pidäw, pīrait pidäw sulhaizil luadie ob'azatel'no, a mamal d'awhuo ewle d'edīnōidu, rugehist_dawhuo. a minä brossua su a v-veikoiz otin vähäizen täs pid'žul a s. tiä_päi ku l'äh-timmö, netiä pogostu kül'äs_päi tiä, da rastavas tulemaz_olen ga, tijjen, ewlo brossua. meñin pid'žulah, su a v-veikoil sanoin: «anna brossua vähäine, sulhaizet ajetah».

häi vellaks_andoi, d'engua eulluh ga, vellaks_andoi. kolme funtua onnuako (silloi funtad oldih), kolme funtua andoi brossua: pidi pīra il sūväindü, a ozran sūrimal, ozran sūrimua sidä vähäine olis sie kois ga, ethäi aganan_kel luaji ozran sūrimas sulhaizil, pidi brossua. mamal sanon: «brossua se minä se toin ga». — «d'awhua eule, — sanow, — d'edīnōidü, milb_ajel'emmo, milbo luajimmo pīraidu?».

pani vask_kattilan sen tulel, čuajun, kipätkie. minä šuoriamah, aitas šuorin, rastavan aigah vilu! pertih tulin: vilu_vilu! villaized oldih d'o. ma p-čid'žoi miehel oli suo_järvil ga, villaized luajit-tih. pertih tulin. a mamua eule kois, mama meñi ofoń a h. ofoń a h meñi sinne, kudai se muatuškakse minulleñi rodīhez ga, se sie lugow: «meččü piäksäw, meččü piäksäw! sulhaizie, tullah! ole ni_midä ei, meččü piäksäw». sulhaized vähan tietäh ongo midä vai eule!

sie toi kartaizen, (pu_kartad_öldih ennen pīrajien piättävät), sen kartaizen d'awhuo, sit padaizen brossua toi, sit sie toi voidu (voidu luatkaizez oli vähäine, ga vähä keitim_pīra, il da olaññoil vähä roiteh) sie toi nižustu d'awhuo, brossua, rugehistu d'awhuo. rubei pidämäh sulhaizie, nīdū varustamah. čuaju kiehui vask_kat-til'as, kipätkü. olaññua luad'i, d'uod'ih. a vīnuu cule, ei sua ostua, ni_vowse, vīnuu eule.

sit pīra, ii luad'imahl pīra, ii luadimah. tahtaz luajittih valmehekse, a ezmäisiksi pidāw, ezmäine kuari névestāl ajella: kačotah, maltadg_ajella, vai ed malta. ajelemah pandih, a ajelendal minā ajelin enne. ezmäine kuari pidāw névestāl ajella.

a sidi, žeñihū se istuw lawčal da puikkuo l'ükkiw, puikkuo l'ükkiw. murendango kuaren, vai em_murenda, se ei ūhtel minul, a se kaikil. kuari ku murennow, sit svuad'bo roiteh, sit se névestā pūttuw sil žeñihöl. minul_ku puikkua l'ükittih — kuari mureil ihastuksiz_on mikkul se, dūmaiččow: «nügöi svuad'bo roiteh, kuari murei». minā kai vārtināizel lekutan: «olgua pāivil'l'eh, älgie l'ekutakkua, älgia kuordu l'ükikkiä, eiga etto pīraidu süö:», nu ga heitetäh l'ükindū, ezmäi sih l'ükitäh, vai murennow kuori (dai ei enāmbiä l'ükitä.

ajelimmo, pīraidu luajimmo. brossua minā toin vähäizen vuoht-järves_päi, suav-veikoi andoi brossua. brossua mama keitti, luadi pīraidu.

süödih-d'uodih, svuad'bo pidāw luad'ie. dai svuad'bo luajittih. kolmiz rubl'iz zalogu. kolme rubl'ua pidāw mejjän d'engua panna, kolme rubl'ua hūö pannah. a mamal d'engua e_ole! e_ole kolmie rubl'ua d'engua. meñ ofoñalluo, se kudai minun buat'ušku rodihes sen l'uo meni: «anna kolme rubl'ua, zalogu prižmitäh panna, panemmo zalogan, svuad'bo luad'ie pidāw».

ofoñu kolme rubl'ua andoi, dai ofoñan tuakse pandih zalogu. hūö öldih rastavua vaste. a rastavas päi on vuasil'jah nedäl'i. minā vuasil'jah menin_ga, d'o olen käin_ual, d'o névestā olen.

mama ei luadis svuad'buu. minā... luadie pidāw: minā kužnial menen, kužmal menen nólgamd'ärven kužmal, a se on vie rastavan d'älgeh dielo_ga, vie venčaič_ei vieristässäh, papp_ei venčaiče. vieristäh on: vuasil'jah nedäli da vieristäh vīzi päiviä, nedäliä kaksivi olla pidāw. üksikai luad'ittih svuad'bo: kolmiz rubl'iz zalogu pandih. kolmiz rubl'is pandih zalogu.

l'ähtiettih prikazal névestän čuras päi: mama l'ähti da sid vel'l'i, hengie puol'ikümmeñ_oli, k_ei vai enāmbiä, heboloil ajettih. sie zalogua l'izättih, vīzistostu rubl'iz_on zalogu. tuldih d'äri'l'eh (ga mamal pidi panna puolet, toizet puolet sie prižmitäh, sigäläizet prižmitäh, što zalogu pidāw l'izätä, ližättih, vīzistostu rubl'iz on zalogu).

tuldih kodih: «svuad'bon luajimmo! zalog_on nügöi, g_ei eruol ni_kunne ei eruo». vīstostu rubl'ua čuras, vīstostu toizes!

ofońan vaša neče pertih kauzahtih, vaiku tuldih prikazal_päi, terväh roiteh svuad'bu, terväh ottajat tullah. minä päčil nowzin_da päčil hörkötän. tul'ukses: «hospodì pomilui, mūd mal'itut piäl!». ukko se minun tuli. «svuadbon go luajitto, krist'juanowna?».

ka mama sanow: «ka svuad'bon, vašaizeni, luajimmo, neidinehäi on, sanow (d'o minul oli kaksikümnen kaksi vuotto, kolmaz vuozì), neidinehäi on, sanow, pidäw se luadie». «rubiedgo minul andamah tütärdü, — sanow, — minä tulin kozil!». — «müöhästüit, vašaizeni, nügöi, — sanow, — minulleń_on, sanow kaksikümnen vizi rubl'ua zalogu pandu, kaksi l'ehmiä on tahnuas kaikkiedah, sid pidäw l'ehmü müvvä, sanow zalogoiz_da sidi svuad'bob, toine l'ehm_andua tütärel, a minä l'ehmättäh en'diä, sanow, pigien_kel, lapsien_kel. nügöi, sanow, müöhästüit».

ku d'erni kormanis kukkaron, räigäi kaksikümnen vizi rublua: «täz zalogu! viego pidäw, vai roih?».

mama kaččow nenga, «ga zalogu nügöi roih, sanou_ga, pidäw nastoi_l küzää kunne menöw».

a ku minä en meńiz vašall briha vahnu, em_menis, ku źma l meńizin! midä nügöi neččih minä sanon, minul kūsütäh: «kunne menet?» minä sanon: «kunne mama andanow, sinnei menien». vai sen sanoin «kunne mama andanow». nügö kunne_tahto mennä pidäw. minä vai sen sanoin, sit terväh kučuttih küdüö. küdüö kučuttih, dai küdü, se peša, hevon val'l'ahih, dai zalogua viemäh sinne, što äl'giä tulgua ottamah, minun vel'l'el svuadbo roiteh, ņolgam d'ärveh svuad'buä eroittamah, sinne meni svuadboa eroittamah. tuldih üksikai!

se oli lahten_pruazneikku, pedrumpäiv_oli pruzneikku lahten. tuldih, hebuo kolme, kolmin hengilöin regil'öis, üheksä hengie! kos_kui tullah, svuad'bo eul_eroitettu, ga kelloloiz ajetah, kellod bembel'ez ollah, a sit kellod heitettü perzien_al, sinne kresloih.

ajettih hevod mat'im_pihah, a minulleni kačotuttaw: tullahgo vai ei; kudaman_illan oli svuadbo se tulendal_ga, sanotah, sanott_oli eroittajil, što üksikai tulemmo, üksikai otammo hos peitoči, ga otammo. ottanuz nuga kuźma se minual minä kačon ikkunah: tuldih! kolme hebuo ajoi, da hevod azetettih sinne toizen taloin pihal, kelloloittah, ewle kelluo. astutah, artel'i, hengie kümмене, meih tullah.

a meil parren_ved_oli sinä talven, seizojua oli äijü, poštel'ie on süri čuppu täwzi nenga ojjendettua, rahvaz muatah dai peräču_puz_dai, a minä karzinuksel magualen.

tuldih, mamua čakkuamah: «midä el'it, sanow, midä svuad'bon eroitit? ken sinul käski svuad'bon eroittua, müö üksikai otammo», — sanow. a žeńihü se (minä karzinuksel maguan) kolpečalluo tuli: «nastoi, nowz_järe, šuarie iäreh, l'ähtemmö venčah! nowze iäreh!». minä sanon: «kui nowzet nügö, netäs minulleń_on paha nosta, ed nowze», — minä sanon. häi šupettaw: «nowz iäre!». mama sanow: «nügöi se sil meni, sanow, nügöi eroitett_on, omah kül'äh annammo!».

hüö mendih toizeh taloih sulhaizikse, rinnal sih, ol'oih. a ol'oi ol'i... (en tie, ol'igo tottu, vai eulluh, sidä minä keskuččua en tie, hoz l'iennow tühd'is nagrettu, a nagroloiz_oli, sanottih buite brihoin_kel ei hüvin häi obraščainnuhez). mendih sulhaizikse ol'oih. nu ol'oih ku mendih, näin vie kužmua, minä nowzin, dai suorin_dai meñin sinne, sulhaizil.

a žeñihu se kui on kužma ol'oin žeñihu_ga, se ei minua voi ottua paginal, a motoram pawloi oli hänen bratan. motoran pawloi otti istumah: «l'äkkä vai kužman_kel, ei ota ol'oidu, sinuw ottaw, mene_vai šuorie da l'äkkä kužman_kel, l'äkkä, venčah ajatto da venčaičettokseh dai, läkkä kužman_kel.

minä kähien l'ähtie: «l'ähten! l'ähten!». a ofoñan yašan_kel on d'o zalogu pandu. «lähten, — minä sanon, — sih d'iahäh».

kod'ih tulin, a perdumpäivü on pruažneikku parahite lahteh, kodin tulin, dai sobua bokkupertih vein (bokkuperti mejjän oli, lavvat oldih ikkunois, ei olluh st'okl_ikkunoi, lavvan, dūmaičen, otan ikkunas_pai, ikkunas hüppiän kresloih dai venčah_ajammo kužman_kel. vein sovot toizeh pertih.

vuoh'tärves_pai tuldih mikkulan oñnoi, oñnoi, oñnoi; oñnoidu vai ei tullus, minä nolgamd'ärveh lähtennūzin. tuli mikkulan oñnoi, dai muidu tuli (ajoi nečine pedrum_päiväh menemäh) a mamal päčči lämbiäw päiväl d'o nügöi d'on vuoh'tärves_pai pruažniekkah menemäh tuldih.

— «midäbo täs svuadbataloiz müöhä nostih, midäbo, sanow, táz vaste päčči l'ämbiäw? nügö, sanow, pidäz_olla pastettu_al». mama sanow: «lämbiäw, oñni-rukku, sanow, sulhazed_oldih_da, tahtoimmo svuad'bon luad'ie omah kül'äh. a üksikai nägüw onnuako lähtöw (nägöwhäi) nolgamd'ärveh, lähtöw üksikai», — sanow.

oñnoi kuin el'evtii: «l'ähtöwgo?, sanow, kasan kobristammo, sanow, ümbäri käis punaldammo kasan, ei l'ähte, sanow, toinah nolgamd'ärveh! šuorie vai, sanow, da matkua kresloih! matkua, sanow pruažniekkah lahteh». (minulleni).

a minä... sovad d'o vien bokkupertih. d'on pal'to bokkupertiz dai süri_paikku, vai kui pal'to piäl čökätä_da, paikku piäh dai ikkunaz hüppiäzin dai kresloih astuzin.

toin sie sovad bokkupertis_pai suorin_dai hebo val'l'astettih. mama čuajun keitti, čuaju d'uadih dai lahteh pruažniekkah. lahteh menimmö_ga, d'algeh tuldih, nolgamd'ärven žeñihät tuldih sinne d'algeh.

d'algeh_gu tuldih: «nügö minä nolgamd'ärveh l'ähten. lähten-lähten!». ol'oi-čid'žoi tožo sie, minul eroitti semoin akku. semoin akkah menimmö, dai_vai čuajua d'uomah rubeimmo, sinne tuli_i kužmu heih, minul d'algeh tuli, što pihal kizatah_da, puaroin_kel kävel'l'äh sid_ga — pedrumpiän on vilu, tuli sinne. čuajua stokanan d'oi, minulleni ainoz nenga: «l'äkkä iäre, l'äkkä iäre gul'aiččemahl».

a minä dūmaičen: «nügöi l'ähtenen lib_en l'ähtene, g_onnuako eroitetah sinuz üksikai, omah kül'äh annetah». l'ähti pertiz iäreh. kui o'l'oi-čid'žoi se minua čakkuamah: «midä sinäl mened nečine, nengoine brihal (briha oli ei_tobd'aine, kaččuo oli hüvä_ga ewl-luh tobd'u: čuikku pošt'i muah čud_ei koskenuhez). nečil nāččä-kühläizel mened_da, ofoňan vašal ku menizid_da, ahtoizet rodnad_da nengoine hüvä heimokundu_da űolgam d'ärveh stobi mene älä! ofoňan vašal pidāw mennäl ofoňan vašall».

minul se miel'i miel'ekse, dūmaičen: «olgaħ, en l'ähte, pidāw kūnella, ku nenga käskietāħ nügö ofoňan vašal, olgaħ vahnu libo mi_ga, en l'ähte». päiväl oldih, minuw pürittāw ainos. minä sanon: «olgaħ, anna pimenöw» (vie muanittelen händü) rodih bešodu illal. ildaizen süödüw bešodah menimmö lawriħ. pürfittāw ainoz: «l'äkkä iäreh, l'äkkä iäreh». d'älgimāi sanoin: «en l'ähte, minuz_ei roite dovariššua, mengiä ajakkua kunne_kačotto, minä, minä sanon, mamua itkemāħ en luaji! mama ku andaw omah kül'äh, menen omah kül'äh, on vahnu briha, ga anna on». otkuažin iäre d'älgimāi. l'ähtiettiħ.

da sid o'l'oiħ ol'i mendü sulhaizikse, ga o'l'oidu ei otettu: o'l'oi ol'iz mennüh ül'en äjjäl_ga, ei otettu. sid rinal se ol'i mat'in o'l'oi. sit semmoine svuadbu minun oli t'ānuššoi da kolme ženihiē, kolme ženihiē oli ottajua, hoz_i en olluh hüvä űeidine, ga ženihiē oli! ezmāi ruočärveh svuad'bo huavattih luad'ie, sid űolgam d'ärveh, sid omah kül'äh, luajittih, omah kül'äh luajittih, omah kül'äh mennä pidi. vot semmoine d'iel_ol'i minul.

kizat

kizua: kadrel'i, lansi, ristukondru. ristukondrua tožo suo_järvi l kizattih_ga, tiä kizattiħgi d'älgimāi. semmoiset kizat bešodah ku mened, ezmāizikse sowd'in. sowd'in vediä pidāw: käveltih tāz lat't'iel. briha zavodiw sowd'inan vediä, sid űeidizel pidāw briha ottua, kenen otat sowd'inah, kenen ottanet, sit se roiteħ sinä illan sinum_puaru, da sidä l'ūbid vikse, sit se briha ottua sowd'inah.

sit sowd'in veitāħ, sit kizuamah, velgoi maksamah. se roiteħ ku velgu, sowd'inah ku ottaw. sit velgu maksetah, da sidi kizataħ üksikai kai aigu sit, ken väl'l'ināin_on, a ken puaroin_kel, ga sid istutah lauččoi_müö, briha da űeidine istutah lauččoi müö bešo-dois, semmoized bešodat.

a kezäl kui d'armanku, ga pihal. simanam_päivü koz_oliga. . simanam_piän oli ol'koila_z d'armanku, a tossupiän simanam_päiväs tiä, tas küläs, pogostu_küläs. tossupiän simanas. kaksi päiviä pruažuittih ühtend'ütüi, kui simanam_piän, mugai tossupiän. ei ni_ken ni_kunne pošt'i l'ähtenüh, ku kel_ei_l'ienne kireħ äjjäl olluh, kaksi päiviä pruažuittih simanam_päiviä.

ga sid omah kül'äh annettih vahnal brihal. ei enāmbi sanua annettu valdua sanua. taloi, űksi taloi keskie, kolme taloidu i oli,

riädükkai el'immö, minä nokal, toizel nokal meün. ūzi kod'oli d'o lua, ittu, nostettu oli jöngöi ühteh tukkuh, vai kui eulluh muas/terdettu da ni päččilöi eulluh, da ni ikkunoi da ni midä, vai kui nostettu oli, seinäd oldih. a sid minun mendü ūzi kod'i valmistettih.

mitte minä, hoz ofoñan vaša se vahnu briha oli dai... üksikai häi oli briha ewlluh paha, vinan duoj_oli, d'uomari oli, nu toriz eulluh. nīdū, sidä sluavua ei olluh, što häi on kus tahto pahal tolkul, ei olluh. saldatannu slūziinnuh oli. nīdū minä ni midä en... anna ol'i midä tahto...

ga pereh oli sūril eruomaz oldih, hoppu, hopunalaine pereh oli. nuorembi vel'l'i oli nainnuh ennen. lastu oli jo nūgöi nuorembal vel'l/el, minä koz menin ga, vīzigo liennow olluh; ūksi okki, toine paša, kolmas... peša, d'ohor, mappi. d'o oli lastu, vīzi lastu oli d'o minun mendü.

nu a sit. sanomah ruvetah, vaša se sanow, briha, vahnu briha hoz_oli, minun ukko se, vahnu briha_ga: «nengostu perehtü sūötämäh emmo rubie, iāreh eruommo». da sit kümme nedäl'ie minun mendü oldih ühtez_dai erottih. tata_da mama, buat'ušku da muatušku mi_än_kel l'ähtiettih, nel'l'i hengie rodih pereh. a kūdū se, veikoi, omah pereh_kel. meidū boppupertih, mustu päčč_oli, pertih, ūzi kod'oli valmistamattah, pertiz oli mustu päčči, veikkoidu boppupertih, meidū mustah päččih. mama ei l'ähtenüh boppupertih. boppupert_oli valgie päčči, ga ei tobd'u pert_olluh.

sit kod'i val'mistettih, ūzi kod'i, ūzi kod'i l'äht_erotez vašal, vahnemba vel'l/el sil, a nuorembal d'äi kulu kod'i, se huonuksed_dai kod'i. sit kod'i valmistettih da sid ūdeh kod'ih el'amäh memimmö.

venäl olimmo da sit projittih net tervehtüsstolad da kai, sit pūörittüzil. g_omas kül'äs k_oli dielo, g_ei loitokse kävvä pidänüh, ol'immo, omas koiz olimm_üödü.

lahjat

michel ku menet, hos minä l'ibo mūt, moin_oli moda silloi, ga lahd'ua pidi. ken_oli bohatembi, nīl pidi enembäl lahjua, kewhembäl vähembi. nu vso_taki müö olimmo kewhät, lahjua pidi kaksikümnen vīzi piäsijua andua: vīzi pluatt'ua (kümme aršinua pidi pluatt'ah), vīzikümnen arsinua pidi pluatt'oih, a sid mūt sie pajjad, da sid hiemajkse kaks_arsinua, da kird'utetud emmustat. kaspaukka vīzi pidi olla kird'utettu.

ei pidänüh endizil neidizil kaluloil piäl piädü pidiä ei pidänüh. pidi kird'uttua, ezmäi paltinat kudo, sit kird'uttua, varüstua lahd'ua äjjü pidi.

nu sid minun svuad'bo meni, kaksikümnen vīzi piäsijua lahd'ua. lahjat žeñihön čurah. omal perphel meni: buat'uškal paidu da druškuspaltin, küvül — paidu da druškuspaltin, neveskäl pluatt'u.

da räčč'in, muatuskal pluat'/u da räčč'in, sid vie pidi ñeičukal, ñeičuk_oli do tobd'u, hänel pluat'/u. nu hänel arsinüa kuzi, ei pidänüh kümmedü, a toizih pluat'/oih pidi kümмене arsinua toko pluat'/ah.

nu da sit muil, nad_oli lahtes, navol pluat'/u pidi, navon ukol paidu, druškuspaltin. kolmekümnen piäsijua meni kuda_kelgi, heimokunnal, ukon, ukon čurah. mi_än čuras_päi tuvvah lahd'ua. ñeidizel tuvvah, a ukon čurah andua pidi. svuad'bo tobd'_ol'i, kewh'_ol'i, kewh_oli mama andaju, a tatua eulluh_a, rodñat tuadih äjju, rodñat tuadih äjju. rodñat k_ei tuadanuz, ga sen vastah go ostua suas, kaksikümnen vizi piäsijua hoz oijendavai, se piäsija čotaičč'iehez: pluat'/u—piäsija i paidu—piäsija, i räčč'in lugiettih, emmustan hiemait, emmustat, kird'/utetut, kird'avu helmad emmustat, tože piäsija čotaičč'iehez. kaksik'ümnen vizi piäsijua minul meni, lahd'ua. svuad'bon luadijes, se svuad'bon lujates lahjat pajistah, konzu lujatah svuad'bo. koz mama kui sanoi: «ei vašai-zeni sua luad'ie svuad'buu, ei. vaste vie sanow, ühtel...». (kaksi zalogua hülgävüi minulleni, üksii zalogu pandih vīzī rubl'iz ruočarveh, se sinne hülgävüi. ñolgamđärviläizet tul dih. ñolgamđärviläizet: «kaksikümnen vīzi rubl'ua pidāw zalogu, što b_ei eruos». a mamal d'engua ewlo. ofoñan luo meni (se buat'ušku rod'ih minun). zalogu prižmitäh, d'engua ole ei, tata d'engua andoi, ofoñu. mama zalogan pañi).

a sidi tul'i kui vaša se, ukko_ga, mama sanow: «ei, vašai-zeni, nügö, sanow, minullenni_kui svuadbuo luad'ie da zalogad maksua, ga sid l'ehmiä pidāw müvvä, toine tüttärel andua, a kaksi l'ehmiä i on kaikkiedah, sanow. nügöi, sanow, müöhästüit, nügöi sinul ei roite, kunn on tuohus toivotettu, sinne palaw». kukkaron kormañiz d'erni, d'engua stolal l'ükkäi, kolmekümen rubl'ua, onnuako l'ükkäi, en_d'o musta hüvin_ga, enämbän zalogua l'ükkäi, zalogua oli kaksikümnen vīzi rubl'ua. «viego pidāw, vai roih?». — mamal sanoi ukko se minun.

mama kaččow nenga d'engoih ñiñi: «ga ongo táz äjju sinul d'engua?». — «luve! kačo äjju go on». mama kaččow: kolmekümnen rubl'ua. «kaksikümen vizi rubl'ua on, — sanow, — zalogu, vie on vīzi rubl'ua tās piäl». vie kümмене rubl'ua l'ükkäi: «na! zavod'i svuad'buu pidiä! älä vai sano ñi_kel, što minä annoin enämbän zalogua».

zalogu se obezat/el'noi on maksandu, a piäl d'engoin, ñidü pe-rehel ei pie sanua. kozičč'emah sid rubei häi. autti, ku häi oli... torguičč'i. kalua keriläw siämärvez da sit ned l'innah müöw, da sid sie tuow d'awhuo, tuow brossuo, rugehistu d'awhuo, ñižustu d'awhuo, ñidü müöw kül'äh. ostaw huogehembah sie tukulleh l'innas_päi, a rahvahal müöw kallehembah. sithäi hüvin el'ettih. dai kois tožo el'ettih hüvin, vīzi l'ehmiä oli, kuv-venden minä vein_ga, a meil oli kaksi: mamal üksii d'äi, minul andoi toizen. minä olin kewhü ñeidine_ga menemäh, menend_

aigah, koz ol'in miehel menijä ga neidizennü, ga sid hüvännü piettih. tottu, hüvännü piettih, hüvännü, ei pie riähkiä paista, tühd'ia, tühd'ia ei pie paista.

suo järvil vizitostu piäsijua tožo meni lahd'ua, sinne väha, sinne vistostu piäsijua kaikkiedah. a minul nel'ikümnen piäsijua pidi. suo järvel ei mejjen luaduh, sie tožo terväh projji. kos kui menöw neidine miehel hoz i suo järvel, ga mi, ään luaduh piettih svuadbo. piä suvitah, tukat kahtel kasal pl'et'itäh, čepčü pidäw d'o nügö ommella tiä valmehekse ruskiedu kumakkua, kir-d'atoi čepčü, ruskiedu kumakkua čepčü piäh pannah.

tuodih pertih, stolan tuakse viedih, kumardelihez nenga, eigo tervehtettü, eigo käwdü ni ken, da sen kel stolan tagan päi iäreh da sit sümäh. käwdih, stolan tagan päi vähäine lawčal istuttih, sümized varustettih, kaksi stolua piäkkäh, sih pandih stolal sümized da sit sümäh.

lahd'ua vähä meäni, ei sid annettu lahjua. lahd'ad, menimmö kui, sid annoimmo, mendüw, müödäizet, müödäizet ku menimmö, sid lahd'at svuat'al da svuatul da nadoloil. naduo oli vizi: üksi oli miehel, nel' i tütüö, a tütöl'öil n'l kel kaks aršinua da kel kolme aršinua. a vai kui miehel oljal sil, ogoziz oli miehel nastoi, sil pluat'an annoimmo, kümnen aršinua. da sid sümized luajittih da d'uomized luajittih, sūdih, d'uodih, söimmö d'oimmo da sid rahvastu pandih muate.

ženihän kots

huondesel molodoid nostatetah, muatušku menöw nostattamah, huondeksel nostattaw. nostah, ei müödäizien diel ole, matuškan d'iel on, muatuškal pidäw nostattua, ukom muamal. ukom muamo nostattaw.

sit kül'ü d'öngoi on l'ämmäs. süvväh da d'uvvah, kül'ü valmistuw dai kül'üh. kül'üh kävväh da sid gul'ajjah, hevod val' l'astetut kül'üm pihal. sit heboloil kresloih da sid gul'aičutetah.

sit kuni kül'ü, enne kül'ü zawtrakojjah, kuni kül'üh kävväh da kuäni gul'aičutetah, sini i murgin valmistu. sid d'ongo murgin on se sümöine valmis, murginan čottu se süvväh. toine kierdu da d'uvvah sümöizet-d'uomizet, sid müödäized iäreh kod'iloih l'ähtietäh, molodoit sih d'iahäh. kolme üödü menöw, sit tullah püörütüizil.

venčal tuldü

...vai venčal päi tullah, ezmäzikse päčil, sit tuvvah d'uvva (ženihü da hñagin päčil istutetah, vai d'aksavud čai nowze päčil da päčil istoi). päčil rinnakkah istut kodvaizen, čuaju vie ewle kiehunu, samvuaru kuäni kiehü da stolal varustetah, sini päčil. da ül'en on se hüvä. müö kui venčal tänne vuoh' ärveh kä-

vüimmö, o f o n a h menimmö_ga, meil_oli, hot köwhäd_olimmo, ga valgie päčči_oli, ei tuldu savut pertih, a o f o n a z oli mustu päčči, pidi pidiä uksi avoin.

menimmö kui ga, olañua luajitah, sidä pīraidu luajitah, uksi avoin, truba avoin, perti vilu, vilu, meidü pal'tom_piäl heitimmö da päčil, päčil, da päčil istuvuimmo. hoz savua vähäine oli_ga ničevo, l'ammin oli sie. istuimmo kuni varustettih dostal'i süömine se. sit truba salvattih, da sid uksi salvattih, sid rod'ih l'ammin.

päčil annettih ezmäizikse juvva, annetah maidua libo mard'an herua, mard'ua, mard'an herua annetah, štobi lapsed rodizih verevät. sih niškoi annetah, štobi lapsed vereväd rodizih, a maiduo ga, roiteh lapses valgieverizet tože, sid d'uotetah ezmäi mard'an herua, minä d'uon i žeñihü d'uow, kolmeš kerdah minä d'uon i žeñihü d'uow. sid maiduo — rieskuo maiduo d'ället, päčil, sie päčil istummo, sie d'uommo. pīraid_ei päčil, vai_ku d'uvva annetah venčal tulduw, ezmäizikse annetah maiduo, štobi valgieverized rodizih, a sidi mard'ua annetah, štobi ruskied rožad rod'izih lapsile, se on primiettü, ennen oli, kui päčil ollah molodoit, annetahe rieskuo maidua, mard'ua.

sid süömized_on valmehed se stolal, sid vähäizen päčil_olemmo, süömäh da d'uomah. süömmö da d'uommo sid ühteh palah. sid ühteh stolah sih čuajut tuvvaž dai süömized. süömmö da d'uommo, stola kabrastetah, net süömized iäreš, pühkimed d'äri'l'eh ojjen-detah stolil rinnal, l'eiväl piäl obrazu, sid molodoit stolan tuakse mennäh.

sit tervehtämäh kävväh, ga d'engat sih toñielkal pannah da sih l'eibiä da obrazua nostellah — blahostovitah. vīnua, vīnua stolal ewle sidi tervehtüzaigah. hñäzevöi stola, ku meil oli vie hñäzevöi stolā ga, sidi stolaz iäre l'ähtimmö da sid orren ual seizatuimmo, sid vīnua oli. stolaine sih tuodih vīnubutilku sih stolal da fumkat stolal, sit čikaittih, d'uodih sid, molodoloin_kel čikailah da heimokundu, se kedä tulow sih tervehtämäh, ga ned, sid d'uodih vaiku hñäzevöis stolas.

a ku kozi kačotetah muččoidu, täs süres čupus seizotah molo-doit stolan tagan, sid ewle vīnua... ei d'uvva vīnua tervähtüzaigah. ewle, endizes svuadbož ewlluh. süönd_aigah vai. ga d'o nügöi sid_ollah d'o humalaz rähistäh d'o, d'o humalaz_ollah svuad'boveh.

kos tullah venčal_päi, d'enguon d'ongo valmis käis, hodb'aine d'engu, nu vai_kui tuled ukseš_päi, dai päčil vai kamahtah. mej-jän kolpakkua ewlluh, mustu päčči_oli, pertih tuldiš savut. kos_kui tervehtämäh ruvettih, d'engan sen minä päčil l'ükkäin, sinne vai kamahtihe, venčal tulduw käskiettih l'ükätä. en tie vīs-tostu kopeikkuago oli vai kaksi griunua oli, em_musta sidä, a d'eng_oli hodb'aine.

sit kui söimmö da d'oimmo, sit se tervehtüstola rod'ih, mučoin kačotus, sīt_kui riehkittih orziloi, da sit otetah net kädeh, kedä_mi:

ken kalun, ken min_ottaw, sit_kui riehkitähbäi, kirrutah: «hüviä muččoi, hüviä-ä molodoloi, hüviä muččoi!».

sit kui nogie kirboi, oi hospodil minul oli šulkuine paikku, oli keldaine paikku neče, valpas keldaine, ga sid rodih d'oga sija täwzi nogie paikkah! a kui mül pertil_ga, sit täwdenäh kai_onl alahakse jo suwred ned novet kirvotah alahakse, a pertis onhai kui savuine! muga nogie l'ähti, muga kolot'ittih! mustu päčč_oli ofonäs. ga annettih räd'zäitettih minü vägehes.

vie lahjoih näh

venčal_päi_kui tullah žeñihö da névestä, sit pidäw hnäginäl panna ezmäiziksi konečkah käzipaikku, kaikkie paras käzipaikku. muatušku ottaw sen käzipaikan, muatuškah niškoï. névestä panow käzirivun konečkah, vuarnad_ollah seinäl, tiä, a päčil'l'üö on semoine kočkaine, ribuo pidiä, käzie pühkie, i sih pidäw panna paras käzipaikku muatuškah niškoï. sid muatušku sen ottaw da kabrastaw. käsipaikku, a müdu lahd'ua pidäw andua svuadbovehel: nadoloi, kütü'l'öil, d'iäd'öil, d'iäd'inöil, t'äd'il'öil — kaikil lahd'ua andua pidäw.

minul meni, naprimer, hoz omuadani svuadboa, kewhäl ristikanzal_ga, kolmekümnen viži piäsijua, puoliñel'l'ättükümnen piäsijua meni, a piäsija lugiettih: paidu — piäsija, räččin — piäsija lugiettih, a pluat't'ua meni kaheksa onnuako, kümnen_äršinua pluat't'ah. nu ga mejjän ei rodinuzih sen vastah pluat't'ua da_ni tavarua_ga, žeñih_osti. žeñihü ku lahteh kävüi, sid illal ajoi mejjän pihah hevon, sit kolme kuskua ku toi, mamale ähkäi täh: «täz lahd'at, vai, — sanow, — miäriä da l'eikkua». sid mamal oli hüvä, valmehekse osti lahd'at.

nu omah kül'äh menendü oli_ga, hänel ei loitokse ajua pidäñüh. illal tul'i pimiez_da meih ajoi, miän pihah ajoi hevon da toi net kuskat pertih, sid vai mamal oli ruadua l'eikata. a meil rawkku ei suannuz andua, müö olimmo kewhät, ei suannuz andua, ni_vouse, a kui valmehekse toi. sizärdü kävüi svuad'boh kuččumah lahteh, lahtez_oli ol'eksien vašukki, kupsu, torguičči. sit sie otti kolme kuskua. da meih toi tavarat net.

sid mamal oli andua hüvä, sit andoi, mi küzüttih, ga sen_i andoi, pluat'at, seičče pluat't'ua, kümnen_äršinua toko pluat't'ah... tahnuoh pidi, pidi sinne kiägäh pidi käzipaikku kird'u, štobi_ku kird'ad oliz nengoizet ehki hos, hüvät kird'at, kudai on ül'en kird'u_käzipaikku. se l'ehmäh niškoï, l'ehmü vie ei tule, a štobi l'ehmän tuandah niškoï siduo käzipaikku kiägäh. ol'_oli se moda.

a sit pertih kui tulet, kaikkie ezmäizikse konečkah käzipaikku pidäw panna, kus käziribua pietäh, sih muatuškal käzipaikku. a tahnuoh sie erähät pandih, a erähäd_ei. ezmäi vie ol'i moda, a d'äl'gimäi ewlluh sidä modua, štobi l'ehmän tulles käzipaikku panna. müö panimmo, d'iädin täm_oli vuoh't'ärvil'äine, häi käski vahnah modah_vie. a sit se moda loppih.

rahvas névvotah

...minun oli svuad'bo se pitkü, zavodittih d'o nügö, rastavas_päi tul'in, sidi sulhaizet tuldih, sid d'ongoi zavodittih svuad'bo. a kolme nedälie om pedrum_päiväh, pedrum_päivü oli kolmampiän, pühämpiän olimmo venčas, nedälie nel'l'ättü tänihez.

sid minä kävüin sil keskuçal kalmoil. tata oli kuolluh, a mama oli hengis. kävüimmö kalmoil, poikki d'ärvez ewlluh... dorogu oli vai_kui randua müö d'ärvirandua muö kalmužimel ewlluh dorogua, a vso_taki kualoimmo, kualoimmo. sie pominoiččimmo, da silloi en_ni maltanuh itkie vie virtü, d'al'l'ezi virt_itkin, sie pominoiččimmo da pokoiniekaz otad blahoslovenñan: «blahoslovi üdeh elaignah, üdeh elaignah l'ähten».

se névvottih, muga käskiettih, ei tühtel minul, a kaikil se muga. se on obezatel'noi, se roiteh buite kui johai üz_elaigu roih el'ettäväkse, toizeh taloih mened_ga. ennen toko sanottih: toizes talois toizin ukсед ulvotah, toizin veräid vingutah, toizin vettü kannetah, ei kanneta oman koin jütü vettü. a ukсед da veräid buite ku tühtend'ütü kävell'äh_ga, sana sinne menöw näit, toizeh taloih mened_ga. toizeh taloih mendü et_tijje_ni_midä, midä pidäw zavod'ie ruadua, d'oga ruado pidäw küzüö.

enzimäizet ruavot

nowzed huondeksel, nostattaw muatušku, küdeh nedäl'issäh d'oga huondestu nostattaw, hod' d'allaz_oled, ga üksikai sie post'e-l'il virud: anna tulow nostattamah. nostattaw: «neveskü, nowz_äreh!». nowzet, sil'mät pezet, süömin_on valmis. «istukkuakseh, süögie!». süöt. «midähö nügöi ruadanen? ast'e_igo pezen, vai midä ruan?». koz käsköw čuaskoi pestä, ast'e_ī: «peze čuaskat da astiet». pezet.

sid_andaw, ezmäine ruado, pelvastu, kuožal'ih pelvastu ezmäizikse: maltawgo mučoi pelvastu kežrätä vai ei malta. ezmäizikse pelvastu tuow: «täš kiäriččü, vadvo, pane loppu kuožal'ih, kezriä pelvastu». voidgo loindu kežrätä vai ed voi. d'o svuad'bo ku proijiw_da ned ezmäized ütö projjitah_da müödäized d'o l'ähtietäh iäreh, no, kuna_piän l'ähtietäh müödäizet, se on venčan projjihuw kolmas päivu kolmandennu päivän, sit pelvastu kiäričün tuow, vadvo loppu, da pane kuožalih da kezriä loindu. sit hod_ed l'ienne enne kežrännüh, ga sid kežrätä tulow, voidgo kežrätä loindu.

a kaikkii ezmäine ruado on se, kui huondeksel maguamaz nowzet, sil'mät pezet, süömäh vai_kui ruveta istuvuo stolah, sid d'awhuo tuow (ennen oli kačo sielikanned luajitut, tuohez luajitut) d'awhosielikannen tuow: «täz d'awhot!». ičei dūmaiče, kui pidäw sriäppiäl a se névvottih, što d'awhuo kui tuow, ka d'awholoih käit pane, käid anna d'awhovutah. ičei dūmaiče, kui pidäw el'ia da kui pidäw sriäppiä.

d'awhoiloih käin panet, käit d'awhovutah, käit pühkid nenga, sit süömäh; kaikkiih ezmäzikse d'awholoih pidaw käit panna. sielikamed on sūret, tuohez luajitut. heittäw: «täs sinun elaiгу, maltaned el'ia ga el'ä». ei sano, što pane d'awholoih käzi, a se on ñevvottu enne, döngö muga ruattih d'ogahine. «täs sinun elaiгу, maltaned ga eläl d'awhuo täs on!». sid d'awholoih käit panet, d'awhot puistat, käit, sit otetah d'awhot, kabrastetah. kaikkii ezmäine se d'awholoih käit pidaw panna.

a sit kui süöd da d'uod ga, sit sinä piän posti ni midä ei aneta, a tossupiän ezmäzikse annetah villua. kaikkii ezmäine ruado — villua kuažalih, villukuažali: maltadgo villua kezrätä vai ed malta. a villankezrävö se on: üksi primiett on, što oza, se roiteh ozakas, villua kezriäw, ga se oza. a toizekse: maltadgo vai ed malta villua kezrätä, mittumua kezriät. ñeidizenn ollez ei sua maltua kezrätä, eräz ei malta. a müö ku olimmo krestjuaninad ga, kezrätä pidi omua villua da vie vierastu villua kezrätä pidi.

villulabohoižen mama tuow, müatušku, kuažalin tuow, värtinän tuow: «täz, ñevskü, ruado, zavodi ruadua, zavodi tädä ruadua». se buite ku ozakaz roiteh: villua ruata, kezrätä ga, sid oza parembi roih. yillua ezmäzikse. a sit tüönüd ga, sit villua kezriäd vähäizen. ollow kui labohoine ei tobd'embi, käskenöw kaiken kezrätä, ga kezriät, ühteh palah ei sua ga, kozgi kezriät, a ollow tobd'embi, ga iče kezriäw, loppow. vähäizen kezriäd da: «täz minun langat, minä kezriän!». menendäd oldih semmoized ennen. ezmäzikse d'awholoih käit, sid villua kezratä; se vai kui on, enne d'uondua d'awholoih pidaw da süöndiä käit panna. d'awhot pühkit, sit stolah, süöd da d'uot, sid villukuažali valmis, kezriä villua!

kävüimmö vettü tuomah? villua ku kezriät, sid valmistetah murgin. murgin süötetäh, sit veil: «molodoid, mengiä vettü tuomah!». kahtei menet, šaikku sie on lähtiel: korvoin ammuldat, ukko iel, mužikk iel, a akku d'al'l'el, vettü kadamah rubiet. tullah — korvoi kuatah bräwžätäh, d'edinöidü vett ei d'ia. dorogal korvoi kuatah, d'äri'l'eh astut.

däri'l'eh menet, korvoin ammuldat, tostui vuotetah, sit tostu vuotetah, pripivöičet: «ei pie kuadua tostu korvoidul roiteh ühtes! üksi mučoi tulij oli, eigo nagrettaw olluh, roiteh ühtes korvois!» sit väl'itütäh, ei kuata eiga nagrokse kuattaz vie toine da kolmaz, a sit... minä olin sih niškoi rohkie. sanoin: «roiteh ühtes korvois! üksi mučoi ol'in tul'ii, engo nagrettaw olluh! ei tostu korvoidu pie, roiteh ühtes korvois!».

toimmo pertih vettü korvoin da sid heitimmo kannandan. a vezi korvoi, vettü, vettü, vettü kannatetah ezmäzikse, äjjiä ei, a korvoi se tuvva pidaw, se on moine primiättü: maltammogo kandua, vai ei.

ga minä ofoñaz ruavoin (näitgo kui vihmuw, päiviä pastoi, vihmuw zudiw mil'l'eh!) ofoñaz ruavoin vierastu ruadua ñeijis-süzajjan kaiken: heiniä ñittämäs, leikkuamas, tüödü pergamas, rihi'l'öi puimas — üli vuvvet, d'oga ruadoizet! a rihen kui puimmo,

vel'oli nuorembi, a nai ennen, ennen kui nai ga vahnembi käl'tü rodihes, minun ukko se oli vahnembi ga, d'äl'l'el nai. a toko sanoi: «nastoidu riheh pidaw ottua, sanow, nastoi vai viškannow, sanow/d'üväd ga, d'üväd rümenih ei mennä, erotah d'üväd rümenih». minä viškain hüvin, lofko viškain, ei mendü d'üväd rümenih. a ol'oin ku ottaw riheh (rinnal oli sid neidine), «ol'oi, — sanow, — viškuaw, ga d'üväd mennäh rümenih». sem mustan toko ainos.

a bükkuua piettih, toine sana oli vie bükum piendü sana. sobua ku reduvuw, sit kül'ü oli omaz rannas, sidi kerätäh (paltinsobua oli ennen) sovat puččih, puččih pannah sinne sovat, piäl postel'i, piälüstü, kui netäs pučči täz oliz_a, sit pannah täh purd'eh puikot nenga ümbäri-ümbäri, last'ikot pannah ümbäri. sit sih posteli pannah, purd'eh puikkoloil. sit sinne tuhkuua, postelih sih tuhkuua pannah, sit vettü. vett_ammuldetah, ammuldetah.

ülen oli ofoñas suri bükku, korvoidu kolme meni vettü. sobua oli äjju, täwzi bükku rod'ih sobua.

sit kruanas valetah. valetah, ezmäi on tühd'ü vezi, valetah kui sid nih tuhkih kuatah. opädi_i valaw, opädi tuhkih kuadaw, sit sinne poro menöw. sit tufen luadiw, kos_kui vil_on, ga kül'üs keitti, a kos_ku l'ämmin_ga, pihal tuli palaw, da kived hilutah, sit sih vai tuhkie nıl_vai kive laskietah. kive laskietah, kuni vai pohd'u hilu sie, sini ei heitetä laskendua, päivät keittäw bükkuua keitti. piäl'ici kiehuw barbattaw, sidi. nečis, post/el'iloil, kus tuhkad_ollah da purd'eh puikkoloil, sit kiehuw, a alači laskow kruanas sie nečidä porua sidä, vettü sidä sie on vie vilu, ei vie l'ämmin läbi sovis: ülen on suri pučči sobua. sit tostui kive hiluttaw da tostu_i laskow kive, tostu_i valaw kruanas, sit valelow_valelow da sidi lämbiew pohd'u, l'ämbiew sit.

ofoñaz ei kirehtettü sinä piän pestä, tükse d'iätettih pezemättäh bükku se huondeksesah, huondeksel purretah vai kui se.

lemmen nostandu

mat'vi-diädüskü tiedi vähäizen: živatat ku meččäh tünät, toiči ei tule l'ehmü kod'ih, ka hänel'l'üö käwdih. häi sanoi, što pahan d'älgil'öis piel'ic_on lehmü mennüh, pidaw kiänüttia. sid häi kiänüttämäh kävüi, dai löwdüi l'ehmü. koz_vai häi kiänüttaw, sid l'övyetäh. a enne sidä ei l'övyetä: üöl'öim kaksin-kolmin on mečäs, häi sen tiedi živattoih niškoii vähäizen.

i lemmen nostandah niškoii... akk_oli, tämä m a k a r d' o w n a. häi tože vähäizen tiedi tüttären kel, akku, mat'in_akku. rinnal, mejjän rinnal, el' mid j a r v e s, elmind'ärvil'ain_ol'i.

tämä ku tulow migö kačo, viändöi. perdum päivän da İvanam_päivän keskučal_on viändöi, se on vägevin_agu, sit İvanam_päivä vaste otetah vastu mečäs, da vie t'iešuaroil, kolme t'iešuarua kunne l'ähtöw, sit tiešuaroz otetah koivun ladvaizet, kolme üheksiä koivun ladvastu pidaw ottua: üheksä koivun ladvastu t'iešuaral,

üheksä toizel, üheksä kolmandel vastah. sit kül'ü kül'bietäh, daže kolme kül'üw kül'bietäh.

nu olgah, hoz üksü kül'ü, İvanam_päiviä vaste kül'ü, pedrum_päiviä vaste toine. i se vastu vijjäh kud'žoimättähäh. sie keritetäh, kudai on varbaizeh sivottu sie, sie keritetäh, püstüöl'leh pannah kud'žoimättähäh, sinne sĭretäh tüvi, a ladvad ül'ähäkse d'iahäh. sit kud'žoid_anna sit kävel'l'äh. a se on hüvä, sĭdä minägi vein. se on hüvä, hüvä, se on ewle paha.

hüö mondu d'ielua tiettih, ga müö emmo tiedänüh ni_midä sano nenga, müö olimmo tiedämättömät. mat't'ilisto... živattu meččah l'iennöw d'ianüh_ga toizis kül'is päi kai käwdih, mat't'i-d'ädüskäh sil: kiänütti häi...

a sen vastan kui kud'žoimättähäh viet, sidien keritäd_da kud'žoimättähäh viet, sie_i on, ed enämbi ota, et vota, sinne d'iaw, küdžoimättähäh. sil vastal kolme kül'üw kül'vet: pedrum_päiviä vaste, İvanam_päiviä vaste opat, otetah, üheksä rugehen tähkiä kolmes konnus: kolme tähkiä taloin peldolois, toine kolme toizen taloin peldolois, kolmaz opädi taloin peldolois — kolmen konnun tähkiä, üheksä tähkiä pannah vastah, İvanam_bobua, İvanam_bobaizet, ongo nügö pihal İvanam_b'obua? İvanam_b'obua vastah pannah tože sil, kolme üheksiä tähkiä, İvanam_bobua, kolme kül'üw kül'bietäh, sid vijjäh kud'žoimättähäh, püstüöl'leh nenga pannah tüvi, vastu l'evitetäh, tüvi kud'žoimättähäh, ladvad ül'ähpäi, sid anna (on)...

luvendua minä en tĭjjä, vai käskĭettih vijjä kud'žoimättähäh, tiedäzin vai_ga sanozin täh kai tĭjjet, ga en tĭjjä, en tĭjjä, en tĭjjä, sanotahgo midä, vai ei sanota, a kud'žoimättähäh vein. dai se ei paha ole, se on hüvä, se on hüvä, hüvä kud'žoimättähäh viendü tolko vaiku pidäw vijjä kudäi kud'žoimätäs_on ulgoizes čuraz aidua, ei ajjan sūdämeš, ajjan sūdämes kudai kud'žoimätäz_ollow, sih ei pie vijjä, a kudai vai on sorron tagan — eči se kud'žoimätäz, da doriguran_naz_da oigiel käil'. koiz l'ähtehüw oigiel käil' kudai kud'žoimätäz on, pane sih, se on kaikkie poleznoin dielo lembeh niškoi, dai tervehüöh on hüvä, omah tervehüöh.

da kaikin tervehütt_ei ečittü ennen, l'embie ečittih, a tervehüön_täh ei muga viedänüz, ga l'emmen_täh viedih.

vie neičutkül'üh näh

neičitkül'ü on. l'ammitetäh.kül'ü neidizedi, hallot tuvvah ei d'o käil sua katkua, da_nĭr_käil katkotud hallot eulla, kirvehel l'eikotud_ollah minä ičegi l'ammitin, dai sĭdä külvüvirtu_itkin minä. minä olin, kül'üvirtu_itkin. i nügöi maltan, en'_d'o rubie brĭlumäh, nagretah, toizes pertis on_on, kül'üvirren minä maltan, pitkü, kai kui itkie, sit kai hallot_kui itkie, ga pitk_on: «halguo, kačo emmo l'ammittänüh peigoized ni pedäžäzil halgoizil... k_ei rodieta sinulle». (vota nenga davai sanojen, sanojen sanon).

püördünüot, (?) toimmo viernoid viest'izet.
 kuldoi kassoin kandajad lämmitel/inmö.
 läwlemäizeni l'ämmät kül'üizet,
 dostal'noit, posl'ednoit külüizet
 sinun valgejien valdaizien olles.
 emmo l'ämmitel/l'üh, leinäizeni, leppäizil halgoizil:
 k_ei rodiete ilmoim livutettuloin keskeh mendüw
 l'einanaluized elaiгаizet,
 emmo l'ämmitel/l'üh kurd'aizet ni_koivuizil halgoizil:
 k_ei rodiete ilmoim kuvamien keskeh mendüw
 kručinanaluized elaiгаizet.
 emmo l'ämmitel/l'üh, kurd'aizeni, küzizil halgoizil:
 k_ei rodietä ilmoim kuvamien keskeh mendüw
 (toizen kerran sanon tädä «kručinanaluizil»)

menimmö, kuldoi kassoin kandajat,
 soberimmokseh üksih sodaizih,
 menimmö üheksiz merüizis piäliči,
 kümnenenzil merüizil.
 kümnenenzil merüizil oldih tundo-spuassaizen
 tuluizien ajetud vessel'äd vezihagoizet.
 toimmo, vierdünüöd, vessel'ie vezihagoizie,
 kurd'aizet, kanzan kädüizil katkoksendelimmo,
 anna roiteh ilmoim kuvamien keskeh mendüä
 kummakkembad elaiгаizet.

sie oldih üheksien merüizien tagan
 kolme ičerod'innuttu rotniekkastu
 sie toimo sinun valgei valdaizie pestä
 vessel'ie vedüizie,
 ezmäizes rotniekkaiziz oldih vaskized l'istaized l'iva,eltud,
 vaskizet krüškaizet kuma,eltut.
 emmo otelluh ni nüz rotniekkaiziz vessel'ie vedüizie:
 k_ei rodietä ilmoim vualimien keskeh mendüä
 vahingon aluizet elaiгаizet.
 toizez rotniekkaizez oldih hobjaizet krüškaizet kuma,eltu
 hobjaizet listaizet liva,eltu.
 emmo otelluh ni nüz rotniekkaizis vessel'ie vedüizie:
 k_ei rodiete ilmoim aigomien keskeh mendüä
 huolenaluized elaiгаizet.
 kolmanded rotniekkaized oldih kuldaized listaizet l'iva,eltut,
 kuldaizet krüškaizet kuma,eltut.
 ottelimmo vierdünüöd nüz rotniekkaizis
 vesselie vedüizie sinun valgejie valdaizie pestä:
 anna roitah ilmoim kuvamien keskeh mendüä
 kummakembat elaiгаizet.
 (vot kül'üvirrez_on nämät sanat).

vai kui nevestä kül'üh ku rubiew menemäh sīd neidized men-
näh, vezi ou d'o luaittu, l'ammin vezi, sid neidizet sil'mät pestäh.
sid nevestä sit pezieteh da külvieteh da sid neizkül'ü. kai pürri-
täw: «l'äkkiä, l'äkkiä, l'äkkiä pezettö sil'mät, l'äkkiä ühtez minun
kel, läkkiä pezettö kai!». — pürüttäw nevestä, el'etäh ku hüvin,
hos kudamas kül'az neidizet kačo ühtez el'etäh da hüvin ga, hüvän
elaijan_täh vai... nu hüvä elaiigu se kai muga, pagin menöw sen
hüvän elaijan_täh. ježel'i ei hüvin el'ettäz_ga, ole hos kus, ga mik-
sebo pidäs. hüvin tütöt el'etäh hüvin kui_ga, sen täh.

sijan kačõndu

sijua kačõmah käwdih. heimokundu käwdih: d'iäd'in tuli,
krisun neveskü da sidi peša-d'iäd'än tuldih da sit prikazal,
se on prikazal, d'o nügö. dälgimäi miän nügö sanottih, a ennen
«sijua kačõmah», l'ivvikse ga sijua kačõmah, a prikazal käwdih.

müz_jo tiettäz_elaiigu, hoz i vuoht'ärviläizet tuldih d'iäd'inäd
da d'iäd'ät, ofoñan elaiigu_ga, kaikkie tobd'in on, kui gost'itetah,
priglasitah kui, kui otetah, a sit_sija, sijan kačõnd_on se kaikkii
vuažnoin d'ielo, kaikkien vuažnoin aigu, midä sit tvorieteh, kui
svuad'ba se zavodieteh, a se on prikažindu: se svuad'ba ku lu-
vatanneh iel'l'eh_ga, sit sijan_kačõndas, prikažindas roih iel'l'eh
svuad'ba. a ku ei voidane sobie (sie libo lahd'oi, libo annandoi, libo
midä sie žeñihöõnn čuras kozitah) nu sit prikazal ollez_i svuad'b_eroi-
tetah — tullah_ga, ewlo kelloloi vembel'is: d'o ei roite svuad'bu.
a ku svuadbu roiteh, sit kelloloiz ajetah, sit kelloč_vembelis,
sijua_kačõomas_päi ku tullah.

mejjän ei pidänüh hevol kävvä, vai_kui tuldih vuoht'ärves_
päi, d'o kui svuadbu_oli lujattu, ga kellos tuldih, a üksi taloi kes-
kie oli: omah kül'äh menin_ga sidi, koz kui l'ähtiettih ottamah,
tulemah ruvettih, üksi taloi keskie, meih sinne tullah.

sid olgie varustettih kül'äh, kaikkeh kül'äh, hejjän pihäs_päi
da miän pihah_sah, olgie čurah-toizeh dorogan, olgie, oltajat
ku ruvettih tulemah. sid_olled viritettih. a se neisstola on, sid
neidized ümbäri meiz istutah da pajatetah. sid minä kačõmah_kai
menin peräčõpun ikkunah kui ollet paletah, keskučaz astutah,
ned oltajat tullah, astutah.

neveskäl, sil minun käl'ül, rözovoi villaine paikku piäz oli,
ezmäizen kerran pani paikan piäh, üksikird'aine paikk_oli tobd'u,
hüvä paikku — kolme lowkkuo' paloi paikkah. muga olgiloiz nīs
kүvendü l'ükkiw, күvendü — sit täwdenäh, müt sovat ei muga
varattu: күvend_oli_ga, toko pühkitäh kübeniä, toko pühkitäh,
a neveskäl kolme lowkkud paloi, toko mustel'il

požuarassah ei (laskieta), oltajad ned astutah, a sit sammutel-
lah lumeh topčitah nīdü, neniä olgiloiz, štobi sammuttaz iäre. požua-
rua ei, požuarassah ei laskiettu, a miän oli äjjü olgie.

a sid... ženihiä pidäw kaččuo. vie kol'čain_on käiz nevestäl venčah niškoi, a vašal eulluh kol'častu, vašal_oli vie minun kol'čaine, ukol minun. minul_oli kaksi, üksi minul, a toine pidi ukol andua. sit ku tulemah ruvetah, sit pidäw läbi kol'čaizes kaččuo ženihiä nečiz ikkunas, l'äbi kol'čaizes pidäw kaččuo. minul käskiettih kaččuo l'äbi kol'čaizes.

en tijje mikse se käskietäh kaččuo, ved minä sidä primiettiä en tijje: sanotah rubiew parembi kundelemah akkua, kui l'äbi kol'čaizes näit ženihiän_ga, läbi kol'čaizes ilmua ei äjjiä nävül a astujad nävütäh, täs kačot nenga_ga, nävütäh astujad dai kai da ženihiä, müt se nävüttaheze l'ibo äldähez, a ženihiä se pidäw vai nähtä, se pidäw vai nähtä, l'äbi kol'čaizes pidäw kaččuo.

pandih pieluksil. pieluz nevestän, kudai l'ähtöw priduanokse, sil pieluksel. se pielus... kos_kui otandustola on sid ewle, ewle, kuni_vai ei nevestä roite ženihiän kädeh. a ženihiän kädeh ku roiteh, sid d'o pieluksel istutah.

venčas kos proijit, sid venčas_päi kui tulet, d'o pieluz_on varuksis süresčupuz lawčal: istoi sih, nevestän da ženihiän sija se on pieluksel. pieluksed oldih enne ei nengoized, a süret, kahten muatavat. ei oldu nel'l'ičuppuizet. nengoizii i olluh, ei ennen nel'l'ičuppuizii pieluksie.

sit pieluksel istutetah, siit stolan tagan on pieluz d'o valmehekse, se vai ku nevestän piälus, neidizen pielus, ei ženihiän, a nevestän. venčal lähtet kui_ga, pieluz on kreslois sie, venčal kävvez_on pielus perzien ual. sit pieluz döngö sarail päi otetah valmehekse dai kowhotellah, puistellah, dai d'öngö on stolan tagan lawčal pielus, d'o vai d'aksättoz da menet pieluksele istumah.

d'o nügöi vai_ku tullah ottamah da sid vyidaijah, vyidačuz on, vyidaijan kui, sid enämbi d'o nevestän čuraz ei äjje kačahtetahez. sid d'o ženihiän čura, sid do ženihiän nenga vietäw venčal matkuat, ei laskieta ni_kedä rinnale, keskiči, keskici ni_kedä ei laskieta.

96. Старинная карельская свадьба

Да. Меня сватали в три места. Сперва сватал в Руочарви Ешойн Мийккул. За того не иду, да и не выдавали. Потом пришли нелгомозерские. Туда, в Нелгомозеро, выйду, за Кузьму выйду, был Кузьма Иванович такой. Туда выйду [замуж].

Пришел парень из своей деревни. Уже в солдатах отслужил и холостяком гулял долго. Меня выдают в свою деревню, а мне не хочется!

Выдавали, выдавали да и выдали [замуж] за Василия Афанасьевича.

Девять лет я прожила с мужем, и он умер. Трое детей осталось. С тремя детьми жила, остальную жизнь детей растила да горе мыкала: пахала, подсеки рубила, пожоги палила, а в сенокос

косила, косы ('стойки') точила себе да и другим тоже. Такая была крестьянская жизнь; было горя и на моем веку. Девушкой жила в бедности. Когда замуж вышла, пока муж был жив, тогда хорошо жилось, но муж скоро умер. Остались горемыки у меня: трое маленьких детей осталось. Ладно, больше не буду про свою жизнь рассказывать; если теперь всю мою жизнь рассказать, есть о чем: до замужества девять годов, девять зим ходила на лесозаготовки, бревна возила, девять зим. Да еще замужем, после того, как муж умер, три зимы; двенадцать зим работала на вывозке. А на сплав не ходила, лес не сплавляла.

А невод. . . летними неводами ловила, зимними ловила, большими и малыми — всякими! Вдоль берегов ставили хвойные заколья. У нас в Эльмидярви была такая тоня с заколами. Рыба у нас никогда не переводилась, даже для продажи хватало; озеро было рыбное, а рыбачить я была молодчина, умела ловить, никогда без рыбы не жили.

[*Большая ли была семья?*]

У отца было семь человек: отец, мать да пятеро ребят — три сестры и два брата. Братья были младшие, оба служили в солдатах. Хрисанфий, Криш, был постарше, Федя самый младший, моложе всех. Всего детей у мамы было десять.

Самая старшая выжила. Пятеро умерли подряд: три дочери и два сына. Трех она родила после, те выжили; четырех родила после: двух дочерей и двух сыновей, вот так надо сказать. Всего пятеро: старшая, которая выжила, да мы, четверо младших. А старшая сестра — та умерла [взрослой] и замужем не была.

А другая сестра, которая была старше меня на два с половиной года, была замужем в Суоярви, не за карела, а за суоярвского. (Граница тогда была по эту сторону Денькилы, это старая граница). На границе документы проверяли [и спрашивали]: «Что везешь, что в повозке?». Сильно боялись, не везешь ли водки). А сестра вышла замуж за семнадцать километров от границы.

Суоярвские парни, финны, сюда ходили на праздники; карелы туда, на их праздники, мало ходили, а финны к нам ходили. Пришел он в Симеонов день, потанцевал, влюбился и приехал сватать. Очень уж все отговаривали [сестру] (я-то была не советчица, раз моложе ее была), вся родня отговаривала: «Зачем выходишь за границу, зачем в Суоярви идешь, возьмут и сюда, на русскую, свою сторону». — «Все равно я пойду за Семена ('Сему')». Мужика Семой звали, полюбила Сему и вышла замуж туда, в Суоярви.

В Симеонов день сваты приехали в Вохтозеро. (В Вохтозере был праздник. Симеонов день бывает осенью). Тут поплясали, посидели и приехали в Эльмидярви сватать.

Ехали они на телеге, на лошади. Тогда еще нет этой стрельбы: вот когда играют свадьбу, тогда стреляют из ружья, а когда приедут сватать, тогда не стреляют, нет; такого обычая нет совсем.

Сколько же человек их приехало сватать?

Братьев всего было трое; два брата, а отца не было; потом был Харакан Стёппи — четвертым; ну, человек так пять. Пятым был Сема, Семей; дядя Секку еще был, дядя Секку.

Зашли в наш дом. Вошли, как обычно финны приходят: «Хювяя пйивья, хювяя пйивья!» [«Добрый день, добрый день!»] — приговаривают. Откуда нам знать: зачем они пришли. А сестра Марфа выскользнула из избы: договорились с Семей, в Симеонов-то день обещался прийти сватать. После праздника он не пришел, приехал осенью, уже осенний пост шел давно, уже и снег выпал, и земля замерзла. На телеге отправились, повезли ее на телеге туда, на телеге. . .

Мы поехали провожать через Ниедлахту, на санях ехали, а они на телегах по ямской дороге. Вот так. Уже льдом затянуло [озера], и снег покрыл землю; но дорога была очень ухабистая ('коряжистая').

Как поехали от озера, по дороге до Ниедлахти четырнадцать раз опрокинулись (весь век помню). Сплошные ухабы и коряги. Отец пьяный, песни поет, не может усмотреть [за дорогой], а я еще девчонка была, на дровнях сажу; лишь проедем немного — и кувыркнемся, и кувыркнемся. Самодельные были сани, длинные, четырехкопильные.

Приехали туда. Еще когда [дома] свадьбу играли, Педрин Акулина, вохтозерская баба, очень хорошо умела причитывать, сестре Марфе она причитывала:

«Какие ты думушки надумала:
Уходишь в хоромы безыконные
Да на безбожную сторонущку!».
(Там не так сильно в бога верили).

Думаем, неужели это правда, что там «хоромы безыконные да сторона безбожная», не веруют в бога.

Как пришли в дом Григория, мы и посматриваем на стены — нет иконы! Правду причитывала Педрин Акулина: нет иконы, и впрямь «хоромы безыконные»! Тогда сестра Марфа принесла икону пресвятую богородицу, под стеклом, большая икона была, огромная, застекленная. Повесили в угол. Ну, слава тебе господи! Появилась икона в избе. Там у них ведь не веровали в бога, как и у нас здесь теперь, так и там. . . одинаково. Кроме иконы было одежды еще немного. (Да, надо сказать, что у нее было приданого). Был мамин сундук, старый, таких не было, [как вот этот],

без крышки, этот хотя и старый сундук, так крышка новая. У того крышка была больше сундука. Сундук был пониже этого дивана, [кроме этого] одежды было немного, немного одежды в приданое шло. А сундук должен быть, когда выходишь замуж. Я хотя и была моложе сестры Марфы на два с половиной года, после ее замужества и ходила в девках, а сундук все-таки купили, вот этот самый, это мой сундук, из дома, перекрашен только. А вот этот отцовский, батюшкин, сундук. Я как перешла сюда, так и сундук привезла. Вот таково наше житье-бытье было. Мы были бедные, бедно жили.

Когда настала пора мне выходить замуж, посватали меня сначала в Руочарви, в семью из двух человек: жених да мать, больше никого не было. Я не хочу идти за Мийккулу, не выхожу за Демойн Мийккулу. Всегда он будто больше всех знал и больше всех умел. А свой зад не прикрывался никогда. Корову — когда имел одну, а когда и ни одной не было. . . хвастался.

Пришли нелгомозерские. В Нелгомозеро я пойду замуж, никуда больше не пойду. А там, в Лахте, в самозерской Лахте, на полуострове, была замужем моя золовка, сестра моего [будущего] мужа, за два километра от Лахты была в гостях.

Те меня туда зовут, к Офоне. Девушкой я все время была на чужой работе у Офони. У них хорошо было работать, не очень принуждали да и кормили хорошо. Коров у них было. . . когда я вышла [замуж], шесть голов было, седьмую я привела.

И вот [сестра Василия] зовет туда: «Выходи, Настой, за [моего] брата Василия, не ходи в Нелгомозеро, выходи замуж за Василия!». А мне совсем не хотелось: парень-то старый, я думаю: «Леший принес!». Около сорока лет ему было, когда женился, а мне шел двадцать третий год. Он не был вдовцом. Дома [до службы] он не был женатым, а когда служил в армии, там, говорят, были бабы и всякое. В армии он служил лет пять. Служил в Питере, тогда Питером называли.

Потом, когда пришли сваты из Нелгомозера в Руочарви, я обрадовалась: хотя не надо в Руочарви за Мийккулу выходить, в Нелгомозеро выйду; в Нелгомозеро бы вышла и больше никуда не пошла бы. Пришел жених из своей деревни: «Господи помилуй, остальные молитвы впридачу». Как только с дверей зашел, первым делом это сказал — всегда помню.

А мама-то обрадовалась, так обрадовалась: «Вася, Вася пришел, Вася пришел!». — «Христъяновна, будешь ли дочку за меня выдавать или нет?». — «Надо у Настой спросить, пойдет она или нет, куда пойдет».

Позвали меня. Что я теперь скажу? Сказать, что не пойду за тебя, не смею, и мама расстроится, отца-то нету, маме будет неприятно: она хочет выдать за Васю. «Куда выдадите, туда и пойду», — сказала я и ушла.

Только я это сказала, он вытащил бумажник из кармана и положил деньги на стол. «Положите-ка залог, положите залог». А у мамы нет денег, чтобы дать залог! Положил на стол двадцать пять рублей: залог надо положить. Нелгомозерским был уже залог отдан.

Мама и говорит: «Пятнадцать рублей залог, пятнадцать рублей дано, залог туда пропадет, как я буду свадьбу справлять? Две коровы есть, говорит, одну придется для свадьбы продать, вторую дочери отдам, а я не хочу без коровы оставаться с детьми, говорит, как хочешь».

Вытащил бумажник из кармана: «Вот залог!». Сначала он заплатил за первый залог, жених-то, муж мой, Вася Офонин, Василий Афанасьевич. Потом положил деньги на стол: «Возьми денег, чтобы свадьбу справить, сколько надо, у меня кошелек толстый». (Он торговал, скупал рыбу в Сямозере и в город увозил да с барышом перепродавал).

Мама и говорит: «Не знаю, справлять [свадьбу] или нет, как Настой скажет, делать [свадьбу] или нет?». У меня спрашивают: «Пойдешь ли [замуж]?». — «Куда отдадите, туда и пойду». Куда-то ведь выйти надо.

Как только я это сказала, быстро позвали деверя, брата Пешу, отдали ему деньги, чтобы отвез в Нелгомозеро. Пеша Офонин запряг лошадь и в Нелгомозеро, потому что завтра приедут за невестой. Надо заранее оповестить, что свадьбы не будет, что в свою деревню отдана. Деверь уехал туда, в Вохтозеро, то бишь в Нелгомозеро, расторг свадьбу. И начали готовить [свадьбу] в свою деревню. Такая была моя свадьба.

А нелгомозерский жених был уже готов, они уже собрались приехать. И вот приехали они сюда, в Вохтозеро, здесь была деревня, называли Кокан-ниemi. Там и свадьбу устроили, и мы вместе были на венчании. Мы с Васей сперва повенчались, потом они встали. Нас обвенчал поп, потом Кузьма с Марфой стал венчаться. Да еще третье венчание было: Саша и этот Миша, нимозерский Миша был, сын портного Тропина Васьки, портной был Тропин Васька, Васькин сын да Саша. Три венчания было.

Мы повенчались, да муж еще молебен заказал, попросил молебен отслужить, раз был не из бедных; за венчание заплатил и за молебен заплатил.

Молебен отслужили, мы повернулись уходить, а уже вторая пара стоит, Марфа с Кузьмой встали для венчания.

Вася был старый холостяк, жених-то мой. А Кузьма был не старый, и за Кузьму я вышла бы с большой охотой, да выдали, выдали в свою деревню. Много слов не пришлось говорить, только вошел в избу и [сказал]: «Господи помилуй, остальные молитвы впридачу». Топнул ногой да. . . Мне тогда шел двадцать третий год.

А когда первые сваты приходили, этот вохтозерский Григойн Пеша приходил, было мне всего девятнадцать лет, и девятнадцати полных еще не было, когда Григойн Пеша сватал. Потом, когда в Суоярви Вася Хяммун сватал, тогда было. . .

Раньше девушки в провожатые не ходили. Я была еще молода, а сестра выходила замуж далеко, мне хотелось провожать ее. Хотя говорят, что если девушка пойдет в провожатые, сестре лапоть к косе привяжут, лапоть привяжут к косе. Я говорю: «Пусть привяжут, все равно пойду». Суоярви хотелось увидеть, куда она замуж выходит.

Ну, приехали туда, в Суоярви. Зашли [в избу] — есть иконка, а говорили, когда свадьбу играли, причитывали: «Какие думушки надумала: выходишь на чужбину, в хоромы безыконные, на безбожную сторонущку». Едва переступили через порог («зашли в избу»), видим — икона красуется в углу. Думаю: «Смотри-ка, причитывали: «Хоромы безыконные да безбожная сторонущка», а икона-то, смотри, на стене. Думаю: не совсем «безбожная сторонущка».

Так и вышла она в Суоярви. Что же еще такого — ехали через Ниедлахту, двенадцать раз опрокинулись, навсегда запомнилось. А жених с невестой опрокинулись четырнадцать раз, а мы двенадцать. Дорога-то была вся в корягах. Отсюда через Денкилю и Кангасярви был дальний путь, а туда — озера уже были замерзшие — так по озерам нас везли через Ниедлахту; уже не помню, сколько верст пути, не знаю сколько, но короче путь до Риухтаваара через Ниедлахту.

Девическая баня

Девическая баня была до свадьбы, перед свадьбой. Как соберется родня, немного попричитывают, потом затопят баню, баня истопится, девушку ведут в баню, потом расплетание косы. Девушки ведут [ее] с песнями. Какие песни поют, когда в баню водят? «Кто это дорожку протурил, да добрый молодец по девицу ходил. . .». Всю песню помню. Такие песни пели.

После бани уже увоз невесты приближается, свадьба приближается, как придет она из бани, ее сажают под иконы, коса расплетена, раз в бане была, так волосы распущены.

После прихода из бани заплетают косу, волосы («голову») расчесут; девушки или парни играют.

Косу плетут. А лент влетают! У кого из девушек в деревне есть ленточки — все заплетают в косу, ленточек, ленточек — полная коса. Столько лент, что даже коса тяжелая. Подруги, подруги влетают. Наша деревня была маленькая, мало было девушек с ленточками, а когда пришла родня да посторонние, с других деревень пришли девушки на свадьбу. Вот тогда наплетут ленточек [в косу].

Невесту посадят в большой угол, ставят скамейку на нее подушку, невеста садится на подушку. Как накрутит косу вокруг руки — никак не освободить косу, долго надо освобождать, чтобы косу достать, так она плачет, рыдает: косу не отдает.

«Вольну волюшку отнимаем, вольну волюшку запрягаем». Она не отдает косы. Не одна невеста так делает, а почти все так, все так делали, так было принято.

Потом берут косу, начнут расплетать да ленточки развязывать, плач причитывают, а она так плачет, даже забывается.

Вопленицей была Педрин Окулина, от Вохтозера два километра была деревня, оттуда. Она очень хорошо умела причитывать («плакать»); голос высокий, хороший; сядет рядом да как начнет причитывать.

«Твои светлые волюшки захватывают,
Да красны косушки на пробор расчесывают,
да на шесть прядочек закручивают. . .».

Так и причитывает. . .

«Остальные последние денечки
твоей светлой волюшки».

(В девушках как будто своя воля, а замуж как выйдешь, не своя волюшка будет).

Когда свадьбу играют, так много во время свадьбы причитывают. Всем причитывали: сестре, всем тем, кому предстояло замуж выйти, если только не. . . некоторые после выходили.

Раньше не бывало такого. Но когда вышла замуж сестра Марфа, она была старше меня на два с половиной года, в те годы уже девушки с этой стороны стали выходить в Суоярви «убегом», «убегом» выходили на ту сторону («туда»). Пойдут на праздник, хотя бы в Онгамукеу на Иванов день либо в Чалку, пригласит суоярвский парень на разговор, играть и сидеть, пойдет туда; ни свадьбы не играют, ничего, туда выходит замуж. «Убегом» уходит, так говорили.

Некоторые [так] выходили. Но наша не пошла «убегом», ей свадьбу сыграли, туда она, в Суоярви вышла. А больше такого ничего нет.

Встретили нас хорошо, хорошо встретили, [хотя] мы не знали, куда и в какое место [сестра] выходит; через границу, в Суоярви, мы ни одного раза не ездили. Приехали мы туда, в деревню, миновали один дом (это был дом Андрея), в следующий дом на этой стороне [улицы], второй, тоже пятистенный дом, недостроенный, в тот дом нас привели, в тот дом зашли.

Встретили хорошо, солому жгут, стреляют, как здесь, так и там встречали. Хорошо встретили. Не было «застав» («изгороди»), у нашей [сестры] не было «заставы», в то время, наверно, не было такой моды.

Пришли, нас раздели, поставили самовары, напоили чаем. Самовар был небольшой. У нас не было самовара; ни у которой, ни у меня, ни у сестры Марфы, не было в приданом самовара.

Когда вышла замуж сестра Марфа, самовар был старинный, с узким дном, вот так (не знаю, видел ли ты где или нет, помнишь ли). Самовар был с узким дном, дно не держалось. Дно было привязано проволокой к ручкам. Такой был самовар во время свадьбы сестры Марфы, проволокой завязанный, иначе дно не держалось, нельзя было кипятить, но так не протекал, ставить можно было, но когда поднимешь, дно тут останется. Надо ставить или в чугун или во что-нибудь, чтобы он стоял, иначе он не стоял. А как проволокой привязали, держалось. Такой был самовар.

А потом подержанный самовар купили, тот был годный. Кто этот самовар продал, ведь не помню, только подержанный купили наши парни, братья, которые были младше меня.

Ячмень сеяли. «Не ячмень сеем, сеем счастье». Матушка сеяла. И вот невеста, которая замуж выходит, собирает эти зерна, если нет передника, протянет полу пальто вот так, и сколько [зерен] ячменя насыплется в подол, припрячет их. Завернет зерна в тряпочку, и хранится этот ячмень потом в уголке сундука под одеждой.

Мне их свадьбу не вспомнить так [подробно], у меня своя была [свадьба]. Жена у Офони была (ведь я в свою деревню замуж вышла), ходила, согнувшись в три погибели ('вдвойне'), сгорбившись, ходила, так нас ругала всегда, всегда нас ругала. Мы бегали босиком, в одних рубашках, ходили купаться и бегали, где попало, так она ругалась: «Есть нечего, хлеба нет, а вы купаться ходите, бегаете! Негодные вы!». Туда меня замуж взяли, в тот дом.

Как к венцу съездили, на лошади заехали во двор ('хлев'), обвенчались — завезли во двор, не на сарай. В другое время едут на сарай, да и весь свадебный поезд заезжает на сарай, а нам, обвенчанным, еще немного колдовали, чтобы жилось богаче, наверно, я этого колдовства не знаю, зачем это они так [делают], но только во двор заехали.

Лошадь пригнали во двор; вышли мы из саней, только начали подниматься по лестнице, идет навстречу [матушка] и ячмень сеет (заставили там, иди, мол, иди сей), ячмень сеет; тут я собрала немного, досталось немного. Идет и сеет, нам в лицо ('на глаза') да на нас, куда попадет.

Затем вошли мы в избу. Да, у матушки шуба наизнанку была надета, наизнанку шуба (ведь забыла еще это сказать). Это непременно надо, чтобы матушка в шубе наизнанку встречала. Да, и на крыльце был разостлан холст, был, был холст разостлан. . . по холсту мы шагали немного.

Тем, кто холст расстилал, надо было дарить [четверть материи], четверти-то у меня в руке были. Эти четверти мне дали когда

уходили на венчанье, четвертей дали побольше. Холст стелили человека четыре или, может, пять; столько четвертей ушло материалу; четверти у меня в руке [были]. Стелют холст, мы поднялись по нему немного, да и убрали холст, а расстилавшим — подарки: четверти материи (четверть — вот такой кусочек материи, вот такой, хоть какого, но не одинакового, хотя бы кумач или шведский ситец, хотя цветастый или не цветастый; такой кусочек материалу тем, кто расстилав холст, с четверть).

А когда наряжаются дружки, «суаяннайни» [родственники жениха], то дружкам повязывают платки (как повяжут сюда холст дружки, сначала кисею завяжут, кисею, а потом через другое плечо кумача на рубаху, а потом уж дружкам завязывают платки, белые платки, которые носят на голове), а суаяннайнен — им по четверти ситцу, вот какие кусочки материи: повойники же нужны. Женщинам повойники нужны. Любая материя! Еще в де-вushках купят какой-нибудь [материал] для «пары» [верхнего платья], с четверть останется кусок, его надо припрятать, и вот уже четверть ситцу есть [в запасе].

Холст расстилают в доме жениха. Золовка, если у жениха сестра есть, то сестра стелет, или же близкая, а если нет сестры, то кто из близкой родни есть, они и стелют, стелют в доме жениха. Женщины, женщины расстилают холст, женщины. А матушка не расстилавает, она лишь ячмень сеет. Сеет, швыряет: «Не ячмень сею, сею счастье!» — приговаривает. Отец жениха встречает, лошадь выпрягает, на сарае выпрягает лошадей, он не касается к этим делам, нет; когда молодые приезжали, он к ним не касался.

А как придут в избу, столы уже накрыты, чай готовы, еда готова; едят и пьют. Как поедим-попьем, потом князевой ('ответственный') стол (раньше не было князевого стола, а после уже был князевой стол). У меня уже ставили [князевый стол]: ведь Вася Офонин холостяжил долго, жених славутный был; ведь его ждали в Эссойлу, там была Анна, Васи Макойн, дочь купца, там ждали, что посватает. А он пришел к Муйлан Настой, в Эльмидярви.

Как приехали с венчания, заехали во двор, не на сарай, на сарай нельзя было въехать. Два сарая было, въезды хорошие. Новобрачные — во двор. Мать жениха вышла навстречу, вынесла молока в горшке. Муж, Вася, пьет молоко, да меня поят, и я пью: первым делом на лестнице, ведущей со двора в сени, поят молоком, помалу поят: раза три надо отпить, но только сразу. Сперва пьет муж, потом я, потом опять я, затем второй раз муж пьет, и опять я.

Потом отберут горшок, и затем мы, новобрачные, идем в избу. Раздевают наготово, снимают [пальто] (пальто у меня, конечно, было, когда я замуж выходила, было пальто); снимают шали большие; столы наготово накрыты, сажают за стол, еда и питье приготовлены заранее. Сначала налиют чаю, напоят чаем. После того, как чай попили, приносят еду, в один присест, на тот же стол.

Свадебники едят. Свадьба большая, народу — три стола друг за другом, кто со стороны жениха ('берущие'), кто провожатые, человек двадцать пять, а то и тридцать было.

Молодых сажают в большой угол, на почетное место ('на самый верх'), там, где иконы, на почетное место молодых. Других поздравляли по-другому, а у нас князевой стол был.

Князевой стол

Еще есть не кончили, не кончен обед, а другой стол, особый, уже накрыт под варонцом (в том доме, в который я вышла замуж, печка топилась по-черному, потолок закопченный был; в свою деревню я вышла замуж). На этом месте накрыли князевой стол, положили хлеб и икону: при поздравлении хлеб с иконой поднимают.

Нас поставили за стол, потом начали поздравлять. При князевом столе поздравляют и провожающие, и берущие, а обычно, когда молодые стоят просто за столом, поздравляет их лишь родня со стороны жениха, а [родня] невесты не поздравляет. Когда же князевой стол, тогда поздравляют все и деньги кладут: лежит тарелка, на нее кладут деньги. (Мне [муж] купил пальто, поздравительных денег на пальто набралось; рублей тринадцать, даже больше тринадцати рублей было денег, так много положили денег).

Как подойдут поздравлять, приподнимают хлеб, а икона на хлебе, поднимают хлеб над молодыми: «Хороша молода, хорош Вася, хороши молодые!» — приговаривают. Потом отходят молиться богу, подходит другой.

Да некоторые еще целуют, чмокают, жених невесту целует, а эти, поздравляющие, которые дарят, [целуют] жениха и невесту (свадебники теперь меньше дарят), а жениху и невесте столько стыда надо перетерпеть, для девушки первый стыд — это поздравление. Такие были раньше свадьбы, карельские свадьбы.

Родня, которая поближе, подходит, а дальняя нет; поднимают хлеб и [желают]: «Будьте здоровы, молодые молодыми, да живите хорошо, да пусть жизнь будет счастливая», — приговаривают, поднимают хлеб и уходят.

Прежде чем отправиться венчаться, наряжаются в шерстяные, если у кого есть, а в шелка, в шелковое дома не одеваются, в шерстяное: ведь надо было венчаться ехать за двенадцать верст, сюда, в Вохтозеро, надо было ехать, а все равно мы дома нарядились. Вот в этих нарядах и остаемся, в чем венчались, пока не пройдет князевой стол. А князевой стол лишь у некоторых был, мало кого так поздравляли: поднимают хлеб над [молодыми], а на хлебе иконка.

Как с венчания приедешь, первым делом накормят и напоят, а потом берут [невесту] «голову прибирать». «Голову прибирать»

берут в чулан, сажают, мерку (раньше была такая хлебная мерка) переворачивают вверх дном, на мерку сажают жениха, невесту на его колени; мы так сидели, я на коленях у парня сидела.

У девушки коса, волосы у девушки в одну косу заплетены; косу эту разделяют вот так, заплетут волосы в две косы; повойник ('чепцю'), спитый из красного кумача, надевают на голову; наготово наденут на голову, ты лишь сиди на коленях у жениха. Наденут повойник на голову, затем сверху завяжут платок; если у кого нет двух шелковых платков, завяжут шерстяной, а шелковым платком прикрывают вот так глаза.

Ведут [в избу], жених ведет вот так, под ручку. Только войдешь в двери, надо идти тихонько и кланяться все время; а с этой стороны так стучат, так стучат и кричат: «Быстрее, быстрее, быстрее, хороша молода, хороши молодые!».

Как только дойдешь до середины избы, лицо ('голову') открывают; батюшка, отец мужа, берет за конец скалку, начинает с конца вот так мотать, с конца наматывает, весь платок вот так наматает: открывает лицо, а жених поворачивает невесту вокруг, целуются, и батюшка уходит.

Потом другие подходят поздравлять, если устроен князевой стол, поздравляют и провожатые и со стороны жениха и кладут деньги на стол (стол стоит под воронцом). У нас, куда я вышла замуж, печь топилась по-черному, дым шел в избу. Ставят [стол] под воронец. Как откроют лицо [невесты], и как начнут колотить, кто чем: кто лучинами, кто растопками, кто чем.

Видишь ли, Василий парень был старый, но известный. Сначала солдатом был. (В армии служил, однако, пять лет, в Шитере служил, а потом, как пришел из армии, долго холостяжил, даже не думали, что женится, говорили, что Вася Офонин не женится, старый холостяк. А как стала я выходить замуж, очнулся: надо жениться!).

Потому так и колотили, даже сажу насыпалось по всей избе, прямо на людей, так колотили; а потом прошло поздравление, и снова за стол есть и пить [сели].

Сваты

Руочарвские пришли на лыжах, на лыжах. Не один приходил, втроем были, все трое на лыжах, все трое. У него, руочарвского не было никого: ни отца, ни матери — один парень жил.

А [с ним] были его родственники, только не помню кто, но мужики были; один, однако, был Матти, Матти Карпов; а вот кто же другой был — втроем они были, на лыжах пришли.

Мама выдает: жених хороший, непьющий да нешляющийся; ростом паренек, руочарвский Ешойн Мийккул, был невелик.

Мама выдает туда: «Этот жених лучше всех, за него надо выдать». А мне он был не по душе, не по душе он был. Танцевали

с ним там раньше, и взял он меня на разговор, только и хвастался: «Я на дерево залезу, не спрошу лестницы, на дерево без сучков заберусь, вот на это дерево залезу». А дома не было ничего!

Дом был построен еще отцом, давно построенный был дом Ешоя. Когда в Руочарви ходили на праздники, «беседы» устраивали у Мийккулы, так потом уж люди не могли попасть на беседу по крыльцу: сломалось крыльцо. Даже крыльца не мог поправить, ступеньки не мог наладить! Не мог!

Я не хочу выйти за Мийккулу, а мать выдает: «Семья маленькая: мать да единственный сын, куда тебе еще? Парень вина не пьет, табак не курит, за Мийккулу надо выйти!».

Договорились о свадьбе, по три рубля залога положили. Это было в святки, когда договорились о свадьбе с Мийккулой, как раз на рождество. В рождественское утро так мне тяжело на душе было, так не хотелось выйти за Мийккулу. «Мама, отпусти на рождество». — «Куда тебя на рождество я теперь отпущу? В залог деньги отданы, ты уже просватана ('под рукой'), теперь ни на какое рождество!».

Два брата было (оба моложе меня были), так старший из братьев говорит: «Уж на этот-то раз отпусти, говорит, съездим!». Пошел, запряг лошадь, и поехали на рождество. Как приехали на рождество, нелгомозерские и говорят мне: «Неужели в Руочарви замуж за Мийккулу выйдешь?». А я отвечаю: «Уж коли девушка я, так куда-нибудь да надо выйти, у меня ведь тоже жених, надо выйти!».

А в Нелгомозеро было принято устраивать в рождество вечеринку в ригаче, в ригаче устраивали беседы. Парни находятся в ригаче, а девушки на улице, так оно было принято: девушки на улице, а парни в ригаче. Когда кого приглашают танцевать ('играть'), то выходят на улицу и берут туда танцевать.

Стоим мы на улице, пригласил меня Кузьма; думаю: избавилась я от Мийккулы, думаю, избавилась. Тут и начался у нас разговор, и вот. . .

Я приехала с рождества, и сваты следом. На трех лошадях! Девять человек, по три человека в санях. Нелгомозерские приехали следом за мной. Гриша и Федя, братья мои, сидели еще в санях, а я вперед прибежала в избу, а женихи на трех лошадях следом ехали. Вошла я в избу: «Мама, женихи приехали!». — «Что ты натворила! Хлеба нет, масла нет, пшена нет! Хлеба нет ни крошки, да и муки нет! Что, говорит, теперь делать?». — «Делай что хочешь, а сейчас в избу войдут!».

Вошли [сваты] в нашу избу. «Раньше ходили так, теперь пришли большими людьми, сватами», — сказали матери.

А у мамы отца [мужа] не было, она вдова была. «Если пришли, так раздевайтесь», — говорит она. Не скажешь же сразу, что ни хлеба, ни муки, ни масла нет. «Раздевайтесь, раздевайтесь».

А самовар у нас был маленький, проволокой скреплен. Мама [налила] в медный котел воды, развела огонь в загнетке — пусть вода вскипит, надо чай приготовить, а сама вышла. Мамы нет, ушла.

Раньше невесты, княгини-то, в чулане наряжались. И я нарядилась там, на холоде (во время рождества известно). Надела на себя шерстяное, шерстяную пару, шелковый платок на голову. Еще надо княгиню привести в избу, так у меня сопровождающим был деверь, Пеша Офонин. Привел под воронец: «Вот вам рыжая лиса, сумеет подстрелить — ваша, не сумеет — наша».

Сваты встали. Он [Пеша] тогда не был деверем, после стал деверем, просто односельчанин. Сваты встали: «Подстрелим, эту рыжую лису, подстрелим, подстрелим!». Я подала руку, поздоровалась.

Вода в медном котле кипит, чай вскипел. А самовар был не очень большой, с узким дном, самоварчик небольшой был. Перелили кипяток с медного котла в самовар, заварили чай, напоили гостей.

Да, пироги нужны, пироги обязательно нужны для сватов, а у мамы совсем нет ржаной муки. Пшена я взяла немного у брата Саввы в Пижулах. Я знала, что дома нет пшена, и когда ехали с рождества, по пути, с погоста, заехала в Пижулу к брату Савве и сказала: «Дай немного пшена, сваты едут».

Денег не было, он в долг дал, в долг. Три фунта дал пшена (в то время фунтами меряли), три фунта дал, однако; ведь для пирогов нужна начинка. Ячневой крупы, правда, было немного дома, но не станешь ведь стряпать для сватов из ячневой крупы с отрубями ('мякиной'), пшено надо было. Я говорю маме: «Пшена-то я немного привезла». — «Муки нет нисколько, с чего состряпать, с чего делать пироги».

Поставила мама медный котел на огонь. . . чай вскипятили. Я в чулан наряжаться. А во время рождества такая стужа! Пришла в избу, так озябла, так озябла! Уже были шерстяные наряды, после того уже, как сестра Марфа вышла замуж в Суоярви, купили. Зашла в избу. А мамы нет дома, она пошла в дом Офони. Пришла в дом Офони, там бабка (после стала мне магушкой) и приговаривает: «Леший подери, подери леший! Сваты пришли! Ничего нет [в доме], леший подери». А сватам дела мало, есть [дома] что или нет!

Раньше были деревянные корытца для пирогов, принесла то корытце муки, горшок пшена, немного масла (в масленке было немного масла, так для оладий и сканцев этого мало), принесла пшеничной муки, пшена, ржаной муки. Стала [мама] принимать сватов и готовить им. Чай вскипел, а вина нет, совсем нет вина, не купить.

Потом давай пироги стряпать. Тесто приготовили наготово, но первую корку должна раскатать невеста: смотрят — сумеешь

раскатать или нет. Заставили меня раскатывать. Да я и раньше раскатывала. Только первую корку невесте положено раскатать.

А жених сидит на лавке и скалку подталкивает: испорчу корку или нет; это всем так делают, не одной мне. Если корка испортится, значит будет свадьба, достанется эта невеста жениху. А мне как подтолкнули скалку ('бросали щепочки') — корка и испортилась. Обрадовался Мийккул, думает: «Будет теперь свадьба, раз корка испортилась». А я скалкой грожу: «Отстаньте, не шатайте [стол], не толкайте скалку, не то не поедите пирогов». Перестали толкать, только сначала толкают, а как испортится корка, перестают толкать.

Раскатали, настряпали пирогов. Пшена я привезла немного из Вохтозера. Брат Савва дал пшена. Мама сварила пшено, настряпала пирогов.

Поели, попили, надо о свадьбе договориться. Договорились ('сделали') о свадьбе. Залоги по три рубля. Три рубля нам надо положить, три рубля они положат. А у мамы денег нет! Нет трех рублей денег. Пошла к Офоне; к тому самому, который стал моим батюшкой: «Дай три рубля [в долг], залог требуют, залогов кладем, надо свадьбу делать».

Офоня дал три рубля, за Офоней и оставили залогов. Сватали они перед рождеством. А от рождества до василия неделя. Я поехала на васильев день уже просватана, я уже невеста.

Мама не хочет делать свадьбу, а я . . . делать надо: за Кузьму, в Нелгомозеро я пойду замуж. А дело это после рождества, по до крещения не венчают. До крещения еще недели две: до василия неделя да до крещения пять дней, это время мне надо быть невестой. Все-таки договорились на счет свадьбы: по три рубля залог сделали. По три рубля залог.

Со стороны невесты поехали с приказом, поехали мама и брат, человек, наверно, полдесятка было, если не больше, на лошадях поехали. Там прибавили залог до пятнадцати рублей. (Мама должна была положить половину, вторую половину [залога] там потребовали: та сторона потребовала, что надо прибавить залог, прибавили, стали залогов по пятнадцать рублей).

Вернулись домой: свадьбу сыграем. Теперь не расторгнется, раз залогов даны, никуда не денется, пятнадцать рублей с одной стороны, пятнадцать с другой!

Только приехали с приказа, скоро свадьба, скоро поезжане будут, является Вася Офонин. Я забралась на печку, на печке лежу. Вошел в дверь: «Господи, помилуй, остальные молитвы впридачу. (Это муж мой [пришел]). Свадьбу устраиваешь, Христиановна?».

А мать отвечает: «Свадьбу, Васенька, свадьбу, ведь девушка она (а мне уже двадцать два года, двадцать третий), девушка ведь она, надо устраивать». — «Будешь ли за меня выдавать дочь, я пришел сватать?». — «Опоздал уже, Васенька. У меня двадцать

пять рублей отдано в залог, а всего две коровы в хлеву, одну корову, говорит, надо продать на залоги да на свадьбу, вторую корову дочери отдать. А я, говорит, с сыновьями, с детьми, без коровы не останусь. Опоздал уже».

Вытащил тут бумажник из кармана и швырнул двадцать пять рублей: «Вот залог! Еще надо или хватит?».

Мама смотрит: «На залог-то хватит, но надо у Настой спросить, куда она пойдет».

А мне так не хочется выйти за Васю! За старого холостяка не пошла бы, за Кузьму вышла бы! А что я скажу, у меня спрашивают: «Куда выйдешь?». Я сказала: «Куда мама выдаст, туда и пойду». Только и сказала: «Куда мама выдаст». Куда-нибудь теперь выйти надо. Только это и сказала. Тут быстро позвали деверя. Позвали деверя. Пеша, деверь, запряг лошадь и повез залог возвращать, что, мол, не приезжайте за невестой, свадьба у моего брата будет; поехал в Нелгомозеро свадьбу расторгать, поехал туда расстраивать свадьбу. А [они] все равно приехали!

Был петров день, это праздник в Лахте. На трех лошадях приехали, по три человека на лошади, всего девять человек. Когда едут и свадьба не расстроена, то едут с бубенцами, с колокольчиками под дугой, а тут колокольчики под зад положены, под сидения.

Заехали во двор к Матти, а мне не терпится посмотреть: придут [они] к нам или нет. Говорили, что в тот вечер, когда расстроили свадьбу, они сказали, что все равно, мол, приедем, что все равно возьмем, хотя украдкой, но возьмем. Так Кузьма хотел меня взять [в жены]! Смотрю я в окошко: приехали! Приехали на трех лошадях и остановились во дворе соседнего дома, но без колокольчиков. Идут к нам всей артелью, человек девять.

А в ту зиму у нас шли лесозаготовки, постояльцев было много, постелей было в большом углу полно разостлано; люди спали даже у входа, а я спала на голбце.

Вошли и давай маму ругать: «Чего ты натворила, зачем свадьбу расстроила? Что тебя заставило свадьбу расстроить? Мы все равно ее возьмем», — говорят. А жених подошел к голбцу, где я лежу: «Вставай, Настой, одевайся, поедем венчаться! Вставай!». Я говорю: «Как теперь встанешь, теперь мне плохо вставать». Он шепчет: «Вставай!». Мама говорит: «Теперь на этом кончено, теперь расторгнута свадьба, в свою деревню выдали».

Они пошли сватать в соседний дом. Там Олэй была. . . . . (Не знаю, правда или нет, этого я не знаю, хотя может и попусту смеялись, но [над ней] смеялись, говорили будто она нехорошо вела себя с парнями.) Пошли свататься к Олэй. Коли пошли к к Олэй, я думаю, увижу еще Кузьму; встала, оделась и пошла туда, на сватовство.

А раз Кузьма жених Олэй, он не может меня вызвать на разговор. А Павлой Моторин был его брат. Павлой пригласил меня

посидеть [и начал разговор]: «Поезжай-ка с Кузьмой, он не возьмет Олэй, тебя возьмет, или оденься да поезжай с Кузьмой, поедете к венцу, повенчаетесь, поезжай с Кузьмой».

Я обещаю поехать: «Поеду, поеду!». А с Васей Офониным уже залоги отданы. «Поеду, — говорю я, — тут останутся». Пришла я домой. А петров день как раз в Лахте праздник. Пришла домой, занесла одежду в боковушку (боковушка у нас была, на окнах стеклов не было, досками были забиты. Думаю, что сниму доску с окна, в окно выпрыгну прямо в сани и поедем с Кузьмой венчаться). Отнесла я одежду в другую избу.

[В это время] из Вохтозера приехали люди, приехал Мийккулан Оннэй, если бы Оннэй не приехал, я бы в Нелгомозеро уехала. Мийккулан Оннэй зашел к нам, и другие тоже пришли. А у матери только теперь, днем, печка топится, тогда как из Вохтозера уже ехали на праздник, на петров день.

«Что же здесь, в свадебном доме, так поздно встали, почему, говорит, еще только все печка топится. Должно быть, уже настряпано!». Мама отвечает: «Да, дорогой Онни, топится; сваты, видишь ли приходили, и мы хотели в свою деревню свадьбу устроить, но видно, все равно она уйдет в Нелгомозеро».

Оннэй как встрепенется: «Пойдет ли, — говорит, — схватим за косу, косу вокруг руки намотаем — никуда она не пойдет, в Нелгомозеро не пойдет! Одевайся, говорит, да ступай в сани! Собирайся на праздник в Лахту!». (Это мне-то).

А я — одежду уже отнесла в боковую избу. Пальто и шаль уже в боковушке; оставалось лишь пальто надеть и шаль накинуть, и выпрыгнула бы в окно да и села бы в санки.

Я принесла одежду из боковушки и оделась. Запрягли лошадь. Мама поставила чай, попили чаю и [отправились] на праздник в Лахту. Приехали мы в Лахту, Нелгомозерские сваты следом приехали туда.

Раз уж следом приехали: «Теперь я в Нелгомозеро пойду. Пойду, пойду». Там тетя Олэй, жена Семена, тоже помешала мне. Мы пришли к жене Семена, только чай стали пить, и Кузьма к ним пришел, вслед за мной пришел, дескать, на улице гуляют да парочками ходят; а в петров день на улице холодно, вот и зашел он. Выпил стакан чаю, а мне все время: «Пойдем, пойдем гулять!».

А я думаю: «Пойду с тобой или нет, все равно разлучат нас с тобой, в свою деревню выдадут». Ушел он из избы.

А тетя Олэй как начала меня ругать: «Ты что! Хочешь выйти за такого парня! (Парень-то он был небольшой ростом, на вид хорош, да только ростом мал: чуйка почти касалась земли). За такого бычка хочешь выйти: выходи уж за Васю Офонина, такая родня хорошая да славная, а в Нелгомозеро и не думай выходить! За Васю Офонина надо выйти, за Васю Офонина!».

А мне это в голову запало, думаю: «Ладно, не пойду [за Кузьму], надо послушаться, раз так советуют за Васю Офонина. Пусть хоть

старый, хоть какой, не пойду [в Нелгомозеро]». День проходит, меня все зовут. Я говорю: «Ладно, пусть стемнеется, вечером устроят вечеринку». (Я еще за нос вожу его). Поужинав, пошли к Лаури на вечеринку. Все время спрашивает: «Пойдем, пойдем». Напоследок сказала: «Не пойду, не будет с меня товарища, поезжайте куда хотите, а я маму плакать не заставлю. Раз выдает мама в свою деревню, в свою и выйду, хоть и старый жених. Ну и пусть». Отказала я ему, наконец, и уехали они.

Потом они пошли сватать Олэй, но не взяли ее; Олэй очень хотела выйти замуж, но не взяли. Тут рядом она и жила, эта Матейн Олэй. Вот такова была моя свадьба, длинная. Три жениха, три жениха хотели взять, хотя и была девушка не ахти какая, но женихов хватало! Сначала хотели в Руочарви свадьбу сделать, потом в Нелгомозеро, напоследок в свою деревню устроили, в свою деревню надо было выйти. Вот так дела были у меня.

Танцы ('игры')

Из танцев [танцевали] кадрили, ланси, ристукондру. Ристукондру тоже в Суоярви танцевали, а потом и у нас стали. Вот такие танцы.

Как придешь на вечеринку, сначала соудин. Соудин надо водить: ходили по полу. Парень начинает соудин водить, затем девушка должна приглашать парня; кого пригласит, тот в этот вечер будет тебе парой, вроде ты любишь его. Тот парень приглашает тебя на соудин.

Как поводят соудин, начнут танцевать, долги выплачивать. Если тебя пригласят на соудин, то это тебе вроде долга. Долг этот платят те, кто свободен, все время танцуют, а кто в паре, те сидят на лавках, парень и девушка сидят на лавках, таковы вечеринки [беседы].

А летом, когда ярмарка, тогда на улице [танцуют]. В Симеонов день в Олькойле была ярмарка, а на второй день праздновали здесь, в этой деревне, в погосте, это на другой день Симеон. Два дня праздновали одинаково, как в первый день праздновали Симеон, так и следующий день. Если не было спешно, никто никуда не уходил, два дня праздновали Симеонов день.

Вот и выдали меня за старого парня в свою деревню. Больше слова вымолвить волюшки не давали. Три дома и было на одном ряду, так через дом меня выдали, я жила на одном конце деревни, а вышла на другой. Новый дом был уже построен, уже сруб был поднят, но не было обделано, не обделан еще был, ни печей, ни окон, ничего не было, только сруб, одни стены были. Уже после того, как я вышла замуж, доделали дом.

А вообще, хотя Вася Офонин был жених старый, он все-таки был неплохой, вино пил, пьющий был, но не скандальный. Такой славы за ним не водилось, что он непутевый, не было такого. От-

служил солдатчину. [А что там было], этого я не знаю, пусть там что угодно было.

Семья [у них] была большая. Делиться собирались, раздоры, раздоры были в семье. Младший брат раньше женился. Когда я пришла к ним, у младшего брата уже, по-моему, пятеро ребят было: один Окки, второй Пеша, третий . . . Паша, Егор, Маппи. Уже пятеро ребят было, когда я вышла замуж.

Ну а потом стали говорить, Вася, мой муж, парень он хотя и был старый, начал говорить, что такую семью кормить не будем, разделимся. После того, как я вышла замуж, десять недель прожили вместе и разделились. Папа и мама, батюшка и матушка пошли с нами, четыре человека стала семья. А деверь, брат, остался со своей семьей. Нас поселили в боковушку, печка по-черному топилась, а новый дом был не обделан, изба была курная, брата в боковушку, а нас в курную избу ('в черную печку'). Мама не пошла в боковушку. В боковушке была по-белому топящаяся печка, но изба была небольшая.

Потом достроили новый дом, новый дом при разделе достался Василию, старшему брату, а старый дом с пристройкой младшему брату. Тут новый дом достроили и перешли туда жить.

Повенчались, да прошли князевые ('поздравительные') столы и прочее, а потом отгостки. А дело было в своей деревне, так что далеко в гости не надо было ходить, в своем доме лишь переночевали.

Дары

Замуж как выходишь, хоть я либо другие, дары нужны были; такая была тогда мода. Кто был побогаче, тем надо было больше даров, кто беднее — меньше.

Мы хотя и были бедные, даров надо было дать двадцать пять штук: пять платьев, по десять аршин материи на платье, пятьдесят аршин надо было на платья, и другое там: рубашки, да на рукава два аршина, да станушки расписанные. Пять полотенец надо было узорных.

Прежде девушкам не приходилось сложа руки сидеть ('держат голову на растопках'). Сначала надо было холстов наткать, а потом вышить; много надо было даров приготовить.

Прошла моя свадьба; двадцать пять подарков надо было. Дарят стороне жениха ('в сторону жениха'). Для своей [будущей] семьи пошло: батюшке — рубашка и лента ('холст для дружка'); деверю — рубашка и лента дружка; невестке — платье и сорочка; матушке — платье и сорочка; да девочке надо было платье, хотя она была небольшая, на ее платье шесть аршин, десяти не надо было, а на платье других по десять аршин.

Да еще другим дары нужны были: в Лахте жила золовка — той платье; мужу золовки — рубашку и ленту дружки. На дары родне мужа ушло тридцать подарков. Сторона девушки приносит

дары; девушке приносят, а дарят родне жениха. Отца не было, а мама была бедная дарильщица; свадьбу устроили большую, самим, конечно, столько нельзя было купить: попробуй-ка выложить двадцать пять подарков, так родня нанесла, если бы не родня, столько бы не купить. Платье считалось за штуку, сорочка — штука, так считали дары; станушки, рукава к станушке, вышитые, с вышитым подолом станушки тоже считались за штуку. Даров у меня ушло двадцать пять штук. Во время рукобития, когда договариваются о свадьбе, тогда и на счет даров договорятся. Когда мама сказала: «Нельзя, Васенька, играть свадьбу, нельзя. Только один залог [пропал]». (Два залога пропали у меня; один залог в пять рублей отдали в Руочарви, тот туда и пропал. Пришли нелгомозерские: «Двадцать пять рублей надо залога, чтобы не расторгли»). А денег у мамы нет. Так она к Офоне пошла (он батюшкой мне стал). Залог требуют, а денег нет, так Офоня, отец [батюшка] дал денег. Мама заплатила залог.

Когда пришел Вася, муж-то мой, мама и говорит: «Нет, Васенька, теперь мне, если свадьбу делать да залог платить, надо одну корову продать, а вторую дочери отдать. А у меня всего две коровы. Опоздал теперь, ничего у тебя не выйдет со свадьбой: кому предназначено свече гореть, для того и сгорит.» Вытащил он кошелек из кармана, бросил деньги на стол, тридцать рублей, по-моему, тридцать, уже точно не помню, но больше залога было, а залог был двадцать пять рублей. «Еще надо или хватит?» — спрашивает у мамы, муж-то мой.

Мама смотрит на деньги [и говорит]: «Сколько у тебя здесь денег?» — «Сосчитай! Сосчитай сколько!». Мама смотрит: тридцать рублей. — «Двадцать пять рублей выкуп, тут пять рублей лишнего». Еще десять рублей подбросил: «На! Начинай свадьбу готовить! Только никому не говори, что я больше залога дал».

Залог — плата обязательная, а сколько сверх залога — семье не надо говорить. Стал он тут сватать [меня]. Он помог. . . ведь он торговал. Закупит рыбы в Сямозере и в городе продаст эту рыбу, да привезет оттуда муки, пшена, ржаной муки, пшеничной и продаст в свою деревню. В городе купит оптом подешевле, а народу продаст подороже. Поэтому хорошо и жили. Дома они жили справно: пять коров имели, шестую я привела, а у нас было две коровы; у мамы осталась одна корова, вторую мне отдала. Когда я выходила замуж, бедная была девушка, а все же когда на выданье была, на хорошем счету держали, на хорошем, нечего греха наговаривать, пустого нечего говорить.

В Суоярви тоже пятнадцать штук даров ушло; туда немного. А мне надо было сорок штук. В Суоярви не по-нашему прошла свадьба, быстро прошла. А так, если выйдет девушка замуж хотя бы в Суоярви, по-нашему играли свадьбу. Волосы расчешут, заплетут на две косы, повойник на голову, повойник шьют уже заранее из кумача, без всяких узоров, красный повойник на голову одевают.

Привели [жениха и невесту] в избу, поставили их за стол, поклонялись вот так и не поздравляли, и никто [к ним] не подходил, с этим и вышли из-за стола и сели есть. Как вышли из-за стола, посидели немного на лавке, приготовили еду, поставили два стола друг за другом, накрыли и сели есть.

Даров мало ушло, тут пока что не давали даров. Дары дали, когда мы приехали, как только мы, провожатые, пришли, тогда дали дары свату, сватье и золовкам. Золовок было пятеро: одна была замужем, четверо девушек, а девушкам надо было кому два аршина, кому три. Настой была в Огожах замужем, так ей, замужней, подарили платье, десять аршин. Приготовили пить-есть, поели-попили и людей положили спать.

В доме жениха

Утром молодых будят, матушка будит. Это дело не провожающих, а матушки, матушка будит. Мать мужа должна будить.

Пока баня топится, покушают, попьют, той порой и баня будет готова, и идут в баню. Сходят в баню, а потом погуляют, лошади запряжены у бани. Садятся на санки и катаются ('гуляют').

До бани завтракают, потом пока в бане моются да гуляют, той порой и обед подоспеет. Уже обед, еда готова, вроде как обедают. Второй раз принесут еду и питье, и провожающие тогда отправляются по домам, а молодые тут остаются. Пройдет три ночи, тогда молодые идут в отгостки.

По возвращении от венца

Как только приедут [молодые] с венчания, первым делом на печку, потом приносят [им] попить. (Как только разденешься, жениха и княгиню сажает на печку, полезай на печку и сиди). Посидишь рядышком немного, пока самовар вскипит да на стол подадут, там, на печке; так хорошо сидеть. После того, как мы съездили сюда, в Вохтозеро, венчаться, пришли к Офоне, а у них печка по-черному топилась, двери надо было держать открытыми, а у нас, хотя и были мы бедные, так печь была белая, не выходил дым на избу, а у Офони по-черному топилась, дверь надо было держать распахнутой.

Как пришли мы, двери открыты: оладьи и пироги пекут, труба открыта, в избе холодно, холодно. Мы пальто сняли да на печку и сидим там. Хотя и дымно было немного, да ничего, зато тепло было, посидели, пока стол накроют. Потом трубу и дверь закрыли, стало тепло.

На печку первым делом подали попить; подают молока либо ягодного соку; ягод, сок от ягод дают, чтобы дети стали румяные, а молока — чтобы дети родились белые [белолицые]. Сперва поят ягодным соком, сначала я пью, потом жених, три раза я пью, и

жених пьет. Потом дают молока; там, на печке, сидишь и пьешь. Пирогов на печку не подавали, только пить дают после венчания, сначала молока, чтобы дети родились белолицые, а потом ягод подадут, чтобы дети родились румяные; такая была примета раньше, когда молодые находятся на печке, подают молока и ягод.

Вот еда уже на столе, как посидим немного на печке, садимся есть и пить. Едим и пьем, потом за один стол, за один присест и чай подают. Поедим, поьем, со стола уберут еду, снова расстилают скатерти, [на стол кладут] хлеб, на хлеб икону, и молодые идут за стол.

Тут подходят поздравлять: деньги кладут на тарелку, поднимают хлеб с иконой — благословляют. Во время поздравления вина нет на столе, нет вина. Князевой стол, ведь у нас был князевой стол; потом мы вышли из-за стола и встали под воронец, вот тут вино было. Принесли маленький столик, поставили бутылку вина и рюмочки на стол, потом чокались, пили, с молодыми чокались, пили лишь те за князевым столом, кто подходил поздравлять, родня.

А когда смотрят молодую, то молодые стоят за столом в большом углу, вина тут нет. . . не пьют вина во время величания. На старинной свадьбе не было вина, не было, лишь во время еды. Тут они уже пьяные, галдят, уже под хмельком свадебный народ.

Как только приходят с венчания, уже в руке наготове держишь серебряную монетку, и только через порог ступишь, бросаешь монету на печку, так что звякнет. У нас колпака не было, черная печка была, дым шел в избу. Я бросила монету на печку, только зазвенела; велят бросить, когда приезжаешь с венца. Не помню, пятнадцатикопеечная или двухгривенная была монета, этого не помню, но монета была серебряная.

Как поели, попили, накрыли стол, устраивают поздравительные смотрины невесты, тут уж колотят по полкам, берут в руки что попадет: кто растопку, кто что берет, тут как начнут колотить и кричать: «Хороша молодуха, хороша молода, хороша молодуха!».

А сажки насыпалось — боже упаси! У меня был ярко желтый шелковый платок, так весь платок был в саже. И по всей избе — полно [сажи]. Сажка, что покрупнее, выпадает вниз, а изба, как в дыму. Столько сажки выколотили! Черная печка была у Офона. Так вот и выдали меня со скрипом, против воли ('в насилу').

Еще про дары

Как вернутся жених да невеста с венчания, княгиня должна на крючок повесить самое лучшее полотенце. Это для матушки, матушка берет то полотенце. Невеста вешает полотенце на вешалку, что на стене, а у печки крючок для тряпки, чтобы руки вытирать и сюда тоже надо повесить самое лучшее полотенце для матушки, матушка возьмет его и уберет. Да прочие дары надо дарить свадеб-

ному народу: золовкам, деверям, дядюшкам, женам дядюшек, тетушкам — всем надо дать подарки.

Если про свою свадьбу говорить, то у меня, у бедного человека, ушло тридцать пять штук, а за штуку считали: рубашка — штука, сорочка — штука, по-моему, восемь платьев ушло, десять аршин на платье. У нас, конечно, столько бы не вышло ни платьев, ни товару, а жених купил. Жених съездил в Лахту, вечером подъехал к нашему дому на лошади и привез три куска, дал маме: «Вот дары, говорит, отмеряй да режь». Маме это хорошо было, [он] наготово купил дары.

Ему далеко ездить не надо было, раз в своей деревне дело было; в сумерках вечером подъехал на лошади к нам и принес куски в избу, маме осталось лишь разрезать. А мы, конечно, не смогли бы дарить, мы были бедные, не смогли бы дарить, а как привез наготово. . . Ездил в Лахту сестру приглашать на свадьбу, а там, в Лахте, был купец Васюкки Олексеев, он торговал, у него взял три куска материи и к нам привез.

Тут маме хорошо было дарить, сколько просили, столько и дарила; платья, семь платьев, десять аршин на платье. . .

На дверную скобу во дворе надо было повесить вышитое полотенце, чтобы узоры были хотя бы такие, хорошие узоры. Это для коровы, корову пока не привели, а чтобы корову привести [в хлев], надо было повесить полотенце. Была такая мода, была.

А как зайдешь в избу, первым делом на крючок, где тряпку для рук держат, надо полотенце повесить, для матушки полотенце. А в хлев некоторые завязывали, а некоторые нет. Сначала была эта мода, а потом уже не было такой моды, чтобы, приводя корову, полотенце завязать. Мы завязали. Жена дяди была из Вохтозера, она велела по старой моде. А потом эта мода кончилась.

Народ поучает

Моя свадьба была длинная: начали, когда я приехала с рождества, тогда и сваты приехали. Тогда и начали готовить свадьбу. Три недели до петрова дня, петров день был в среду, а в воскресенье ходили венчаться; больше трех недель тянулась.

В это время я сходила на кладбище. Отец умер, а мама была живая. Сходили на кладбище; дорога была вдоль берега, а мы все же [по снегу] брели. Помянули там [отца], в то время я еще причитывать не умела, следом повторяла причитание. Там помянули, да от покойника берешь благословение: благослови в новую жизнь, в новую жизнь ухожу.

Это так подсказали [делать] не одной мне, а всем так. Это обязательно, ведь вроде как новую жизнь начинаешь, ведь в другой дом уходишь; ведь раньше говорили: в чужом ('в другом') доме по-другому двери скрипят ('воют'), по-другому ворота визжат, по-другому воду носят, не как дома воду носят. Но двери и ворота

одинаково открываются, просто так к слову приходится, ведь в чужой дом уходишь. Вступив в чужой дом, ты ничего не знаешь, что делать, с чего начать, каждую работу надо спрашивать.

Первые работы

До шести недель матушка будит каждое утро, и хотя уже проснулась, все равно лежишь в постели: пусть придет будить. Будит: «Невестка, вставай!». Встанешь, умоешься, завтрак ('еда') уже готов. «Садитесь, ешьте!». Позавтракаешь. «Что теперь делать? Мыть ли посуду или что делать?». Иногда велит посуду, чашки вымыть: «Вымой посуду и чашки». Умоешься.

Затем для первой работы даст лен. Первым делом — лен в прялку: умеет ли молодуха лен прясть или не умеет. Сначала льна принесет: «Вот пучок, распуши, растяни, сделай куделю, пряди лен». Умеешь нитченки прясть или нет. Уже как пройдет свадьба и первые ночи, провожатые уедут домой, после венчания на третий день они уезжают. В тот день принесет [матушка] пучок льна: сделай куделю и пряди нитченки. Если раньше не приходилось прясть, тут уж попрядешь; умеешь ли нитченки прясть.

Как проснешься утром, умоешься, остается лишь позавтракать, сесть за стол, принесет [матушка] муки (раньше были из бересты лукошки сделаны), принесет лукошко с мукой: «Вот мука!». Тут сама и думай [что делать], как стряпать! А [до свадьбы] подсказывали, что как [матушка] принесет муку, опусти руки в муку, пусть запачкаются руки в муке; тут сама и думай, как жить и как стряпать.

Опустишь руку в муку, запачкаются руки в муке, вытрешь вот так, потом [садишься] купать, так что самым первым делом надо опустить руки в муку. Лукошки эти большие, из бересты сделаны. Принесет лукошко, положит: «Вот тут твоя жизнь! Сумеешь жить — живи!». Не скажет, что опусти руки в муку, но заранее подсказали это, каждая так поступала. «Вот твоя жизнь, сумеешь жить — живи! Вот тут мука!». Опустишь руки в муку, вытряхнешь муку с рук, и тогда уберут муку, уберут. Первым делом руки надо было опустить в муку.

А потом, как поешь да попьешь, в тот день почти ничего больше не заставляют делать, не дают [работы]. А на другой день дадут шерсти. Самое первое дело — шерсти в прялку. Умеешь ли шерсть прясть или не умеешь. И когда прядешь шерсть, есть одна примета: во-первых, что жизнь будет счастливая, если прядешь шерсть, счастливее будешь, а, во-вторых, примечали, умеешь ли ты шерсть прясть или не умеешь, какую [нитку] спрядешь. В девушках, конечно, не умеешь, некоторые не умеют. А мы, как были крестьяне, так не только для себя приходилось шерсть прясть, но и для чужих прядли шерсть.

Принесет мама, матушка, короб шерсти, прялку и веретено: «Вот тебе, невестка, работа, приступай к этой работе». Обработать шерсть, прясть — будто счастье будет лучше, счастливее будешь. Обработка шерсти — первое дело. А потом привыкнешь, попрядешь. Немного шерсти. Если короб не очень большой и велит все спрясть, так спрядешь, но за один присест нельзя, а постепенно; а если побольше, так сама допрядет. Немного попрядешь: «Вот мои нитки, я напярла». Таково было прежде замуж выходить. Сначала руки опустить в муку, потом шерсть прясть; руки надо опустить в муку до чаепития. Муку стряхнешь с рук, садишься за стол, поешь, попьешь, прялка с шерстью уже готова, пряди шерсть.

Ходили ли за водой? Как попрядешь шерсти, приготовят обед. Накормят обедом, потом за водой: «Молодые, идите принесите воды!». Идешь вдвоем. Шайка там на проруби. Начерпаешь ушат, муж спереди, жена сзади, начнешь нести воду. Придут и опрокинут ушат; озорничают, ни капельки воды не останется, на дороге выльют ушат, снова идешь [на прорубь].

Придешь снова, начерпаешь ушат, ждут, когда уже за вторым пойдем. Говоришь [им]: «Не надо выливать второго ушата! Хватит с одного! Ведь одна молодуха в дом пришла, не была же она посмешищем, хватит с одного ушата!». Посторонятся, больше не выливают, а не то вылили бы и второй и третий. В этом отношении я была смелая, говорила [им]: «Хватит с одного ушата! Я же единственная была молодуха, которая в дом пришла, надо мной же не надсмехались. Второго ушата не надо выливать, хватит с одного!».

Принесли ушат воды в избу и перестали носить. А воду, ушат-то воды принести первым делом заставляют. Немного заставляют носить, но ушат воды принести надо, есть такая примета: сумеем ли мы носить или нет.

Я же в доме у Офони работала, в девушках чужую работу делала у Офони: сено косила, жала, лен мяла, в ригачах молотила, круглый год, всякую работу! (Смотри-ка, как дождит, только что солнце светило, а вон как хлещет!).

Был брат, младший, а женился раньше, старшим деверем стал, поскольку раньше женился, как пойдем в ригачу молотить, все говорил: «Настой надо взять в ригачу, если Настой провеет зерно, зерно в мякину не попадет, отделится от мякины». Я веяла хорошо, ловко веяла, зерно не падало в мякину. А как возьмут Олэй в ригачу (тут рядом жила девушка). «Олэй, — говорит, — если провеет, зерно в мякине будет». Все время это помню.

И стирку устраивали. Баня была на нашем берегу. Как загрязнится белье, соберут белье и кладут в бочку (раньше белье было холстяное), сверху накрывали постельником. Вот тут вроде была бы бочка, туда кладут лучины вокруг. На лучины расстилают постельник. «В него сыплют золу, в постельник этот золу сыплют. Затем воду, начерпают туда воды.

У Офони очень большая была бочка: ушата три вмещалось воды. Белья было много, полная бочка белья.

Затем из крана поливают. Сначала чистая вода, а потом в эту золу льют воду. Опять льет, снова золу сыплет, туда уже щелок идет. Затем разводят огонь; когда на улице холодно, кипятили в бане, а когда тепло, на улице огонь горит, нагревают камни. В эту золу каленые камни опускают. Камней опускают до тех пор, пока до дна не нагреется вода, до тех пор не перестают опускать туда камни. Целыми днями кипятят. Сверху кипит, бурлит, где постельник с золой, на лучинах, тут лишь кипит, а щелок, воду спускают вниз туда из крана, внизу там еще холодная [вода], не нагрелась через белье: уж очень большая бочка белья. Снова камней накалят, снова камни опустят в бочку, снова спускают воду из крана, все время обливают водой, так до дна нагреется.

У Офони не спешили в тот же день стирать, оставляли нестиранным до утра в бочке, лишь утром доставали оттуда белье.

Про девичью славутность

Дед Матти умел немного колдовать; как выпустишь скотину в лес, иногда не вернется корова домой, так к нему ходили. Он говорил, что корова перешла через следы нечистого, надо «вернуть». Он ходил «возвращать», и корова находилась. Как только он наговорит, найдется [скотина]. До этого никак не могут найти: по две-три ночи находится в лесу, он умел немного насчет скота.

А как поднять девичью славутность, знала бабка Макарьевна, жена Матти. Она тоже немного умела с дочерьми. Рядом с нами жила в Эльмисярви, эльмисярвская была.

Как наступит крещение, между петровым и ивановым днем крещение, это самая сильная пора; перед ивановым днем в лесу, да еще на развилке дорог, где развилка трех дорог, берут вершинки березок; три по девять березовых вершинок надо взять, девять верхушек на одной развилке, девять на другой, девять на третьей. Потом в бане парятся, даже три раза.

Один раз, допустим, перед ивановым днем, второй раз перед петровым днем. И этот веник уносят в муравейник. Прут, которым веник завязан, там развяжут, веник ставят стоймя в муравейник, черенок втыкают, а верхушки сверху остаются. Пусть муравьи ходят по нему. А это хорошо, я тоже относил веник. Это хорошо, хорошо, неплохо это.

Они много кое-что умели, а мы ничего не умели, незнающие были. Вот маттилисто . . . если скотина осталась в лесу, так даже из других деревень приходили к дедушке Матти, он «возвращал» . . .

Как отнесешь веник в муравейник, развяжешь завязку, так он и останется, не берешь уже обратно, там остается, в муравейнике. Тем веником три раза парились: перед петровым днем, перед ива-

новым днем. Брали с полей трех хозяйств девять ржаных колосьев, три колоса с поля одного дома, три с другого, еще три с третьего, колосья с полей трех хозяйств. Эти девять колосьев кладут в веник, еще Иван-чай кладут туда. Есть ли теперь Иван-чай на дворе? Иван-чай тоже кладут в веник, девять колосьев [ржи] Иван-чая, три раза парятся в бане, потом уносят в муравейник, ручкой ставят в муравейник, веник развяжут, ручку в муравейник, листьями вверх, пусть там [находится]. . .

Заклинаний я не знаю, лишь велели отнести [веник] в муравейник; если бы знала слова, так сказала бы, но не знаю; не знаю, говорят что или нет, а в муравейник и я относила [веник]. И это дело неплохое, это хорошее, хорошее дело относить веник в муравейник, но относить надо лишь в тот муравейник, который находится по ту сторону изгороди, не внутри изгороди; в муравейник, который находится внутри изгороди, в тот не надо ставить, а в тот, который за завалом, ищи муравейник у обочины дороги по правую руку. Как выйдешь из дому, в муравейник, который по правой стороне, в тот и ставь. Это самое полезное дело для девичей славутности, да и для здоровья хорошо.

Да раньше не искали здоровья, девичью славу искали, ради здоровья так не носили бы [веники], а ради девичьей славы носили.

Еще про девичью баню

Девичью баню топят ('есть'). Топят баню девушки, приносят дрова; руками дрова не переломашь, нельзя руками переломать, [хотя так причитывают], топором перерублены. Я сама баню топила и сама причитывала. Да и сейчас помню, но не буду голосить, в другой половине смеяться будут, плач о девичьей бане длинный, я знаю его; если про все дрова причитывать, так длинный получится, ведь дров смотри [сколько]: «Не топили мы, горемычные, сосновыми дровами. . .». (Давай я тебе так перескажу):

Мы, угорелые, принесли верные весточки,
Что мы, золотокосые ('носительницы золотых кос')
Истопили парну баенку,
Последнюю при твоей баженой волюшке.
Мы топили [парну баенку]
Не бедовыми дровами, ольховыми:
Чтобы на судимой на сторонushке
Жизнь твоя была не бедовая.
Мы топили, горемычные,
Не дровами березовыми:
Чтобы на чужой безвестной сторонushке
Жизнь была без кручинушки.
Мы топили, горемычные,
Не дровами еловыми:

Чтобы на дальней на сторонushке
(Второй раз повторяю «кручинушку»).

Пошли мы, золотокосые,
В наши артелюшки,
Переплыли девять морей,
На десятое море.
На десятом море были Божьими ветрами пригнаны
Плавники [дрова] хорошие,
Принесли мы того хорошего плавника,
Наломали, горемычные, руками:
Пусть живетсЯ среди чужих людей радостнее.

Там, за этими девятью морями,
Были три самородных родничка,
С них принесли для твоей баженой волюшки
Веселой водицы.

На первом родничке были
Медные ковшички да крышечки положены.
Не брали мы веселой водицы с этого родничка:
Чтобы среди людей суженых жизнь твоя
Не была несчастная.
На втором родничке были
Серебряны ковшички да серебряны крышечки.
Не брали мы веселой водицы с этого родничка:
Чтобы жизнь твоя среди предназначенных людей
Не была полна заботы.
На третьем родничке были
Золотые ковшички да золотые крышечки.
Принесли мы с этого родничка веселой водицы,
Чтобы твое белое [лицо] мыть,
Пусть на чужой сторонushке.

Жизнь твоя будет радостная

Вот такие слова в причитании, когда устраивают баню.
Как начнет невеста собираться мыться, заходят в баню и девушки; вода приготовлена заранее, теплая вода; девушки моют лицо, затем невеста моется да парится, вот и девичья баня. Невеста всех приглашает [девушек]: «Пойдемте, пойдемте, умоете лицо, пойдемте со мной вместе, умоетесь!». «Ведь в любой деревне девушки дружно живут; так вот из-за хорошей, дружной жизни, так говорится. Если бы не дружно жили, делай как хочешь, зачем было бы звать, дружно девушки живут, хорошо, из-за этого и приглашают.

Смотрины места замужества

Место [замужества] ходили смотреть. Родня ходила [место смотреть]: пришли жена дяди, невестка Гриши, да родные дяди Пеша, и пошли с «приказом», это ходили с «приказом», уже нынешнему. Раньше говорили «место смотреть», а по-ливвиковски тоже «место смотреть», а [по-русски] с «приказом» ходили.

Вообще-то как живет Офоня, уже всем известно было, хотя и собрались дяди и жены дядюшек из Вохтозера. Он пригласил всех в гости, а там уж и осмотр места; это из всех дел самое важное, самое важное время: [смотрят] что дальше делать, как готовить свадьбу, вот это и есть «приказ», когда свадьбу решают устраивать. И от «приказа» продолжается свадьба. А если не договорятся (либо о дарах не придут к согласию, либо не захотят выдать, либо сторона жениха еще что-то требует), то тут во время «приказа» и расторгнут свадьбу: едут уже без колокольчиков под дугой — не будет свадьбы. А если будет свадьба — едут с колокольчи́ками, колокольчики под дугой, когда едут с «места».

Нам не надо было на лошадях ездить, потому что свадьба была уже окончательно решена ('закреплена'), но с Вохтозера приехали с колокольчиками, а расстояние тут — через дом (в свою деревню я вышла). Когда пошли меня брать [в дом мужа], лишь один дом пройти, чтобы до нас дойти.

По всей деревне приготовили солому, от их двора до нашего двора, по обе стороны дороги соломы запасли. Как пошли брать меня ('берущие'), тут солому зажгли. (А девичий стол есть, девушки сидят вокруг стола и песни поют). Тут так я даже прошла к окну в заднем углу посмотреть, как солома горит; посередине идут, эти «берущие», шагают.

У невестки моей, золовки, был на голове розовый шерстяной платок, первый раз надела, большой был платок, одинарной вязки, так три дырки прогорело в платке. Так сильно от соломы искры летели, искры — сплошь; остальная одежда не так искр боится, но у невестки три дырки прогорело в платке; только успевай смахивать [искры]! Все только и вспоминала.

До пожара не допустят. Поезжане пройдут и загасят огонь, затопчут солому в снег, чтобы погасло. Пожара не было, не допускают до пожара, хотя соломы у нас [горело] много.

А еще... на жениха надо посмотреть. Обручальное кольцо на руке у невесты (а у Васи не было кольца, у него еще было мое кольцо, у моего мужа). А у меня было два кольца: одно для меня, второе надо было мужу дать. Как начнут поезжане приближаться, надо посмотреть в окно через кольцо, через колечко надо посмотреть. Мне велели смотреть через кольцо.

Не знаю, почему велят смотреть через колечко, этой приметы я не знаю; говорят, будто бы муж лучше будет слушаться жену, раз видишь его через колечко, а ведь через кольцо немного про-

странства видно! Но идущие видны, смотришь здесь вот так, идущие и все видны; остальных видно или нет — неважно, а только жениха обязательно надо увидеть, его надо увидеть, через колечко надо посмотреть на жениха.

Посадили на подушку. Невестина подушка, которая пойдет ей в приданное, на ту самую подушку.

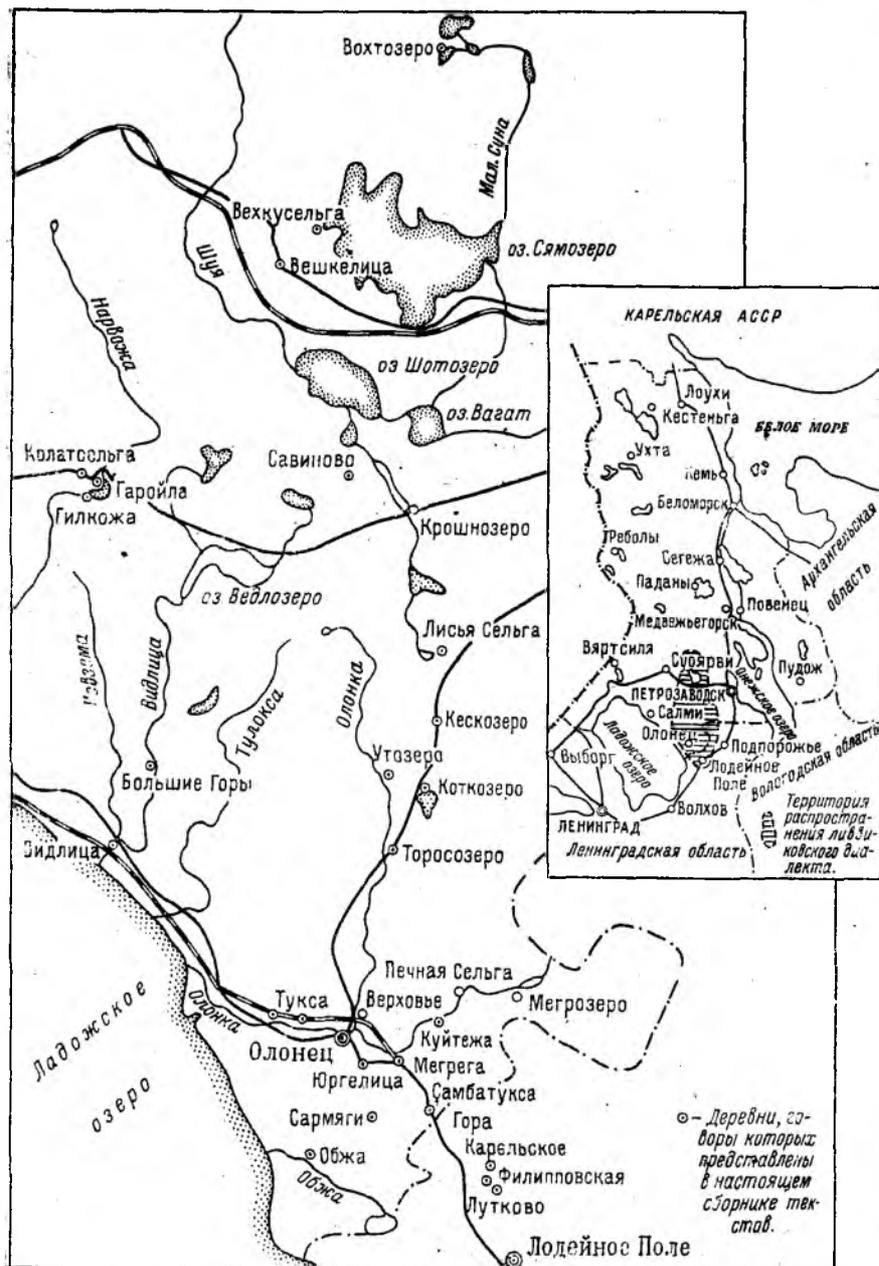
Когда прощальный [уводной] стол, тогда нет подушки, нет, пока невеста не будет «под рукой» у жениха. А как будет «под рукой» жениха, тогда сажают на подушку.

Как поедешь венчаться и приедешь из церкви, подушка уже готова, в большом углу на лавке, садись туда (это место невесты и жениха, на подушке). Подушки раньше были не такие, а большие, двухспальные, не четырехугольные [квадратные]. Таких квадратных ('четырехугольных') подушек раньше не было.

Сажают на подушку, за столом наготово уже лежит подушка, невестина подушка, не жениха, а невесты. Поедешь венчаться, так подушка в саях, венчаться когда едешь, подушка под задом. Там уже на сарае подушку берут наготово, собьют подушку, собьют, встряхнут, и уже подушка на лавке за столом, и как только разденешься, иди садись на подушку.

Как только придут за невестой да как выдадут, тут уж сторона невесты больше не касается, тут уже [власть] на стороне жениха, жених ведет; едешь венчаться, уже никого не пускают в середину и рядом, никого не пускают.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
И р е д и с л о в и е	3
ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ	
1. ruado rahvahale kaiken muan . . . . . К трудовому народу всей земли.	15 18
2. kui müö kasvatiimmo pelvastu . . . . . Как мы выращивали лен.	19 19
3. «miehel'e ma meiniin iče» . . . . . «Замуж вышла я сама»	20 20
4. kui ongel'e kävüin . . . . . Как я ходил на рыбалку	21 21
5. «meil omii lapsii iellon» . . . . . «У нас своих детей не было»	22 23
6. «ruvettih ottamah germanskule voinale...» . . . . . «[Когда] стали брать на германскую войну...»	24 25
7. torrun kel'e suo mes . . . . . Коробейники в Финляндии.	25 26
8. «minä sanon, kui müö provod'iimmo kañikuluw» . . . . . «Я расскажу, как мы проводили каникулы»	26 27
9. «el'än minä k a r d' a ž i s» . . . . . «Я живу [в деревне] Карельской»	27 28
10. барка да d'etka ištutettih nagrehen . . . . . Бабка и дедка посадили репку	28 28
11. voinan aigah . . . . . Во время войны	29 30
12. kui müö el'iimmö ennevahnas . . . . . Как мы жили в старину	31 31
13. «ištuw l'ikka laijal» . . . . . «Сидит девушка на краю [обрыва]»	32 33

	Стр.
14. «l'ähtiin minä l' ä k ö i l' ä h» «Отправилась я в Лякёйлю»	33
15. ästuškat Частушки	34
16. «pei-pei pezošto» «Гне-гне гнездышко»	37
17. «oi, kuldoiini, oi, kuldoiini» «Ой, миленок, ой, миленок»	38
18. «enperäi rjadin dvoral» «Раньше я работала на скотном дворе»	39
19. [i v a n u š k a -boranuška] [Иванушка-баранушка]	40
20. suaru hukkah niškoi Сказка про волка	43
21. suaru laškah tüttäreh näh Сказка про ленивую дочь	44
22. itkuvirzi: muamah nostattaw tütärdü Свадебный плач, когда мать будит дочь (невесту)	47
23. «kondian minä näin» «Я видела медведя»	49
24. «tules, dušoi, besodažeh» «Приходи, милый, на беседу»	50
25. «ištuw heidoi meren rannas» «Сидит девушка на берегу моря»	52
26. p e h k o t s e l' l' ä n niitule lapsen sain Я родила ребенка на позже в Пехкотсельга	54
27. «m a l' i g i n a n zavodu...» «Малигинский завод...»	56
28. minä näin kondiadu jälles voinea Я видела медведя после войны	59
29. «l'ähtiimmö müä ššenäh...» «Отправились мы за рыжиками...»	61
30. lapsile aijan menokse Образцы детского фольклора	63
31. «eigo kiältä, eigo käskiä» «Не унимают и не потекают»	65
32. sanampolvet, privutkat Пословицы, поговорки, иносказания	66
33. kui enne svuadbuu piättih Как раньше свадьбу играли	74
34. «el'etäh-ollah molodoit» «Живут-поживают молодые»	81
	84
	88
	89

	Стр.
35. [luvettelow omale ukole]	90
[Причитывает по своему мужу]	91
36. «reboi rihtü rikšuttaw»	92
«Лиса молотит в риге: тук-тук»	92
37. viizas saldattu	93
Хитрый солдат.	94
38. [itkõw tarpetule tuatole]	95
[Причитание-обращение к погибшему отцу]	96
39. lašku l a w r i	98
Ленивый Лаврентий	99
40. pualenüän itkuvirzi	101
Плач по матери в полночь	102
41. armiäh kaimuanduvirzi	103
Плач при проводах на солдатскую службу.	104
42. kui minä kirjäh opastuin	104
Как я научилась грамоте	105
43. midä minä näin vjstafkal	106
Что я видела на выставке	107
44. kül'ün l'ämmitändüvirzi	108
Причитание, когда топят баню для невесты	108
45. saldatakse kaimuanduvirzi	109
Причитание при проводах в солдаты	110
46. ialo minul itkijä äi kedä	110
Некому причитывать по мне	111
47. kui nagrištu kazvatiimmo	112
Как мы выращивали репу	115
48. «verkua luajimmo muga»	118
«Рыболовные сети мы делали так»	118
49. kasken guado	119
Работа на подсеке	120
50. brihačunnu meččiä piluamas	121
Мальчиком на лесозаготовках	121
51. paimoi i vedehiene	122
Пастух и водяной	124
52. arvaitukset	126
Загадки	127
53. mägräd'd'ärv en sananrovet da primietät	128
Мегрозерские пословицы и приметы	130
54. minä olen rod'inuh čil'miel'e	132
Я родилась в Чилмозере	133
55. mittumii pruazneikkoi pruaznuičiimmo	135
Какие праздники мы праздновали	135

	Стр.
56. «tuahes luajitah...»	136
«Иа бересты плетут...»	137
57. «l'ähtijn minä l' ä k ö i l' ä h...»	137
«Отпаравилась я в Лякёйлю...»	138
58. kui lastu baijutammo	138
Как баюкаем ребенка	138
59. «kis-kas, kažoini»	139
«Кис-кис, кошечка»	139
60. d'ied'oi ol'i meijän a n i k i j e w a k i m »	140
«Нашего дедушку звали Аникиев Аким»	141
61. «enne meijän sijas äijü ruattih meččäh»	142
«Раньше в наших местах много пашни готовили в лесу...»	145
62. [läzijän rist'ikanlan pagin]	149
[Монолог больной женщины]	151
63. «d'evätnatcatoil vuvvel...»	153
«В девятнадцатом году...»	154
64. puwtui nähtä eññistü tuttavua	156
Встреча со старым знакомым	157
65. suomelažet kotkatjärves	158
Финны в Коткозере	160
66. tiedohus virtütükses	162
Заговор от глаза	163
67. kronštatan vostañii	163
Кронштадское восстание	164
68. [l' en i n ä l' l' ü ö s m o l' n o i s]	166
[У Ленина в Смольном]	166
69. kui nahkua pieksetäh	167
Как выделывают кожу	168
70. oravis	171
За белками	171
71. kui enne veđoh kävüimmö	172
Как раньше мы на лесозаготовках работали	174
72. tuhkimus vedehizen smut't'i	177
Иван Тухкимус водяного обманул	177
73. bešodoi piettih kül'ül'öis	178
Вечеринки мы проводили в банях	179
74. bobul'i-briha sanö sänä	179
Парень-бобыль сказки рассказывает	180
75. minun eländäh näh	181
Про мою жизнь	182
76. kui mužikku kävüi suolah	183
Как мужик ездил за солью	184

	Стр.
77. hieruloin i peldoloin nimet	184
Названия деревень и полей	185
78. sanaparret	186
Пословицы и поговорки	188
79. primietät	192
Приметы	192
80. arvoitukset	193
Загадки	193
81. minä kačoin mel'liččē	194
Я смотрел за мельницей	194
82. kasken rādo	195
Работа на подсеке	196
83. nuotan püvvändü	197
Ловля неводом	198
84. omah elaiğah näh	198
Про свою жизнь	200
85. l a m m i n k a n g a h a n r a j o	202
Песня о Ламминкангас	203
86. i r o i , i m b i n e i d o i s u a b i s e r p o i l m o l ' l ' i z e n	204
Ирина, непорочная девушка, рождает кузнеца Илмоллинева	205
87. kui jordanua kül'biettih	206
Как в иордани купались	209
88. guaduo eččimäs	211
В поисках работы	212
89. orožan proŋbuindu	212
Пристрелка ружья	213
90. p e t r o s k o i l k ä u n d ü	213
Поездка в Петрозаводск	213
91. tuattah nevvow poigua elämäh	214
Отец учит сына жить	215
92. k i n d a h a n m u ž i k a t o h o t a l	216
Киндасовские мужики на охоте	217
93. abualoin nimet	217
Название тоней	218
94. primietät	218
Приметы	219
95. kui minä rajoloi luajin	220
Как я песни сочиняла	221
96. endine svuad'bo	221
Старинная карельская свадьба	249

Григорий Николаевич Макаров
Владимир Дмитриевич Рягов
ОБРАЗЦЫ КАРЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

*Утверждено к печати
Петрозаводским институтом языка,
литературы и истории*

Редактор издательства И. Н. Королева
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Г. А. Аухимович,
М. А. Горилас и Г. И. Яковлева

Сдано в набор 4/II 1969 г. Подписано к печати
28/XI 1969 г. РИСО АН СССР № 104-168В.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 8⁷/₈. Печ. л.
17³/₄=17.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.59.
Изд. № 3871. Тип. зак. № 13, М-61020. Бумага № 1.
Тираж 900. Цена 1 р. 96 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
73	Левый стлб., 10 сверху	l'ehten	rien
82	7 снизу	d'ieaua	d'ielua
98	12 сверху	kuwl evai.	kuwlevai.
142	18 снизу	ruatlih	ruattih
166	14 сверху	iudnas	sudnas
168	6 »	pkuašku	pluašku
171	2 »	rebboiselgü	reboiselgü
179	19 снизу	sānā	sārnā
187	Левый стлб., 13 сверху	lāske	laske
188	Правый стлб., 10 сверху	zizālis.	šizālis.
222	2 снизу	miel'dül_da	miel'düi_da

Г. Н. Макаров, В. Д. Рягов.